

Александра Лисина

Сердце Зандокара

4

На границе Четырех Королевств есть загадочное место, неподвластное никому из живых. Место дикое. Заповедное. Непознанное. Те, кто попадают туда, обратно не возвращаются. Те, кто лишь коснулся его границ, никогда уже не будут прежними. Пока оно дремлет под надежной охраной, Зандокар живет в счастливом неведении. Но стоит только его разбудить...

Александра Лисина

Сердце Зандокара

Часть 4. Избавление

В подземелье царила зловещая тишина. Здесь не было слышно шелеста книжных страниц, не раздавались ничьи голоса и почти не горел свет, кроме одинокого магического огонька под самым потолком: Хранилище пустовало.

В самом его центре, где огонек давал достаточно света, печальным памятником прошлому застыл опустевший бассейн. Белоснежные мраморные бортики местами почернели, будто на них недавно бушевало свирепое пламя, края плит раскрошились, рассыпались, сами борта заметно просели, словно им пришлось некогда выдержать немислимую тяжесть, по сухому дну разбежалась широкая сеть глубоких трещин, и только в середине виднелась сиротливая лужица — все, что осталось от могучего Водного Ключа. Пол вокруг бассейна оказался таким же потрескавшимся и резко состарившимся. Потолок ощутимо провис, будто его лишили надежной опоры. Искусно наложенной иллюзии, хранящей эту важную тайну, тоже не было. Близлежащие стеллажи покрылись копотью. Книжки валялись в беспорядке, многие из них просто сорвало порывом ураганного ветра, и теперь бесценные фолианты рассыпались по полу неопрытными горами. Видневшийся вдалеке стол покосился и некрасиво завалился набок, потому что насквозь прогоревшая ножка уже не могла выдерживать его немаленький вес. И потому, что следящий за порядком, неподкупный, надежно прикованный к Хранилищу страж куда-то бесследно исчез.

Лер Альварис, остановившись возле загубленного Источника, до боли сжал челюсти.

— Как это могло случиться?

Его тихий голос долгим эхом отдался в пустующем подземелье, обретя зловещий оттенок.

Викран дер Соллен, стоя за спиной учителя, неслышно вздохнул.

— Он сбежал.

— Без тебя вижу, — процедил директор, медленно оглядывая разгромленное Хранилище. — Как это случилось? Как он сумел отойти от Источника? Как узнал о НЕЙ и посмел скрыть это от меня?!

— Не знаю.

— Сколько она здесь пробыла?

Боевой маг провел ладонью по спинке Сонного Кресла и чуть наклонил голову, старательно впитывая слабый, едва уловимый аромат своей ученицы, оставшийся на выцветшей от времени ткани.

— Судя по следу ауры... не меньше месяца. Но, возможно, и больше.

— И ты не знал?!

— Никто не знал, лер: Марсо нас обманул.

— Значит, вот как она училась...

— Да, — кивнул мастер Викран. — Похоже, он натаскивал ее, никого не оповещая об этом. Иными словами, у нее был вовсе не один учитель. Она взяла от нас обоих все, что могла, и ловко использовала, чтобы сбежать.

— Как она вообще попала в Хранилище?!

— Метаморф, — по губам боевого мага скользнула слабая улыбка. — Судя по всему, это был метаморф. Он у нее удивительно умен.

Лер Альварис скрипнул зубами.

— Марсо доигрался — пора его окончательно развоплотить... ладно, что ты еще выяснил?

— Именно Марсо обучал Айру вплоть до самого последнего времени. Его стараниями она освоила технику создания порталов, двойную трансформацию, целительные заклятия, узнала об Охранных Сетях над островом...

— Еще бы. Марсо в свое время был самым молодым архимагом в Совете! Моложе даже, чем ты! Он сам строил эти Сети! И когда работал по заданию Ковена, и когда остался без тела... кому, как не ему, знать все их изъяны?! А уж сколько раз этот мерзавец пытался бежать... проклятый Источник! Он нашел-таки способ его поглотить!

— Вы знаете, как? — с любопытством покосился Викран дер Соллен.

— Да, — директор неприязненно дернул щекой. — Когда-то давно он создал себе персональный Источник. Природный. Выточил из цельного алмаза. Но сумел обработать его так, что тот сильно уменьшился в размерах, однако емкость при этом увеличил в несколько раз. Так что при определенном усилии и нужных навыках вполне возможно перевести силу одного Источника в другой. Что, собственно, и произошло: Ключ пуст, как колодец в пустыне, а вся его сила теперь сосредоточена в Источнике Марсо. Который этот мерзавец все-таки сумел себе вернуть.

Боевой маг удивленно повернулся.

— Алмаз? Что ж... если он изначально был велик, если его правильно обработать, задействовать пространственную магию и расширить до размеров... вполне возможно, что при определенных условиях в такой алмаз можно закачать целый Ключ. Но это потребует большой силы, знаний, мощной Охранной Сети, чтобы никого не насторожить... он не мог сделать это сам!

— Зато мог кого-то обучить.

— Айра?! — Викран дер Соллен ощутимо вздрогнул.

— А у тебя есть другие кандидаты? — язвительно отозвался лер Альварис, и маг ошарашенно моргнул.

— Но это же уровень не ученика! Даже не выпускника! Минимум, магистра!

— Вот именно, — хмуро подтвердил директор. — И мне очень интересно, как она так быстро до него добралась. Даже с учетом помощи Марсо. Потому что книги тут ничего не решают, а спокойно думать о том, что мы пропустили такой потенциал... не знаю, как ты, но я, например, не могу.

Боевой маг нахмурился.

— Книги? — он вдруг окинул задумчивым взглядом переполненные стеллажи, разбросанные по полу манускрипты, а потом чуть прищурил глаза. — Книг должно быть много... очень много.

— Подними все, чего он касался в последнее время, — сухо велел директор. — Все, чего касались они оба! Немедленно!

— Да, учитель.

Повинуясь короткому заклинанию поиска, от Охранителя во все стороны брызнули тонкие голубоватые ниточки, протянувшиеся во все концы Хранилища. Они стелились по каменному полу, слегка расцветивая воздух, извивались полупрозрачными змеями. Достигнув стеллажей, проворно поползли вверх, безошибочно отыскивая четкие следы аур удачливых беглецов и, наконец, заставили корешки книг ярко засветиться в полумраке

подземелья, бессовестно выдавая именно те, которыми успела воспользоваться Айра.

В доли секунды в Хранилище стало светло, будто ясным солнечным днем. Книг были десятки... сотни, если не больше! На каждой полке, на каждом из стеллажей предательски полыхали различными названиями многочисленные тома, которые опальный архимаг с готовностью приносил своей единственной ученице. Из-за яркого света маги непроизвольно прищурились, сперва не поверив своим глазам, но когда до них дошел весь смысл происходящего, лер Альварис глухо застонал:

— Марсо... когда же ты успел?! Когда успели они оба?!

Викран дер Соллен ошеломленно огляделся, медленно поворачиваясь вокруг своей оси, но книги светились и за его спиной, и по бокам, и сверху, и снизу... буквально везде! Даже в той куче, которая образовалась от бушевавшего здесь урагана (который, кстати, никто даже не почувствовал, потому что одна способная ученица каким-то чудом смогла удержать над ВСЕМ Хранилищем мощнейший Купол Молчания!), почти половина фолиантов испускала красноречивое голубоватое сияние, недвусмысленно намекая на то, что он здорово недооценил ее. Снова.

Правда, сейчас он не мог на нее злиться. Даже раздражаться уже не мог. Сейчас на его губах неожиданно заиграла такая странная улыбка, что лер Альварис, если бы только ее увидел, непременно взвился до небес.

— "Основы трансгрессии"... "Природные Источники"... "Преобразование энергий"... "Стихийная магия"... "Боевые заклинания"... "Ведение магических поединков"... "Управление Огнем"... "Особенности боевой трансформации"... "Осознание силы"... "Водная Стихия"... "Воздушные потоки"... "История Четырех Королевств"... "Занд, мифы и легенды"... "Собрание защитных заклинаний"... "Принципы построения Охранных Сетей"... "Боевая и Защитная магия"... "Основы Целительства"... "Атлас по Травологии"... "Пособие по боевой подготовке"... "Основы ведения магического боя в ограниченном пространстве"... "Схемы преобразования сил"... "Искусство создания порталов"... "Важнейшие формулы для стабилизации личных Щитов"... "Постижение Земли"... "Жизнеописания великих магов"... "Собрание эльфийских пророчеств"... "Управление даром"... "Глубинная концентрация"... "Законы сохранения сил"... "Свойства природных минералов"... "Пространственная магия, от простого к сложному"... "Основные правила вызова и удержания нематериальных существ"... "Практическая демонология"... "Споры о сущем"... — лер Альварис, с трудом оторвавшись от книг, пестрящих невысказанным многообразием названий, перевел неподвижный взор на ученика. — Викран... скажи, что я сплю!

Викран дер Соллен чуть опустил веки, чтобы не выдать себя горящими глазами, и медленно покачал головой.

— Я ошибся, учитель. Кажется, Айра провела здесь гораздо больше времени, чем один месяц. И теперь мне понятно, почему.

— Говори!

— Вчера я нашел в ее комнате учебники, — пояснил боевой маг. — В смысле, еще в той, старой комнате... в сундуке. На самом дне. Кто-то спрятал их, предварительно наложив заклятие Тени, чтобы не сразу нашли. Но она к ним ни разу не притронулась. Думаю, даже не знала, что они там есть. По крайней мере, ее следов на крышке я не нашел.

Директор резко обернулся.

— Ты узнал, кто это сделал?

— Да, — снова кивнул маг. — Неразумная троица из ее класса. Хотели пошутить, чтобы

Айра не смогла подготовиться к уроку и получила "неуд". Одна из девушек владеет неплохими навыками по созданию иллюзий, поэтому ей не составило труда обвести Ваилона вокруг пальца. Он ведь не маг, так что подвоха не заподозрил. Через несколько дней книги, разумеется, вернули, но Айра, судя по всему, об этом так и не узнала — в сундук она явно не заглядывала. А потом это стало не нужно: Марсо предоставил ей все необходимое.

— Необходимое?!!

— Ну... и еще многое сверх того, что входит в программу обучения. Чтобы одолеть защиту острова, обычного учебного материала ей бы не хватило, поэтому он обучил ее тому, что знал. И Источник был тоже его. Остальное они с метаморфом сделали сами.

— Проклятье! — лер Альварис прикрыл глаза. — Все это так не вовремя... хоть какой-нибудь след от нее остался?

— Нет, — покачал головой мастер Викран. — Последний портал они сделали максимально возможным по дальности. И наиболее стабильным, чтобы одним прыжком удалиться от нас на как можно большее расстояние и заодно отсечь возможную погоню. Учитывая ее способности и знания Марсо... а также то, что гроза стерла все следы... сейчас они могут быть в любом месте Лигерии. А то и в Карашэхе.

У директора неприятно сверкнули глаза.

— Марсо, надо думать, все рассчитал заранее. И прекрасно знал, что грозовой фронт спалит остаточные эманации воронки. Он, как и сто лет назад, умен, невероятно упрям, весьма предусмотрителен и поэтому же опасен. Его нужно вернуть. Или уничтожить. Не оставлять на свободе ни при каких условиях нельзя: с учетом его прошлого... — лер Альварис сжал зубы, чтобы не выругаться вслух. Несколько томительных минут стоял неподвижно, осмысливая всю глубину коварства бежавшего архимага и масштаб развязанной им войны, затем глубоко вздохнул и тихо добавил:

— Найди их, Викран. Найди и верни вместе с Источником. Я сам разберусь с предателем и сам закончу ее обучение. А теперь ступай: мне надо подумать. Ты свободен.

Боевой маг коротко поклонился, пряча внезапно изменившееся лицо, и быстро вышел.

Глава 1

Над зелеными верхушками леса мерно шелестел дождь. Небо потемнело, набухло свинцовыми тучами. По широким листьям неустанно стекали холодные капли влаги. Пышные кроны потяжелели, обвисли, мокрая трава ощутимо пригнулась. Земля под ногами неприятно хлюпала. По голым плечам струились целые ручейки, образуя внизу холодные лужицы, но Вэйр не обращал внимания — сидя на корточках возле могучей сосны, он внимательно слушал негромкое урчание крупного серого волка, устроившегося напротив и пристально смотрящего ему прямо в глаза.

"...нет, не видели, — качнул головой виар в ответ на расспросы юноши. — Шторм, если где и был, то явно не у наших берегов".

"А портал?"

"Какой еще портал?"

"Мы прошли сюда через портал, — пояснил Вэйр, слегка привыкнув к необычному собеседнику и к тому, что может с ним общаться мысленно. Правда, оборотень сказал, что это далеко не каждому дано и что многим приходится специально учиться, но он не чувствовал в себе ничего особенного. Просто получалось как-то и все... одним словом, магия, к которой он начал постепенно приспосабливаться. — Я его случайно сотворил и даже не помню, как именно это сделал".

Оборотень странно закашлялся.

"Ничего себе! Мало того, что ты нас вымочил до нитки и приятелей своих с палубы смыл, так еще портал создал непонятно куда, здорово рискуя вляпаться в одну из прибрежных скал!"

"Ну... я же не знал".

"Не знал он! — передразнил его виар. — Тебе еще повезло на нас наткнуться! И от Спящей Бухты на своих ногах уйти! А то сунулся бы в воду, и все — никакая магия бы уже не спасла!"

Вэйр нахмурился.

"Почему?"

"Балда! — пренебрежительно фыркнул волк. — Думаешь, к нам с моря так просто попасть? Спящая Бухта — чуть ли не единственное место, где к Сольвиару можно спокойно пристать! И по этой же причине ее охраняет Кракен! Понял, дурья твоя башка? Думаешь, Ковену надо, чтобы люди поняли, что их обманули?"

Юноша тихонько вздохнул: нет, он так не считал. И не хотел, чтобы жадные до всяких диковинок любопытные, наслушавшись сказок про загадочный Сольвиар, ринулись исследовать эти зеленые дебри. Хватит того, что у него самого сердце все еще тревожно екало, когда кто-то из виаров просто проходил мимо. А уж простые люди... пожалуй, Раг прав: незачем простым смертным знать, что виары выжили в той войне. И незачем им стремиться в Сольвиар, чтобы в этом наглядно убедиться. Не зря Ковен посадил здесь на стражу Кракена. Не зря сами виары так тщательно стерегут свои границы, отпугивая незваных гостей и преследуя самых бесстрашных вплоть до Белой Реки, заставляя их поверить, что древние ужасы все еще не оставили эти земли, и вынуждая держаться от них подальше. Пусть уж лучше о Сольвиаре и о море возле его берегов ходит недобрая слава, чем кто-нибудь действительно прознает правду. Пусть люди считают, что тут живут громадные

медведи, свирепые вепри, что здесь по-прежнему земля воюет сама с собой. Пусть думают про призраков прошлого. Пусть верят, что это неотомщенные духи виаров все еще хранят леса от чужаков. Что угодно — пусть. Лишь бы никто и никогда не узнал, что на самом деле создания Урриала не были беспощадно истреблены. И что древний Сольвиар все еще заботливо хранит своих странных детей от чужих посягательств.

Юноша вдруг нахмурился.

"А что вы делаете, если кто-то все же узнает о вас?"

Оборотень вместо ответа злорадно хохотнул и кровожадно сверкнул желтыми глазами, отчего взгляд Вэйра сам собой метнулся в сторону Даста и прижавшейся к нему Миры. Представил, что могло бы быть, если бы он не воспользовался магией, а разгоряченные погоней виары их все-таки нагнали, набросились и... он прикусил губу: нет. Друзей он никому не отдаст. Ни Даста, который смотрел на него сейчас крайне неодобрительно, ни Миру, в глазах которой то и дело метался неподдельный страх.

Вэйр непроизвольно сжал кулаки.

"Э-эй, не вздумай опять колдовать! — беспокойно заерзал Раг. — Не волнуйся: человечина нам не по вкусу. Я просто хотел сказать, что мы знаем, как отваживать всяких дураков и блаженных — чаще всего достаточно просто повить где-нибудь неподалеку".

"А если это не помогает?" — мрачно осведомился юноша.

"Ну... тогда приходится дожидаться ночи и гонять их под видом призраков. У нас тут пещерка одна есть, а в ней — мох с забавным свойством светиться в темноте. Если им намазаться, да морду скорчить пострашнее... у-у-ух! Как они тогда бегут! Никаких пинков не надо!"

"Что, если и это не поможет? Бывает, что они снова возвращаются?"

"Бывает, — неожиданно посерьезнел виар. — Бывает и так, что кто-то из наших вдруг оплошает и покажется в своем истинном виде"

"И что тогда?" — Вэйр заметно напрягся.

"Вот тогда и приходит черед магии, юный лер. Вот тогда нам приходится просить кого-то из твоих коллег, чтобы слегка подправили упрямам память. Убивать, разумеется, никого не убиваем... ну, кроме случаев, когда они сами на рожон прут и не желают угомониться... а потом переправляем к границе, чтобы поутру человек встал, потер затылок и потопал к дому, оставшись в твердой уверенности, что никаких оборотней здесь нет, ничего интересного на нашей территории — тоже. Что он зря сюда пришел и, вообще, дома осталась куча незаконченных дел, которыми надо срочно заняться".

Парень задумчиво кивнул.

"То есть, жизнь вы стараетесь им сохранить?"

"Конечно. Кому надо, чтобы сюда примчались мстить толпы обиженных родичей и принялись бы жечь все без разбору?"

Вэйр снова глянул в сторону Даста и без особой радости подметил, как тот сжал кулаки, будто почувствовав, о чем сейчас думает молодой маг.

"Что будет с нами? — наконец, тихо спросил юноша. — Со мной, моими друзьями?"

"Не знаю, — признался волк. — Я — просто дозорный, а решать этот вопрос станет Вожак".

"Где его найти?"

"Он сам тебя найдет, лер. А после решит, как поступить. Прежде у нас не случалось такого, чтобы в леса заходил маг вместе с непосвященными. К тому же,

незарегистрированный маг".

"Кто вам помогает из Ковена? — неожиданно спросил Вэйр. — К кому вы обращаетесь, когда нужно стереть чью-то память?"

Виар пожал плечами.

"По-разному. Обычно шлем весточку куда надо, а оттуда нам уже присылают помощника. Когда он все закончит, то возвращается восвояси, а людей мы усыпляем и возвращаем на границу".

"Из какого города приходят маги?"

"Говорю же: по-разному, — нетерпеливо помялся виар. — У нас своих-то городов нет, так что сюда присылают тех, кто на данный момент свободен. Магу же просто: если что понадобилось, то он хоть из Иандара придет. Пара-тройка порталов, и все — явился, не запылится. Если будет кто-то поближе, то пришлют его. Иногда из Карашэха, иногда из Лира... всякое бывало".

Вэйр пожевал травинку.

"А куда вы отправляете весточку? Есть какое-то определенное место, в которое вы всегда обращаетесь? Или кто-то конкретный, кто отвечает за вашу тайну?"

"Есть, — неохотно отозвался Раг. — Нас курирует один из членов Совета магов, что заседает в Лире. Но сам он редко приходит — чаще учеников своих и ближайших помощников шлет. Вот с ними-то мы и имеем дело".

"А... мы?" — снова напрягся юноша.

Волк вздохнул.

"Я отправил Рема в Стаю. Он доложит Вожаку, а тот уже решит, что с вами делать. Сообщать ли магу? И какому именно."

"Он может потребовать, чтобы моим друзьям стерли память?"

"Маг?"

"Да", — беспокойно посмотрел Вэйр, но виар только фыркнул.

"Вполне вероятно. Думаю, он не захочет рисковать понапрасну. И, честно говоря, полностью его в этом поддерживаю. Потому что, стоит хоть кому-то из смертных прознать правду... знаешь, я люблю свой лес. И свой дом. И Стаю я тоже не хочу потерять, — тихо проурчал волк. — Мы не трогаем людей, не едим человечину, не убиваем без серьезной причины и всячески поддерживаем легенду, созданную ради нас Ковеном. Нас нет, юный лер. Просто нет на Зандокаре. И знаешь что? Я бы очень хотел, чтобы так оно и осталось. Не думаю, что стоит посвящать в эти вещи смертных. Даже если это — твои друзья".

Юноша уронил взгляд в землю.

"А я?"

"Ты — маг, — серьезно сказал Раг. — Пусть еще необученный, диковатый и мало понимающий в своей силе. Но ты — маг, а это значит, что ты обязан знать о нас. Так принято. Таков закон, а мы уважаем законы, поэтому сейчас ты сидишь здесь, с нами, и спокойно разговариваешь вместо того, чтобы нестись сломя голову вдоль берега нашей реки. Да, мы не слишком любим Ковен за то, что он ограничивает нашу свободу, но маги — единственное, что стоит между нами и смертными. Единственное, что удерживает нас от войны. А мы... знаешь, однажды мы уже были на грани вымирания. И больше не хотим повторения".

"Значит, ты не станешь возражать, если моим друзьям сотрут память?" — шепотом спросил Вэйр.

"Нет".

"А что, если я буду против?"

Волк пристально взглянул на тревожно замершего парня, но тот не отвел горящего взора. И столько было намешано в его синих глазах, столько сомнений, колебаний и тревоги, что молодой оборотень лишь вздохнул.

"Прости. Боюсь, от тебя это не зависит. Хотя я, конечно, хорошо тебя понимаю. Сам бы не желал оказаться в твоей шкуре. Но даже это понимание не заставит меня выбирать между существованием собственной Стаи и небольшим неудобством для твоих друзей. Так что прости. Здесь я не могу тебе помочь".

Юноша невесело кивнул, а потом поднялся и отошел в сторону тревожно ожидающих друзей: ему было о чем с ними говорить.

К Вожаку их привели лишь к полудню следующего дня.

Вэйр подспудно ожидал увидеть величественную скалу, с высоты которой старый волк взглянул бы на незваных гостей, или гигантское логово, или глубокую пещеру, в которой бы прятались самки с детенышами, однако виары привели их всего лишь на большую лесную поляну. Правда, старательно вытоптанную множеством лап, с тщательно убранными деревьями, чистую и открытую всем ветрам. А потом оставили гостей одних и стремительно растворились среди пышных кустов.

Даст беспокойно проводил их глазами, чувствуя себя крайне неудобно посреди пустого пространства, словно бы в роли готового обеда на неприхотливо сервированном столе. Дескать, зеленая скатерть, еловые веточки для аромата, яркий солнечный фонарь над головой, приятная музыка птичьего гомона... и они. Втроем. Как готовые к употреблению куропатки.

— Ты уверен, что не тронут? — шепотом спросил он у молодого мага.

Вэйр отрицательно качнул головой.

— Не должны.

— Может, Вожак решит с нами не рисковать?

— От него не все зависит, — так же шепотом пояснил юноша. — Я скорее поверю, что он решит встать в Ковен отослать насчет меня. А вас не тронет. Вы им без надобности.

— Боишься? — вдруг остро взглянул южанин.

— Не знаю, — честно признался Вэйр. — Мне не очень это нравится, но мы на их территории. Пришли без спроса, потревожили дозор... честно говоря, я больше боюсь, что мне не позволят вернуться домой.

Даст настороженно покосился по сторонам, но пока ничего подозрительного не заметил: никто не спешил сюда по их души, не завывал зловеще из-за кустов. И вообще, почему-то казалось, что это — всего лишь дурной сон...

— Если что, сможешь Воду призвать? — неожиданно спросил он у Вэйра.

— Не уверен, — тихо отозвался тот. — Река далеко. Подземные источники остались в стороне. Шагах в пятистах отсюда есть небольшой ключ, но я не думаю, что смогу до него дотянуться.

— То есть, если на нас нападут, ты не сможешь защищаться?

— Скорее всего, смогу. Но недолго и гораздо хуже, чем у реки или моря.

— Плохо, — южанин поджал губы и невольно скосил глаза на Миру: девушка, узнав правду о виарах, теперь не отходила от него ни на шаг. Постоянно жалась, беспрестанно вздрагивала, слышав глухое волчье рыканье, в испуге хваталась за крепкую мужскую руку,

если кому-то из оборотней доводилось просто пройти мимо или мельком посмотреть. Мира боялась. Она действительно до дрожи боялась громадных оборотней. И даже заверения Вэйра в том, что они не едят людей, не сумели приглушить ее первобытного страха перед древним ужасом Сольвиара. Лишь сейчас, когда волки надолго скрылись из виду, она решилась чуть отступить в сторону и устало присесть на корточки, давая отдых натруженным ногам. Хотя тревоги в ее глазах ни капли не убавилось.

Юноша, проследив за взглядом друга, тяжело вздохнул.

— Да. Я тебя понимаю.

Даст только горько усмехнулся.

— Да что ты понимаешь?

— То, что хотя бы для одного из нас услуги мага принесли бы пользу.

— Ты бы хотел, чтобы она все забыла? — быстро спросил южанин.

— Я бы хотел, чтобы она не боялась, — ровно отозвался юноша. — И чтобы потом ей не снились кошмары. Не хотел бы, чтобы она помнила плен. И то, почему едва не погибла. Я бы не хотел, чтобы она помнила, что это я ее едва не убил. И не хочу думать о том, что случилось бы, если я в тот раз хоть на миг опоздал. Мира... слишком похожа на мою сестру. Такая же светлая, чистая, открытая. И я бы не хотел, чтобы она погибла. Не хочу ее потерять так же, как потерял однажды...

— Сестру?! — ошарашенно воззрился южанин. — Ты сказал...

— Да. Они очень похожи.

— Но...

Вэйр грустно улыбнулся.

— Она красивая, Даст. Очень. Моя сестра была бы такой же... наверное. По крайней мере, мне так кажется. Но каждый раз, когда я смотрю на нее, я вижу сестру — совсем еще девчонкой. Озорной, проворной, с такими же золотыми косами, как у Миры... я не очень хорошо ее помню: я был слишком мал, когда она погибла. Но зато я помню ее глаза — голубые и светлые. А еще помню голос — звонкий, как весенний ручеек. Когда ее не стало, отец прекратил улыбаться, мать поседела, а в доме больше не звучало веселого смеха. Но иногда мне кажется... вернее, мне очень хочется думать, что на самом деле мы ее не потеряли. Что она просто ушла на какое-то время... далеко-далеко... но когда-нибудь все-таки вернется. И вот тогда все наладится. Веришь? Мне действительно кажется, что наладится. Словно наши души связаны с детства, а эта нить так до сих пор и не прервалась... я вспоминаю об этом каждый раз, когда вижу Миру. И каждый раз надеюсь, что в один из дней это все-таки случится.

Южанин мгновение ошеломленно таращился, неверяще рассматривая печальное лицо парня, потом со стуком закрыл рот, как-то беспомощно оглянулся на сидящую неподалеку девушку и странно кашлянул.

— Так ты поэтому, что ль... зуб на меня точил?

— Поэтому, — со вздохом признался Вэйр. — Как представляю, что она действительно была бы моей сестрой, так все в душе переворачивается. Когда Угря увидел, погнавшегося за ней, чуть с ума не сошел. Бешенство накатило такое, что даже не сразу понял, что творю. Как сквозь пелену на него смотрел и думал только об одном: убью. Любой ценой, но убью эту тварь. Извини за ту дурость. Я знаю, что ты ее не обидишь. К тому же, это ее дело и ее выбор. Я не вправе вмешиваться. И я действительно не хотел тебя задеть.

Даст, вспомнив о неприятном разговоре, снова насупил.

— Сопляк ты... хоть и маг.

— Да я...

— Заткнись лучше, — неожиданно отмахнулся южанин. — Скажи спасибо, что не схлопотал тогда по белобрысой морде.

Вэйр слабо улыбнулся.

— Спасибо.

Даст собирался сказать что-то еще, но в этот момент густая растительность вокруг поляны бесшумно расступилась, пропуская вперед двух незнакомцев, и он тут же осекся. А потом с растущей тревогой уставился на чужаков и, рассмотрев их суровые лица, инстинктивно прижал к себе вскочившую на ноги Миру.

Один из медленно приближающихся мужчин был немолод. Его строгое волевое лицо избородили глубокие морщины, длинные волосы, забранные в густой хвост и подвязанные почти к самому затылку, были совершенно седыми. Однако вся его фигура дышала такой мощью, что становилось ясно — до настоящей старости ему еще очень далеко. Он был одет в свободного покроя штаны, светлую рубаху, небрежно расшнурованную сверху, на плечи набросил старательно выделанную шкуру неизвестного зверя, чей серебристый мех приятно гармонировал с седой шевелюрой. А на груди покачивался странный амулет в виде двух выточенных из кости полукружий, перекрещенных в центре и обращенных острыми кончиками, как волчьими клыками, наружу.

Второй выглядел гораздо моложе, хотя силы в нем было, кажется, едва ли не больше, чем в седом. Но он, будто в противоположность соседу, как специально вырядился во все черное: черную куртку, длинный черный плащ, высокие дорожные сапоги... разумеется, такие же мрачные, как все остальное. А у его левого бедра легонько покачивались длинные ножны, тоже старательно выкрашенные в черный цвет. А вот глаза у него оказались странные — отчетливо отдающие синевой, как у Вэйра, но более темные, как предгрозовое небо, и такие же неприветливые.

Юноша едва не вздрогнул, когда эти глаза безошибочно отыскали его бледное лицо и тут же хищно прищурились. А затем едва не вздрогнул снова, рассмотрев отчетливый янтарный блеск в зрачках незнакомца. Но потом вдруг ощутил слабое дуновение ветерка, взъерошившего макушку и заставившего волосы встать дыбом, и инстинктивно закрыл собой друзей: от подходящего мужчины ощутимо тянуло магией, а это означало, что Раг слегка ошибся со сроками, и что вопрос со стиранием памяти встанет гораздо раньше, чем все думали. Именно тогда, когда Вэйр был к этому не готов.

— Он молод, — вдруг бросил чернявый своему спутнику. Так, словно никого другого поблизости не было. — Я бы даже сказал — очень молод для такого уровня силы.

Седой наморщил нос.

— Ты прав: силой так и брызжет. Но почему его не заметили раньше?

— Позднее пробуждение.

— Слишком уж поздно, не находишь?

— Нет, — в синих глазах мага промелькнула странная искра. — Я такое уже видел. Причем совсем недавно.

Вэйр сжал челюсти: его обсуждали, как коня на базаре, не только бесцеремонно оценивая достоинства, но еще и его собственным мнением на этот счет не интересуясь!

Маг пробежался глазами по его светлой шевелюре, и его взгляд неожиданно из пренебрежительного стал очень задумчивым.

— Ты из Аргаира? — небрежно спросил он юношу, и тот на всякий случай подобрался.

— Да.

— Сестра? — такой же небрежный кивок в сторону Миры.

— Нет. Просто спутница.

Незнакомец указал подбородком на Даста.

— А он?

— Друг, — прищурился молодой маг, на всякий случай потянувшись к силе. — Хороший и верный...

— С которым ты не хотел бы, чтобы что-то случилось, — ничуть не удивившись, кивнул чародей в третий раз. — В таком случае отпусти Озарение и не трогай свою Воду: она слишком далеко отсюда. А ты устал, голоден и почти истощен. Не стоит подвергать своих друзей ненужному риску.

Вэйр в ответ подобрался еще больше и напряженно спросил:

— Что вы имеете в виду?

— А ты думал, творение портала такой дальности ничем для тебя не аукнется? — усмехнулся тот. — Или полагал, что волнение на море никак не отразится на твоём здоровье? Боюсь, все далеко не так радужно, как кажется. И сейчас ты далеко не так силен, как всего три дня назад: твоя аура ослабла и потускнела. Я вижу, по меньшей мере, три участка, которыми стоило бы заняться немедленно, и не меньше десяти, которые скоро тоже начнут грозить настоящими разрывами. Ты **ОЧЕНЬ** ослаб, мальчик. Еще день-два таких геройств, и мне пришлось бы тащить тебя на руках в лечебное крыло. Хотя, признаться, нам пришлось изрядно поломать голову над твоим исчезновением и здорово помотаться по морю, поскольку гроза смысла почти все следы. Понадобилось даже Карашэх тревожить и соседей в Аргаире, чтобы убедиться в твоём существовании. Однако, как выяснилось, ты не просто силен, а еще и очень везуч — с Теплового моря сигануть напрямиком в Сольвиар...

— С Теплового?! — изумленно переспросил седой.

— Точно. Если бы он каким-то чудом не нашел там незарегистрированный Источник, этого бы, конечно, не случилось. Но ему невероятно повезло. А вот нам, напротив, пришлось порядком повозиться, чтобы его отыскать.

— Но это же...

— У парня действительно есть дар, — кивнул маг, а затем снова повернулся к Вэйру. — И дар неплохой. Сильный, чистый, довольно мощный. Только по этой причине море тебя послушалось и ты до сих пор жив. Будь твоя воля хоть на каплю слабее, море поглотило бы тебя без остатка. Не говоря уж о том, что никакого портала ты бы уже не создал.

Седой приподнял лохматые брови.

— Еще и портал?

— Да, Свул. Узкий, нестабильный, но весьма протяженный. Для новичка — это большая редкость. Разумеется, у него получилось лишь благодаря Источнику, но даже в этом случае требуется огромный талант, чтобы подчинить себе его силу.

— Гм... знаешь, я начинаю думать, что не зря за ним пришел именно ты.

Маг неприятно улыбнулся.

— Вполне вероятно, ты прав. Если он даже в таком состоянии готов сопротивляться...

Вэйр сузил глаза и сжал кулаки, почувствовав скрытую насмешку.

Этот человек пришел сюда, уверенный во всем. В том, что легко справится с усталым мальчишкой. В том, что без труда заставит его следовать за собой. В том, что тот безропотно

пойдет, куда укажут, и без единого возражения двинется демон знает куда, бросив на произвол судьбы друзей, семью, родную деревню и оставшихся там людей, которые до сих пор нуждались в его помощи.

— Не стоит, — покачал головой черноволосый, и на плечи юноши неожиданно опустилась незримая тяжесть. — Твои силы на пределе. Если ударишь хотя бы раз, то упадешь в беспамятстве и не сможешь помочь ни себе, ни друзьям, ни кому бы то ни было. Хотя бы мне, к примеру. Для того, чтобы я тебя понял и принял окончательное решение, как поступить.

— Что вы от нас хотите? — хрипло спросил Вэйр, стараясь устоять на ногах.

— Я? Ничего.

— Что будет с нами? — юношу ощутимо качнуло, но маг сделал вид, что не заметил.

— Ты, разумеется, отправишься на обучение, поскольку любой дар нуждается в хорошем присмотре. А они вернутся туда, откуда пришли. Любым способом, как захотят. Разумеется, после того, как я помогу им забыть об этом лесе и его обитателях.

Даст, заслышав свой приговор, ненавязчиво заслонил Миру, намереваясь любой ценой сохранить ее в неприкосновенности, и от мага это не укрылось: раздвинув губы в хищной усмешке, он странно наклонил голову и негромко добавил:

— Это неизбежно. Хотите вы того или нет. Вопрос в другом: КАК это произойдет? И сколько усилий мне придется затратить, чтобы исполнить предписание Совета? Оно не ново: закон существует более пяти веков, и вы отнюдь не станете исключением. Но если согласитесь по-хорошему — так и быть, я предоставлю вам возможность некоторого выбора. Если нет — ваше право, но мне все равно придется это сделать, невзирая на протесты и мольбы. Только тогда я уже не буду спрашивать ничьего разрешения и, разумеется, не стану церемониться. Ни с одним из вас.

Вэйр судорожно вздохнул и на мгновение заглянул в темные глаза мага, в которых, как ни странно, горело необъяснимое понимание и крохотная, едва заметная, совершенно неуместная после его жестких слов толика сочувствия. Однако именно она помогла юноше не взорваться, не разразиться проклятиями и не попытаться все изменить, а вырвала тяжкий вздох из бурно вздымающейся груди, добавила сомнений и, вместо некрасивых эпитетов, вынудила сдавленно прошептать:

— Я... я должен подумать.

Свул скептически поджал губы, отлично зная, что маг не любит промедления, однако тот, к его безмерному удивлению, вдруг кивнул.

— У тебя один час.

— А у нас? — внезапно подала слабый голос Мира.

Чародей бросил в ее сторону быстрый взгляд, на долю секунды задержавшись на золотых волосах, но, к еще большему удивлению виара, не отвернулся, не фыркнул и не проигнорировал тревогу девушки. Даже напротив, нашел в себе откуда-то силы мягко улыбнуться и тихо добавить:

— Столько же. Поверь, это не больно. И совсем не страшно. Вам ничего не грозит. Вы просто забудете несколько последних дней и никогда о них не вспомните.

— И Вэйра я тоже забуду? — совсем сжалась девушка.

— Вэйра? — задумчиво переспросил маг, окинув замершего юношу внимательным взором. — А ты хотела бы его помнить?

Мира прикусила губу.

— Да. Их обоих. Даже если мне придется из-за этого помнить о пиратах.

— Хорошо, — неожиданно кивнул чародей, не обратив внимания на отвисшую челюсть седовласого. — Я думаю, что смогу это сделать.

— Тогда я согласна, — прошептала она. — Делайте, что нужно. Я не буду противиться. Даст ошеломленно обернулся.

— Мира!

— Я хочу тебя узнать, если когда-нибудь снова увижу, — прошелестела она, едва удерживая слезы. — Я хочу верить, что ты есть, если по каким-то причинам этого не случится. Я должна помнить, что это вы спасли мне жизнь. И я хочу знать, что где-то там... где светит жаркое солнце и рассыпаются горячие пески... есть человек, которого я не хотела бы... потерять навечно... Даст...

Южанин с тихим вздохом прижал ее к себе, зарывшись лицом в пышные золотистые волосы, закрыл глаза, позабыв в этот миг обо всем на свете, кроме того, что этот крохотный лучик света, невесть как мелькнувший в его суровой жизни, каким-то чудом не пожелал исчезать, не пропал, не рассеялся, а все так же ясно светит из ее печальных глаз, за которые он бы отдал все, что имел.

— Я не хочу тебя забывать! — прерывисто вздохнула она, вцепившись в его руки. — Ничего не хочу забывать! Я хочу, чтобы ты остался хотя бы в моей памяти, если уж так суждено! Ты слышишь?!

— Никуда я тебя не отпущу, — южанин, крепко зажмурившись, с невероятной осторожностью прикоснулся губами к ее макушке. — Никому не отдам. И пойду за тобой даже в Аргаир... снова... если ты этого хочешь.

— Не бросай меня...

— Не брошу, — странно улыбнулся Даст. — Никогда не брошу. Даже без памяти.

Она успокоенно замерла, прижавшись лицом к его груди, и быстро затихла, ощущая, как от его рук идет приятное тепло. Чувствуя его всем существом. Впитывая это тепло всем телом. И откуда-то зная, что как только это тепло уйдет, ей станет незачем жить.

— Я люблю тебя, — совсем неслышно прошептала она, пряча мокрые от слез щеки. — Даст... я тебя люблю...

— И я, — беззвучно вздохнул Даст, обнимая ее еще крепче и с невыразимым облегчением зарываясь в ее дивные волосы. — Маленький ты мой цыпленок... самый чудесный на свете.

Вэйр со слабой улыбкой кивнул, когда на мгновение пересекся с ним взглядом, и с не меньшим облегчением подумал, что уж теперь-то Мире точно ничего не грозит: Даст не отпустит ее никуда. Никогда. И ни с кем. Сам костями ляжет, но ее в обиду не даст. Даже магам. Даже ему самому. Просто потому, что эта слабая девчушка стала вдруг для нахибца дороже всего остального мира. А ей внезапно полюбился смуглокожий, резковатый и временами грубый южанин, с которым, казалось бы, у такого нежного цветка гор не было ничего общего.

Он еще улыбался, когда они одновременно пошатнулись и стали плавно оседать на землю. Непонимающе моргнул, когда невидимая сила бережно подхватила обнявшихся влюбленных и не позволила упасть, а затем увидел, как беловатое туманное облако окутало их головы, и возмущенно вскинулся... но маг только хмыкнул и пояснил:

— Так будет лучше. Не волнуйся: когда они проснутся, будут помнить только то, что после кораблекрушения долго шли через густой лес и спокойно добрались до людей.

Никаких ужасов, никакой погони, никаких оборотней и никакого Сольвиара. Пусть считают, что вернулись в Аргаир, а ты отправился в Ковен — проситься в ученичество. Я пришлю за ними людей — переправят, куда нужно. А ты... как я уже сказал: у тебя один час. Решай.

— Они не забудут меня? — беспокойно посмотрел юноша.

— Нет.

— А вас?

— Меня им помнить незачем.

— Вы переправите их в Аргаир?

— Я не люблю повторяться, — заметно похолодел голос мага. — Твои друзья в безопасности. Свул проследит, чтобы все было сделано, как надо. Еще вопросы?

Вэйр прикусил губу.

— Я должен вернуться домой. Я обещал матери.

— Вернешься. Но не сейчас, а когда научишься себя контролировать. Это займет несколько месяцев... или же чуть больше. Но по истечении этого времени у тебя будет возможность их навестить.

— Я могу опоздать, — парень вдруг упрямо сжал челюсти. — Они могут быть в опасности: туман с каждым годом возвращается все чаще, а Ковен так ничего и не узнал. Я не успел добраться до городского мага!

Маг неуловимо нахмурился.

— О чем не узнал?

— О том, что происходит возле Охранных лесов. У подножия Снежных гор, где регулярно пропадают люди! Из-за вашего тумана, между прочим! Кто-то из магов насыляет его на деревни и убивает людей!

— Вот как? — на строгом лице чародея появилось странное выражение. — Возможно, если ты расскажешь все мне, Ковен узнает об этом сегодня же. И, возможно... нам даже придется навестить твоих родителей вдвоем... в самое ближайшее время. Разумеется, если дело того стоит. Устроит тебя такое условие?

Вэйр вздрогнул всем телом и вскинул на незнакомца неверящий взгляд.

Глава 2

Тупой Гы любил гулять вдоль берега после грозы. Он знал, что река, дающая ему пищу, в это время становится бурной и непокорной, нередко выходит из берегов и заполняет собой обширные луга, что стоят нетронутым пастбищем чуть ниже по течению. А еще он знал, что бегущие с гор ручьи во время грозы тоже разливаются звенящим половодьем и частенько выносят ему под ноги много интересных и забавных шгуковин, которые он смог бы подобрать и с гордостью показать строгому батюшке.

Порой это были причудливой формы коряги, которые Гы с легкостью доносил до старенькой хижины. Иногда — необычно длинные шишки. Изредка — тухлые рыбины с необычным красным мясом, а пару раз ему удавалось отыскать даже странные твердые палки, заостренные с одного конца, при виде которых отец неизменно мрачнел, темнел лицом и поспешно зарывал находки глупого отпрыска в землю, пока никто не увидел.

Сегодня у Гы было хорошее настроение. Впрочем, оно всегда у него было хорошим: дуракам неведомы печали и тревоги. А он в свои восемнадцать лет был сущим болваном, способным лишь на то, чтобы исполнять самые простые и заученные с детства команды: подай, принеси, нельзя, стой или хватит. Рослый и здоровенный, как матерый медведь, он не знал, что вокруг существует другой мир, кроме его леса. Мир, в котором есть злые люди, стрелы и арбалеты, мечи и копья, и в котором один человек может ни за что убить другого. Он и слова-то такого-то не знал: "убить". Просто жил, как жилось, и был счастлив тем, что имеет, никогда не задумываясь о том, что можно жить совсем по-другому.

Вот и сейчас беззаботно улыбался, тихо похрюкивал себе под нос и старательно изучал глазами берег, очень надеясь, что и на этот раз ему повезет.

Маленькую змейку он заметил сразу — серебристый полоз слишком ярко выделялся из травы блеском чешуи, чтобы внимательный взгляд упустил его из виду. Правда, полз он как-то вяло и неуверенно, словно в первый раз. Да и был, надо сказать, совсем небольшим — всего лишь с руку длиной, а по толщине не превышал размеров сложенных вместе большого и указательных пальцев.

Тупой Гы, заметив добычу, радостно осклабился и быстро потопал в ту сторону, но полоз неожиданно приподнял плоскую головку и пристально уставился на приближающегося детину с простым, добродушным, но ужасно глупым лицом. На какое-то время застыл, покачиваясь, словно травинка не ветру, а потом тихо зашипел и, стремительно развернувшись, пополз прочь, заставляя радостно загукавшего парня последовать за собой.

Гы громко засопел, увлеченно преследуя красивую змейку, и даже руки вперед вытянул, чтобы как можно скорее схватить необычное существо. Он не думал о том, что змея может быть ядовита. Не подозревал, что может попасть в беду. Не знал, куда бежит, сломя голову. И ни на мгновение не остановился, чтобы об этом поразмыслить: ему было жутко интересно поймать новую игрушку, и он вознамерился сделать это во что бы то ни стало. А потому, позабыв по реку и строгий наказ батюшки никуда от нее не отдаляться, диким туром вломился в заросли бузины, оглашая воздух восторженным:

— Гы-ы-ы...

Правда, змея не уползла далеко — едва реку заслонили густые кусты, юркнула куда-то в сторону, нырнула в небольшой овраг, по низу которого струился крохотный ручеек, проворно проскользнула под травинками и забралась на какой-то камень, наполовину

скрытый обломанными ветками, опавшими листьями и целой охапкой светлого сена.

Тупой Гы сперва не понял, на что именно наткнулся, и потянулся к замершей змейке огромной пятерней, но случайно пихнул камень коленом и сильно удивился — странный булыжник был мягким и почему-то ответил на толчок едва слышным стоном. Так, будто был живым.

Детина настороженно застыл, внимательно изучая продолговатый предмет, на котором тревожно извивалась змея. Для верности потыкал еще и пальцем, снова убедившись, что камень был каким-то неправильным. Наконец, рискнул сдвинуть "сено" в сторону и с изумленным "гы-ы" отпрянул, разглядев выглянувшее оттуда человеческое лицо с невероятно бледной кожей, бескровными губами и полуприкрытыми веками, из-под которых тускло светились голубовато-сиреневым светом радужки.

В тот же миг змейка грозно зашипела, сверкнув лиловыми зрачками, юркнула под спутанные светлые волосы и, обвившись вокруг шеи хозяйки, замерла, буквально окаменев и схватив зубами собственный хвост, чтобы не упасть. Если бы Тупой Гы был поумнее, он бы сообразил, что она не совсем себя укусила, а вцепилась в странно поблескивающее на солнце колечко, которое прижала зубами и вокруг которого же обвилась кончиком гибкого хвоста, превратившись из живого полоза в самое настоящее ожерелье. Однако он не заметил: так и продолжал изучать распластавшее на земле тело со смесью недоверия, удивления и неожиданно вспыхнувшей радости — такой необычной находки у него еще не было.

Гы сперва хотел взять одну змейку, потому что она была очень красивой, но быстро понял, что не сумеет оторвать ее от второй находки, не лишившись сразу всех пальцев — полоз, едва он протянул руку, немедленно ожил и зашипел так грозно, что даже дурачку стало понятно: добром не дастся. Так что он решил, что поступит по-другому и все равно принесет змейку в свою хижину. Уж больно она ему понравилась. После чего решительно схватил непонятный мягкий "камень" с человеческим лицом, взвалил на плечо и быстро потопал домой — сообщить о своей находке отцу, чтобы снова получить от него щедрую похвалу, на которую тот никогда не скупился для слабоумного сына.

Айра пришла в себя только к вечеру — оттого, что кто-то настойчиво тыкал ей в губы плоской с холодной водой, явно пытаясь напоить. Но, поскольку был при этом не слишком аккуратен, то вылил на нее чуть ли не половину содержимого, тем самым вырвав из забытья, заставив открыть глаза и инстинктивно отодвинуться, чтобы глиняный край плоски больше не стучал по сомкнутым зубам.

— Гы-ы-ы... — тут же раздалось довольное в изголовье.

Она оторвала взгляд от низкого земляного потолка, с трудом перевела его на такие же земляные стены, увешанные пучками сушеных трав, небольшой очаг из больших камней, рваную занавеску у входа вместо обычной двери. Наконец, наткнулась на сидящего у постели рослого детину и едва не вздрогнула, увидев на его широком лице блаженную улыбку. Правда, почти сразу поняла, что дурачок всего лишь радуется, не имея намерений причинить ей вред или, упаси Всевышний, поранить, и устало опустила голову на набитую сеном подушку. После чего измучено прикрыла веки и с тихим вздохом отвернулась.

"Живая..."

Какое-то время она лежала неподвижно, краем уха слыша гыгыканье своего спасителя, вдыхала сырой воздух землянки, в которой неожиданно оказалась, медленно вспоминала последние моменты перед длительным забытьем, с затаенной гордостью сознавая, что все-таки вырвалась из плена. Попыталась представить лицо учителя, в последний момент

лишившегося дерзкой ученицы, но тут же затолкала эту мысль поглубже — о Викране дер Соллене думать не хотелось. Несмотря даже на то, что она в кои-то веки понимала причины его неприязни и сознавала, что своим побегом спасла от позора не только себя, но и его. Наконец, Айра прижала руку к груди, на которой застыла каменным изваянием серебристая змейка, и слабо улыбнулась.

"Кер..."

А потом почувствовала, как змейка шевельнулась в ответ, и улыбнулась немного шире: метаморф был жив и здоров, только очень ослаблен. Но, разумеется, это не заставило его отойти от хозяйки или выпустить из пасти алмазное колечко, с которого во время побега бесследно исчезло золотое покрытие.

Айра вдруг беспокойно коснулась камня.

"Марсо?"

"Я здесь, — тут же прошелестел в ее голове тихий голос мага. — Мы выбрались, девочка. Мы действительно выбрались. Ты смогла..."

"Марсо, как ты?!"

"Живой, как видишь".

"А Источник? — тревожно екнуло ее сердце. — Сколько мы потратили?"

Заточенный в кольцо дух тихонько хмыкнул.

"Меньше, чем я думал. Не волнуйся: оставшейся силы мне вполне хватит, чтобы дотянуть до Занда".

Айра с невыразимым облегчением обмякла. А потом услышала, как гугукающий парень вдруг поднялся и, прекратив ее теревить, быстро вышел на улицу.

"Всевышний... я так боялась... все время казалось, что силы уходят слишком быстро! Что я их вовсе исчерпаю до дна, и тогда тебя нечему будет держать!"

"Ты справилась, милая. Ты справилась так, как даже я не ожидал, — тепло отозвался призрак. — И твое заклятие сохранения энергии отлично сработало: во время трансформации ни единой капли не утекло наружу. Ты действительно использовала все. Даже собственные резервы, хотя в этом не было особой нужды".

Девушка вздохнула.

"Я не хотела, чтобы ты погиб".

"Я давно мертв, дитя мое".

"Ты жив, — упрямо возразила она. — Жив до тех пор, пока сам в это веришь!"

"Спорное утверждение... хотя, возможно, в чем-то ты и права: я слишком долго полагал себя мертвым, чтобы в одночасье поверить, что снова живу. Раньше у меня была просторная тюрьма, в которой я мог почти свободно перемещаться, а теперь в моем распоряжении лишь крохотный алмаз, но при этом мне все равно кажется, что я свободен, как птица... странно, да?"

Айра нахмурилась.

"Почему? Разве ты не можешь оттуда выбраться?"

"Могу, — согласился Марсо. — Могу даже полетать вокруг тебя, как прежде, и посветиться в свое удовольствие. Но на это уйдет столько сил, что я, пожалуй, не рискну так поступать и лучше побуду немного внутри, чтобы спокойно дотянуть до ближайшего Источника. Заодно, за тобой пригляжу, чтобы никто не обидел. В конце концов, сон мне не нужен, а вам с Кером, напротив, следовало бы хорошенько отдохнуть".

"То есть... получается, что я опять тебя заточила?" — Айра вдруг прикусила губу, но он

только рассмеялся.

"Ни в коем разе. Девочка, ты вытащила меня из такой ямы, что я бы согласился просидеть в этом алмазе еще сто лет, лишь бы вырваться из Хранилища! Думаешь, я огорчаюсь, что силы так мало? Думаешь, меня расстраивает, что я не могу летать, как раньше?! Отнюдь! Я настолько рад, что сбежал, что ты и представить себе не можешь!"

"Но ведь кольцо..."

"Кольцо — мой новый Источник, — снисходительно улыбнулся дух. — И новый дом. До тех пор, пока не найдется какой-то другой. Но ради возможности избавиться от созданной Советом тюрьмы я готов жить в нем столько, сколько потребуется. Не расстраивайся, милая. Я благодарен тебе за то, что ты согласилась рискнуть и взяла меня с собой. Благодарен настолько, что ничто другое не имеет никакого значения. Даже тот факт, что во время трансгрессии вы могли исчерпать мое колечко почти до дна. Это был риск, несомненно. Но теперь все позади, мы ушли, а я, наконец, стал совершенно свободен!"

Айра вздохнула.

"Куда нас выбросило?"

"Без понятия, — жизнерадостно отозвался призрак. — Последний портал я рассчитывал совершенно случайным образом, чтобы даже слабый след не мог навести погоню на точку выхода. Мы истратили на него чуть ли не больше, чем вы с Кером во время трансгрессии. Но зато он вышел длинным, надежным и прямым, как стрела. Так что, если мои предположения верны, мы сейчас где-то в центре Лигерии... то есть, примерно на полпути к Занду".

"Но я думала, Внутреннее море находится в центре Лигерии!"

"Внутреннее море — да, — неожиданно хихикнул Марсо. — А вот Академия — нет!"

"Что? — изумленно переспросила Айра. — Но ведь она расположена во Внутреннем море! Это всем известно!"

Призрак хихикнул громче.

"То, что известно всем, на самом деле не означает, что это — правда. В действительности Внутреннее море пусто, как коробка из-под горячих булочек, распроданных в одночасье. А наш остров находится не в нем, а почти посередине Северного моря. Немного ближе к Восточному побережью. Именно поэтому вокруг него так холодно и именно поэтому там так много гроз. Поэтому же для поднятия Источника пригласили Восточных эльфов, а не Западных. Поэтому же сам остров надежно защищен от непогоды. И поэтому же на него не попасть никому, кроме тех, кто получил специальное приглашение и специально выделенный портал. Правда, об этом знают только члены Ковена, а всем остальным просто ловко задурили голову. Ну, сама понимаешь: словечко тут, пара намеков там, искусно завуалированная ложь в недолгом разговоре и — пожалуйста! Весь Зандокар находится в священной уверенности, что Академия магов располагается во Внутреннем море, хотя на самом деле она процветает совершенно в ином месте!"

"Но зачем?! Для чего столько лжи?!"

Марсо снисходительно хмыкнул.

"Девочка моя, после Второй Катастрофы Ковен стал настолько подозрительным, что предпочел скрыть местоположение самой уязвимой своей части от всего остального мира. Спрятал там молодых адептов, избавился от любой возможности появления себе непримиримой коалиции. И, заодно, создал вокруг острова такую защиту, чтобы даже в случае новой войны никто не сумел туда добраться. Академия должна была стать их оплотом, надежным тылом, опорой и надежным укрытием на случай, если история вновь

повторится".

"Но сейчас же мир! — воскликнула Айра. — Зачем поддерживать ложь, если и так понятно, что Ковену бессмысленно противостоять?!"

"Я же противостоял? — резонно заметил Марсо. — И многие до меня. И ты, кстати, тоже сейчас им противостояишь. Один твой побег чего стоит!"

"Но я же не собираюсь устраивать никакой Катастрофы!"

"Кто знает, дитя мое... кто знает... между прочим, привычка — великая вещь! Они привыкли чувствовать себя на вершине мира. Привыкли к беспрекословному подчинению. Безраздельно властвовать и думать, что могут в корне задавить любое инакомыслие. Викран привык думать, что он давно мертв. Его ученики привыкли к тому, что он так думает. Альварис привык считать, что его защита безупречна. Легран привык добиваться своего, используя чары и природное обаяние. А я привык к мысли, что останусь в Академии пленником до конца своей жизни... но ведь все далеко не так. Особенно теперь, когда ты появилась и самым фактом своего прихода сломала казавшиеся твердыми убеждения. Ты заставила Викрана сомневаться. Альвариса — скрежетать зубами от гнева. Ты поставила в тупик Леграна, потому что стала первой, кто ему не поддался. Ты отказалась принимать царящий порядок. Первая воспротивилась ему и сумела избежать Инициации. Ты выжила в Занде, хотя прежде считалось, что это невозможно. И ты вернешься в него, потому что только там сможешь обрести надежное укрытие. Согласись: если бы хоть кто-то из преподавателей не был уверен в абсолютной неприступности острова, нам было бы трудно оттуда удрать. Если бы Викран хотя бы заподозрил, что ты задумала, он бы принял серьезные меры, чтобы тебя остановить. Если бы Альварис узнал, сколько книг ты прочитала в Хранилище, он удавил бы меня своими руками и занялся твоим обучением сам. Потому что ты давно перешагнула уровень остальных адептов и, честно сказать, никогда не была обычной ученицей".

Айра прикусила губу.

"За мной будет погоня".

"Непременно, — серьезно согласился Марсо. — Не хуже, чем за мной в свое время. Но у нас с тобой есть большое преимущество — во времени, в направлении, и даже в том, что в этом мире есть место, которое не откажется принять тебя снова. Занд — твоё спасение, девочка. Он будет ждать тебя. Звать, как звал когда-то во снах. Он откроет для тебя свои двери и навсегда их захлопнет для недобро настроенных чужаков. Занд теперь — твой дом, Айра. Туда ты должна стремиться и там же обретешь надежные стены. Только в Занде никакой Совет до тебя не достанет".

"Туда еще добраться надо, — возразила она. — А мы слабы. Я даже не могу подняться с постели".

"Это пройдет. И добраться туда не проблема — сердце само подскажет тебе направление. Вопрос только в том, как скоро ты восстановишься".

"Что это за тип, который меня подобрал? — неожиданно спросила Айра. — Мне показалось, или он действительно туповат?"

"Он глуп, как пробка, — заверил ее Марсо. — Но в нашем случае это только на руку: он никогда и никому не расскажет, где и в каком виде тебя нашел".

Айра оглядела бедную землянку и нахмурилась.

"Он наверняка здесь не один".

"С ним живет еще один человек. Его отец, насколько я понял. Где-то неподалеку есть

деревня, где он сдает свои травы и лишнюю рыбу, но сам он там не задерживается. Так, придет, продаст и снова уходит в лес. Возможно, из-за того, что так неудачно родил сына. Парень на вид здоровый, почти тебе ровесник, но дурак дураком... кажется, на нем проклятие висит, хотя не уверен. Мне плохо видно — Источник искажает ауру".

"Проклятие, говоришь?" — задумчиво нахмурилась девушка.

"Не вздумай снимать! — тут же предупредил ее призрак. — Ты еще слишком слаба. Да и следов оставлять нельзя! Никаких! Особенно, магических! До самого Занда придется идти своими ножками, не связываясь ни с порталами, ни с иллюзиями, ни с чужими проклятиями! Потому что мне бы не хотелось, чтобы тебя почувяли организованные Альварисом патрули во главе с магами и сообщили об этом в ближайший город. Потому что у них, будь уверена, наверняка уже имеются слепки с твоей ауры и все заранее предупреждены, кого именно надо искать!"

Она тревожно привстала.

"Марсо, нам надо торопиться!"

"Конечно, надо. Но торопиться надо с умом: сперва восстановись в этой глуши, наберись сил, Керу дай время прийти в себя... а уж потом собирайся. И насчет одежды, заодно, подумай, потому что щеголять по нашим дорогам голышом я бы тебе настоятельно не советовал. А еще реши, как волосы свои спрячешь и куда денешь этого наглого крыса: вы с ним такая приметная пара, что даже издалека видно — чужаки. Особенно здесь, в Лигерии, где светловолосых — раз, два и обчелся".

"А если я побегу волчицей?"

"А ты сможешь? — с сомнением переспросил дух. — Оно, конечно, сразу избавит тебя от проблем с одеждой и попутчиками, но еда... вернее, охота... ты уверена, что добудешь себе пищу? Станешь есть сырое мясо? Да еще после такого перерыва?"

"Не знаю", — отвернулась Айра.

"И выдержит ли твой крыс?"

В этот момент змейка приоткрыла один глаз и пренебрежительно фыркнула, всем видом показывая, что хозяйку не подведет. Девушка тут же улыбнулась и накрыла ее ладошкой, отдавая жалкие крохи магии, что успела накопить во сне. Почувствовала, как пощекотали в ответ кожу тонкие чешуйки, а потом успокоено замерла, чувствуя, как волны обожания плавно окунают ее в море заботы и любви, плещущееся вокруг преданного метаморфа.

Он никогда ее не оставит — это правда. Он будет рядом, что бы ни случилось. Как бы ни было трудно. Как бы ни было плохо. Он всегда останется с ней. До самой смерти.

"Я люблю тебя, мой хороший", — шепнула про себя Айра, и Кер тихонько заурчал, молча говоря ей, что любит не меньше. После чего еще крепче сжал зубами драгоценный Источник, закрыл глаза и погрузился в целительный сон, в котором только и мог восстановиться. А она погладила гладкое серебристое тело, от головы которого вплоть до самого хвоста бежала знакомая лиловая полоса, отдала еще немного сил, чтобы помочь ему оправиться поскорее, и быстро уснула тоже. Даже не заметив, что в какой-то момент занавеска от входа снова отдернулась и в землянку протиснулся все тот же здоровенный детина с могучими плечищами кузнеца и наивным лицом пятилетнего ребенка.

Правда, на этот раз в его облике проступило нечто иное. Так, словно из-под маски деревенского дурачка вдруг проступило совсем иное лицо. Чужое и нечеловеческое.

Какое-то время Тупой Гы изучал ее круглыми от удивления глазами. Странно помялся,

когда крохотный лучик света причудливо заиграл на алмазном колечке в зубах метаморфа. Жадно причмокнув, верзила подошел и протянул ладонь, чтобы его забрать, но вдруг замер, словно чья-то невидимая рука ударила в грудь. Распахнул в немом изумлении рот. Хрипло закашлялся, будто кто-то властно сдвинул ему глотку, и совершенно чужим голосом просипел:

— Кто... ты-ы?..

Над Айрой неожиданно возникло плотное облачко беловатого тумана, обретшего очертания человеческой фигуры со взбешенным, искаженным яростью лицом.

— Изыди, Азуар, или развею тебя по ветру!

Гы ошарашенно уставился на призрака и неверяще выдохнул:

— Ма-р-со-о-о?!

— Верно, — жестко сказал дух. — Только посмей тронуть девочку, и я избавлю это тело от твоего утомительного присутствия. Даже если придется развеять его в прах. Ты понял?!

— Д-да... — захрипел дурачок. — Отпус... ти... я не трону...

— Парень еще жив?

— Д-да... но он слаб...

— Очень хорошо. Вздумаешь его уничтожить — и исход будет тот же.

— Незачем его... слишком удобное тело... — закашлялся Тупой Гы, глаза которого вдруг полыхнули неприятными алыми сполохами.

— Его отца тоже доишь потихоньку?

— Н-нет... он еще слабее...

— Врешь, — сухо заявил бывший архимаг. — Был бы он слаб, давно бы умер: рядом с тобой не живут чистые души. А раз он ходит и даже работает... думается, ты меня обманываешь, демон!

— Он... он хорошо защищен, — с трудом выплюнул парень, опускаясь на колени. — Но я нашел... щелочку... через этого увальня... крохотную, но все же...

— Значит, нашел ее недавно, — заключил маг, а потом задумался. — Быть может, всего пару месяцев тому. Поблизости есть Источники?

— Да, — демон вздохнул чуть свободнее. — Тебе зачем? Сам, небось, не слишком нуждаешься... я даже не знал, что ты еще жив!.

— То тебя не касается. Где Источник? Какой? Насколько далеко?

— Ключ. Дня три на запад, потом в горы и еще пару дней надо проторчать в пещерах, чтобы его достать.

— Запас у тебя есть?

— Немного.

— Отдай ей, — властно потребовал маг, кивнув на спящую девушку. — Сегодня же!

Демон изумленно вскинулся, собираясь что-то спросить, но чужая рука с такой силой снова надавила на глотку, что он захрипел и рухнул на бок, силясь плотнуть хотя бы толику воздуха.

— Что? Неприятно зависеть от кого-то другого, Азуар? — насмешливо поинтересоваться Марсо. — Неприятно сознавать, что в чужом теле ты стал уязвим?

— Хватит... перестань... я сделаю! Слышишь?! Я отдам!

— Сегодня же, — сухо велел маг. — Немедленно. И так, чтобы старик не увидел!

— Как... скажешь...

— Не вздумай обмануть. Заклятия по изгнанию демонов все еще живы в моей памяти.

Даже после смерти. А уж сил на тебя у меня хватило бы и в бытность простым учеником. Так что не вздумай, Азуар... демонолог, если ты помнишь, из меня получился куда лучший, чем некромант.

В тот же миг невидимая удавка исчезла, и Тупой Гы в изнеможении распластался на земляном полу, судорожно хватая ртом жизненно необходимый воздух. Его глаза снова погасли, лицо искривилось в прежней глупой улыбке, изо рта потекла вязкая слюна. А когда он все-таки поднялся и двинулся, пошатываясь, к выходу, то уже не помнил, что произошло, почему он вдруг научился разговаривать так разумно, отчего над уснувшей девушкой вдруг появилось призрачное голубое сияние и почему ему срочно понадобилось откопать старательно запрятанную у реки бутылку с поистине ледяной, вкуснейшей и по-настоящему волшебной водой, чтобы затем принести обратно и щедро напоить странную гостью.

Марсо проследил за ним долгим взглядом, затем перевел взгляд на мирно спящую девушку, странно улыбнулся, заметив, как она крепко держит кольцо — единственную ниточку, привязывающую его к этому миру. Наконец, побледнел, став совсем прозрачным, тихонько вздохнул и вернулся в свой новый дом, напоследок неслышно прошептал:

— Я так долго тебя искал... так долго боролся, воевал с самим собой... предавал... поднимался и падал... так долго не видел истины, что и сейчас не могу поверить... даже когда точно знаю, что Сердце Зандокара существует. Когда чувствую и вижу, что на самом деле Оно — живое. Такое же живое, как ты, моя девочка... спи, Айра. Спи, дитя. Больше никто не посмеет к тебе прикоснуться.

На следующее утро Айра пришла в себя настолько, что смогла без посторонней помощи сесть и даже попыталась подняться с постели, закутавшись в старое, потрепанное и побитое молью покрывало. Однако если сидеть она могла без особого труда, то совершать дальнейшие подвиги ей было рановато: едва оперевшись на ноги, девушка пошатнулась и непременно бы упала, если бы под локоть не подхватили чьи-то сухие, но очень сильные пальцы.

— Ты что творишь? — с укором произнес незнакомый голос. — Едва очнулась и тут же вприпрыжку собралась бежать... разве ж это дело?

Айра торопливо плюхнулась обратно на постель и удивленно воззрилась на немолодого, но еще полного сил мужчину, стоящего над ней с крайне неодобрительным видом. Было ему около пятидесяти, среднего роста, но с такой крепкой фигурой, что сразу становилось понятным, в кого уродился несчастный дурачок, принесший ее в эту землянку. У мужчины оказалось простое, открытое лицо, густая копна непослушных русых волос, без конца норовящих упасть на лоб. Гордый прямой нос, четко очерченные губы и усталые, полные необъяснимого смирения глаза, в которых то и дело проступала странная тоска.

Убедившись, что гостя в порядке, он отошел в сторону и, забрав с низенького стола глиняную кружку, протянул.

— Пей. Ты, наверное, голодная?

"Это Стагор, — вовремя шепнул в голове Марсо. — Живет тут один с тех самых пор, как потерял жену. То есть, примерно лет пятнадцать. Парень у него с малых лет немного не в себе, но бояться его не надо — не буйный".

— Мое имя Стагор, — словно услышав призрака, сказал мужчина, пристально изучая жадно глотающую воду девушку. — Меня не бойся: не обижу. Если, конечно, ты не ведьма и не болотница. Тебя нашел возле реки мой сын... два дня тому... и принес сюда.

"Это Кер его отыскал, — так же тихо пояснил Марсо. — Я малыша за помощью отправил, когда в себя пришел. А он привел этого бугая, который и принес тебя в дом".

— Здравствуйте, — настороженно ответила Айра, оторвавшись, наконец, от кружки. — Где я? Что это за место?

— Лигерия, — без особого удивления отозвался хозяин дома, забирая посуду. — А речка — Быстрая. Здесь неподалеку Березинки стоят, а еще дней пять к югу — Драмн.

"Марсо?" — тут же обратилась она за помощью.

"Подожди, я думаю... кажется, мы отклонились от курса и попали слегка не туда, куда я планировал. Драмн — это, вроде, какой-то городишко на северо-востоке Лигерии... впрочем, тебе сейчас все равно. Главное, что мужик живет один и здесь нет ни одного мага. Остальное — мелочи".

— Кто ты? — задал вполне закономерный вопрос Стагор, присев на старый, грубо сколоченный табурет. — За последние пятнадцать лет тут не появлялись чужаки. Да еще в таком виде.

Айра неуловимо порозовела и подтянула повыше покрывало, пряча обнаженные плечи и все остальное, что этот человек, разумеется, уже видел.

— Меня зовут Айра. Я... в беду попала, — осторожно сказала она. — В серьезную беду. Но успела сбежать до того, как все стало совсем плохо. И уходить пришлось очень быстро, да

так, что я... мне даже собраться не дали как следует.

Стагор скользнул понимающим взглядом по оголившемуся плечу.

— За тобой будет погоня?

— Да, — она чуть вздрогнула, вспомнив свой сумасшедший побег с острова и подумав о вероятном гневе лера Альвариса. — И очень скоро. Хотя, конечно, я надеюсь, что на какое-то время сбита их со следа.

— Кто тебя так?

— Вам лучше не знать.

Мужчина ненадолго помолчал, пристально изучая ее усталое лицо, с которого еще не исчезли следы недавних тревог. Девушка была очень худа, хотя и не производила впечатление голодающей. На светлой коже, когда сын принес ее в дом, виднелись выразительные синяки и длинные ссадины, словно по ней хлестали все ветра этого мира. Однако сама кожа оказалась мягкой на ощупь, нежной, ухоженной. Руки тонкие, совсем не огрубевшие. Ресницы длинные, такие же светлые, как волосы. А сами волосы настолько густые, что сразу видно — за ними заботливо ухаживали. Но, что странно, никакой одежды на незнакомке не было. Только пара перышек на спине прилипло, да интересные следы виднелись между лопатками, словно там когда-то росли крылья. И шрамы очень странные на ладонях имелись — будто в них тонкие стилеты вгоняли до самого основания. Или же палач пихал раскаленные иглы. Острые, длинные и пятигранные.

Он поджал губы: девчонка выглядела так, словно из тюрьмы сбежала. Когда он примчался на громкое гыканье сына, сперва даже подумал — все, померла. Больно бледная была и даже не шевельнулась, когда он поднял ее на руки. Ан нет — повезло: Стагор вовремя заметил, как медленно вздымается высокая грудь, да правильно разглядел, как подозрительно ярко светятся глаза у каменной змейки на ее шее. После чего с холодком признал магический амулет, крепко выругался, потому как магов на дух не переносил, и велел нести незнакомку в дом, пока не застыла и не отдала Всевышнему душу, каким-то чудом умудрившись забраться нагишом в эти непролазные дебри. Потому что сразу видно — не простых она кровей. Очень непростых: никто из деревенских себе амулета позволить не мог. Особенно такого, чтобы предупреждающе светился, стоило лишь поднести к нему руку. А там, где есть магический амулет, непременно ищи какого-нибудь мага. И, соответственно, крупные неприятности в довесок, потому что маги очень не любят, когда их водят за нос. Тогда как девчонка... судя по всему, что-то неприятное ей было уготовано, раз она решилась бежать одна, в грозу, да еще не просто так, а, скорее всего, через созданный наспех портал... может, амулет у нее как раз на это и зачарован... потому что представить, чтобы она появилась в этих лесах... в таком виде... каким-либо иным образом, чем через портал... да еще ни замерзнуть, ни утонуть, ни исцарапать себе ноги о шишки не успела... он просто не мог. Это было абсолютно невозможно. А значит, следом за девчонкой могут прийти весьма неприятные гости.

И именно поэтому на его лбу сейчас пролегла глубокая складка.

— Простите, — тихо сказала Айра, безошибочно угадав ее истинную причину. — Я не хотела причинять вам беспокойство. Как только наберусь сил — сразу же уйду. Обещаю. Спасибо, что помогли.

Стагор вздохнул.

— Всевышний велел людям помогать друг другу... даже если кто-то из его детей сделал что-то плохое. Так что отдыхай, выздоравливай. Никто тебя не гонит.

— Я не сделала ничего плохого, — совсем неслышно уронила она. — Не убила, не украдала, не разрушила... я всего лишь не пожелала подчиниться. Как оказалось, иногда это значит гораздо больше, чем жизнь или смерть. Поэтому я сбежала. И поэтому меня скоро начнут искать, чтобы вернуть и закончить то, чего не смогли сделать раньше.

— Не надо, — неожиданно покачал головой Стагор. — Я не хочу знать подробностей. Мне кажется, в тебе нет зла. И нет намерений причинить нам вред.

Он поднялся с табурета и быстро направился к выходу, больше ничего не добавив. Посмотрел только странно — долго, внимательно, печально, а потом резко отвернулся и пропал за колыхнувшейся занавеской, словно не хотел, чтобы она о чем-то спросила.

"Кажется ему... — пренебрежительно фыркнул Марсо, когда мужчина ушел. — На сына бы взглянул, провидец! Может, тогда и не был бы он таким болваном!"

"Ты о чем?" — неуловимо нахмурилась Айра.

"Да так... не бери в голову. Лучше попроси у него еще воды, когда вернется, и ложись спать — во сне силы восстанавливаются быстрее. А я на всякий случай покараулю".

Айре понадобилась почти неделя, чтобы обрести уверенность в своих силах и начать выбираться из землянки — отвратительная слабость уходила довольно быстро. И каждое утро, открывая глаза, девушка с растущим ликованием понимала, что справится гораздо легче, чем ожидала, с невыразимым облегчением встречала рассвет, с новой радостью сознавая, что сегодня смогла чуть-чуть больше, чем вчера.

Конечно, она быстро уставала, подолгу спала, мало ела и невероятно много пила. Но при этом чувствовала, как буквально молодеет от каждого сделанного глотка и про себя поражалась смутно знакомому вкусу. Причем поражалась ровно до тех пор, пока внезапно не вспомнила и не поняла — где-то среди этих ручьев прячется настоящий природный источник, чьи воды незаметно просачиваются в реку. Простые люди вряд ли знали, рядом с каким чудом им довелось поселиться. Скорее всего, просто жили, удивлялись собственному долголетию, редким болезням и благодарили Всевышнего за его доброту. Тогда как на самом деле причина их крепкого здоровья — вот она, в прозрачной влаге, в изобилии раскинувшейся под землей и пробивающейся наружу естественными водяными ключами, в одном из которых бурлила совсем не простая сила. И сейчас эта сила оказалась для истощенной девушки как нельзя более кстати. Так же, как полный покой, тихий лес и отсутствие незваных гостей, способных заподозрить в быстро крепнущей девушке стремительно выздоравливающую магичку.

Стагор был неизменно вежлив со своей гостьей, осторожен в расспросах и крайне терпелив. Он исправно охотился, рыбачил, собирал лесные травы и корешки, каждый вечер подвешивая тугие пучки к потолку. Подолгу пропадал в лесу, возвращаясь только под вечер. Он не сгонял девушку с единственной крепкой постели в углу, а неизменно устраивался на ночлег на крохотном топчане у входа, тогда как второй, спешно сколоченный топчан стоял уже наверху и принадлежал Гурту — рослому сыну лесника, которого за глупое гыканье деревенские прозвали Тупым Гы.

Парень не жаловался и не просился внутрь. Кажется, ему было совершенно все равно, где жить, что делать, где гулять и с кем делиться нехитрыми впечатлениями своей непонятной жизни. Порой он приносил из леса дохлых змей, с гордостью укладывая их у ног печально улыбающегося отца. Иногда притаскивал обломанные, причудливым образом изогнутые ветки. Пару раз с криками мчался через подлесок, неся в руках осиное гнездо, и потом его приходилось спешно лечить от многочисленных укусов. А однажды даже

бесстрашно вручил Айре красивый полевой цветок, за который получил от нее крайне удивленный взгляд и искреннюю благодарность.

Стагор не боялся оставлять девушку с неразумным сыном: Гурт был настолько отсталым в развитии, что просто не знал, как обидеть. Он был крупным, удивительно широкоплечим, невероятно сильным, но... глупым и крайне наивным. Его легко можно было испугать. Еще легче задеть. Невероятно просто обидеть. И только злиться он никогда не умел. Просто не понимал, кому и зачем это нужно. Не говоря уж о том, что ударить не смог бы даже защищая свою жизнь. Словно Всевышний, отобрав его разум еще в детстве, милосердно избавил родителей от такого горя. Напрочь лишил мальчика злобы. Позволил забыть обиды и милостиво погасил его память, вместе с пониманием того, что он стал сильно отличаться от других людей. Правда, Береника не перенесла даже этого — едва заезжий маг сказал, что сын уже не поправится, быстро слегла и той же осенью ушла. Туда. Наверх. Просить Всевышнего за свое несчастное дитя.

Все это Айра узнала от Марсо, а тот, в свою очередь, выудил это из памяти убитого горем отца, заставив ее искренне пожалеть одинокого вдовца за такую трудную судьбу. Сам Стагор ни о чем таком не говорил, поэтому девушка не решалась спрашивать напрямую. И навязываться со своим сочувствием тоже не смела. Только все чаще подмечала его тоскливые взгляды, брошенные на агукающего, возящегося с какой-то глупостью парня, и все отчетливей понимала, почему этот человек столь упорно сторонится людей. Ведь Гурт — все, что у него осталось от горячо любимой супруги. И он не мог отказать ей в последней просьбе: НЕ БРОСАЙ! А потому год за годом прятал его от насмешек и медленно чах на окраине мира, не желая бросать взятый на себя обет.

Айра присматривалась к Тупому Гы на протяжении нескольких дней, силясь понять, в чем же причина его странной болезни. Следила за тем, как он ходит, что делает, как смотрит и просто улыбается неизвестно чему. Она старательно пыталась высмотреть его слабую человеческую ауру, которой просто не могло не быть, но всякий раз или быстро уставала, или парень куда-то сбегал, или же Марсо не вовремя отвлекал ее от этого занятия. Правда, девушка не расстраивалась — пока времени было в достатке: уходить далеко от землянки она еще не могла, а дурачок большую часть дня проводил на виду, чаще всего садясь под каким-нибудь деревом и увлеченно перекладывая перед собой упавшие шишки. Поэтому она не теряла надежды и снова и снова пробовала взглянуть на неразумного сына лесника так, как умел и нередко смотрел на нее сам господин Лоур, когда пытался отыскать за внешним Щитом старательно спрятанную ауру.

В эти же дни она много думала и вспоминала.

О себе, о нежданно обретенных друзьях, об оставленных на их попечении Листике и игольниках. О том, что дверь в ее комнату пришлось в последний момент оставить открытой, а Сеть Кера — свернуть и спрятать в уголок, чтобы не повредила тем, кто станет теперь заботиться о взрослевшем листовике. Она думала о вредине Лизке, наверняка по-прежнему таскающей гребешок у вспыльчивой подруги. О Лире, с боем пытающейся этот гребешок вернуть себе каждое утро. О Бимбе и Бомбе, со смехом угомоняющих свои вторые половинки, когда тем доводилось зайти слишком далеко. О вечно влюбчивой Альке, готовой мгновенно покраснеть при виде обаятельного лера Леграна. О самом Легране, посмевавшем в тот вечер сделать взволнованной ученице весьма недвусмысленное предложение. Она думала о Бриере, наверняка всполошившемся наутро, когда по Академии только-только прошел слух о дерзком побеге. О лере Альварисе, который вряд ли ожидал от нее такой

вопиющей неблагодарности. Думала о Керге и его стае, наверняка горестно взывшим, когда стало ясно, что никакая волчица к ним больше не придет. О господине Борже, который тоже наверняка огорчился. О Дакрале и жизнерадостно скалящихся вампах, от одной улыбки которых неподготовленного человека бросало в дрожь и которым она тоже пообещала в свой последний приход бывать чаще. О Зорге, печально опустившем свой гребешок, когда выяснилось, что логово его старшего собрата внезапно опустело...

Но чаще всего она думала о другом. Почему-то всякий раз ее мысли неуклонно возвращались к одному-единственному человеку, по доброй воле ставшему ее воплощенным кошмаром и самым главным врагом.

Викран дер Соллен сделал все, чтобы избавить себя от неудобной ученицы. Он заставил ее сотни раз пожалеть об ученичестве. Он не щадил ее, пока длилось тяжелое обучение. И ни на шаг не отступил от своего правила — нагружать учеников ровно столько, сколько они были способны выдержать. Он причинил ей столько боли, что это могло бы кому-то показаться невозможным. Он заставил ее страдать, мучил, буквально убивал своим равнодушием. Украл у нее надежду на избавление, после чего едва не убил. А в итоге, вынудил броситься на верную смерть, лишь бы избежать позорной концовки под красивым названием Инициация.

Айра и сейчас с трудом вспоминала об этом. Каждый раз ей приходилось сдерживаться, чтобы не сжимать кулаки и не стискивать зубы. Временами пережитая боль будто возвращалась в усталое тело, и тогда ей приходилось спешно отворачиваться и прятать горящие злыми огнями глаза, чтобы случайно не испугать Стагора.

Когда силы немного вернулись, она стала потихоньку гулять по лесу, постепенно забираясь все дальше от землянки. И подолгу сидела на берегу Быстрой речки, невидяще глядя перед собой. В эти моменты перед ее взором снова вставал мрачный полутемный зал, задрапированные стены, холодный пол, на котором то и дело оставались крохотные капельки крови, и бесстрастный голос, раз за разом требующий: "нападай!"...

Викран дер Соллен не желал ее отпускать. Он неустанно возвращался во снах. Что-то требовал. Что-то заставлял. Временами жестоко растягивал на дыбе, оставаясь равнодушным к болезненным гримасам и невольному стону. А иногда, как и раньше, выставлял против стаи радостно ухмыляющихся виаров и пристально наблюдал за тем, как она задыхается под тяжелыми телами вместе с замученным до полусмерти Кером.

Он унижал ее. Это правда. Он много раз оставлял ее без помощи на холодном полу. Он причинил много боли им обоим. Он сделал так много плохого. Он преследовал их даже сейчас, заставляя просыпаться в холодном поту с неистово колотящимся сердцем, и, вероятно, еще очень долго будет мрачной тенью являться во снах...

Но Айра не могла забыть истинной причины его отношения и того, что внезапно поняла: Викран дер Соллен имел веские основания, чтобы отказываться от такой ученицы. Зная об Инициации... хорошо понимая необходимость трансгрессии... прекрасно сознавая, какой пытке ее придется подвергнуть и через что им с Кером придется переступить ради того, чтобы первая же трансформация не закончилась смертью... он не мог об этом не думать, когда лер Альварис властно всучил ему в руки эту огромную проблему. Не мог не догадываться, что непривычной к нагрузкам девчонке его наука дастся во сто крат тяжелее, чем любому из учеников. Не мог не предвидеть, что она долгое время проведет в настоящих муках. Но и не выполнить приказ директора тоже был не в силах.

Совсем недавно Айра, скрепя сердце, все-таки признала, что с ней не сделали ничего

такого, чего не довелось пережить другим ученикам. Что ее учили точно так же, как учили бы любого другого. А все отличие заключалось лишь в том, что ее никогда не предупреждали о том, что будет происходить на уроках.

Викран дер Соллен хотел, чтобы так было. Он намеренно поступал так, чтобы заслужить не уважение, а искреннюю ненависть. То ли в надежде на ее отказ. То ли с затаенной мыслью о метаморфе, в конце концов, решившегося бы на сущее безумие... Айра еще не разобралась до конца. Но с того дня, как она по-настоящему попыталась убить жестокого наставника, что-то изменилось в нем. Куда-то подевалась его прежняя бесстрастная маска. Что-то надломилось в нем, что ли? Или просто-напросто умерло?

В последние недели учебы Айра не могла не заметить огромной разницы в его поведении. В том, как он двигается, как смотрит, как пристально следит за каждым ее шагом. Его рапира больше не порезала ей кожу, его кулак больше не посмел оставить на ней ни единой отметины. И он ни разу за целый месяц больше не прикоснулся к ее шерсти, хотя желтые глаза не отрывались ни на миг, когда стоя с визгом и хохотом пыталась выловить юркую волчицу, чтобы с радостным ревом завалить потом на траву.

Он словно умер, получив известие об Инициации. Словно страшился даже дотронуться, как будто сама мысль об этом вызывала у него отвращение и причиняла не меньшую боль, чем ей самой. Он стал еще молчаливее, чем обычно. В его зрачках поселился лихорадочный блеск, щеки запали, а заострившиеся скулы выпирали, словно у тяжелобольного. Он буквально горел от самой мысли о грядущем Бале. Он потерял интерес к занятиям. Перестал требовать результатов. И каждый раз перед очередной трансформацией неизменно отворачивался и уходил, при этом никогда не торопя такую же молчаливую, словно бы высохшую от перегрузок ученицу. Даже если она задерживалась слишком надолго, чтобы урвать для себя несколько минут благословенного отдыха.

В те дни Айре было слишком тяжело от постоянных тренировок, чтобы обращать на это внимание. Но теперь, когда дело оказалось сделано, все больше склонялась к мысли, что была права: своим побегом она избавила их обоих от настоящей пытки. Причем его — чуть ли не больше, чем себя, потому что для того, кто поклялся на крови погибшей Эиталле, не было большей подлости, чем нарушить данное любимой обещание.

Он не предал бы ее. Никогда. И был в этом решении настолько тверд, что даже позволил себе ввести в заблуждение одинокую, неизвестную, никому не нужную девчонку, которой не повезло оказаться у него на пути.

Вероятно, она самим своим существованием должна была приводить его в безумное раздражение. Каждый взгляд на нее должен был напоминать ему о прошлом. Каждое шевеление игольника должно было заставлять бессильно выть от колючих воспоминаний, а каждое ворчание метаморфа — стискивать зубы, чтобы не думать о том, откуда и почему взялся в Академии этот упрямый зверь. И каждый день, каждую ночь, сталкиваясь со своей ученицей, он должен был испытывать столько всего... столько вспоминать, столько переживать заново.... раз за разом слышать в ушах пронзительный крик погибающей Эиталле... с мукой думать, что это по его вине случилась страшная трагедия...

Викран дер Соллен должен был ненавидеть Занд всей душой. Каждое существо, которое там живет. Каждую травку, каждый листик, каждую веточку, посмевших забрать у него смысл жизни. Он должен был ненавидеть все, что только связано с ним. Все, что хоть краешком касалось той давней драмы. Но, особенно, он должен был ненавидеть ту, которая без всякого риска смела касаться проклятого игольника, перед кем охотно расшаркивался в

любезностях остроухий совратитель, кого несказанно обожал листовик и яростно защищал дикий метаморф... Айра знала: Викран дер Соллен должен был ненавидеть ее так сильно, что ее собственные чувства выглядели на этом фоне чем-то мелким и незначительным. Он должен был проклинать ее и пытаться убить. Должен был пылать жаждой мести и неукротимой яростью. Он ДОЛЖЕН был ненавидеть. ДОЛЖЕН желать смерти Иголочке ее хозяйке. Просто должен.

Однако он не позволил себе ни мига, ни краткого мгновения, чтобы показать, что это действительно так.

Вместо этого Викран дер Соллен сделал ее сильнее. Он взялся за обучение, хотя оно должно было причинять ему много беспокойства. Он значительно урезал собственный отдых, которого и так было не слишком много. Против обыкновения, он уделял ей время каждый вечер, хотя тому же Бриеру доставалось гораздо меньше внимания. Он день за днем менял ее тело, делая его сильным, гибким, подвижным, способным на полноценную трансформацию. Он не позволил себе радостного удовлетворения при виде увечий ученицы. Не доставил себе злого торжества рядом с ее искалеченным телом. Да, он был жесток и холоден. Да, обучал ее слишком быстро. Да, он провел трансформацию так скоро, что даже Марсо пришел в настоящий ужас...

Но он дал ей возможность избежать позора.

Он заранее предупредил об Инициации.

Он намеренно дал ей время подготовиться и был готов к тому, что в последний момент Леграну все же удастся убедить упрямую ученицу принять его деликатные ухаживания. Он даже интенсивность тренировок сократил, чтобы она смогла прийти в себя. Позволил синякам и ссадинам сойти и бесследно раствориться в небытие. Когда-то Айра с ненавистью думала, что это — ради себя и того, чтобы не прикасаться в самый ответственный момент к ее изуродованному телу... но потом поняла: нет. Это тоже — ради нее. И ради того, чтобы Легран, если вдруг одержит верх, никогда в жизни не понял, что его просто искусно использовали.

Викран дер Соллен всегда знал, что делает. С самого первого дня. Он совершенно четко представлял себе, чего именно хочет добиться, и стремился к своей цели так, как иные стремятся к собственной смерти — страстно, неистово, с замершим на губах молчаливым криком: ну, что же ты?! Давай, ненавидь! Откажись! Прочь отсюда! Беги! Только не заставляй меня это делать!..

Не его вина, что Айра отыскала совсем иной выход. Не его вина, что она совсем иначе расценила его поступки. Не его вина, что он не сумел убедить ее в необходимости потребовать другого учителя. И не его заслуга в том, что она все-таки сумела его понять и услышать.

Ее побег в буквальном смысле спас ему жизнь. Вернее, этот побег спас жизни им обоим. Он избавил их от мучительной необходимости быть вместе и воистину стал тем единственным выходом, которым сохранил им рассудки.

И именно сейчас, сидя на мягкой траве и бездумно глядя на текущую воду, Айра вдруг поймала себя на мысли, что... больше не испытывает к своему учителю прежней ненависти. Что недавняя ярость, словно растворившись во внезапно обретенном понимании, постепенно истаяла, как туманная дымка. Некогда бушевавший внутри ураган чувств притих. Безумное желание убить его незаметно угасло, а вместо неистовой злобы пришла какая-то тоскливая жалость. Хотя, конечно, даже жалость не была способна избавить ее ни от обиды,

ни от ощущения совершенного предательства.

Ведь если бы он только сказал... если бы хоть раз объяснил... хоть на один день отступился от вечной холодности и позволил себе быть откровенным... она бы приняла эту правду. Согласилась, что зря тратит его время и напрасно мучает его своим присутствием. Она бы все поняла. Решилась бы уйти к другому наставнику, оставив учителя наедине с его болью. И, быть может, тогда даже Инициация не стала бы для нее такой страшной и мучительной. Вернее, скорее всего, Айра о ней не узнала бы до самого последнего мига. А когда узнала, то была бы в столь приподнятом настроении, так очарована близостью лера Леграна, так затуманена его обаянием и коварной саранеллой, что, вероятнее всего, просто не смогла бы ему отказать. И вряд ли потом жалела об этом так сильно, что рискнула совершить дерзкий, на грани безумия побег.

Но даже если бы и пришла наутро горечь обмана, если бы появилось запоздалое чувство стыда, то лер Альварис не отказал бы юной второкурснице в одной маленькой просьбе и позволил ей забыть эту трудную ночь. Так же, как он позволил это сделать тем пятерым ученикам, которые все-таки попали на свой первый в жизни Бал.

Теперь же она терялась в сомнениях и догадках. Теперь ее раздирали противоречивые чувства. Она раз за разом вспоминала прожитые дни и пыталась снова ненавидеть... но не могла. Действительно, не могла. Просто потому, что хорошо понимала: Викран дер Соллен тоже не мог по-другому. Для него это было хуже смерти. Ее возможная близость — позорнее предательства. Он просто пытался избавить их обоих от неприятных последствий. Даже позволил себе нарушить жесткие правила Академии. И теперь она хорошо понимала, чего ему стоило просто молчать, раз за разом встречая ее глупое упорство.

Как оказалось, он выдержал не менее трудное сражение в своей душе, чем довелось пережить ей. И уже за это его нельзя было ненавидеть.

Сейчас Айра его понимала.

Правда, и отпустить такое прошлое ей оказалось не под силу. Слишком много там было боли. Слишком много невыплаканных слез. Слишком много отчаяния, ненависти. Слишком много невысказанного и недоговоренного, кроме, пожалуй, самого главного:

Не стоило...

Не стоило думать, что я приму ваш выбор, Викран дер Соллен. Не стоило считать, что он всего один и что я смирюсь с такой участью. Не стоило относиться ко мне, как к досадной помехе. Да и просто... не стоило вам так долго утаивать правду. Надеюсь, хотя бы теперь вы начали это понимать?..

Айра подтянула колени к груди и устало прикрыла веки, чувствуя, что мучительные воспоминания забирают почти столько же сил, как и сам побег. Затем обхватила себя руками и надолго замерла, не представляя, что теперь ее ждет. Но искренне надеясь на то, что короткое послание будет понято правильно. И что единственный его получатель, будучи освобожденным ото всяких обязательств, больше никогда ее не потревожит.

В один из дней, когда силы, наконец, почти вернулись и время для ухода все-таки настало, Айра подошла к играющему на траве Гурту и присела на корточки.

Стагор еще с утра ушел на охоту, оставив гостью вместе с сыном, и она знала — до вечера хозяин землянки уже не появится. Поэтому не боялась, что будет застигнута врасплох или что ее планам кто-нибудь помешает.

— Здравствуй, — как можно мягче улыбнулась девушка.

Гурт поднял на нее взгляд и радостно осклабился.

— Гы-ы-ы...

— Как у тебя дела? Что делаешь?

— Гы-гы... — он положил перед собой три шишки в один ряд и с гордостью посмотрел снова, ожидая одобрения. — Гы-ы-ы-ы!

— Очень красиво, — похвалила Айра, внимательно всматриваясь в темные глаза парня, в которых, как ей показалось, промелькнули крохотные алые точки. — Ты помнишь, сколько тебе лет?

— Гы-гы...

— А как звали твою маму?

— Гы-ы-ы, — заулыбался дурачок.

— Где ты родился? Давно тут живешь?

Гурт снова вернулся к шишкам, не понимая, о чем его спросили, и принялся заново их перекладывать, на этот раз стараясь разложить так, чтобы самая крупная и толстая оказалась слева, средняя — в центре, а самая маленькая — справа. Потом опять смешал их огромной пятерней и переложил еще раз — наоборот. После чего добавил четвертую шишку и начал все по новой.

Айра, огорченно вздохнув, отошла на несколько шагов.

"Марсо? Что у него с аурой?"

"А что ты видишь?" — настороженно отозвался призрак.

"Что ее почти нет. Зато вместо нее есть огромный паук, который пожирает ее заживо", — девушка кинула быстрый взгляд на увлеченно гыкающего дурачка, но тут же убедилась — все правильно. Именно паук сжирал его разум и искусно дергал за ниточки, заставляя шевелиться, двигаться, ходить и пускать слюни, получая при этом какое-то извращенное удовольствие.

Она видела его не слишком четко — очертания двоились и начинали плыть, если Айра пыталась смотреть прямо. Но зато вот так, краешком глаза, вполне можно было различить, как над головой у ничего не подозревающего парня суетится, махая мохнатыми лапами, нечто уродливое, восьминое, толстобрюхое и самодовольное. А изредка, когда Гурт поднимал взгляд, даже удавалось рассмотреть, как в его глазах вспыхивали и тут же гасли ритмичные алые огоньки, смутно напоминающие зрачки голодного вампа.

"Марсо, кто это?"

"Демон, — тихонько вздохнул дух. — Не самый крупный, не самый старый, но очень настойчивый".

Айра нахмурилась.

"Ты знал?"

"Да".

"И не сказал мне?"

"Ты можешь его спугнуть, — спокойно отозвался Марсо. — Азуар — довольно проворное, невероятно живучее, но при этом трусливое и крайне злобное существо. Я пару раз встречался с ним, когда-то даже призывал... так, для мелких поручений. Поэтому немного знаком с его повадками и совершенно уверен: стоит ему только заподозрить, что ты задумала его изгнать, он убьет мальчишку. И, скорее всего, сильно испортит здоровье его отцу".

Девушка нахмурилась еще сильнее, исподволь наблюдая за играющим дурачком.

"Что ему надо? Из-за этого Гурт стал таким?"

"Да. Судя по тому, что помнит Стагор, это случилось, когда мальчишке было лет пять. Как уж деревенский колдун его пропустил, не знаю, но факт в том, что парень уже восемнадцать лет кормит эту тварь своей собственной аурой. А в последнее время демон умудрился присосаться даже к его отцу. Такие, как он, любят чистые души. Для демонов это — изысканный деликатес. Поэтому он не уйдет до тех пор, пока не высосет их до конца".

"А жена Стагора?"

"Думаю, он помог ей умереть, — так же ровно отозвался призрак. — Возможно, она просто оказалась слабее, поэтому и ушла первой".

"Его можно изгнать?"

Он тихо вздохнул.

"Когда-то я делал это легко. А теперь... когда он стал силен и так прочно сцепился с телом... не знаю, милая. Теперь действительно не знаю... ну-ка, отвернись и сделай вид, что занята своим делом. Не хочу, чтобы он заподозрил неладное".

Айра послушно отвернулась и побрела прочь, взметывая ногами прошлогодние листья, старательно изображая безразличие и задумчивость.

"Азуар не всегда показывается наружу, — неожиданно добавил Марсо. — Чаще всего он спит, переваривая то, что успел поглотить. У него сравнительно небольшие размеры, поэтому много за один раз он не откусит. Только по этой причине парень до сих пор жив. Да еще потому, что с некоторых пор демон питается не только им. Большую часть времени он позволяет носителю делать то, что ему нравится — ходить, есть, пить, чтобы тело не ослабло раньше времени. Процесс управления не доставляет ему особого удовольствия, кроме тех случаев, когда он находит это забавным. Только разум затуманивает, чтобы никто раньше времени не заподозрил подвоха и не пригласил хорошего демонолога. И лишь если демон проголодается, то ненадолго выходит из спячки и становится уязвим... как раз на те мгновения, когда отвлекается на еду".

"Как часто ему нужно есть?"

"Примерно раз в неделю".

"А остальное время?"

"Спит. И тогда его очень трудно почуять".

Айра прислонилась спиной к ближайшему дереву и прикрыла веки, напряженно размышляя, но, как ни странно, не чувствуя ни страха, ни неуверенности, ни сомнений.

"Марсо, что случится, когда Гурт умрет?"

"Азуар найдет себе другого носителя, — немедленно отозвался призрак. — И будет делать так до тех пор, пока число поглощенных душ не переведет его на ранг выше. В прошлый раз, когда я его видел, он был вне рангов — просто мелкий бес, выполняющий

поручения удачливых демонологов".

"А теперь?"

"Теперь у него второй ранг. И это значит, что кто-то из магов совершил неудачный Призыв, выпустив его за Охранный Круг. Скорее всего, погиб при этом. А демон за прошедшие сто лет успел сожрать столько душ, что теперь простой Круг стал ему уже не страшен".

"А Высшего для него хватит?" — вдруг спросила она.

"Да. Но ты его творить пока не умеешь".

"Зато ты умеешь, верно?"

Марсо молчал довольно долго, размышляя над сложным вопросом не менее напряженно, чем застывшая и кажущаяся отрешенной девушка. Она не боялась, нет — он видел это и хорошо почувствовал. Она была готова попробовать, несмотря даже на то, что для ее уровня знаний и опыта это — непосильная задача. Впрочем, она уже делала то, что выглядело совершенно нереальным. И делала с блеском, наглядно доказав, что при желании не существует такого понятия, как "невозможное". Она сумела сбежать из Академии. Освоила двойную трансформацию. Перекачала силу из одного природного Источника в другой. Она прошла сквозь десять слоев сложнейшей защиты острова, разломала свою клетку, вырвалась на свободу. Чудом выжила в чудовищной грозе, в которую попала сразу после последней Сети. Полностью истощилась, но все равно не сдалась — каким-то образом, на одной силе воли, пересекла половину Северного моря, добралась до берега, нырнула в последний, самый главный портал, истратив почти все до капли...

А теперь совершенно спокойно размышляла над тем, как избавиться абсолютно чужого ей человека от пробравшегося в его душу, не самого слабого по силе демона. Причем тогда, когда у самой силы едва-едва хватало, чтобы привести в порядок изрядно ослабшего метаморфа.

"Когда ты хочешь отсюда уйти?" — наконец, спросил Марсо, совершенно по-новому взглянув на свою необычную ученицу.

"Завтра, — без всякого удивления отозвалась Айра. — Хотела сегодня, но не думаю, что нам стоит оставлять за спиной полного сил демона. Да и Стагора надо отблагодарить. Так что уйду завтра, как только закончу".

"Тебе нельзя привлекать внимание", — напомнил Марсо.

"Да. Я как раз об этом думаю. И мне кажется, выход есть. По крайней мере, один раз это сработало, когда мы с тобой уходили в портал".

Марсо беспокожно заерзал.

"Ты о чем? Что еще задумала на ночь глядя?"

Она повернула голову, бросив последний взгляд на занятого шишками Гурта, и задумчиво бросила вслух:

— Да так... ничего... просто завтра будет гроза.

В тот вечер Стагор торопился домой, как никогда. Гонимый дурными предчувствиями и низко нависшим небом, он неожиданно бросил полные рыбы сети, забыв о том, что собирался заниматься ими допоздна. Плюнул на рваные дыры, которых в них с каждым днем становилось все больше, и заспешил обратно, отчего-то смутно тревожась. И откуда-то зная, что сегодня должно случиться что-то плохое.

Леснику никак не давал покоя пристальный взгляд приютившейся в его доме девушки,

которым она провожала его этим утром. Провожала так, будто в последний раз. Да и слова обронила странные: дескать, пусть не волнуется ни о чем, потому что когда приходит нужное время, Судьба сама решает, у кого что отнять, а кому что-то подарить... он думал над этим весь долгий день, когда возился на берегу с порванными сетями. Думал, когда палил крохотный костерок, жевал купленную в соседней деревне черствую лепешку. Когда перекидывал снасти через плечо и бродил по пояс в воде, чтобы правильно их установить. Он действительно много думал. И действительно беспокоился.

Да еще эта гроза...

Стагор прибавил шагу, спеша добраться до землянки. А когда в небе прогремел первый гром, вовсе перешел на неровный бег. Причем стремительно крепнущее чувство грозящей его дому беды становилось тем сильнее, чем чаще грохотало суровое небо и чем ярче блистали в нем ветвистые молнии.

Гроза налетела так внезапно, что немолодой лесник в мгновение ока оглох, ослеп и вымок до нитки. Порывистый ветер, бьющийся в лесу, как птица в клетке, не могли сдержать даже могучие сосны. Хлынувшей сверху воды оказалось так много, будто кто-то щедро плеснул из гигантского ведра. Холодный ливень встал перед глазами сплошной стеной, словно само небо ополчилось на встревоженного мужчину. Оно рычало и ревело, беспрестанно било яркими молниями, едва не метаясь в мокрую макушку Стагора, больно хлестало по щекам, толкало в грудь, мешая идти, пинало, пугало, недобро грозило... и словно очень не хотело позволить ему вернуться.

Стагор проклинал себя за то, что не послушался голоса сердца еще этим утром, когда с беспокойной душой уходил в лес. Он снова и снова вспоминал слова странной гостьи, которую пустил в свой дом после такой же, как сегодня, поистине безумной грозы, больше похожей на кару небесную, чем на обычное явление природы. Его мысли то и дело возвращались к амулету на ее груди, у которого было нехорошее свойство светиться в темноте лиловыми искорками глаз. И к тому, как несколько раз поутру он замечал, что серебристая змейка лежит совсем не так, как это было с вечера. И не мог не замечать, что с каждым днем невесть как оказавшаяся в его лесу девчонка крепла так быстро, словно ее питали другие, совсем иные силы, чем простую смертную.

К тому же, она совсем не пугалась его вида. Не опасалась поворачиваться спиной, словно была уверена, что ей не причинят вреда. И не понимала, как опасно порой попадать в руки таких вот немолодых мужчин, много лет не знавших женской ласки.

Стагор, мчась по темному лесу, вдруг впервые подумал о том, что причина такой уверенности может крыться вовсе не в его доброте, а лишь в том, что свалившаяся на его голову гостья просто откуда-то знает, что он не посмеет поднять на нее руку. Вернее, она знает, что владеет чем-то таким, против чего вся его сила окажется бесполезной.

"Ведьма... — с холодком подумал он, снова вспомнив про змеиный амулет. — Неужели ведьма?!"

А потом резко остановился и едва не попятился, когда словно в ответ на его страшноватую догадку из-за деревьев совершенно бесшумно выступила плотная тень. Серая от хвоста до кончика влажного носа, широкогрудая, свирепая. С хищно прищуренными желтыми глазами, мощными лапами и полуоткрытой пастью, в которой поблескивали влажные клыки. Волчица была настолько огромной, что опытный лесник только сглотнул, потому что никогда раньше не встречал зверей подобных размеров. И, скорее, был готов принять ее за призрак далекого прошлого, чем за настоящую зверюгу.

Но вот она, наконец, пошевелилась, красноречиво перегородив тропу, и Стагор, спину которого мгновенно осыпало морозом, осторожно попятился.

Волков он никогда не боялся. Волки — вестники воли Всевышнего. Они приходят тогда, когда чувствуют смерть и милосердно уносят души ушедших в Высокие Чертоги, чтобы позволить им там обрести вечный покой. Он знал об этом с детства. Уважал серых хищников и никогда не заступал им дорогу, если замечал следы охотящейся стаи.

Однако сегодня, в эту странную бурю, Стагор вдруг почувствовал, что у него волосы встают дыбом: эта волчица не была обычной. Она, кажется, даже не была живой, несмотря на то, что ноздри ее неуловимо шевелились, глаза смотрели остро, совсем по-человечески, а распушившаяся шерсть выглядела мягкой и бархатистой, больше напоминая роскошный серый наряд, чем обычную волчью шкуру.

Царица волков. Королева стаи. Которая смотрела на него так, что сердце само проваливалось внутрь и жалобно пищало откуда-то из пяток, силясь набраться смелости сделать еще хотя бы один удар. От ее взгляда холодело нутро, а ноги немели и отказывались повиноваться.

Она смотрела так, будто понимала его сейчас. Смотрела пристально, внимательно, с непонятым сочувствием. С таким видом, словно пришла сегодня по чью-то душу, но, понимая, что от Судьбы не уйдешь, не собиралась возвращаться ни с чем.

— Что тебе нужно? — хрипло прошептал Стагор, когда заметил, что она сместилась следом за ним и снова перегородила дорогу к дому. — Что ты хочешь? За кем пришла?

Волчица вздохнула.

— За мной? — холодея, предположил он, но она вдруг вздохнула снова и слегка качнула головой. — Тогда за кем? Здесь же нет никого, кто бы мог тебе понадо... нет!

Стагор вдруг окаменел от ужаса, вспомнив о том, что оставил сына одного. Как раз там, куда не пустила его громадная вестница смерти. И там, где еще оставалась необычная девушка, которую он только что заподозрил в нехорошем.

В этот момент сгустившийся воздух прорезал истошный крик, полный боли и дикого страха. Голос очень низкий, грубый и хриплый. Словно и не человек это кричал вовсе, а вырвавшийся на волю бешеный зверь. Или же человек, но совершенно обезумевший от боли.

— Гурт... — одними губами выдохнул лесник, пошатнувшись от страшноватой догадки. А потом вдруг повернулся и кинулся бежать, напрочь позабыв о грозе, мокрых сапогах, хлещущим по лицу ветвям и даже огромной зверюге, которая на этот раз почему-то не стала его останавливать.

"Дай ему время", — коснулась его разума чья-то осторожная мысль, но лесник не услышал — вытаращив глаза и распахнув в немом крике рот, помчался, не разбирая дороги, туда, где послышался новый, полный неподдельной ярости и боли вой, который почти сразу был заглушен неистовым грохотом с разверзшихся небес.

Стагор вылетел на поляну как раз в тот момент, когда ударившая сверху молния с поразительной точностью вонзилась в крышу его старой землянки. От мощного разряда старательно насыпанную землю взметнуло вверх на высоту в два человеческих роста, положенные под низ доски изломало в мелкие щепы, а затем тоже подбросило, превратив в подобие стрел, способных изрешетить любого, кто только посмеет сунуться близко. В обнажившейся яме на мгновение стало светло, как днем. Сквозь комья земли в развороченной стихией дыре проступила чья-то застывшая в неподвижности фигура. И выметнувшийся из леса отец уже не смог сдержать горестного крика, мгновенно узнав в

неестественно замершем человеке собственного сына, каким-то чудом не погибшего в этом аду.

Гурт стоял, высоко запрокинув голову и беззвучно хрипя. Он дрожал всем телом, словно в лихорадке, на его губах клокотала розовая пена. Глаза закатились, страшновато обнажив пустые белки. На могучих руках гуляли сведенные судорогой мышцы. Неестественно выпрямленная спина была напряжена так, словно вот-вот готовилась переломиться пополам, а искаженное от невыносимой муки лицо побледнело так жутко, что отсвечивало в темноте настоящей мертвенной белизной.

Но самое страшное заключалось в том, что вокруг юноши блистал и сыпал ядовитыми сиреневыми искрами старательно вычерченный на земляном полу круг. Мощный, тройной, окружающий такую же лиловую пятиконечную звезду, в центре которой был заключен неразумный сын лесника. Все пространство вокруг него оказалось заполнено причудливыми знаками и надписями на неизвестном языке. Их были десятки, сотни, сплетающихся в причудливом танце сложного заклинания. И все они сейчас ярко светились, причиняя бьющемуся в судорогах парню немилосердную боль.

Однако круг был не один: наверху, как раз на высоте некогда целого потолка, прямо в воздухе над дурачком крутился еще один сиреневый хоровод. Такой же сложный и идеально повторяющий тот, что сжигал его заживо на полу. Он словно подпитывался от бушующей грозы, с каждым ударом молнии наливался нехорошей силой, становился ярче, мощнее, буквально впитывал ударяющие сверху разряды. И при этом постепенно сжимался вокруг запертого внутри магической тюрьмы парня.

Завидев сына, Стагор бесстрашно кинулся к нему, проклиная свою слепоту. Не почувствовав, как сразу несколько кружащихся в воздухе щепок глубоко впились в его щеку, рванулся вперед, однако на полпути что-то ударило его в грудь и безжалостно отшвырнуло обратно. Да с такой силой бросило на землю, что у него на какое-то время потемнело в глазах.

"Дай ему время", — снова тихо прошелестел в голове чужой голос, и Стагор закричал зубами.

— Ведьма... проклятая ведьма!!!

Он бросился снова, пытаясь спасти сына от неминуемой смерти, но снова был уверенно остановлен и отброшен прочь, словно неразумный котенок, попавший под ноги раздраженного хозяина. Однако и после этого упрямо поднялся на подрагивающих ногах, утер выступившую из носа кровь, а потом хрипло зарычал:

— Ведьма-а-а... как ты посмела?!

Внезапно Гурт завертелся на одном месте, будто взбесившаяся юла, а затем взвыл таким нечеловеческим голосом, изрыгая страшные проклятия и кощунственные богохульства, что даже испуганный отец против воли замер.

— ТВАРЬ! МЕРЗАВКА! УРОДИНА БЕЛОБРЫСАЯ... КАК ПОСМЕЛА... МАРСО, Я ТЕБЯ ДОБЕРУ-У-У-СЬ... ДО ВАС ОБОИХ ДОБЕРУСЬ... И ДО ЭТОГО СМЕРТН ТОЖЕ-Е-Е... ОН МОЙ... МОЙ... МОЙ НАВЕКИ!!! НИКТО НЕ СМЕЕТ ОТБИРАТЬ У М ДОБЫЧУ-У-У... ОН МОЙ... ОНИ ОБА МОИ... ВЫ СЛЫШИТЕ?!

"Не в этот раз, — вдруг раздалось усталое за спиной лесника, и давешняя волчица медленно выступила из леса. — Изыди, Азуар. Эти души тебе не принадлежат. Отпусти мальчика. Он уже не твой".

— ТВА-А-АРЬ!!! ОБМАНУЛА-А-А... Я НАЙДУ ТЕБЯ!!! СЛЫШИШЬ?!! Я Т

НАЙДУ-У-У-У... — бешеным туром взвыл Гурт, неистово заметавшись в стремительно сужающемся Круге. — Я ВЕРНУСЬ И ТЫ ЕЩЕ ПОЖАЛЕЕШЬ...

"Ты больше никогда сюда не вернешься, Азуар, — твердо посмотрела на него волчица. — И никогда больше не тронешь человеческие души. Таково мое слово. Такова моя воля. И такова воля Сердца, которое сейчас говорит через меня. Изыди, демон. Над этим миром больше нет твоей власти".

Стагор дернулся было навстречу серому чудищу, которое посмело говорить в его голове чужим голосом, однако горящий лиловыми огнями взгляд заставил его замереть на месте. Столько силы в нем было сейчас, столько властной уверенности и нечеловеческой мощи, что он просто не смог воспротивиться. А когда она хищно сузила глаза и что-то повелительно рыкнула, потревожив небеса громким эхом... когда в ответ ей закричал почти нормальным голосом ничком упавший Гурт... когда вокруг него вдруг полыхнуло бешеное лиловое пламя, сжигая остатки землянки и того, что было вокруг, лесник вдруг понял, что больше не в силах выносить этого жуткого зрелища. Он резко развернулся, нашел глазами неподвижно лежащего сына, судорожно вздохнул и, будучи не в силах больше ждать, кинулся ему на помощь.

Вот только на этот раз никакая преграда его не остановила — Стагор беспрепятственно спрыгнул в зияющую яму, подхватил на руки обмякшего парня и со стоном потащил наружу, не замечая, как от отчаяния по щекам бегут две влажные дорожки. С трудом выбравшись из загубленного дома, он отволоч бесчувственное тело на несколько шагов и в изнеможении рухнул рядом, с каким-то отрешенным безразличием увидев, что поднявшаяся вверх крыша землянки именно в этот момент рухнула обратно, похоронив под собой все, что было ему дорого. Все, что он строил, что собирал, мастерил долгими темными вечерами. Абсолютно все, что составляло когда-то смысл его жизни... кроме изможденного, оборванного, исцарапанного, но все еще дышащего сына.

"Вот и все, — тихо сказала волчица. — Он теперь свободен. Дай ему время привыкнуть. Пусть спит три дня и три ночи — изгнание демона забирает много сил. После этого твой сын проснется здоровым и крепким, как раньше. Правда, будет помнить лишь то, что случилось до того, как его разум угас. Тебе придется учить его заново. Заново воспитывать и растить, как если бы он снова стал пятилетним мальчишкой... тебе будет трудно, не скрою. Придется вложить много сил, чтобы он скорее осознал себя зрелым юношей. Но когда-нибудь придет день, когда он встретит тебя с охоты и приведет в дом любимую девушку. Жди этого дня, Стагор. Жди и надейся... больше мне нечем отблагодарить тебя за доброту. Прощай".

Лесник неверяще уставился на бледное лицо сына, с которого вдруг исчезла дурашливая улыбка. Он исхудал за этот вечер так, как будто год провел в каменоломнях. Он едва дышал, с трудом мог просто лежать... но он был жив. Действительно, жив. И, кажется, уже не так безумен, как раньше?

Стагор проводил глазами удаляющуюся серую тень, на загривке которой только сейчас подметил странную лиловую полосу. Запоздало признал и голос, звучащий в голове, и печальный взгляд, и мягкую походку. Хотел было окликнуть уходящую волчицу, но вдруг оробел. И смог только безмолвно проводить ее растерянным взглядом, еще не слишком понимая, что на самом деле она для него сделала.

Гроза давно отшумела, прекратив обрушиваться на мокрый лес неистовым грохотом. Бешеный ливень постепенно сменился легким дождиком. Разгневанное небо постепенно

затихло, присмирело. Затем сквозь свинцовые тучи проглянул где-то на востоке первый слабый просвет. На разгромленной поляне воцарилась оглушительная тишина. Остатки землянки медленно тлели, вздымая в серые небеса вялый дымок. Сильный ветер стих, опустив на траву многочисленные щепки, но потрясенный лесник так и сидел на земле, судорожно сжимая руками мокрую рубаху сына, и неподвижным взглядом смотрел на занимающийся рассвет.

Она бежала до самого утра, задумчиво перекатывая в пасти алмазное колечко и сосредоточенно посматривая по сторонам. Бежала молча, не желая отвлекаться на всякие глупости, старательно прислушиваясь к собственным ощущениям и уверенно направляясь туда, куда звало ее невидимое Сердце.

Несколько раз ей приходилось останавливаться, чтобы передохнуть и напиться из прозрачного и холодного до ломоты в зубах ручья. Потом потребовалось обойти стороной притихшую на время грозы деревню, в которой даже собаки, испугавшись гнева небес, забились в свои конуры и не посмели носа наружу высунуть. За деревней начались ухоженные поля. За полями — заливные луга, на которых уже наутро снова появится вечно жующий скот. За лугом опять — дремучий лес и плохо укатанная дорога к Драмну, на которой ей было совершенно нечего делать.

Бежать оказалось удивительно легко — сильное волчье тело было просто создано для ровного бега по мягкой травяной подушке. Звериные глаза без труда улавливали даже крохотные отблески света. Чуткие уши настороженно поворачивались, легко определяя, где засел трудолюбивый сверчок. А беспрестанно шевелящиеся ноздри безошибочно сообщали ей, где испуганно притих зеленый кузнечик, где недавно вспорхнула потревоженная сойка, а под кустом инстинктивно вжалась в землю крупная лесная мышь, возвращающаяся в норку с добычей.

Айра не стала пугать маленькую родственницу своим рыком. Просто обошла стороной и побежала дальше, следуя собственному чутью и мерному биению далекого Сердца, до которого следовало добраться как можно скорее. Ее больше не пугала неизвестность, не страшила мысль о том, что она не успеет или промахнется с направлением. Нет. Теперь, когда основное было сделано, все долги розданы, а впереди раскинулось бесконечное зеленое море лигерийских лесов, она вдруг обрела уверенность в том, что непременно доберется до Занда по кратчайшей дороге.

В волчьей шкуре ей не нужно будет заботиться о своем виде и возможных попутчиках. Не потребуется думать о платье, ночлеге и о том, что в карманах нет ни единого гроша. Ей не нужна компания. Не нужны шумные разговоры. Не нужен проводник или иной сопровождающий — Сердце не позволит ей потерять направление. Теплая шуба уберет от ночных холодов. Сильные лапы без труда домчат куда нужно. А острые зубы и внушительные когти послужат отличной защитой от любого недоброжелателя.

Поэтому она не беспокоилась. Поэтому же бежала упруго и ровно, сберегая силы. Поэтому без опаски оставила за спиной ошеломленного лесника и потом еще долго не останавливалась, стремясь уйти от его разгромленного жилища как можно дальше.

"Ну? — наконец, решился нарушить молчание Марсо, когда она со вздохом прилегла под мокрым кустом. — Ты ничего не хочешь мне сказать?"

Волчица принялась старательно выкусывать колючки из лап.

"А надо?"

"Тогда хотя бы поясни, откуда ты взяла схемы Изгоняющих Кругов?"

"Увидела", — невозмутимо отозвалась Айра.

Марсо язвительно хмыкнул.

"Правда? Помнится, в тех книгах, что я тебе давал, такого материала не было!"

"А ты помнишь все, что мне давал?"

"Айра! Ты меня за дурака держишь?! — наконец, возмутился он. — Кто тебе дал схему Кругов ЧЕТВЕРТОГО уровня! И кто научил ею пользоваться?!"

Она широко зевнула.

"Не знаю".

"ЧТО?!"

"Ой, да не кричи, — поморщилась волчица. — Я устала. Думаешь, легко было рисовать их на земле, а потом потихоньку подпитывать, чтобы не привлечь ненужного внимания?"

"Вот это и мне интересно! Где ты ЭТОМУ научилась?! Когда?!"

"Вчера, — снова зевнула Айра. — Во сне увидела, как какой-то тип их рисует и проговаривает вслух заклинание. Вот я и повторила то, что делал он. А то, что Круг взяла четвертый, а не второй... так ты же сказал, что Азуар стал гораздо сильнее. Вот я и решила немного добавить. Вдруг он бы оказался не второго, а третьего или даже четвертого уровня? К тому же, ты сам видел — его едва удалось оторвать от паренька. Разве было бы хорошо, если бы вместо здорового сына Стагор получил еще дымящийся труп?"

Марсо ошарашенно умолк.

"Сон?"

"Точно, — лениво отозвалась волчица, вытянувшись во всю длину и спрятав в густой траве драгоценное колечко. — Я же тебе говорила, что иногда слышу голоса. И вижу многое из того, что происходит не со мной. Когда-то в прошлом, когда-то в настоящем... я не до конца поняла. Зато они не раз меня выручали и вовремя подсказывали ответы на всякие разные темы. И на уроках, и просто так. Как правило, именно тогда, когда это было действительно нужно. Даже про Леграна подсказали — ну, чтобы я не смотрела ему в глаза. И про Зорга тоже. Про Кера. Про кучу разных вещей на тему Естествознания, начиная с того сколько камер имеет сердце обыкновенной лягушки".

Призрак издал странный звук.

"И давно это с тобой?"

"С тех пор, как выбралась из Занда".

"Ты не говорила мне, что эти голоса... НАСТОЛЬКО реальны".

"А я и сама не знала. Но они меня еще ни разу не обманули. А иногда я одновременно с голосами вижу какие-то города, лица, события. Могу даже почувствовать себя кем-то другим, понимаешь? — Айра прикрыла веки и ровно задышала. — Я видела себя старухой и совсем маленькой девочкой. Видела мальчишкой и бравым солдатом. Видела воровкой и разбойником. Летала птицей над Снежными Горами. Тонула на каком-то корабле с невольниками. Писала чьи-то мемуары, ругаясь на нерадивого служку, забывшего наполнить чернильницу... а вчера была каким-то магом, умеющим призывать и изгонять из людей демонов. Вернее, я захотела им побыть, и мне тут же показали, что нужно делать с твоим Азуаром. Так что, полагаю, на самом деле я могу получить ответ на любую тему. Надо только правильно задать вопрос".

"А... тянуть силу из обычной воды тоже они тебя научили?" — не слишком уверенно уточнил Марсо.

"Нет. С силой я сама поняла, когда полезла в реку умываться и почувствовала, что после этого словно здорово наелась. Как выяснилось, я и без Источника могу довольно быстро восстанавливаться. Только это займет немного больше времени. Да и просидеть в реке мне пришлось битый час, чтобы ощутить разницу. Интересно, с воздухом такое тоже можно

проделать?"

"Не знаю, — ошарашенно отозвался Марсо. — Не пробовал. А раньше с тобой такое бывало?"

"Нет, — вздохнула волчица. — В Академии воздух совсем другой. Какой-то мертвый, что ли? И вода не такая... естественная. Не говоря уж о том, что почувствовать там силу из-за поставленной защиты — совершенно невозможно. Такое впечатление, что именно защита высасывает из окружающего мира всю магию, какую возможно. Так что на нас ее совсем не остается"

"Я об этом не думал, — нахмурился призрак. — Как-то даже мысли не было, но ты, наверное, права: Сети должны тянуть силу отовсюду, несмотря на частые грозы. Из воздуха, земли, воды... может, поэтому в садах плохо растут некоторые виды растений? И обычных животных совсем не осталось? А если кто и живет, то только в Оранжерее, куда Матисса без конца тратит кучу энергии?"

Айра зевнула в третий раз и блаженно потянулась.

"Да какая разница? Я туда больше не вернусь. А через несколько недель доберусь до Занда и вообще забуду об Академии. Листика и Шипика с Иголочкой, конечно, жалко, но они без меня не пропадут. За них теперь весь второй курс будет насмерть биться, если кто-то надумает вдруг обидеть. Да и прижились они там. Привыкли. Никуда больше не денутся. Станут достоянием школы, класса и, вообще, Ковена. А нам с тобой надо только позаботиться о том, чтобы спрятать все следы, чтобы этот самый Ковен до нас не добрался, и чтобы не нестись от него сломя голову, петляя диким зайцем, как на большой охоте".

"После грозы следов не остается, — задумчиво протянул Марсо. — Ни от порталов, ни от Изгоняющих Кругов, ни от трансгрессии. Но все равно — постарайся не перекидываться лишний раз. Тем более, в ясную погоду. Кто знает, где не свезет наткнуться на охотников? А мы с тобой сейчас — весьма знатная дичь. Особенно я, как мятежный маг и бывший узник. И твой Кер — как первый за десять веков прирученный боевой метаморф. Впрочем, не переживай: за твою голову тоже дадут немалую награду. Таковую, что я, если бы тебя поймал, потом всю оставшуюся жизнь мог бы не беспокоиться о доходах. Не рискуй больше, ладно? Я не хочу потом сидеть с тобой на одной цепи целую вечность".

"Да брось. Если меня поймают, никакой цепи не будет. Удавят в каком-нибудь подвале и все. По-тихому, чтобы не смущать простой люд видом моей неаппетитной смерти. Но самым неприятным способом, чтобы окончательно понять, что же мы с Кером из себя представляем".

Призрак озадаченно помолчал.

"Откуда вдруг столько сарказма?"

"Устала я очень, — отозвалась Айра. — Просто устала".

После чего уронила голову на лапы и крепко уснула, больше не имея ни сил, ни возможностей, ни желания что-либо обсуждать.

Утро, как ни странно, выдалось ясным и солнечным. Как раз таким, чтобы отдохнувшая и хорошо выспавшаяся волчица, поднявшись и сладко потянувшись, рискнула нахально подшутить над своим призрачным спутником и сделала вид, что ушла, напрочь позабыв про лежащее в траве колечко. Вернулась она, правда, довольно быстро: застигнутая пронзительным воплем перепугавшегося духа уже в паре десятков шагов, едва не вздрогнула от неожиданности. После чего поспешила заверить исположившегося друга, что все в порядке, подхватила пастью бесценное сокровище, тихо хихикнула, вызвав целый взрыв

негодования. А потом еще половину дня слушала возмущенное бурчание, ворчание, сопение и обиженное молчание, в котором прямо сквозило неодобрение по поводу чьих-то глупых подначек и совсем уж неуместных шуток.

Потом, конечно, пришлось выпрашивать прощение, оправдываясь тем, что это игривая и своенравная волчья натура так сказала... дескать, вспомни, каковы виары в своем зверином облике и как трудно порой бывает их угомонить. Но Марсо все равно дулся до самого вечера, напрочь отказываясь разговаривать, а оттаял только тогда, когда огорченная волчица неосторожно оступилась на краю какого-то болотца и перепачкалась в грязной жиже по самое брюхо, едва не утопив в ней и себя, и Кера, и злополучное кольцо, которое от неожиданности действительно чуть не выронила из пасти.

Потом пришлось долго отмываться в первой попавшейся на глаза речушке, недовольно отряхиваться, сушиться и негодуя фыркать, слушая ехидные замечания вредного призрака. Наконец, сурово пригрозить, что действительно обидится и пойдет дальше одна, а потом сделать даже небольшую пробежку для большей убедительности. Лишь после этого хрупкий мир был восстановлен, одному торжественно пообещали, что больше не станут шутить серьезными вещами, а второй не менее торжественно поклялся, что больше не станет "случайно" осыпать землю под чьими-то лапами, стараясь совершить исподтишка свою страшную месть...

В общем, день прошел плодотворно и с пользой.

Единственная проблема, которая встала перед Айрой, это трудности с поиском пищи: все-таки виаром она никогда не была, охотиться не умела, а готовых пирожков или сладкой морковки в лесу не продавали. Да и не еда это для волка — морковка. Сильное тело требовало нормального питания и, в первую очередь, мяса. Так что, поломав голову и вдоволь наслушавшись голодного урчания в брюхе, от которого не спасли несколько найденных по пути питательных травок, она все-таки нашла разумный компромисс. Раз уж перекидываться без грозы опасно и тяжело, то имеет смысл хотя бы ненадолго разделять их с Кером сознание, чтобы на некоторое время метаморф взял верх и, будучи опытным охотником, нашел что-нибудь подходящее.

Марсо на такую идею только скептически хмыкнул. Однако когда волчица ненадолго прилегла на траву и прикрыла глаза, тяжело задышав и явно меняясь, он озадаченно крикнул и неверяще высунул нос из своего убежища, чтобы воочию убедиться, что сумасшедшая девчонка действительно решилась. А потом, едва у волчицы загорелись хищными огнями глаза и пропал в зрачках прежний разум, и вовсе — плавно сполз обратно в кольцо, мысленно проклиная тот день, когда она вдоволь начиталась в Хранилище всяких дурацких книг.

Когда же встряхнувшийся зверь глухо рыкнул и спрятал кольцо под слой дерна, призрак вообще ударился в панику, опасаясь, что вырвавшийся на свободу Кер, занявший тело серой волчицы, напрочь позабудет о том, где его бросил. Даже завопил истошно, когда с ужасом понял, что действительно остался один и почти погребен заживо, имея в запасе сравнительно небольшой объем сил. Это понимание привело несчастного духа в совершенно неуравновешенное состояние. Причем пребывать в нем пришлось последующие несколько часов, по истечении которых все тот же мокрый нос ловко откопал тускло светящееся колечко, привычно подцепил на клык и, зажав в пасти, довольно вздохнул.

"Ну вот. Оказывается, это не так уж сложно. Хотя и приятного, конечно, тоже мало. Только и того, что сыта. Марсо, ты как?"

Впавший в состояние глубокого, гнетущего шока, архимаг не смог даже выдать достойного ответа, чтобы выразить всю глубину своего возмущения, подспудного страха и ощущения брошенности, которые только что пережил. Он лишь слабо застонал, тем самым показывая, что жив и здоров, а потом долго ругался себе под нос, чтобы хоть как-то выплеснуть кипящее негодование. Но вскоре понял, что изменить все равно ничего не в силах, и устало замолк, время от времени расстроено вздыхая и обреченно думая о том, что вскоре это испытание для его расшатанных нервов придется повторить. Потому что без еды Айре было не выжить, а добыть ее без помощи метаморфа она не могла. Только и радует мысль, что Кер обожает ее настолько, что согласен исполнять столь нерадостную обязанность для хозяйки. А также то, что он без всякого сожаления юркнул потом обратно в ее сознание, где свернулся серым клубочком и немедленно затих, терпеливо ожидая, пока она снова позовет. Потому что если бы он оказался достаточно тщеславным, то легко мог забыться, опьяненный ощущением полнейшей свободы, и тогда не видать кое-кому своей собственной свободы, как его мохнатых ушей.

Спасибо Занду, что подарил своей гостье столь заботливого хранителя.

За долгий день Айра больше не рискнула останавливаться. Ожидание погони и память о потерянном на восстановление времени заставляли ее двигаться вперед, позабыв про усталость и гудение в натруженных лапах.

Да, она выиграла у Совета немало времени, когда уходила в грозу и творила последний, решающий портал неведомо куда. Да, она сумела их ошарашить, изумить, привести в состояние длительного неверия. Смогла сбежать из тщательно охраняемой, надежно отгороженной от остального мира тюрьмы. Да, им придется потратить немало времени и сил, чтобы обшарить все побережье Холодного моря и уцепиться хоть за какой-то след. Точнее, им придется обшарить его вглубь почти на двое суток пути. Однако и это когда-нибудь случится. А пока длятся настойчивые поиски на берегу, по всей Лигерии уже полетели приказы в города, села, деревни... везде, где только есть обладающие навыком охоты маги... с тщательно составленным описанием беглянки, слепком ее ауры, намеком на способности и строгим наказом выследить и оцепить. Дескать, юна, хитра и проворна. Найти и доставить любой ценой. А следом за депешами и гонцами помчатся сами маги, подгоняемые сердитыми взглядами и еще более сердитыми приказами. С ними — помощники, собаки, гвардия... Совет ни на что не поспеет, чтобы вернуть в свое лоно драгоценную беглянку. И времени для того, чтобы выскользнуть из расставленных сетей, у нее остается все меньше.

Рано или поздно кто-то все равно наткнется на ее след. Или сумеет отыскать слабую ауру от последней воронки, вопреки заверениям Марсо. Или отыщет затерянную в лесу старую хижину, в которой обрадованный случившимся чудом Стагор быстро расскажет, что за гроза нынче бушевала над его головой и почему сын неожиданно начал его узнавать и впервые за долгие годы смог членораздельно говорить. А потом — все совсем просто. Достаточно будет поднять по тревоге окрестные села, найти загонщиков поопытнее, пустить по свежему следу натасканных ищек... как на четырех лапах, так и на двух ногах... потом — считанные дни погони, отчаянные рывки в одну или другую сторону, короткая схватка, во время которой наверняка кто-то серьезно пострадает... ну, а уж там все будет зависеть от решения Совета. Захотят оставить опасную ученицу в живых — оставят, чтобы хорошенько изучить, распяты на жестком ложе правды, выпытать насчет Сердца Зандокара и... дальше лучше вообще не думать. В ином же случае настигнутую беглянку просто задавят

численностью и, решив, что она слишком опасна, пристукнут в каком-нибудь овраге, милосердно прикрыв дерновым одеяльцем. А после вернутся обратно, разъедутся по домам, посокрушаются некоторое время, что девка могла бы иметь совсем другую судьбу, да и забудут навсегда, благо своих дел у всех по горло.

Поэтому Айра спешила. Поэтому же старательно огибала деревни, старалась держаться подальше от дорог и всячески прятала следы, чтобы какому-нибудь леснику вроде Стагора не довелось на них наткнуться и примчаться к старосте с вытаращенными глазами и громким воплем о том, что в лигерийских лесах появился первый за многие века оборотень.

С каждым днем она уходила все дальше на восток, потихоньку забирая к северу. С каждым днем ощущала, как холоднее становятся ночи, и неустанно радовалась тому, что теплая шуба спасает ее от ветра. С каждым днем все спокойнее и благоднее становился Марсо. И с каждым днем неприятная мысль о погоне отдалялась все дальше и дальше.

По утрам Марсо неизменно будил ее с первыми лучами солнца, безжалостно отрывая ото сна и напоминая об охоте. Потом ее место занимал довольный свободой Кер, ненадолго пропадал в лесу, предварительно убедившись, что посторонних поблизости нет, и надежно спрятав кольцо в густом мхе. Через некоторое время он возвращался, слизывая с морды кровавые капли, немедленно уступал место хозяйке и на целый день засыпал, отдавая ей накопленные силы и позволяя оставаться зверем столько, сколько она сама захочет.

Потом Айра старательно отмывалась, тщательно счищая со шкуры кровавые отметины. Выискивала нужные травы, о которых знала едва ли не больше, чем мадам Матисса, торопливо жевала. Наконец, подхватывала свою единственную ношу, хмыкала, если Марсо начинал ворчать по поводу долгого отсутствия, и снова устремлялась в путь.

Пока им везло: за пару недель пути Айра не встретила ни одного человека. Правда, она и забиралась в самую глухомань, сводя с ума всех окрестных волков. Пару раз даже пришлось порычать, чтобы избавиться от особо назойливых попутчиков, а однажды — сбежать от взбешенной вторжением парочки бурых медведей, облюбовавших себе малинник в качестве места для дневного сна. От трактов и дорог волчица благоразумно держалась подальше. Но иногда, забираясь на какой-нибудь пригорок, видела издалека, как вьется пыль над прореженной человеческими руками чащей и как катятся тяжело нагруженные телеги, подгоняемые свистом кнута и унылой песней скучающего возницы.

Одно хорошо: чем дальше от Лира, тем гуще становились леса и пустынные дороги. Редко когда можно было встретить одинокого крестьянина, вяло бредущего по обочине. Еще реже встречались люди побогаче, могущие позволить себе прокатиться на телеге. А уж если на глаза попадались купеческие подводы, то сразу по пять или десять за раз, да под внушительной охраной, с которой не всякий лихой человек вздумает связаться. Но таких было мало. Как правило, пронесется кто-то на быстром коне, поднимет пыль до самого неба, а потом снова — тишь да гладь до самого вечера.

Спать приходилось там, где заставляла ночь — под кустами, под вывороченным с корнями деревом, в ельниках, в березняках или просто на берегу, устало вытянувшись под упавшими до земли еловыми лапами. Но Айра не жаловалась. В последние недели ей пришлось столько всего пережить, что долгие ночи под мокрыми ветвями не казались чем-то неприятным. Напротив, она бы обеспокоилась, если бы вдруг довелось забраться на пышную перину и безнаказанно утонуть в ней до утра. Пусть лучше так — мохнатой, зубастой и взъерошенной, чем приодетой, принаряженной и старательно покрашенной куклой, которую под многочисленными понимающими взорами поведут в чью-то холодную

постель.

Это была свобода. Настоящая. Полноценная. Долгожданная и собственноручно выгрызенная, вытребованная, заработанная и дерзко выхваченная из чужих рук. За эту свободу Айра много настрадалась. За нее она почти умерла. За нее она смертельно рисковала. И даже сейчас, сворачиваясь в клубок возле какого-нибудь замшелого пня, впитывала ее всем существом, но при этом твердо знала, что не променяет ее ни на что на свете. Ни на ученичество, ни на новую силу, ни на богатый дом, ни даже на возможность прощения и возвращения в обманчиво уютное лоно Ковена.

Все, хватит. Достаточно этой лжи, когда за одну крохотную уступку сулятся золотые горы и несметные сокровища древних знаний. Всего один раз... один-единственный, когда надо смириться и дать им сотворить что-то против воли, а потом, мол, полнейшая свобода, свободный выбор, свободные решения, обеспеченное будущее, в котором ты никогда не будешь знать проблем... тебе даже память сотрут, чтобы легче жилось... сделают вид, что никто ничего не знает и вообще, что ничего этого не было — ни ученичества, ни Инициации, ни многозначительных улыбок обаятельного и совершенно неотразимого лера Леграна...

Хватит.

Довольно уже красивых слов и сладких обещаний. Просто потому, что за ними не скрывается ничего, достойного внимания. И потому, что на самом деле все это — ложь. Одна большая, красивая, невероятно сложная ложь. Тогда как в действительности никакой свободы нет: ни в Академии, ни в Ковене, ни в мире вообще. Все вокруг подчинено воле сильнейших, от крохотного кустика в Оранжеее мадам Матиссы до могучих и неприступных Охранных лесов. Совет стережет каждого из своих адептов. Определяет их будущее. Следит за тем, как они растут. И жестко карает за то, что кто-то осмеливается выбрать для себя иную судьбу.

А настоящая свобода — вот она, шумит вокруг непокоренными просторами, свистит в ушах холодным ветром, журчит многочисленными ручейками. Ярким солнцем сияет с высоких небес и благодатным дождем проливается на заждавшуюся перемен землю.

Свобода — как вода. Ее нельзя заключить в тюрьму. Ей нельзя придать какую-то форму и надеяться, что так будет вечно. Как только воду выливают из сосуда, она тут же утекает сквозь пальцы. Она не покоряется чужим рукам. И ее не удержать одной только жадной пятерней. Ее можно лишь осторожно зачерпнуть раскрытыми ладонями. Ей можно умыться. Ее можно с наслаждением пить. Но ее никогда не загнать в стальные стены и не заставить томиться в них, подобно запертой в клетке сомнений душе.

Свобода — священна. А свобода разума священна вдвойне. Ради этого стоит бороться, к этому стоит стремиться и рисковать ради нее всем, что имеешь.

Марсо это хорошо знает.

И Айра теперь знала тоже. А потому с каждым днем удалялась от Лира все дальше и дальше, оставляя между собой и прошлым зеленые стены лесов, голубые ниточки раскинувшихся паутиной рек и многие лерды расстояний, чтобы в один прекрасный день вернуть себе то, что было потеряно.

Она спешила домой.

Приближение болот она почувствовала заранее: неуловимый запах болотной гнили задолго предупредил чуткий нос волчицы, что стоит немного отклониться в сторону, если, конечно, она не хочет тонуть в липкой жиже снова. Только не один раз, как после грязной шутки Марсо, когда она едва намочила шерсть, а окунуться в нее целиком и брести потом перемазанным тиной чудовищем на протяжении нескольких дней или даже недель.

— *Гремарские топи — ненадежное убежище, —* проникновенно прошептал в голове чей-то хриплый голос, едва Айра заколебалась. — *Они тянутся далеко вдоль восточных окраин Лигерии, местами — вплоть до самых Охранных лесов. Тебе стоит свернуть еще больше на север, друг мой. Да... только на север, если хочешь добраться до цели живым и остаться незамеченным. Можно, конечно, пройти и южнее, где жаркое солнце Карашиэха просушило их до дна, но там много дорог, много караванов и людей, которые могут запомнить твое лицо. Не рискуй понапрасну, приятель. Поостерегись королевских ищеек и сверни на север, чтобы благополучно достигнуть нужного места. Только берегись нежити, друг. Сторонись болот по ночам и спеши выйти на сухое место к темноте. Говорят, после Катастрофы в Гремарских топях осталось немало неприкаянных душ. Берегись их, Вадр, и никогда не снимай с шеи подаренный мной амулет...*

Айра, замерев на месте, неуверенно рыкнула:

"Марсо? Что ты знаешь о Гремарских топях?"

"Плохое место, — тут же отреагировал маг. — Думаешь, мы добрались?"

"Нет. Но уже близко. Дня два осталось, не больше. Что мне делать, Марсо?"

"Сворачивай к северу, — без колебаний посоветовал дух. — Там холоднее, конечно, но гораздо меньше риска нарваться на бродячих утопленников или другую нечисть. Шкура у тебя теплая, лапы быстрые, запах слабый, звериный... должны проскочить. А если по ночам подмораживать начнет, то вовсе по льду пробежишь, никого не потревожив".

"Значит, на юг не стоит?"

"Нет: слишком людно. Впереди Занд, девочка моя, а все дороги в обход него идут через Карашиэ, оттуда — по краю пустыни Моро и Редколесья, вдоль Внутреннего моря — в Аргаир. Или же через Холодное море, мимо эльфийских берегов — на ту сторону мира, минуя всякую сушу".

Волчица тяжело вздохнула и послушно повернула на север.

"Говорят, в этих болотах нежить неуспокоенная бродит?"

"Бывает, — рассеянно отозвался призрак. — Но с магией там надо быть еще осторожнее, чем везде: вдоль болот она разносится быстро и далеко, как громкий вопль в длинном тоннеле. Стоит только раз колдануть, как эхо тут же докатится до Совета. Поэтому будь осторожна вдвойне. Людей там немного, но на данный момент не они — твоя главная забота".

"Кого же мне тогда опасаться? Магов? Обратней? Вампов?"

"Нет. Виары только у себя в лесах остались, вампы из Нипара носа не высовывают. А здесь надо бояться плавунов, гигантских пиявок и умертвий. Насколько я помню, в этих топях они еще встречаются".

"Ты имеешь в виду упырей?" — беспокойно повела носом волчица.

"И их тоже. На самом деле видов нежити много, начиная с мавок и заканчивая

гигантскими болотниками. Это вам на некромантии преподают, как и способы защиты от них, и заклинания-обереги. Вот демон... надо было подумать об этом заранее... все равно ж пришлось бы сюда соваться... прости, милая, недоглядел. Но слишком много было того, что тебе предстояло освоить".

"Ты мне лучше скажи, как их распознать? Чем пахнут? Каковы на вкус... — Айра ошалело помотала головой. — Э-э-э... ох уж эти инстинкты... в смысле, как с ними справиться без магии? Как они бродят: группами или поодиночке? Летают ли? Плавают ли? Или мне стоит опасаться только погони на суше?"

Марсо ненадолго задумался.

"Вообще-то, по-разному бывает. Плавунки обожают прятаться в воде... они похожи на старые гнилые бревна, только с зубами и парой спинных плавников. Нападают чаще всего из засады, из-под какого-нибудь куста или ряски. Но они довольно неуклюжи и медлительны. Часто спят, мало двигаются, охотятся поодиночке и терпеть не могут своих собратьев. Этим опасаться вряд ли стоит: ты легко от них убежишь. Мавки — проблема посерьезнее: любят таиться вдоль берегов и стаскивать незадачливых путешественников в воду. Мороки насылают, прикидываясь то дитем неразумным, то девицей красивой, то парнем пригожим... кто подойдет близко, того и утянут на дно. Летавицы делают хитрее — на дорогу сами выползают, словно пиявки за свежей кровью, прикидываются сомлевшими бабами, а потом хватают и прыгают в воду. Если промажут, то потом будут ночами выть с досады, а уж если кого сцапают — все, хохот над болотами такой стоит, что ни одна живая душа близко не сунется. Но зато они, когда нажрут, еще с месяц охотиться не смогут — жиреют и в спячку впадают".

"А упыри?" — нерешительно прижала уши волчица.

"Этих тоже хватает, но они слабые, склизкие, полудохлые... из утопленников, как правило, нарождаются, если после смерти душа не находит упокоения, а тело не успели пожрать черви. Ну, и если маг какой неосторожно заклятие поблизости бросит, а остатки за собой не уберет — упыри на любые эманации силы реагируют, как комары — на тепло. Сползаются отовсюду и кружат, кружат... плохо то, что они стаями любят собираться. Штук по десять-двенадцать. Иногда больше. Так что, хоть уничтожить их довольно легко (достаточно голову оторвать), но отбиться от всей стаи — непросто. Чаще всего кто-то подбирается со спины и нападает, пока остальные отвлекают внимание. С ними тебе лучше не связываться — как почувешь, что тухлятиной потянуло, так и беги со всех ног. Догнать они не смогут — разваливаются на ходу, поэтому лучше будут ждать другой добычи. Того, кто слаб или сильно ранен, а на болотах таких всегда хватает".

"Марсо, а кто такие болотники?"

"Хозяева, — не слишком охотно отозвался дух. — Что-то среднее между человеком и громадной жабой. Не живые и не мертвые. Но зато разумные, сволочи. Говорят, с кем-то даже договориться можно, чтобы пропустили. Силу, там, отдать в достатке, или кровушкой своей поделиться... они силу любят. Готовы вытянуть все до капли. Да только дураков, сама понимаешь, нет — как только ты ему силу-то отдашь, так его сдерживать ничто не будет. Квакнет своим, и от тебя даже костей не останется. Поэтому дают... если выживают, конечно... заранее наполненные амулеты... или артефакты, какие не жалко. Откуп — дело благородное. Все лучше, чем комаров кормить, да от упырей полночи отбиваться. А если с болотником сторговался, то до утра можешь идти спокойно — не тронут. Хотя, конечно, если заснешь, польстившись на его обещания, то схрумкают за пару минут. Несмотря ни на

что".

Айра зябко передернула плечами.

"Сколько ж эти топи тянутся?"

"Где как. Где-то за несколько дней удастся управиться, где-то и за пару недель не выйдешь, а на юге, бывает, и ноги не успеешь замочить, как уже выбрался. Но я по карте помню — тут неподалеку должен быть один перешеечек. Тонкий и узкий, затерянный демон знает где, но по нему, если найдем, на ту сторону выберемся меньше, чем за сутки. А там уже и Охранные леса близко. Только бы не промазать с поворотом".

Волчица брезгливо сморщилась, когда порыв ветра донес гнилостный запах, и передернулась уже вся, едва представила, как среди этой вони будет плыть в грязной воде, старательно высматривая плавучие бревна, комья тины, склизкие пальцы и гибкие тела в мутной зеленоватой жиже. По шкуре вдруг пробежали огромные мурашки, шерсть инстинктивно встала дыбом, уши тревожно зашевелились, а глаза так и забегали по кустам, выискивая подозрительные тени.

Идти пришлось недолго — уже с вечера лес значительно поредел, разительно переменялся, зачах. Деревьев стало заметно меньше, они как-то разом присели, скривились, будто от тяжелой болезни. Кроны обвисли, листва приобрела грязно-зеленый оттенок. Кора на стволах почти заросла густым мхом, имевшим нехорошую привычку отваливаться прямо на головы пугливым путникам. А с утра картина стала настолько удручающей, что воинственно настроенная волчица как-то погрузилась и опустила голову, невесело полагая, что это — еще только начало.

Так и случилось.

Спустя пару часов после рассвета, отказавшись от охоты и намеренно решившись сунуться в болото с самого утра, Айра внезапно поняла, что Марсо сильно преуменьшил прелести открывшейся перед ней топи. И, особенно, умолчал насчет поистине чудовищного запаха, ударившего по ее нежным ноздрям, стоило лишь ступить на густой мох, предательски провалившийся под лапами и выдавивший из себя первую порцию болотных ароматов. Она закашлялась, сиюсь сдерживать рвотные порывы. Подышала ртом, старательно оберегая чувствительный нос. Даже посидела недолго, вздернув морду к небу и надеясь, что вскоре привыкнет. Но тщетно — вонища стояла такая, что к ней не привыкнуть и за тысячу лет. Оставалось только стиснуть зубы, свирепо насупиться, клятвенно пообещать себе, что все выдержит, и поскорее двинуться вперед, чтобы как можно быстрее покинуть это зловонное царство гнили и плесени, скрытое под обманчиво прочным, приветливо зеленым и поразительно мерзким на ощупь мхом.

В первый раз ощутив несильный шлепок по макушке, Айра от неожиданности даже присела и едва не взвизгнула, подумав о первых упырях, научившихся летать. Потом шарахнулась прочь, но вскоре отыскала взглядом зеленую лепешку, отвалившуюся от какого-то деревца, и сердито зарычала, поняв, что это всего лишь кусок рыхлого, влажного, вязкого и гадко пахнущего мха. Но вперед пошла еще осторожнее, регулярно пробуя лапой упругую лесную подстилку и справедливо опасаясь, что в один прекрасный момент эта надежная с виду опора вдруг разойдется, и она ухнет с головой в затаившуюся снизу топь.

Марсо довольно быстро сориентировался и отыскал место, откуда, по его мнению, начинался тот самый спасительный перешеек через знаменитую Гремарскую топь. По его словам, тут должно быть посуше, чем в иных местах, меньше упырей и плавунов, но зато больше мавок. Однако они, как утверждал призрак, были неопасны — надо только рывкнуть

на них посильнее, рвануть какую-нибудь наглуго тварь клыками, а потом, зажимая уши от истощного визга, бежать оттуда поскорее, чтобы не оглохнуть. Тогда остальные не посмеют кинуться вдогонку.

"А что? — рассуждал он, пока Айра пробиралась среди редяющих кустов и крайне осторожно выбирала подходящую тропку. — Была бы ты человеком, я бы сразу отсоветовал тут идти. Но ты большая, быстрая, зубастая, как не знаю кто. Никакой комар не пристанет. Никакая пиявка кожу не прокусит, даже если напряжется. Разве что оводы будут мешать, но ты заранее морду засунь в грязь, они и отлипнут. И глазами моргай почаще, чтобы не прицепились. Правда, нос... ну, да ты и его махай в водичку. Авось, не пристанут. Или соскользнут к демону, пока ты фыркать будешь..."

Она с тяжким вздохом встретила первые лужицы болотной воды, начавшей проступать среди роскошных мхов и неприятно поблескивать маслянистой пленкой на поверхности. Почти в это же время деревья из обозримой местности пропали почти полностью, а те, что еще торчали, упрямо сопротивляясь неизбежному, выглядели скорее как больные и скрюченные смертельной хворобой кустики, чем настоящие лесные великаны. Так, подпрыгнул чуток, цапнул зубами макушку и все — кончились ваши деревья. Хорошо хоть, с кустами дело пока обстояло лучше — по крайней мере, возле них можно было быть уверенным в том, что пройдешь по траве, а не по разъезжающему под лапами мху. Айра намеренно двигалась так, чтобы перебегать от одного куста к другому, пока была такая возможность. Где-то прыгала, каждый раз опасаясь промахнуться и свалиться в первую же попавшуюся лужу. Где-то осторожно прокрадывалась, переползая через колючие ветки, гнилые стволы уже упавших и почти истлевших деревьев, фыркая, когда зеленые травинки попадали в нос, и отчаянно мотая головой, отгоняя назойливо звенящих возле ушей комаров.

К несчастью, Марсо ошибся: комаров здесь как раз были тучи, и их совершенно не смущала густая шерсть, размеры и прыть незваной гостьи. Скорее, они были просто счастливы обрести себе на обед такую гору теплого меха, в которую вонзались прямо на лету и потом упорно там барахтались, неистово пытаясь пробиться к нежной коже.

Сперва Айра пыталась отряхиваться. Потом прижала уши к голове. Затем принялась остервенело мотать мордой и яростно чесаться, раздраженно порывивая сквозь стиснутые зубы. Но потом все-таки не выдержала — выбрав наиболее чистую из болотных луж, которые с каждой минутой становились все больше и грязнее, окунулась туда целиком, ничуть не расстроившись из-за коричневой корки, налипшей на некогда мягкую шкуру. Демон с ней, со шкурой. Главное, чтобы эти кровососы больше не могли пробиться сквозь нее к телу, а ради такого подарка стоит превратиться в настоящее чудовище. Хотя бы на одни сутки.

Ближе к полудню волчица вывозилась так, что сама бы себя испугалась, если бы увидела вдруг в зеркале. Всклокоченная, шерсть дыбом, пасть приоткрыта, глазищи горят неподдельным бешенством... сама в грязи, как королева — в дорогих шелках... усищи мокрые и почти черные, хвост обвис, на брюхе — сплошные колтуны. На ушах — ключья ряски и болотной тины. Нос в какой-то зеленой гадости и забит так, что едва дышит. Над головой, как живая корона, вьются тучи озверелых кровососов... красавица... ой, красавица! Осталось женихов кликать да сватов засылать!

А после полудня стало еще хуже — под ногами начали с поразительной наглостью сновать болотные змеи. Причем вылезли они из тины разом, как по команде: только не было никого, и тут — на тебе! Айра едва успевала отдергивать лапы, чтобы ни на кого не

наступить: благодаря урокам Естествознания уже хорошо знала, что болотные гадюки — одни из самых ядовитых, и не горела желанием попасть под укус, будучи в таком неприятном, далеком от лекарей и целебных травок месте.

Сложности добавлялись еще и тем, что кольцо Марсо приходилось тащить в зубах. А это значило, что и отдышаться, как следует, не получалось, и выпустить его было нельзя, потому что можно запросто утопить, и никуда его не прицепишь, потому что ошейника с заклепками на ней не имелось, на когти оно не налезет, Кера рядом нет, чтобы перепоручить ему заботу об Источнике, а глотать снова, как во время побега... Айра, только представив, как будет потом его оттуда доставать под гневные вопли и возмущенное сопение Марсо, тут же отложила этот вариант, как самый крайний, и продолжала мучиться, старательно следя за тем, чтобы не открывать пасть слишком широко, позволяя туда залететь огромным тучам комаров и надоедливых мошек.

К вечеру она почувствовала, что начала уставать. Теперь приходилось много плавать, чтобы пересечь небольшие озера, в которые превратились давешние лужи. А плыть оказалось неожиданно тяжело — вода была густая, вязкая, мутная. Пиявок в ней — немеряно. Комаров над головой только прибавлялось с каждой минутой, а озера становились все больше и шире, тогда как полоски суши — все уже и короче. Да и те большей частью уже были не сушью, а липкой приставучей жижей, из которой с немалым трудом удавалось выдергивать застрявшие лапы и которая все неохотнее отпускала их на свободу.

Идти по такому месиву стало невыносимо. Айра быстро потеряла темп, покрылась коркой засохшей грязи с головы до ног, но уже не обращала на это внимания. Только старалась по-прежнему избегать многочисленных, непуганых и оттого — невероятно наглых змей, изредка мотала головой, прогоняя особо назойливых оводов, с трудом выбиралась на относительно сухой берег и старалась поменьше прислушиваться к неиссякаемому зудению Марсо, который с некоторых пор взял на себя нелегкую обязанность скрашивать ее утомительное путешествие.

"...нет, ты не подумай — сам я в этих местах ни разу не был. Но зато частенько слышал от знающих людей, что в Гремарских топях еще можно повстречать редкий вид хищного барракамуса, который вырастает в этих широтах до таких размеров, что длиной охотничьего лепестка может поспорить с размахом крыла альбатроса. Не думаю, конечно, что это — действительно правда, потому что такому крупному растению было бы нелегко искать себе пищу, но уверен, что хотя бы до размеров усика твоей Иголочки он должен дотянуться..."

"...еще я слышал, что тут встречаются морочницы — ну, с виду вроде как лужа слизи, куда можно наступить и даже не понять, во что вляпался... гм... ну, да... именно, что вляпался. Так вот, как только ее коснешься, она тут же начинает выпускать из себя белесый пар, от которого животное теряет ориентацию и начинает метаться. Вернее, это ему кажется, что оно от кого-то убегает или, наоборот, куда-то спешит. Тогда как на самом деле оно просто замирает на одном месте, не замечая, что расплзшаяся под ногами лужа — и не лужа вовсе, а растекшаяся дрянь, которая начинает взбираться по коже и заживо поедать тебя, пока ты думаешь, что давно уже спишь в собственной постели. И самое любопытное состоит в том, что ты даже боли не почувствуешь, пока она не доберется до головы..."

"...говорят также, что когда-то тут обитал особый вид нечисти — веретенники. Здоровенные такие, с козла ростом и длиной до десятка твоих шагов, на концах у них тело узкое, заканчивается сразу двумя ртами... ну, спереди и сзади, чтобы удобнее было нападать... а посередине — утолщение, как у бабушкиного веретена... потому и назвали. Так

вот эти гады, как считается, плавали, изгибаясь всем телом, словно пиявки. Только пиявки складываются пополам, опираясь при этом на подошву, а эти опирались на пузо, в котором всегда переваривался какой-нибудь невезучий кабанчик... ну, или кто-то другой размером с невезучего кабанчика..."

"...кстати, пиявки тут тоже большие встречаются. Примерно с руку толщиной и длиной почти в две. Чем уж питаются, не знаю, но если уж змей на окраинах видели поболее, чем коридоры в нашей Академии, то не думаю, что про пиявок сильно врут..."

"...про комаров вообще отдельный разговор. Да ты и сама видишь, какие звери. Куда угодно пролезут и какую хочешь шкуру попортят. Я даже рад, что на тебе сейчас такая корка, потому что сквозь нее им уже не пробраться... а вот мух-то, пожалуй, берегись. Я в "Описании гадов морских и земных" однажды наткнулся на упоминание о громадной мухе зу-зу, вырастающей с кулак взрослого мужчины. И там говорилось, что эта дрянь просто обожает откладывать личинки кому-нибудь под кожу, чтобы они потом росли, питались живой плотью, а затем, когда настанет время вылупляться, буквально выгрызали себе дорогу наружу. После чего, сама понимаешь, от несчастного зверя оставались только жалкие лохмотья..."

"...или еще. Ты, например, слышала легенду про болотного царя? Этот тоже болотник, только громадный, как целый остров, и живущий на самом дне Гремарских топей с незапамятных времен. Толстый, липкий, жирный и отвратительно разумный червяк. Если поднять его на поверхность, он даже ползать бы не смог, потому что здорово разжирел и стал похож на огромную, мягкую, белесую..."

"МОЖЕТ, ХВАТИТ МЕНЯ ПУГАТЬ?!!! — внезапно рявкнула Айра, не выдержав заумных рассуждений и пустив гулять долгое рыкающее эхо по темноте. — Ты мне еще про вампиров расскажи на ночь глядя! Или про то, как упыри по ночам подкрадываются к своим жертвам и заживо выпивают из них все соки!!!"

Марсо от неожиданно заткнулся и сконфужено кашлянул.

"Да я... это... просто отвлечь тебя хотел".

"Не надо! — раздраженно рыкнула она. — Хватит уже, отвлек! Даже развлек, можно сказать! До сих пор поджилки трясутся и лапы подгибаются! Тебе только детям сказки рассказывать!"

"Прости. Я хотел как лучше".

"Тогда молчи! И не лезь под руку, не то покусаяю!"

"Айра, девочка моя, не сердись, — покаянно вздохнул призрак. — Я же ничем другим тебе помочь не могу. Ни поддержать, ни придать сил, ни даже веревку кинуть, если вдруг что случится... я ж не со зла. Я просто хотел немного поднять тебе настроение".

"Хватит, — процедила она, сосредоточенно переплывая очередное зловонное озеро. — С таким настроением я тут, как топор, на дно пойду. Или, чего доброго, сама утоплюсь, чтобы не знакомиться поближе с местными обитателями".

Он расстроено засопел.

"Между прочим, тебе еще везет. Еще никто не посмел на тебя... — у него вдруг страшно изменился голос. — ВВЕРХ!!! Айра, глотай кольцо и лети!!! НЕМЕДЛЕННО!!!"

Волчица от неожиданности щелкнула пастью, мигом проглотив драгоценную ношу, потом собралась было рявкнуть во весь голос, чтобы этот призрачный дурак не смел больше гавкать под руку. Но тут почувствовала, как что-то чужеродное осторожно коснулось живота, принявшись немедленно обвиваться вокруг тела подобно гигантскому щупальцу,

ощутила мертвенный холод, идущий от неизвестной твари, взвыла не своим голосом, нутром почуяв смертельную угрозу, и изо всех сил подпрыгнула, прямо в прыжке ломая собственное тело.

Боль трансформации, как всегда, ударила с такой силой, что взметнувшаяся с поверхности болота соколица мучительно вскрикнула, с натугой поднимаясь в воздух и молотя влажными крыльями с поистине бешеной скоростью. С перьев посыпалась свежая грязь, вспугнутые комары шарахнулись в разные стороны. Ее опасно мотнуло в одну сторону, в другую, потому что в последний момент щупальце успело-таки царапнуть острым когтем по нежному брюху. Но потом она как-то пришла в себя, отдышалась и, поднявшись на высоту нескольких человеческих ростов, как раз успела увидеть, как в том озере, из которого она чудом вырвалась, вновь уходит под воду чья-то огромная, усеянная толстыми шевелящимися отростками зубастая пасть.

"В-всевышний... — заикаясь, пробормотал Марсо, когда жуткая тварь осталась позади. — Д-девочка моя, как ты?"

"Живая, — выдохнула Айра, с невероятным трудом держась в воздухе. — Спасибо, Марсо... ты спас мне жизнь. Только за кольцо прости... боюсь, я его больше не отгрыгну. Такое впечатление, что оно сразу провалилось дальше".

"Да демон с ним, с кольцом. Главное, что жива осталась. Сумеешь до суши дотянуть?"

"Нет, — судорожно сглотнула она. — Я ее даже не вижу — темно. И не чувствую. А крылья мокрые, с такими не шибко-то полетаешь. Как еще держат — ума не приложу. Вообще не понимаю, как смогла: думала с месяц еще не взлечу, а тут видишь как... прижало, вот и взлетела. Могла же с ходу в грязь... но они как-то подняли... боже, какой кошмар! Даже не думала, что ТАКОЕ существует!"

"Честно говоря, я тоже".

"Может, они тут на каждом шагу сидят? — содрогнулась всем телом соколица. — Как нас еще раньше не сцапали?"

"Не знаю. Просто повезло. Или не проснулись еще — все ж ОНО, наверное, к ночному зверью относится. Ночью нажрется от пуза, а днем дрыхнет"

"Марсо, куда мне лететь? Я почти ничего не вижу, — тревожно спросила она, серой стрелой мчась в полную неизвестность. — Если на дерево наткнушь, просто не успею свернуть на такой скорости".

"Пока все правильно, — спустя несколько томительных секунд отозвался призрак. — Я чувствую направление, ты не должна ошибиться. Держись севера или северо-востока, тогда дотянем".

"У меня мало сил".

"Постарайся, девочка. Чем дальше ты улетишь, тем меньше потом бежать по земле. Пожалуйста, постарайся... постарайся не опускаться ниже".

"Я не могу... больше! — задыхаясь, вдруг прошептала она. — Сил совсем нет... я еще не восстановилась до конца... и устала еще раньше".

Марсо нервно дернулся.

"Айра..."

"Черпать твои пока не хочу. Рано еще. А падать все же... лучше не с самой большой высоты... как думаешь? Я все-таки живая... расшибусь ведь... волчицей-то..."

"Какой волчицей?! — не на шутку всполошился он. — Айра, ты что?! Не вздумай прямо в полете...!!!"

Но она уже не слышала — почти потеряв сознание от слабости и уже не слыша ничего, кроме нарастающего свиста в ушах, камнем падала вниз, сложив крылья и прямо на ходу теряя серебристые перья. Ее тело стремительно вытянулось, потяжелело, с поразительной скоростью приобрело почти человеческие очертания, блеснув в темноте ослепительно белой кожей. Длинные волосы растрепались на ветру, стыдливо укутывая ее светлым покрывалом, а затем неприятно прилипли, облепили со всех сторон и начали неуловимо быстро меняться, укорачиваясь, вырастая заново, проступая густым волчьим подшерстком, из которого начали выдвигаться настоящие звериные волоски. Руки, не успев обрести обычного вида, тут же изломались, изогнулись и истончились, вырвав из изменившегося горла невольный стон. Ноги поджались к животу, обзавелись острыми когтями вместо изящных пальчиков. Птичий клюв без промедления вытянулся в распахнутую в беззвучном рыке пасть, а когда резко потяжелевшее тело со вскрипом рухнуло в стоячую воду, то уже ничем не напоминало собой уставшую, покрытую грязью и перьями девушку.

Волчица, вынырнув, жадно хватанула пастью ночной воздух и проворно поплыла к берегу. С трудом выбралась, цепляясь когтями за мох, подползла на дрожащих лапах. Задыхаясь, подтянулась немного повыше, чтобы не тревожить хвостом дремлющую в болоте нежить и не дразнить какое-нибудь чудовище. После чего, наконец, свалилась без сил и измученно уронила морду.

"Вот видишь, Марсо... волчицей для меня как-то привычнее..."

Запертый в камне призрак закричал что-то горестное и совсем уж испуганное, но она не слышала — прикрыв глаза и распластавшись на мокрой траве, уже погружалась с головой в мягкие сиреневые волны, в которых всегда было тепло, хорошо и удивительно уютно.

Долго отдыхать ей не дали — едва на небе взошла луна и проступили первые звезды, едва холодный ветерок взъерошил густой загривок, а над головой зашелестели потревоженные им невидимые ветки, как назойливый, бесконечно страдающий голос пробился к устало дремлющему сознанию.

"Айра... Айра, проснись... пожалуйста, надо уходить... Айра!"

Волчица слабо пошевелилась и с трудом приоткрыла тяжелые веки.

"Марсо..."

"Наконец-то! — с невыразимым облегчением воскликнул призрак. — Девочка моя, напрягись еще немного. На болоте нельзя ночевать. Давай, поднимайся... ну же!"

"Не могу, — измученно прошептала она. — Сил никаких нет".

"Ты должна! Надо идти! Скоро полночь! Самое время для нечисти!"

"Прости... я действительно не могу".

Марсо в отчаянии едва не взвыл, когда она снова закрыла глаза и недвижимо замерла.

"Не смей терять сознание! Не смей, слышишь?! Я знаю, ты устала. Знаю, что тебе больно и трудно. Знаю, что едва дышишь... но нам НАДО идти!!! Надо, понимаешь?! Иначе погибнем оба!! И Кер!! Подумай хотя бы о Кере!!!"

Волчица с трудом приподняла голову и всмотрелась в сгустившийся мрак, постепенно сознавая, что на мир действительно опустилась ночь. Более того, ночь настолько темная и непроглядная, что даже ее глазам было трудно что-либо различить. Марсо прав: надо вставать и двигаться дальше. Ради него и кольца, к которому он оказался привязан. Ради Кера. Ради себя, наконец, чтобы успеть добраться до Занда и снова очутиться в его ласковых объятиях...

"Айра!!!" — снова встряхнул ее призрак.

Волчица вздрогнула и медленно приподнялась, невероятным усилием сохраняя равновесие. За время короткого полета и двойной трансгрессии она ослабла так, как уже давно не случалось. Даже после побега ей было лучше. Даже после занятий с Викраном дер Солленом. Тогда она хотя бы находила силы заниматься после его тренировок. Вопреки всему. Жила одной мыслью о бегстве и подчинила ей всю свою жизнь. Но тогда она была еще сильна. Тогда она могла одолеть трансформацию из зверя в птицу, минуя человеческое тело. Могла сохранять жизненно необходимые крохи энергии и черпать то, чего не доставало, из казавшегося бездонным алмаза.

А теперь в нем почти не осталось резерва. Теперь этих сил едва хватало, чтобы удерживать Марсо по эту сторону жизни. Теперь она не могла выхватить из его запаса ни одной капельки, чтобы помочь себе. И поэтому было тяжело. настолько тяжело, что Айра с трудом понимала, что едва не замерзла насмерть, оказавшись сперва в холодной воде, потом сильно застыв на пронизывающем ветру, а после этого промокла снова и несколько часов провела на влажной траве совершенно без движения.

Прав Марсо: если не двигаться, умру.

Она пошатнулась от слабости и, стиснув зубы, сделала неуверенный шаг.

"Умница, — прошептал невидимый призрак. — Айра, ты молодец. Уходи. Давай же. Ты можешь!"

"Могу", — бесцветным голосом согласилась она и, безвольно мотнув головой, сделала

еще один шаг. Ее тело занемело от долгого нахождения на холоде, лапы слушались плохо, шерсть намочла и повисла грязными сосульками. Мысли путались, перед глазами то и дело вставал плотный туман, словно маня долгожданным отдыхом и блаженным теплом. А она шла. С трудом, медленно и со стиснутыми до боли зубами, но шла. С каждым шагом постепенно стряхивая сонную одурь, яростным рыком отгоняя звон в ушах, бешеным сопением отмахиваясь от набегающей на глаза пелены... шла все быстрее и быстрее... ровно до тех пор, пока не просмотрела круто обрывающийся склон и не свалилась в поистине ледяную воду.

От неожиданно пронзившего тело лютого холода волчица непроизвольно взвыла и, мигом очнувшись, яростно заработала лапами. Холод был повсюду: снизу, сверху, с боков. Он сдавливал ледяными обручами грудную клетку. Он врвался внутрь облачками холодного пара. Он замораживал нутро, заставлял кровь застывать прямо в жилах. Он пугал до жутковатого клацанья челюстей и смертельно опасных судорог. Но при этом он почему-то и успевал обжечь своим холодным прикосновением, а сила этого касания была такова, что с ней не сравнилась бы даже двойная... а то и тройная... трансгрессия. Просто потому, что никакая трансгрессия, даже в самые трудные дни, не вызывала в памяти такие яркие видения.

— *...Поднимайся. Бери оружие. Нападай, — снова холодно звучит из пустоты бесстрастный голос. — Считаю до трех: если не поднимешься, я подниму тебя сам.*

Она тихо всхлинула, отлично помня, что случится, если бездушный мерзавец возьмет в руки палку, и медленно, мучительно медленно, едва сдерживая рвущийся наружу крик, поднялась на колени.

— *Еще, — властно требует тот же голос. Тихий, ровный, ненавистный и... пугающий. — Поднимайся. Живее.*

Она с невероятным усилием поднялась на дрожащие ноги, каждый миг боясь снова упасть. Задыхаясь от слабости и боли в избитом теле, подобрала брошенную рапиру, за которую ее только что жестоко наказали. С еще большим усилием выпрямилась и, качаясь, словно осина на ветру, приняла неуверенную стойку, одновременно поднимая пустой, отрешенный, почти что мертвый взгляд.

Викран дер Соллен холодно улыбнулся.

— *Вот видишь? Значит, можешь, когда захочешь?..*

Дрожа всем телом, Айра буквально выскочила обратно на берег и, забыв про усталость, припустила так, что радостно вскрикнувший призрак даже не успел указать правильное направление. Но волчица, не обратив на него никакого внимания, отряхнулась прямо на ходу, поразительно легко взяла стремительный разбег и вдруг кинулась прочь огромными, звериными, мощными прыжками, будто стремилась убежать от охватившего ее смертельного ужаса, вызванного непроизвольным купанием в природном, могучем, но совершенно мертвом Ключе.

"Айра... погоди... стой, не так быстро! — попытался урезонить ученицу бывший архимаг. — Айра, да не спеши же! Ты несешься так, словно привидение увидела!"

"Ув-видела, — прощелкала зубами волчица. — С-самое настоящее. Черное, злобное и страш-шное, как оживший кошмар. Как наяву... увидела. Чтоб мне больше никогда в жизни его не встречать!"

"Да кого?!!"

"Дер Соллена... чтоб его демон сожрал! Надо же было явиться так не вовремя! Чуть Всевышнему душу не отдала!"

"Зато теперь несешься так, будто он у тебя на хвосте висит".

"Типун тебе на язык!! — волчица непроизвольно обернулась, но никого, разумеется, не увидела и с невыносимым облегчением перевела дух. — Ф-ф-у-у... Марсо, не пугай меня так больше. Сердце до сих пор колотится, как сумасшедшее".

"Что это вообще было? — сварливо осведомился маг. — Что на тебя нашло? Вылетела оттуда, как камень из пращи! Я-то думал, тебя придется всю ночь уговаривать, чтобы сделала хоть один лишний шаг, а ты — вон, все еще несешься, не разбирая дороги. Одно хорошо: хоть в правильном направлении. А если бы назад повернула?"

Айра помотала головой, избавляясь от недавнего наваждения. Затем снова отряхнулась, избавляясь от тины и успевшей налипнуть грязи. Наконец, отдышалась, присела на первый попавшийся клочок земли и с удивлением к себе прислушалась.

"Надо же... Марсо, мне гораздо лучше!"

"Это я и сам вижу. Ты скажи мне, что случилось?"

"Не знаю, — призналась она. — Там было так холодно, что я даже подумала: застыну, как муха в янтаре. Приморозит меня там, и все. Никакими заклятиями потом не отдолбишь. Сплошной лед. Сплошной холод. Такая стужа, что просто сердце останавливается. А потом меня вдруг как обожгло... Марсо, мне показалось, или это действительно мертвый Ключ?"

Призрак странно кашлянул.

"Если бы ты в нем утонула, я бы ответил — да".

"А если бы нет?"

"Не знаю. Честное слово, не знаю. Даже не представляю... разве что ты и от него умудрилась каким-то образом восполнить свои резервы... ничем иным твоё состояние я просто не могу объяснить... но, знаешь, такое вообще-то невозможно. Из мертвого Ключа еще никто не выбирался живым".

Волчица перевела дух.

"Из Академии тоже никто раньше не сбегал".

"Тоже верно, — вынужденно согласился он. — Но если с Охранными Сетями есть хоть какая-то возможность схитрить и отыскать крохотную щелочку, то Ключи... не знаю. Действительно не знаю. Я ведь его даже не почувствовал!"

"Я тоже, — кашлянула Айра. — Честно говоря, я вообще думала, что мертвых Ключей не существует. Дескать, бабушкины сказки".

"Не сказки, — задумчиво протянул призрак. — Но я не думал, что в Гремарских топях найдется такой клад".

"А вода из него и правда может любые раны срastить?"

"Может. Но для этого надо находиться при смерти, чтобы она тебя не убила. Главное свойство такого Ключа — раздувать тлеющую в человеке искру... или же задувать, если она слишком слаба. Он — как ветер, холодный и равнодушный. Как подует, так и ладно. Поможет — хорошо. Не поможет — жаль. Как правило, с ним некроманты любят работать — нежить на такую воду только что не молится. Никогда далеко не отходит, все пасется поблизости, стережет, живет за ее счет... ведь что, кроме мертвого Ключа, способно поддерживать в ней подобие жизни?"

Волчица неожиданно насторожила уши, странно замерла, принялась, но потом как-то разом осела и сдавленно прошептала:

"Ты прав: ничего... и они действительно его стерегут".

А следом со всех сторон раздался заунывный вой сразу на несколько десятков, если не сотен голосов, и по всему болоту прошло странное волнение.

Она летела так, как никогда еще в жизни не летала — стремительнее ветра, увереннее настоящей птицы. Летела почти на пределе, не давая себе замедлиться ни на миг. На одном дыхании, чувствуя холодное прикосновение смерти, на грани отчаяния, из последних сил взмахивая легкими крыльями. Летела, грудью пробивая дорогу сквозь шевелящийся мрак. Летела не слишком высоко, чтобы не заметили поднявшиеся в воздух стаи голодных крикс, но и не настолько низко, чтобы смогли дотянуться кривые руки вынырнувшей из болота нежити.

Под ней проплывало целое море из покрытых слизью голов. Бесконечная череда искаженных лиц, распахнутые в немом крике беззубые рты, черные провалы глаз с горящими внутри зелеными огоньками, исковерканные, изломанные, причудливо изогнутые тела, в которых не осталось ничего человеческого... много... как же их было много — проснувшихся от долгого сна и потревоженных присутствием смертного нежити.

Наполовину погруженные в тину гигантские плавуны, маскировавшиеся раньше под затопленные бревна, провожали горящими взорами серую соколицу. Безобразные потеки грязи скатывались по их толстым телам, будто старая кожа, под которой неприятно обнажалось мертвое белесое нутро. Рядом с ними, чуть не стоя бок о бок, словно лучшие друзья, тянули кверху руки упыри — такие же мертвые, отвратительные, наполовину разложившиеся, но все еще голодные. В их глазах — только голод. Ничего, кроме безумного, жадного, алчущего человеческой крови и плоти голода. Ни разума, ни мысли, ни проблеска прежней сути. От них ничего не осталось, кроме истрепанных временем тел, кусков отваливающейся плоти, старых костей, изъеденных подводными обитателями, и тлеющего на самом дне зеленоватого огонька, поддерживаемого какой-то странной силой и все еще не дающего им обрести покой.

Она видела женщин в обрывках древних одежд. Видела мужчин, с одинаковой жадностью пытающихся до нее добраться. Видела крохотные фигурки детей, многие из которых не доставали макушкой до поверхности воды, но уже сейчас высоко подпрыгивали и тянули посиневшие руки к небу, где уносилась прочь испуганной птицей их долгожданная добыча.

Упырей были сотни... тысячи... одинаково склизких, разваливающихся на части, истекающих мерзким гноем и отвратительной зеленоватой слизью. У многих не было рук, у кого-то не хватало ног. Какой-то мужчина лишился нижней челюсти, и теперь жутковато шевелил распухшим языком, стараясь ощупать им вываливающиеся, насквозь прогнившие зубы.

Возле упырей растеклись неприятные маслянистые лужи, отсвечивающие под полной луной все теми же зеленоватыми сполохами. Края луж временами загибались, и тогда они наползали на замершие поблизости тела, покрывая их словно второй кожей. Вот только там, под этим налетом чужого яда, мертвая плоть постепенно растворялась и опадала бесформенными комками. Под ней медленно обнажались кости, затем и они растворялись, растекаясь зловонными лужицами. Но упыри не замечали: едва кто-то из них падал под натиском оголодавшей морочницы, как остальные смыкали ряды, и прожорливая тварь тут же переходила на соседей, не делая особых различий между живыми и мертвыми.

В одном из многочисленных "озер" Айра с содроганием увидела нечто огромное,

продолговатое, смутно напоминающее раскормленного червяка, проглотившего по недомыслию целого слона. Оно билось в воде, освобождая себе место среди полчищ другой нежити, и жадно хватало ближайших сразу двумя пастями, росшими из обеих частей его длинного тела.

В другой луже обнаружилась целая стая некрупных, летающих тварей, смутно напоминающих разжиревших и голохвостых крыс. При виде живой соколицы они с пронзительными криками поднялись в воздух и теперь мчались по пятам, оглашая сгустившийся, наполненный запахом смерти и насыщенный вонью болотных испарений воздух.

Айра не слишком их боялась — криксы довольно медлительны, когда сыты. А эти, хоть и выглядели устрашающе, все же летели без особой спешки. Значит, не далее, как прошлой ночью, успели кого-то загрызть, иначе ей никогда бы не уйти от целой стаи вечно голодных тварей. Она боялась другого — того, что не хватит сил. Того, что уже не сможет пересечь это чудовищное море человеческих и не только останков, которым какая-то злая сила вдруг рискнула подарить некое подобие жизни.

Марсо говорил, что это — наследие прошлых битв. Отголоски прошедших Катастроф. Последствия неудачных экспериментов неразумных демонологов и обезумевших некромантов... нечисть. Нежить. Действительно, не живые и не мертвые. Ушедшие из-под светлой длани Всевышнего и не обретшие вечного покоя. Неупокоенные. Недожившие. И недобитые. Сломанные куклы, отброшенные на дно этого мира. Чужие кости, невесть как сросшиеся после смерти. Ходячие полутрупы. Зловонные куски гнилого мяса. Самое страшное, что только можно себе измыслить, потому что их было так много, словно раньше на месте Гремарских топей находилось огромное кладбище. Точнее, много огромных кладбищ, с которых вдруг поднялась эта мертвая армия, а теперь только и ждала, когда же у нее появится такой же мертвый полководец.

С высоты своего полета Айра уже не могла видеть проклятый Ключ, который потревожила по нелепой случайности — он был слишком далеко. Но она откуда-то чувствовала, что нежить поднимается вокруг него волнами, во все стороны, всплывает из самых далеких глубин. Выкапывается, со скрежетом вылезает из утопленных могил. Повинуясь неслышному приказу, с хрустом встает на прогнившие ноги и голодными взглядами провожает нахалку, вздумавшую подпитываться от их драгоценного Ключа.

Айра не видела, что происходит там, в самом центре бесконечных топей. Старалась не слушать непрекращающийся вой, от которого рвались барабанные перепонки. Пыталась не смотреть вниз, но не могла не испытывать страха от ощущения, что где-то там, сравнительно недалеко, со дна потревоженного Ключа всплывает под ярким лунным светом нечто поистине огромное, гигантское, чудовищное. Нечто, перед чем теряется все ужасающее величие его мертвой армии. Нечто, по сравнению с чем даже наполненное страхом и болью прошлое неустанно меркнет и исчезает, как что-то мелкое и несущественное. Нечто, от чего за долгие века еще никто не нашел спасения.

"Айра, быстрее, — дрогнувшим голосом попросил Марсо, когда по поверхности болота прошла широкая волна протухшего серного воздуха и прокатился долгий, протяжный, словно исторгнутый израненной землей стон. — Пожалуйста, девочка, лети быстрее. Что-то мне совсем не хочется видеть то, что мы с тобой разбудили".

Соколица судорожно сглотнула.

"Марсо..."

"Быстрее, милая. Еще быстрее. Бери мои силы, только не вздумай останавливаться, слышишь?"

"Не стану, — тихонько всхлипнула она, бросив быстрый взгляд вниз. — Ни за что. Лучше уж так, на лету, чем им в лапы... боже... как же их много!"

"Очень много, — неслышно согласился архимаг. — Так много, что, наверное, на все века хватит".

Айра едва не зажмурилась, не желая смотреть на бесконечные ряды встающих из могил мертвецов. Могла бы — заткнула бы уши, чтобы не слышать повторившийся стон со спины. У нее занемели крылья, отчаянно слезились глаза, с хвоста то и дело падали белоснежные перья, но останавливаться было нельзя. Никак. Никогда. Иначе — смерть, быстрая и мучительная. Потому что крики позади стали совсем уж пронзительными и такими яростными, словно разгоряченные погоней криксы сцепились друг с другом прямо в воздухе за право первыми вонзить острые зубы в живую добычу.

"Лети, девочка, — странным голосом повторил Марсо, когда неистовые вопли слегка отделились, а затем прозвучали с новой силой. — Лети что есть силы. Надо добраться до суши".

Соколица молча повиновалась, страхась и голову повернуть, чтобы взглянуть на тех, кто готов был даже ближайших соседей рвать на части ради глотка ее горячей крови.

Она снова начала уставать: заимствованные из Ключа силы таяли слишком быстро. Это было неизбежно, ровно с того момента, как она решилась на повторную трансформацию, потому что давно усвоила — чем меньше сотворенное тело, тем больше ему требуется энергии, чтобы сохраниться. Соответственно, тем надежнее требуется Источник и тем скорее он истощается. А она за сегодня сделала это уже дважды. Хотя не так давно ей удалось нечто гораздо более сложное.

Но тогда у нее был полный до краев Источник, в который с трудом удалось уместить невероятно могучий по силе Ключ. Тогда она могла черпать оттуда столько, сколько душе угодно. Могла беззастенчиво тратить это бескрайнее море силы, и она потратила. Почти все. И больше не могла себе позволить подобное расточительство. А могла лишь яростно махать отяжелевшими крыльями, сцезивать сквозь зубы страшные проклятия, молча обещая, что снова справится, до дна исчерпывать собственные силы, вкладывая их в каждый новый взмах... и старательно не слушать горестный голос Марсо, умоляющий ее проявить хотя бы немного благоразумия.

"Айра... возьми мою!"

Она упрямо летела дальше.

"Айра, не глупи! Пожалуйста!"

Соколица только проклекотала что-то невнятное.

"Ты же сгоришь!! Айра!!!"

"Ты тоже, — задыхаясь, просипела она. — Но уж лучше сперва сгорю я... а ты потом... как-нибудь придумаешь, как вернуть меня к жизни..."

У нее внезапно помутилось в глазах, а из горла вырвался сдавленный клекот. Но ненадолго — едва придя в себя от истошного вопля в ушах, она вовремя вильнула, избегая протянутых рук, с трудом снова набрала высоту и, отметив, что мертвецов внизу стало заметно меньше, мстительно усмехнулась.

"Вот так... значит, не так уж вы и бесчисленны!"

"Айра, девочка... не пугай меня больше! — пробормотал переведший дух Марсо. — Я

уж подумал, все. Тухнуть мне потом вместе с упырями и доживать свой век в объятиях гнилой морочницы".

"Кажется, они кончаются?"

"Да, — с невыразимым облегчением согласился маг. — Болото кончается, и они, соответственно, тоже. Ты почти справилась".

"Взгляни назад: что там с криксами? — попросила Айра, из последних сил ворочая тяжелыми крыльями. — Может, плюнуть на все и уйти через портал? Моих способностей еще хватит".

"Не надо, — странным голосом отозвался Марсо. — Они отстали. Точнее, они сейчас слишком заняты, чтобы заниматься тобой. Думаю, больше не привяжутся... даже если уцелеют".

Айра непонимающе нахмурилась на эти странные речи, но решила, что узнает обо всем позже — впереди, наконец, забрезжили первые деревья и проступила долгожданная суша. Прав был дух — они почти сумели оторваться. Вот и воды внизу заметно поубавилось, и упыри все, как один, куда-то попрятались, и мавки, и летавицы заползли разочарованно в свои норы, и даже жадные морочницы больше не пугали своей численностью. Ни упыря в округе, ни слизкой головы веретенника, ни плавуна, ни криксы...

Соколица с безумным облегчением выдохнула и рухнула вниз, целясь в мягкую подушку из кучи опавших листьев. Прямо на лету ее снова закружило, опасно повело, развернуло, будто от сильного ветра. Уставшее тело запоздало изломала четвертая за сутки трансформация, а затем исхудавшая, перепачканная, задыхающаяся, но ужасно гордая собой волчица с размаху рухнула с небес, умело перекатилась, кубарем промчалась по облюбованной сверху поляне. Каким-то чудом не свернула шею, ничего себе не сломала, не ободрала бока о торчащую из земли кривую корягу. Через несколько секунд, наполненных страшным треском, ревом в ушах, неистовым грохотом крови в голове и собственным усталым стоном, она все-таки остановилась. Измученно распласталась по земле и, переведя дух, хрипло рыкнула:

"Здорово полетали, да?"

Однако Марсо почему-то не ответил. Не похвалил за удачное приземление, не отругал за сумасшедший риск, не укорил за безрассудство и даже не отчитал за немислимое упрямство. Он словно умер на какое-то мгновение. Как-то истаял, пугливо сжался в своем новом доме. И лишь через бесконечно долгую секунду тихо прошептал:

"Прости меня, девочка... недоглядел... прости меня, Айра..."

Волчица недоуменно приподняла гудящую голову и вздрогнула, наткнувшись на три пары зеленых огоньков, неумолимо приближающихся из темноты. У нее что-то заledenело внутри, когда число горящих глаз возросло с трех до пяти, а затем и до десяти. Наконец, воздух прорезало тихое змеиное шипение, полное торжества и почти утоленной жажды крови, а затем в ночи проступили белесые тела, исковерканные смертью, и она с какой-то накатившей апатией невесело хмыкнула.

"Не многовато ли на меня одну?"

"Беги, — беззвучно шепнул заточенный в камне маг. — Беги. Немедленно".

Айра ласково улыбнулась.

"У меня не осталось сил, Марсо".

"Бери мои и беги. Пожалуйста, Айра, уходи".

"Нет. Я тебя не брошу".

"БЕГИ!! — неожиданно взорвался призрак болезненным криком. — Ты должна!! Это слишком важно!! Я уже мертв!! Я тысячу раз мертв!! Я сто лет не ведал иной жизни, чем та, которую подарил мне Совет!! Я не хочу ее больше!! Она не нужна мне!! Прощу тебя, Айра... беги!"

Волчица поднялась на усталых лапах и зло оскалилась, пригибая голову книзу и готовясь к бою.

"Нет. Я не буду забирать твою жизнь ради своей собственной".

"Подумай о Кере!" — застонал он.

"Кер меня поймет".

"О Занде! О мире!!"

"Занд найдет себе другое Сердце, — спокойно ответила Айра. — Ему много тысяч лет. Он как-то жил без меня раньше и прекрасно проживет дальше".

"Я тоже жил!!"

"Возможно. Но, в отличие от Занда, без меня ты не сможешь выжить. Поэтому я говорю тебе: нет. Нет, Марсо, я тебя не убью".

Она широко расставила лапы, как учил ее когда-то Викран дер Соллен, опустила хвост, прижала уши к голове, окатив приближающихся мертвецов бархатным предупреждающим рыком. Снова, как когда-то давно, слышала беспокойный стук далекого Сердца и с сожалением подумала, что уже не успеет посмотреть на него наяву.

"Прости, Марсо!"

Она неожиданно взревела во весь голос, извещая о начале смертного боя, и стремительно прыгнула, стремясь добраться до каждого из мелькающих в темноте тел. Она вертелась, вгрызалась могучими челюстями, раз за разом слыша отвратительный хруст и без труда проламывая собой непрочные тела. Упырей было просто убить — Марсо и в этом не ошибся. Как не ошибся он в том, что они всегда нападают большими стаями. И, пока громадная волчица вертелась ужом, сбивая с ног, калеча, отрывая головы, откусывая руки, вышибая у них почву из-под ног, с другой стороны подходили все новые и новые тени. Такие же бледные, молчаливые и с голодными огоньками в пустых глазницах.

Она металась по поляне неистовым зверем. Рычала, скалилась и неустанно дробила чужие кости. Она с ног до головы покрылась липкой слизью. Почти не чувствовала прикосновений чужих лап, не чувствовала слабости, не помнила про усталость. А пронзительно вскрикнула только один раз — когда когтистая рука все-таки сумела до нее добраться и со всего маха распорол левое бедро до самой кости.

Полный безумной боли рев разнесся далеко по притихшему лесу. Вспугнул мелкую стайку каких-то ночных зверьков. Разбудил дремавшего на дальнем пригорке медведя. Породил громкое долгое эхо, болью отозвавшееся в наполнившейся звоном голове. А потом неожиданно вернулся — еще более громкий, свирепый и поистине страшный.

Упав под напором чужих тел, Айра, в конце концов, перестала биться, уже не чувствуя ни боли, ни страха, ни сомнений. Ее не испугали даже окровавленные, склонившиеся в жадном порыве морды, на которых немим укором застыли свежие капли ее собственной крови. Отнявшаяся нога уже не беспокоила. Боль куда-то исчезла. Айру больше ничто уже не тревожило. Даже прошлое. Но до последнего мгновения тлеющий где-то в глубине разум так и не смог объяснить бессильно обмякшей волчице, откуда и почему рядом вдруг появился огромный черный зверь, метнувшийся на нежить из темноты, и яростным рыком отшвырнул ее прочь, словно холодный морской ветер — сухие, мертвые листья.

Вэйр со вздохом отложил учебник и потер гудящие виски: после того, как маг переправил его в Академию Высокого Искусства, еще не проходило ни дня, чтобы не болела голова. Но Вэйру еще повезло (по крайней мере, так сказал лер де Сигон): сейчас для учеников наступил двухнедельный перерыв, во время которого почти все первокурсники разъехались по домам, так что у новичка было время, чтобы нагнать их хотя бы по теории. Вот только материал был настолько огромным, что непривычный к зубрежке сын кузнеца с трудом справлялся с непосильной нагрузкой. Даже наложенное лером Мергэ заклинание быстрой памяти не спасало.

Юноша снова тяжело вздохнул.

За эти две недели ему пришлось освоить уйму всяких книг: "Основы Практической магии", "Основы Стихийной магии", "Естествознание", "Целительство"... даже какой-то дурацкий "Атлас по Травологии" всунули! Пришлось срочно изучать, что такое Озарение, концентрация, медитация... зубрить сумасшедшее количество формул, которые так и норовили перепутаться, странные схемы, непонятный Изначальный язык, которым маги почему-то пользовались вместо того, чтобы приспособивать для колдовства нормальную человеческую речь... и все это — за жалкие две недели! Спасало только то, что углубленного изучения Естествознания лер де Сигон не потребовал, объяснив это тем, что новичок спокойно нагонит данный предмет в любое другое время, потому как, дескать, он не так важен, как остальные; Озарение юный гений уже научился вызывать, поэтому натаскивать его по данному вопросу не нужно; с практикой по Воде проблем возникнуть было не должно, потому что начальные навыки управления своей стихией юноша освоил и без помощи учебников; да и терзать его в первый месяц по предметам будут поменьше, чем других адептов. Правда, это только сначала. Зато по физической подготовке сложностей у него точно не возникнет — куратор только хмыкнул при виде крепких плеч юноши и посоветовал не сломать на первом занятии у лера Дербера стойку с оружием.

"И на том спасибо", — в третий раз вздохнул Вэйр, а затем снова взялся за книжку.

Маг, имени которого он так и не узнал, перебрал его на затерянный в море остров в тот же самый день, когда Вэйр встретил виаров. Заснувших друзей чужак, как и обещал, переправил в Аргаир, поближе к родным местам девушки — в окрестности Пармы. Одновременно передал мысленное послание в небольшой городок Ард, чтобы присмотрели за молодежью. Затем терпеливо выслушал сбивчивый рассказ взволнованного последними событиями Вэйра, несколько раз уточнил насчет тумана, досконально выяснил, где расположена деревенька юноши, после чего ненадолго задумался, окинул новоиспеченного адепта долгим взглядом и спокойно пообещал выяснить насчет родителей, как только выдастся время. Вроде как спешил он очень. Да и напрямую попасть из Сольвиара в Аргаир было непросто — все-таки другой конец света. Даже странно, что Вэйр справился без посторонней помощи. Правда, его это истощило почти до дна, а маг признался, что пока не может себе позволить такого расточительства, поэтому возвращается в Лир, новичка отправляет в Академию, извещает Ковен о необходимости проверки окрестностей Снежных гор. Затем разбирается со своими "срочными делами" и исполняет данное юноше обещание насчет семьи. В итоге, самому Вэйру оставалось только взяться за науку, потихоньку восстанавливать силы, надеяться на лучшее и ждать, пока что-нибудь прояснится.

Когда мелкие букочки на странице снова начали расплываться, он устало прикрыл глаза.

Проклятие... до чего же трудно сосредоточиться. Невозможно не думать о доме, когда не знаешь, что там, как родители, живы ли вообще!. Когда сердце мечется в сомнениях, а в голову закрадывается нехорошая мысль о том, что, может, стоило попытаться вернуться, несмотря на того мага?..

Да нет. Не вышло бы ничего: Вэйр слишком ослаб. Да и маг оказался непростым — силищей от него так и тянуло. Такой в бараний рог согнет и не поморщится. К тому же, не врал он — по глазам было видно, что не врал. Встревожил его тот туман, да и известию о погибших людях он тоже поверил. Сразу. А потом еще долго допытывался, не слышал ли Вэйр по дороге в столицу о чем-то похожем. И когда узнал, что вблизи крупных городов подобных безобразий не происходит, а многие из тех, кого коснулся туман, просто не помнят об этом, задумался так надолго, что Вэйр даже ерзать начал от нетерпения.

В конце концов, маг решил, что разузнает все сам и не будет брать парнишку с собой. В первую очередь потому, что юноша действительно оказался на грани истощения, во-вторых — потому что по-настоящему спешил, а в-третьих — по причине того, что намеревался подключить к расследованию своих коллег, так что возможная помощь беглеца потеряла свое значение. Да и обучить его было нужно. Причем как можно скорее, о чем незнакомец немедленно и сообщил огорченно понурившемуся парню. А потом строго добавил, что при отсутствии должного контроля он даже при встрече с родителями в буквальном смысле слова способен утопить свою родную деревеньку. Раз уж на его первый Призыв даже море немедленно ответило...

Вэйр вынужденно согласился, что с контролем у него пока не очень. После чего требовал с мага почти что клятву насчет своей семьи, мысленно ежась от мысли, что слишком уж дерзок с этим суровым мужчиной, но не отступил. Даже тогда, когда чародей как-то нехорошо прищурился и странно хмыкнул. Правда, обещание Вэйру все-таки дал. Только тогда юноша слегка расслабился и согласился войти в открытый портал добровольно. После чего немедленно оказался в круглом холле в западном крыле жилого корпуса, нос к носу столкнулся со своим будущим куратором, выслушал короткую вводную лекцию об обязательных правилах и внутреннем распорядке, а еще через полчаса вошел в пустую комнату, которая должна была стать ему домом на протяжении оставшегося полугодия...

Занятия возобновились ровно через две недели с того дня, как Вэйр переступил порог Академии. Как раз в тот момент, когда он уже не надеялся избавиться от постоянных головных болей, но при этом, к собственному немалому удивлению, обнаружил, что кое-что все-таки начал понимать. К концу этого времени бесконечные вереницы формул и заклятий начали выстраиваться у него в голове в нечто определенное, схемы формирования тех или иных заклинаний приобрели вполне понятный вид, а зазубренные с помощью лера де Сигона азы Изначального языка перестали восприниматься тарабарщиной.

Все необходимое для житья ему тоже предоставили, включая обязательную для всех учеников форму, костюм для занятий по боевой подготовке, набор учебников, туалетные принадлежности, комплекс бытовых заклинаний, чтобы не портить сушильный шкаф в попытке выцарапать из него загруженное белье. О расположении учебных комнат ему тоже подробно объяснили, подвешенное в холле расписание занятий вопросов уже не вызвало. Бассейном и умывальной комнатой он быстро научился пользоваться, поэтому можно было сказать, что к началу учебного полугодия Вэйр подготовился успешно.

Плохо только одно: способ жестокой побудки расслабившихся за выходные адептов с такой силой ударил по многострадальной голове юноши, что тот в первый день занятий не сумел сдержать болезненного стога. Затылок и без того был, как чугунный, но после того, как непонятно откуда ударил пронзительный звук медного гонга, едва не разлетелся на части. Только поэтому Вэйр слегка задержался с подъемом и зашел в умывальню последним. И при этом испытывал такие мучения, что просто-напросто не заметил, как прошел мимо своих новых соседей. А очнулся лишь тогда, когда засунул голову под ледяную воду, благодаря которой дикая ломота в затылке немного поутихла, а чей-то незнакомый голос со спины изумленно воскликнул:

— Эй, парень! Ты кто такой? И откуда взялся в середине года?

Вэйр, выпрямившись, откинул с лица мокрые волосы и совершенно спокойно взглянул на полтора десятка полуголых юношей, уставившихся на него со смесью удивления, недоверия и непонимания. Все они были примерно его возраста, от шестнадцати до восемнадцати лет. Подтянутые, довольно рослые, явно не понаслышке знакомые с физическими упражнениями. Однако руки у них были ухоженными, с тщательно постриженными ногтями. Лица загорелыми, но не так, как бывает при длительной работе в поле или в душной кузнице. А одежда, хоть и простая, с головой выдавала в столпившихся соседях наследников не самых бедных в Лигерии семейств.

Вэйр уже успел насмотреться на такие лица за последние пару месяцев, поэтому не слишком удивился. И даже не почувствовал раздражения, когда все до единого взгляда тут же уперлись в безобразный шрам на его левой щеке.

— Ты кто такой? — хмуро повторил кто-то из парней. — Откуда взялся, если набор закончился полгода назад?

— Вэйр, — ровно ответил он.

— Просто Вэйр?

— Да.

Тот же самый парень негромко хмыкнул.

— А почему пришел не через Арку?

— Не свезло, — кратко обозначил свои злоключения юноша.

— Опоздал, что ли? Ну-ну... ты откуда родом?

— Из Аргаира.

— Ого. Неужто еще один аргаирец на наши головы? — вдруг усмехнулся стоящий отдельно молодой человек с утонченным лицом и иссиня черной шевелюрой. — Надо же... нынешний год просто радует нас выходцами из этой страны. Верно, парни?

Среди юношей прошли нервные смешки, и Вэйр чуть нахмурился, не понимая причины, но уточнять не стал — за полгода класс уже сжился, сплотился, заимел какие-то свои шутки и присказки, так что он еще долгое время не будет их понимать и из-за этого чувствовать себя чужаком. Однако взгляд черноголового ему откровенно не понравился — слишком уж пристальный, слишком оценивающий и острый. С таким надо держать ухо востро. Нож, может, в спину не воткнет, но гадостей способен устроить столько, что взвоешь.

— Ладно, пошли, — махнул этот тип. — Хоть сегодня и первый день после каникул, но от де Сигона всем влетит, если опоздаем. Эй, новичок! Надеюсь, ты что-нибудь выучил? А то гляди — если Роже прознает, что ты не знаешь, сколько камер у сердца лягушки, проклянет так, что отца с матерью забудешь... говорят, у вас, в Аргаире, это изучают еще в

раннем детстве!

Вэйр медленно наклонил голову, чувствуя скрытую насмешку, и сделал мысленную зарубку в памяти: с чернявым надо быть осторожнее. И стоило бы выяснить, за что он взъелся на лера Роже и почему Аграир не дает ему покоя.

Первый урок прошел для новоявленного адепта вполне сносно: лер де Сигон провел урок ровно, ничем не показав, что заметил новичка, хотя вопрос по теме, конечно же, задал. Вэйр немного замешкался с ответом, потому что не привык подниматься из-за неудобной, тесной парты и едва ее не опрокинул, но потом все-таки исправился и ответил так, как полагалось. Потом ему пришлось целый час переписывать в тетрадь новые формулы, старательно запоминая их прямо во время урока. Затем последовал черед практики, где пришлось наглядно показывать куратору, что он вполне справляется со своим Озарением. После этого снова последовали объяснения, разъяснения, дополнения...

Класс шушукался и волновался, то и дело оглядываясь на новичка. Особенно старались девушки, сидевшие впереди, потому что то и дело оборачивались, с любопытством изучая симпатичного паренька и настороженно косясь на его старый шрам. Причем дело дошло до того, что лер де Сигон, в конце концов, оторвался от доски и ядовито поинтересовался, не следует ли ему пригласить нового ученика на свое собственное место, чтобы прелестные барышни вдоволь насмотрелись. И не стоит ли устроить внеплановый зачет по Практической магии, раз уж класс сегодня так активен. После этого шушуканье, наконец, прекратилось и косых взглядов стало гораздо меньше. Однако, выходя из класса, Вэйр постоянно чувствовал на себе пристальное внимание одноклассников, ни один из которых так и не рискнул к нему подойти.

Лер ля Роже, против ожиданий, ни про каких лягушек не спросил — его урок был посвящен круговороту воды в природе (как видимо, любимой его теме), так что уважаемый господин Сухарь велеречиво провещал отведенные на занятие два часа и, кажется, даже не заметил, что народу в классе прибавилось.

На обеде Вэйру снова пришлось остаться в одиночестве, потому что почти все адепты умчались со своими подносами в парк. Сам он дороги туда еще не знал, поэтому, банально опасаясь заблудиться, никуда не пошел, а быстро перекусил за пустым столиком и потом долго разглядывал роскошное изобилие, бытовавшее в странном помещении под названием "столовая".

Затем наступил черед урока с лером Иберией, и вот тут-то преподаватель не обошел вниманием поздноато появившегося в Академии юношу. Словно позабыв о теме занятия, толстенький маг коротким жестом велел Вэйру подняться, довольно долго разглядывал, чуть не потирая с вождением пухлые руки, а затем неожиданно спросил:

— Скажите, юноша, когда вы впервые коснулись силы?

— Чуть меньше месяца назад... лер, — послушно ответил Вэйр, слегка споткнувшись на непривычном обращении.

— Где это произошло?

— На море, лер.

— Вы были одни?

— Нет.

— Вам было хорошо в этот момент?

Вэйр против воли вспомнил затопившую его волну ненависти, в ответ на которую море

послушно вздыбилось огромным валом, и мрачно сверкнул глазами.

— Нет, лер. Я был зол.

Лер Иберия неожиданно улыбнулся.

— Правда? Скажите, какой высоты водяной столб вам удалось создать в первый раз?

— Не знаю, — нахмурился юноша. — Я не считал.

— Хорошо. Сколько примерно человеческих ростов он занял?

— Три... или четыре... я не помню точно.

— Неплохо, — приятно удивился маг. — Сколько вам удалось создать их в тот день?

Каков итог вашего заклинания? Что это было?

Вэйр совсем помрачнел.

— Шторм, лер. Насколько я помню, это был шторм, а итог... боюсь, он вам не понравится.

— Отчего же?

— Потому что в результате я утопил корабль.

— Гм... — задумался лер Иберия. — А корабль был большой?

— Да.

— Вы проббили ему борт?

— Нет, лер, — покачал головой юноша. — Я обрушил на него несколько водяных валов, после чего на судне треснула мачта, оттуда сорвало снасти, после чего разрушилась палуба и пробилось днище. В результате корабль разломало пополам, и он быстро затонул.

В воцарившейся тишине преподаватель странно кашлянул.

— Ну... что ж, бывает. Наверное, кто-то из команды сильно вас огорчил?

Вэйр гневно сверкнул потемневшими, как море в грозу, радужками, но вовремя вспомнил, что переправивший его маг запретил говорить о невольниках и Кратте. Затем подметил круглые от удивления глаза одноклассников, задумчивое выражение на лице подначившего его этим утром типа, назвавшегося Асграйвом, и вдруг хищно усмехнулся:

— Да, лер. Со мной там плохо обошлись.

— А людей на корабле было много?

— Больше сотни, лер.

— Сколько из них выжило?

Вэйр спокойно посмотрел.

— Трое.

— Включая вас? — осторожно уточнил учитель.

— Да.

— Гм... и вас это не смущает, молодой человек?

— Они не были людьми, лер, — негромко, но очень твердо ответил новичок, заметно потемнев лицом. — Примерно половину я утопил бы снова, если бы представилась такая возможность, а кое-кого еще и в третий раз бы бросил в волны. Тогда как вторая половина...

Юноша с горечью припомнил обезумевших невольников.

— ...иногда смерть бывает милосерднее жизни. По крайней мере, так сказал человек, который меня нашел и привел сюда. И я с ним полностью согласен.

Учитель кашлянул снова, подметив более чем красноречивые физиономии учеников, а потом неслышно пробормотал, что теперь начинает понимать, почему мастер Викран самолично отправился на поиски этого юного гения. Потом сокрушенно покачал головой, встряхнулся и на пробу предложил создать новичку простейшее заклятие — Водяной Столб,

якобы желая убедиться в способностях нового подопечного. Вэйр на это усмехнулся шире и без особого труда выхватил из наполненной миски мирно покоящуюся там воду, молча велел ей подняться ровным столбом на высоту в половину человеческого роста. Однако этим не удовлетворился, а, коротко шепнув недавно освоенное заклинание, заставил его свернуться тугой спиралью, изогнул красивой аркой, опустил второй конец на совершенно сухой стол и только после этого, сумев не пролить ни капли, вернул обратно в миску. Прямо так, не сходя с места, потому к Воде действительно ощущал поистине упоительное сродство и чувствовал, что она готова ему охотно подчиняться. Порой — просто так, без всяких заклятий.

Дождавшись слегка замедленного кивка лера Иберии, он молча сел, чувствуя странную гордость за свои новые способности, и все оставшееся время ловил на себе весьма заинтересованные взгляды немногочисленных девушек, уважительные — от парней, и крайне странные — от преподавателя. А после урока был задержан на несколько минут и получил вполне серьезное предложение заняться своим даром более углублено и, так сказать, во внеучебное время.

Кажется, лер Иберия тоже впечатлился.

Вэйр обещал подумать, но сразу давать согласие поостерегся — в последнее время жизнь научила его быть осторожным и не принимать поспешных решений. Так что он согласился лишь на то, чтобы обдумать щедрое предложение о более плотном ученичестве. Однако прежде, чем ответить что-то определенное, решил дожидаться вестей из дома и, если получится, спросить совета у того сурового мага, благодаря которому оказался в положении ученика.

Последним на этот день в расписании стояло занятие по боевой подготовке, на которую следовало явиться в новой форме. Вэйр понятия не имел, что это такое и почему так надо, но послушно переоделся и вошел в тренировочный зал вместе с остальными. Правда, по дороге удивился тому, что его опасливо сторонятся, но решил не придавать значения — в конце концов, он сделал то, что сделал, а если и жалел о чем-то, то лишь о том, что не смог спасти Хига и не успел притопить Кратта с его мерзкой командой немного раньше. До того, как неизвестный маг отобрал разум у большинства пленников. Ведь тогда, возможно, уцелел бы кто-то еще?

Зацепившись за эту тревожную мысль, юноша едва не пропустил появление лера Дербера, не заметил одобрительного взгляда, скользнувшего по его широким плечам, не увидел, как ревниво меряются с ним некоторые соседи шириной груди, а очнулся от тяжелых дум лишь тогда, когда прозвучала команда "бегом!" и весь строй учеников сдвинулся с места.

Череда упражнений, заданных старым ветераном, заставила его сильно удивиться — ничего нелепее Вэйр в своей жизни еще не встречал. Все эти прыжки, приседания, отжимания, подтягивая... он даже не устал! Несколько недель на жарком солнце, когда ежедневно приходилось волохать тяжеленное весло, сделали его руки крепче стали, заставили спину бугриться мощными канатами мышц, закалили, выковали, так что вся эта смешная разминка показалась ему забавным способом потратить куда-нибудь лишнее время.

И только растяжка, с которой остальные ученики справлялись без особого труда, доставила ему некоторое неудобство. Правда, не тем, что причинила боль — плевать на боль, он к ней давно привык, однако довольно скоро в согнутой спине появились весьма неприятные ощущения. А когда Вэйр осторожно выпрямился и повел занемевшими плечами, то с отвращением убедился — рубаха была мокрая и липкая, но вовсе не от пота.

— В чем дело? — тут же подошел лер Дербер, заметив, что ученик прекратил сложное

упражнение. — Перетянул? Гибкости не хватает?

— Не хватает, — согласился Вэйр, мысленно отметив, что старый вояка был единственным, кто обращался к ученикам без этого надоедливого и приторно вежливого "лер".

— Ничего, не бойся — к концу года сможешь сложиться пополам и даже не пикнешь. Правда, придется потерпеть, но ты же не девчонка. Справишься как-нибудь.

— Да я не боюсь, — вздохнул юноша. — И боль меня не пугает. Плохо другое, лер: очень жаль, но я, кажется, испортил новую рубаху.

Преподаватель удивленно приподнял брови, а потом заметил неладное и быстро провел рукой по спине ученика, после чего поднес ладонь к глазам и сильно нахмурился: она была совершенно красной. И вовсе не от того, что кто-то капнул туда алой краской.

— Снимай рубаху! Живо! — вдруг сухо велел лер Дербер, и Вэйр неохотно подчинился. — Повернись!

Он так же послушно повернулся спиной и недовольно засопел, когда учитель поперхнулся и ошарашенно воззрился на широкую спину юноши, на которой еще не успели зажить следы недавних побоев. Вэйр знал, что выглядит безобразно, и понимал, что исполосованная кожа еще не скоро побелеет от множества рубцов. Зег бил хорошо, умело, ловко срезал целые лоскуты, причиняя невероятную боль. От его кнута на спине до сих пор бугрились целые слои из шрамов: и постарше, и посвежее, которые от нагрузки неожиданно вскрылись и заалели выступившими наружу мелкими капельками крови.

Юноша видел, как испуганно отшатнулись от него стоящие рядом девушки. Слышал, как тревожно зашептались парни, во все глаза изучая его изуродованную спину. Прекрасно понимал, что смотрится сбежавшим из рудника каторжником... вон, даже следы от кандалов на шее и на запястьях есть... местами они натерли ему кожу до кости... так что не мог не сознавать, что отныне и навсегда станет для наследников богатых семей вечным изгоем. Но он и этого не слишком-то опасался — почти два месяца плена отучили его стремиться быть в чьей-то компании. Он больше опасался того, что начнутся расспросы или, что еще хуже, необоснованные подозрения на тему его прошлого, тогда как маг строго настрого запретил распространяться насчет Кратта. Даже если допрос будет устраивать Совет. И велел молчать ровно до тех пор, пока сам не вернется и не решит, как быть.

Лер Дербер неприятно поджал губы.

— Кто тебя так?

— Уже никто, — нахмурился Вэйр.

— Почему сразу не сказал?

— Не подумал.

— Болит? — сухо осведомился преподаватель.

— Нет. Я привык.

— Привык, говоришь? — у лера Дербера опасно изменился голос. — Значит так: сейчас одеваешься и немедленно отправляешься в лечебное крыло к леру Лоуру. Пусть заштопает, пошепчет, что надо, и уберет этот ужас. На следующее занятие явишься уже в приличном виде, понял?

— Да, лер, — поморщился Вэйр, уже жалея, что не сообразил промолчать. Но дело сделано — весь класс успел увидеть, во что Зег превратил его спину, и теперь будет перемывать потихоньку кости, пока он потащится к лекарю. А то еще и решит, что действительно с преступником довелось познакомиться. Проклятье... знать бы, где упасть...

Юноша с досады чуть не сплюнул и попытался снова надеть рубаху.

— Куда? — остановил его преподаватель. — Так иди: нечего одежду портить больше, чем уже есть. Кроме одноклассников, на тебя тут некому любоваться, так что иди и постарайся не напугать лера Лоура, когда появишься. Заодно придумай какое-нибудь правдоподобное объяснение, чтобы наш строгий лекарь не решил, что это я вдруг принялся калечить учеников на занятиях. Все понял?

— Да, лер.

— Тогда вперед. Первая лестница — направо, потом прямо и вниз, через парк и Прямой коридор.

Вэйр скомкал проклятую рубаху и, чуть не сплюнув, быстро вышел, мысленно поклявшись, что лучше сто раз промолчит и уж как-нибудь отстирает себе одежду, лишь бы больше не видеть ошарашенных взглядов, не подвергаться допросу и никогда не испытывать неловкости за последствия своих недавних подвигов.

Айра проснулась от удивительно неуместного ощущения неги и странного умиротворения. Вокруг было очень тихо, где-то вдалеке весело щебетали невидимые птицы, по лицу гулял прохладный ветерок, а сама она утопала в мягкой перине, о которой совсем недавно так мечтала.

Она даже не сразу поняла, что находится уже не в лесу, а в доме. Что внизу не густая трава, а самая настоящая кровать с белоснежными простынями, давно забытой подушкой и легким одеялом, заботливо подоткнутым со всех краев. Что больше нет никакой ночи, нет никакого вонючего болота, нет мерзкого запаха гнили и больше нет боли. Совсем. А вместо этого — благодатный уют и тепло затопленного очага, просторная комната с приоткрытыми окнами, слабо шевелящиеся занавески, похожие на тонкие шелковые крылья, и осторожное прикосновение к левому бедру, смутно похожее на то, что кто-то бережно гладит израненную кожу. И от каждого касания некогда безумная боль затихает, успокаивается, исчезает где-то в недрах усталого сознания, а безобразная рана от чужих когтей невероятно быстро затягивается.

Айра непонимающе открыла глаза и долгое мгновение смотрела на человека, склонившегося над ее постелью. Неверяще изучала его рослую фигуру, затянутую в неизменно черные одеяния, просторную рубаху, расстегнутую у горла, сброшенную на лавку кожаную куртку, небрежно кинутый сверху плащ, на котором еще виднелись следы болотной грязи. Его бледное лицо с тонкими чертами, полуприкрытые веки, из-под которых поблескивали морской синевой яркие радужки, сосредоточенный взгляд, обращенный на изуродованную кожу, и сильные пальцы, которые он осторожно вел вдоль стремительно образующегося рубца.

По мере того, как просыпающееся сознание медленно формировало правильный ответ, она плавно каменела и буквально мертвела от неожиданной догадки. Сердце сперва сжалось в каком-то животном страхе и дало нервный сбой, а затем заколотилось резко, тревожно, стремительно разгоняя кровь по заледеневшему телу. Краска сама бросилась в лицо от мысли, что все уловки оказались тщетны, и ОН все-таки настиг свою сбежавшую ученицу. Наконец, проснувшись память услужливо напомнила, что за зверь в последний момент вырвал ее из-под навалившейся груды мертвых тел, красноречиво нарисовала лютые волчьи глаза, горящие знакомым янтарем, мысленно сопоставила с такими же, только синими, что маячили буквально на расстоянии вытянутой руки, а потом истошно завопила и буквально подбросила хозяйку на постели.

Мама... все-таки нашел!!

Викран дер Соллен вздрогнул от неожиданности и инстинктивно отпрянул, когда пришедшая в себя Айра, с трудом подавив невольный вскрик, ласточкой слетела с постели, вырвавшись из его рук, по пути выхватила из брошенных одежд первый попавшийся нож и прижалась спиной к противоположной стене, буравя его резко сузившимися глазами. Стоять прямо ей было трудно — недолеченная нога, стоило на нее опереться, тут же предательски подогнулась, немедленно стегнув немилосердной болью, и заставила исказившееся лицо смертельно побледнеть. Но остановить все же не сумела — Айра, прихрамывая, медленно попятилась, выставив на учителя опасно поблескивающий нож и неотрывно следя за его фигурой, словно была уверена, что он в любой момент нападет.

Маг спокойно поднялся и так же спокойно сказал:

— Тебе рано вставать. Вернись.

— Что вам надо? — словно не услышала охрипшая от волнения Айра. — Зачем вы пришли?

— Надо было бросить тебя на болоте?

У нее в голове лихорадочно заметались мысли. Ясно. Значит, следил. Значит, это его отправил Совет на ее поимку. Он возглавил погоню за строптивой беглянкой. Его усилиями был найден след от морского портала и его стараниями продолжительная погоня все-таки завершилась полным успехом. Дер Соллен... впрочем, этого и следовало ожидать. Кому еще директор доверит поимку способной ученицы? Он же следопыт, ищейка, бывший Охранитель. Он на этом деле собаку съел, а то и не одну. Но КАК?! Как он почуял?! Где она ошиблась, что он все-таки нашел и зачем-то вытащил из этого проклятого болота?! Хотя нет... почему — как раз ясно: зачем Совету мертвая ученица, если ее еще можно попытаться использовать или изучить? Просто они послали лучшего, кого могли, на ее поиски. Лучшего и сильнейшего, кто только был под рукой. Действительно... не лера Альвариса же посылать на такое?

Айра сжала челюсти, даже не заметив, что стоит перед ним в одной сорочке, доходящей до середины бедер, и скалитися не хуже иного зверя. А также того, что ее волосы кто-то успел за время беспамятства тщательно вымыть и заботливо расчесать. С тела тоже умудрились соскоблить ту грязь, в которой она так щедро извозилась. Нога, конечно, плохая — на нее можно даже не рассчитывать, но вот все остальное...

Девушка, не глядя, протянула вторую руку, позволяя невесть откуда появившемуся крысу ловко взобраться к себе на шею, и немного успокоилась: Кер на месте, жив и неплохо себя чувствует. Оно хорошо его ощущала, даже так, не рассматривая в упор. Силы внутри тоже немного появились. Окно рядом, буквально в двух шагах. За ним — какая-то деревня, шумно галдящие босоногие дети на улице, совсем неподалеку лес, до которого тоже — пара десятков хороших прыжков и тоненький плетень. А за лесом — мир, непролазная чаща, где так легко затеряться, и прямая дорога в Занд. Надежный, терпеливо ждущий ее Занд, в котором можно будет чувствовать себя дома...

Они застыли друг напротив друга, разделенные разворошенной постелью. Айра — босая, растрепанная, тяжело дышащая, раненая, но не сдавшаяся. И он — подобранный, странно побледневший, но все еще почему-то не потянувшийся за оружием. Стояли молча, сверля друг друга напряженными взорами. Беззвучно боролись, как когда-то на тяжелых и мучительных для них обоих занятиях. При этом многое знали и понимали друг о друге, однако именно поэтому так и не рискнули качнуться навстречу.

Айра хорошо сознавала, что вряд ли успеет перекинуться и безнаказанно уйти в лес: дер Соллен слишком силен, слишком опытен, в прямой схватке у нее просто не будет шансов. К тому же, она ранена, а больная нога не позволит бежать быстро. Но тогда что? Сдаться и позволить ему снова одержать верх? Позволить вернуть ее обратно? Нет уж. Довольно учебы. Пусть он сильнее, быстрее и умелее, но надежда все равно умирает последней.

"Я попробую. Что бы ни случилось, живой не дамся!"

Кер выразительно взглянул на напрягшегося мага и бесшумно оскалился, готовый по первому зову хозяйки начать трансформацию.

— Не делай глупостей, — тихо сказал мастер Викран, почему-то не пытаясь приблизиться. — Никто не собирается причинять тебе боль. Я не для этого пришел.

— Тогда зачем? — хрипло выдохнула девушка. — Разве вас отправили не для того, чтобы меня вернуть?!

— Да.

Она зло прищурилась.

— Совету моя Инициация не дает покоя? Кого они теперь решили выбрать в качестве учителя? Неужели снова вас?

— Нет, — ровно ответил маг.

— Тогда, значит, лера Леграна?

— Пока вопрос об этом не стоит.

— Ну, конечно! — ядовито прошипела Айра. — Если уж вы от меня отказались, то кому тогда? Только ему! Больше никому! Такая чистая Земля, такие способности... представляю, как он будет счастлив, узнав, что вы вернули меня и сами отдали в его руки!

Викран дер Соллен неожиданно вздохнул и как-то странно опустил плечи. Так, словно на них лежала невыносимая тяжесть, от которой его некому было избавить и которая упорно пригибала его книзу. Не давая возможности ни бросить его наземь, ни отойти в сторону, ни переложить на чьи-либо плечи.

— Айра... пожалуйста, выслушай...

Она даже не сразу сообразила, в чем дело, до того это было невероятно. Но потом расслышала неподдельную горечь в его голосе и изумленно замерла. Что такое? Он впервые о чем-то ПОПРОСИЛ?!!

— Не делай глупостей, — повторил мастер Викран. — Выслушай меня. Это очень важно.

— Что?!

— Всего минуту, — устало посмотрел маг. — Это займет совсем немного времени.

Она мгновение сверлила его полным подозрения взглядом, выискивая подвох, но дер Соллен был сам на себя не похож. Он действительно выглядел усталым, словно намеренно потратил куда-то много сил. Его лицо казалось еще бледнее, чем обычно, под глазами пролегли темные круги, будто он не спал несколько суток кряду. Тонкие губы посерели, обескровились, словно этой ночью его поцеловала голодная вампа. Черные волосы лежали в беспорядке, а глаза были еще более странными, как в тот день, когда он пытался взломать ее дверь. В них, как ни удивительно, не было злости, не было ненависти или жажды мести за совершенный побег, который должен был стать для всей Академии страшным оскорблением. Там не пылало раздражение, не бесновалась звериная ярость, не метались молнии и даже отблесков гнева не было видно. Эти глаза словно выщвели за те недели, что она его не видела. Они разом потускнели, почти погасли, и только в самой глубине тлели слабые отблески жизни, по которым еще можно признать в нем прежнего, уверенного в себе, властного и жесткого наставника.

А вот лжи там не было. Совсем. Как не было лукавства или притворства. Он не обманывал: действительно хотел только поговорить. И он действительно безмерно устал... возможно потому, что почти целую ночь потратил на то, чтобы вылечить одну упрямую, дерзкую, не слишком догадливую ученицу, которая и сейчас не желала вспоминать, по какой причине он отказался от ее Инициации.

— *Он не лжет,* — вдруг сообщил внутренний голос тоном умудренного опытом старца. — *Эльфы вообще не знают понятия лжи, это — чисто человеческое свойство, так что ему ты можешь верить. И, пожалуй, имеет смысл его выслушать. Что-то мне*

подсказывает, что у него были причины рисковать своей шкурой и спасти тебе жизнь, вместо того, чтобы вернуться и всего лишь заявить родителям, что просто не успел помочь.

Айра недоверчиво нахмурилась, анализируя эти странности, а потом опустила нож.

— Хорошо. Говорите.

— Спасибо, — снова вздохнул мастер Викран. — Сядь. Тебе больно стоять.

— Ничего, переживу. Зачем вы пришли?

— Сколько тебе успел рассказать Марсо? — неожиданно спросил маг.

— Насчет чего? — разом насторожилась девушка.

— Насчет Инициации и причин, по которым она проводится? Насчет того, почему нестабильный дар так опасен и почему Совет прилагает все усилия, чтобы не оставлять без присмотра даже потенциальных его обладателей?

— Достаточно, чтобы понимать, почему вы выбрали именно такую форму обучения.

Он на мгновение прикрыл глаза.

— Хорошо. Значит, мне не придется объяснять лишнее. Если я скажу, что не хотел для тебя такого, ты поверишь?

— Возможно, — сухо отозвалась девушка.

— А если бы ты узнала, что молодой дар можно стабилизировать иначе? Не через ту Инициацию, за которую радеет Совет, а немного по-другому? Так, чтобы не приходилось переступать через себя?

Айра недоверчиво посмотрела.

— А разве...?

— Такой способ есть, — кивнул Викран дер Соллен. — И он работает. При условии, что дар достаточно силен, но не агрессивен; когда есть опытный наставник и когда оба (ученик и наставник) готовы друг другу доверять. Это нелегкий путь, но он вполне возможен.

— Тогда почему в Академии от него отказались? — недобро прищурилась Айра. — Почему никому не говорится, что он существует? Почему у нас нет выбора?

— Потому что для большинства адептов этот путь не подходит.

— Почему? Он так сложен?

— Он требует качественно иного уровня знаний, которым молодые маги, как правило, не обладают. И еще он требует такой степени отдачи от учителя, что на нее мало кто решится.

— Хорошо, но при чем тут я?

Викран дер Соллен вдруг открыл глаза и пристально посмотрел на подбравшуюся девушку.

— У тебя еще нестабилен дар.

— Я не позволю никому проводить Инициацию. Ни вам, ни леру Леграну, ни даже магистериусу, — так же твердо посмотрела Айра, однако он не отвел взгляда.

— Если помнишь, я этого не хотел.

— Вы мне об этом не говорили.

— Марсо сказал.

— Вы уверены?

Маг со вздохом отвернулся.

— Нет. Но это не значит, что мое мнение касательно тебя изменилось.

— Так вы поэтому пришли?

— Тебе нужна Инициация, — ровно сообщил он. — Чем быстрее, тем лучше, иначе ты можешь потерять и дар, и жизнь, и близких.

— Дар мне не нужен, — так же ровно отозвалась Айра. — Я его не просила и не ждала. Близких у меня давно нет, а жизнь... не так уж она хороша, чтобы я разменивала ее на свободу.

— У тебя хватит сил и знаний, чтобы пойти по другому пути, — настойчиво сказал мастер Викран. — Для этого не потребуется терзать свою совесть и нарушать Покон.

Она сжала зубы, припомнив свой первый учебный день.

— С каких это пор вас тревожит мой Покон?

— Если ты думаешь, что я о нем забыл, то ты сильно ошибаешься. Просто в обучении есть неприятные моменты, без которых не обойтись. Начиная работу, каждый учитель обязан знать, насколько развит его ученик, и обязан видеть рамки, за которые переходить ни в коем случае нельзя, ибо это может повлечь смерть или ненужные увечья. По этой причине чаще всего девушки проходят обучение под руководством опытных магичек, а юношами занимаются исключительно чародеи мужского пола. Ситуации, подобные твоей, крайне редки.

— То есть, вы и Бриера изучали, как букашку на булавке? — язвительно поинтересовалась Айра.

— Да.

— Рассматривали его во всей красе?

— Конечно, — спокойно кивнул маг, словно не заметив издевки. — Причем не раз и не два. Это неизбежно. Без знания возможностей его тела я мог не рассчитать нагрузки, что непременно повлекло бы за собой ошибку и, возможно, даже смерть одного из наследников весьма уважаемой в Лире семьи. Подобного отношения мы не можем себе позволить: учеников слишком мало, чтобы разбрасываться ими направо и налево.

Она поджала губы, с трудом смиряясь с мыслью, что он спокойно исследовал ее так же, как исследовал бы любого другого, независимо от пола, возраста и уровня умений. Просто изучал, холодно и беспристрастно, потому что от этого зависела ее жизнь и результаты обучения. С подобным подходом очень трудно согласиться, нелегко вообще думать на эту тему, до ужаса сложно погасить заново вспыхнувший гнев... но и не верить повода пока не было.

— Увы, — вздохнул в голове все тот же мудрец. — *Как ни печально признавать, но я бы на его месте поступил точно так же: жизни учеников слишком важны, чтобы позволить себе какие-то колебания. Такая жесткость — признак силы, дитя мое. Силы, а не слабости. Просто порой не выходит по-другому, и этого, как бы я ни хотел обратного, никак не удастся избежать. Даже тебе.*

— Почему вы говорите об этом только сейчас? — хмуро спросила Айра.

Викран дер Соллен криво усмехнулся.

— Главным образом потому, что теперь ты готова понять и принять такую правду.

— Весьма сомнительный аргумент, — снова напряглась девушка. — Но это ведь не единственная причина?

— Нет. Просто если бы я сделал это раньше, ты бы вряд ли поверила.

— Это не вам решать.

— К несчастью, мне. В то время ты должна была усвоить только одно — ученичество никогда не бывает простым и легким. Это всегда работа: долгая, тяжелая и нередко

неблагодарная. По собственной воле никто и никогда не станет себя истязать упражнениями, зарабатывать синяки, добровольно влезать на дыбу или начинать трансформацию. Особенно, если узнают, что могут погибнуть. Даже виары не все на это решаются, не говоря уж о перевертышах. От учеников, особенно на первых порах, требуется только одно — правильное исполнение и беспрекословное подчинение. А лишние сведения вредят, заставляют сомневаться и страшиться того, что будет. Особенно, девушек. Поэтому пояснениями приходится заниматься только тогда, когда ученик к этому готов и способен адекватно воспринять правду.

Айра упрямо мотнула головой.

— Все равно спорно. Не думаю, что вы не сумели бы найти нужных слов. Не надо быть гением или провидцем, чтобы отыскать правильный подход к любому ученику. И чтобы понять, что кому-то достаточно простой веры в непогрешимость учителя, а кто-то может потребовать и доказательств.

— Другого объяснения предложить не могу, — спокойно отозвался Охранитель. — По крайней мере, сейчас.

— Да неужели? — не удержалась от ядовитой усмешки Айра. — Тогда, может, скажете, когда вы начали объяснять причины своих поступков другим ученикам? Например, Бриеру?

— Со второго года, — мастер Викран неожиданно хмыкнул. — Бриер просто подзабыл, как начинал и сколько проклятий вываливал на мою голову, когда думал, что я не слышу. Поверь, у него этот этап прошел еще болезненнее, чем у тебя. А исцеляющими заклятиями я запретил ему пользоваться только в этом году, потому что он стал чересчур легкомысленно относиться к своим ошибкам. Научится ценить свою шкуру — хорошо. В этом случае запрет будет немедленно снят, но до тех пор пусть сполна чувствует последствия пропущенных ударов. Так, оказалось, до него лучше доходит. А вот для тебя такого запрета, если помнишь, не было. Более того, я специально просил Лоура уделить в этом году побольше внимания именно исцеляющим заклинаниям. С их помощью обучение далось тебе гораздо легче.

Айра нахмурилась: откуда он знает? Или все-таки заметил на ней следы исцеляющих заклятий? Впрочем, о чем это она... конечно, заметил. Он же не дурак?

— Хорошо, пусть так. Но вы не ответили на вопрос: зачем вы пришли?

— Закончить твоё обучение...

— Спасибо, не надо, — она заметно напряглась под пристальным взглядом мага. — Я уже сказала: я не желаю продолжения. Тем более, у вас.

— Дослушай, пожалуйста, — ничуть не оскорбился дер Соллен. — Я всего лишь хотел сказать, что на данный момент Совет до сих пор не знает, что у нас есть ученица, подобная тебе. И он пока не в курсе, что эта самая ученица умудрилась самостоятельно покинуть Академию, не извещая о том своих преподавателей. Более того, лер Альварис желает, чтобы пока так и оставалось, потому что искренне надеется, что ты одумаешься и вернешься.

— Значит, он поэтому прислал именно вас?

— Да. Хотя, разумеется, я не единственный, кого отправили на твои поиски. Точнее, народу для этого отрядили так много, что тебе было бы лестно узнать их точное количество.

— Прекрасно, — мрачно заключила Айра. — Но я с вами не пойду. И с ними тоже. Вам ведь велено провести Инициацию?

— Да, — ощутило напрягся и маг.

— Даже несмотря на то, что я сбежала?

— Кроме меня, за эту работу теперь почти никто не возьмется. И за тебя не возьмется

тоже: ты — моя ученица. Но лер Альварис, к счастью для нас обоих, не уточнил, каким образом я должен провести Инициацию. Поэтому я здесь и поэтому же предлагаю тебе... иной вариант.

Девушка холодно сверкнула глазами.

— Зачем?

— Без Инициации и с нестабильным даром ты можешь погибнуть, — на удивление терпеливо пояснил мастер Викран.

— Меня это не пугает.

— Айра, это неразумно...

— Как вы меня нашли? — вдруг прищурилась она. — Я не оставила никаких следов, гроза смысла все зацепки: порталы, нити, остаточные эманации... за мной никто не следил, никто не шел по пятам... я много раз проверяла! Так откуда вы узнали, где меня искать? Кто вам сказал? Как вы отыскивали меня на болоте?

Маг быстро отвел глаза.

— Позволь, я оставлю эти сведения при себе.

Айра совсем насторожилась.

— Кто-нибудь еще знает?

— Ты имеешь в виду, сообщил ли я в ближайший город, где тебя искать? Нет. Не сообщил.

— Почему?

— Если я это сделаю, никакой речи об ином способе Инициации идти уже не будет. Ты этого хочешь?

— Вы не ответили на мой вопрос! — жестко сказала девушка.

— Да, — поразительно спокойно согласился маг. — Но я не обязан этого делать. Считаю, что, оставаясь твоим учителем, я взял на себя ответственность за твое обучение. Поскольку без Инициации оно обойтись не может, а предложенный вариант нас с тобой не устраивает... ты ведь только поэтому сбежала, верно?.. то мне пришлось искать другой способ завершить это полугодие. И, кажется, я его нашел.

— В каком смысле?

Викран дер Соллен странно улыбнулся.

— Ты правильно шла. Настолько правильно, что было нетрудно догадаться, какую дорогу ты выберешь. Для своевременной и адекватной Инициации требуется не так уж много — хорошая Охранная Сеть, чтобы контролировать возможные всплески силы, и мощный Источник. В обычных ситуациях и то, и другое обеспечивает человек, который ее проводит. Это не так легко, как кажется, но вполне выполнимо. Особенно, когда есть специально подготовленное место, в котором Сеть поставлена заранее. В этом случае роль Источника играет сам маг, в зависимости от ситуации меняя потоки сил... сдерживая их или, наоборот, усиливая своими... а Сеть не дает производить ненужные разрушения. Ее не требуется ставить надолго — как правило, ученики быстро успокаиваются, а порой все проходит так гладко, что и сами Сети не нужны. Но поскольку опасность все-таки есть, то их все равно используют. Другой вопрос, что при наличии ИНОГО, сильного, родственного ученику и стабильного Источника, дар... если иметь достаточно навыков и правильное понимание происходящего... вполне можно стабилизировать иначе.

— О чем вы говорите? — снова насторожилась Айра.

— О Занде.

У нее все похолодело внутри.

— Ты ведь к нему идешь? — полуутвердительно спросил Викран дер Соллен. — Конечно, другого такого Источника на Зандокаре нет. Занд коснулся тебя своей силой, поэтому ты спокойно общаешься с игольником и смогла приручить метаморфа. Поэтому же только там твой дар сможет стать полностью стабильным и только там ты обретешь понимание собственной силы.

Айра судорожно сглотнула, лихорадочно заметавшись взглядом по сторонам.

Знает... он все знает! А если не все, то очень многое! Всевышний... значит, догадался! Значит, она все-таки была неосторожна! Значит, он знает даже о Сердце... если, конечно, не знал о нем еще раньше, будучи Охранителем... боже, боже... как теперь быть? Бежать? Невозможно — с такой ногой он настигнет ее в два счета. Врать — бесполезно, он все равно уже понял если не все, то почти все. Драться, отстаивая свое право на свободу? Да как с ним сражаться-то, если он так силен и настолько уверен в себе?! Он и человеком-то втрое сильнее, а уж если волком перекинется... одна надежда на быстрые ноги и крепкое здоровье, но именно сейчас их как раз и нет!!!!

Айра до крови прикусила губу, а Кер на ее шее незаметно потянулся зубами к коже.

— Не надо, — быстро сказал маг, видя, что они готовы рискнуть. — Айра, пожалуйста... не делай этого. Ты слишком слаба. Никто не собирается тебя останавливать.

Она попятилась еще дальше, упорно продвигаясь к окну и молча велев метаморфу:

"Кер, давай. Мы должны от него уйти. Хоть волчицей, хоть птицей... но как можно скорее и дальше".

Маг беспокойно дернулся.

— Айра... послушай меня. Я знаю, что Занд тебя принял. На тебе его метка. На твоей ауре — его след. Его ни с чем не перепутаешь, я знаю. Я десять лет провел рядом, я хорошо знаю, как он метит своих. И знаю, что именно в этом — твой единственный шанс. Я уверен, что Занд сможет тебе помочь, и ты правильно туда стремишься. Согласен, что это — правильно и мудро. Но без моей помощи тебе не справиться. Ни сейчас, ни после. Поверь, идти туда одной — настоящее безумие... это слишком опасно... не делай этого, Айра. Ты не сумеешь одна.

Крыс послушно сомкнул зубы, готовясь к боевой трансформации, и заранее зажмурился... однако вместо того, чтобы слиться с ослабевшей хозяйкой, он вдруг вздрогнул всем телом, жалобно пискнул и странно задрожал, словно испугавшись чего-то невидимого. В тот же момент изготавившаяся к молниеносному рывку Айра приглушенно вскрикнула, тихо застонала, неловко оперевшись на больную ногу. Смертельно побледнела, потому что опрометчиво позабыла про недавнее истощение. И, не успев даже начать трансгрессию, медленно сползла по стенке, дрожа, как в лихорадке, но до последнего не желая сдаваться.

— Кер...

— Айра! Нет!

Метнувшись через всю комнату черной молнией, Викран дер Соллен подхватил ее в самый последний момент, не дав рухнуть на деревянный пол и потерять сознание окончательно. Цедя сквозь зубы страшные ругательства, он осторожно снял с ее шеи тяжело дышащего крыса, переложил на подушку. Затем так же осторожно вернул на кровать обмякшую ученицу, на лицо которой не спешил возвращаться румянец. Наконец, приложил теплые ладони к ее вискам и простонал:

— Что ты творишь, глупая? Что делаешь с собой?!

— Отпус... тите... я не позволю...

— Ты погибнешь!

— Все равно... не пойду... — неслышно прошептала девушка, пытаясь приподняться и вырваться. — Никогда... с вами... не пойду... обратно!

"Кер... ты где?"

— Да не собираюсь я тебя возвращать! — вдруг в неподдельном отчаянии воскликнул маг, чувствуя, что она готова рискнуть во второй раз. Крепко прижал ее, спеленал, как младенца, привлек к себе, невзирая на слабый протест, и повторил: — Не собираюсь везти в Академию, слышишь?! Айра, я не отдам тебя Совету! Не верну против воли!

— Тогда зачем?! Что вам нужно?!

— Я хочу помочь... помочь вам обоим! Разве в это так трудно поверить?!

Девушка вздрогнула, встретив его горящий, полный необъяснимой тревоги взгляд, и устало качнула головой.

— Да. Почти невозможно.

— Айра...

— Зачем? Для чего? Зачем возиться, если вы терпеть меня не можете? И весь Занд заодно?!

Маг сжал челюсти, чтобы сдержать какое-то восклицание, едва не скрипнул зубами, но потом все-таки ответил:

— Считаю, что это — долг, который мне нужно отдать. Старый, жизненно необходимый, очень важный. Тот долг, которым нельзя пренебречь и от которого нельзя отказаться. Я должен отдать хотя бы его... раз уж ничего иного исправить не в силах. Отдать тем, что через Охранные леса тебе без меня не пройти. А я, хоть и давно в них не был, все еще не успел забыть туда дорогу. Поверь... я хочу тебе помочь. Всего лишь помочь. Ничего больше. Я знаю, как нужно. Знаю, что ты сможешь. Знаю, как стабилизировать твой дар по-другому... я целый месяц на это потратил... как раз с того дня, когда лер Альварис сказал про твою Инициацию... пожалуйста, не делай так больше, Айра. Пожалуйста, поверь: все совсем не так, как ты думаешь.

— *Не лжет*, — печально вздохнул внутренний голос. — *Как ни странно, снова не лжет. Может, записать этот феномен в своих мемуарах?*

Маг действительно не лгал — Айра видела и чувствовала это, хотя поверить все равно было сложно. После всего, что случилось. После того, что он говорил и, наоборот, чего НЕ сказал, когда она так в этом нуждалась... но сейчас она слишком устала. Слишком запуталась и ослабла, чтобы разбираться в своих ощущениях. Сейчас она хотела лишь одного — покоя. А чувствовать себя в безопасности рядом с ним она так и не научилась.

Викран дер Соллен, чувствуя, что не договорил самого важного для того, чтобы она поверила, осторожно сжал ее ладонь.

— Айра...

— Поклянитесь, — слабо потребовала девушка, заставив его незаметно вздрогнуть. — Поклянитесь, что не заставите меня возвращаться! Поклянитесь, что не тронете меня! Не обманете! Что не вернетесь больше к той Инициации! Эльфы не лгут, я знаю... а вы все же наполовину... поклянитесь, что все — правда и вас ведет только это! Поклянитесь мне... иначе я все равно попробую... сейчас или позже... но я не останусь!

Маг всмотрелся в ее бледное лицо, полное сомнений, боли, тревог и смятения, и медленно наклонил голову.

— Хорошо, я клянусь.

— Этого мало!

— Да, наверное, — тихо сказал он. — Тогда я скажу иначе: Айра... мне очень жаль, что твое обучение стало таким сложным. Жаль, что по-другому нашей силой не овладеть. Жаль, что трансгрессия всегда причиняет боль, и что тебе, как и мне, без нее не обойтись. Но это было необходимо, поверь. Через это прошли все, кто рисковал согласиться. Даже я. И Бриер. Ты тоже согласилась... хоть и не знала тогда, на что. Возможно, я что-то упустил, когда учил твое тело не слышать боли. Возможно, мне стоило быть немного мягче. Возможно, я ошибся, когда решил, что известный путь станет для тебя самым лучшим. Возможно... ты даже права. Но я не ненавижу тебя за близость к Занду, несмотря на то, что в свое время по его вине у меня возникло немало сложностей. Не ненавижу, понимаешь? И никогда не ненавидел. Здесь... все совсем не так. Это — другое. Учитель просто не может себе позволить ни любить, ни ненавидеть ученика, каким бы он ни был... его задача — сделать вас сильнее. Дотянуть до своего уровня. Помочь. Научить. Поднять как можно выше. Поверь, ты — такая же ученица, как Бриер и многие другие. И я действительно хочу тебе помочь. Несмотря ни на что. Даже на Занд. Я готов провести тебя туда, чтобы закончить обучение. И готов поддержать в Инициации. Просто потому, что от ученичества никто нас с тобой не освобождал. И от дара тоже. Так лучше?

— Не знаю, — прерывисто вздохнула она, отводя глаза. — Я уже не знаю, чему верить.

Маг, наконец, отпустил ее голову и, слегка качнувшись, выпрямился. Затем зачем-то пошарил в карманах, выудил на свет что-то маленькое и блестящее, осторожно вложил в ее ладонь и, накрыв своими руками, тихо сказал:

— А так? Достаточно, чтобы ты начала хоть немного мне доверять?

Айра, про себя поразившись ярким огням, на мгновение вспыхнувшим в синих глазах мага, неверяще замерла, одновременно торопливо ощупывая крохотный подарок. Ошарашенно подняла голову, когда маг так же неожиданно отпустил ее руки, затем непонимающе уставилась уже в его спину. Изумленно проводила отвернувшегося и быстро вышедшего наставника, а потом медленно раскрыла ладонь и уставилась на играющее на свету алмазное колечко.

"Марсо?! Марсо, ответь! Ты как?!!"

"Девочка моя, — обласкал ее теплый голос друга. — Живая... как же хорошо, что Викран успел тебя вытащить!"

"Марсо!" — Айра с облегчением выдохнула и тут же попыталась встать, потому что ничто больше ее здесь не держало. Но снова позабыла про проклятую ногу и... обессилено рухнув обратно, все-таки потеряла сознание.

Второй раз она очнулась ближе к вечеру. Какое-то просто лежала, вспоминая вчерашний день, а потом тихонько поднялась и выглянула на улицу, обнаружив, что уже темно, а на безлунном небе начали высypать первые звезды. В это же самый миг, как назло, в комнату в заглянула незнакомая женщина с полным, но миловидным лицом, которая, едва переступив порог, громко вскрикнула:

— Не надо! Тебе еще рано вставать! — и, обернувшись, еще громче позвала: — Господин!.. Господин, она пришла в себя!

Айра, застигнутая врасплох у открытого окна, испуганно вздрогнула.

— Что вы...?! — девушка осеклась, заслышав в коридоре знакомые шаги, и поспешно отступила от подоконника, прислонившись плечом к стене, чтобы не выглядеть совсем уж немощной. Но помогло, видно, мало — женщина (наверное, хозяйка дома?) огорченно покачала головой и, поставив на стол принесенный таз с теплой водой, с невыразимым укором обратилась к быстро вошедшему магу.

— Господин... ну, хоть вы ее вразумите! Два дня пластом лежала, а теперь чуть не бегом собралась!

Айра поежилась, когда встретила тяжелый, полный понимания взгляд Викрана дер Соллена, и быстро отвернулась. Но иначе она не могла — одна только мысль, что он решил идти с ней в Занд, тревожила ее настолько, что заставила поспешно выбраться из мягкой перины, схватить Кера и инстинктивно шагнуть к первому попавшемуся выходу, который только имелся поблизости. Если бы не хозяйка...

Маг тяжело вздохнул.

— Айра, вернись, пожалуйста. Тебе действительно еще рано.

— Мне надо, — пробормотала девушка, не уточняя, что именно "рано". — Очень надо.

— Да я ж сейчас все сделаю! — всплеснула руками хозяйка. — Что ж я, первый день на свете живу? Чай, не оставлю гостью в таком неудобном положении! Вот и тазик, и горшок, коли потребуется...

У Айры против воли запылали уши, но бывший Охранитель, к счастью, оказался гораздо тактичнее, чем некоторые: убедившись, что ученица не сумеет сбежать незамеченной, он бесшумно вышел в коридор и плотно прикрыл за собой дверь. После чего Айре оставалось только дохромать обратно, измученно рухнуть на постель и, прикрыв глаза, тихо застонать:

— Всевышний... за что?!

В то, что он сказал недавно, девушка верила: звучащие в ее голове голоса никогда не лгали. Но в то, что причина его желания прогуляться до ненавистного Занда заключалась только в ней, поверить было нельзя. А это значило, что дер Соллен все равно о многом умолчал. Что осталось между ними что-то недоговоренное. Значит, не исключено, что кто-то... хотя бы тот же Совет... действительно что-то прознал и заинтересовался странной ученицей, после чего вполне мог воспользоваться ситуацией и, раз уж она все равно собралась идти в Занд, пристроить к ней очень удобного соглядатая... а также охранника, защитника и тюремщика в одном лице. Потому что кому, как не ей, знать, насколько сложно тягаться в искусстве убегания с настоящим мастером? И кому, как не ей, понимать, что убежать от него можно только внезапно, как сейчас, когда он ничего не заподозрил и даже не понял, что она уже пришла в себя?

— Ну, что ты, милая? — заворковала хозяйка, подметив мрачный взгляд Айры, брошенный на недоступное окно. А затем подумала и деликатно его прикрыла, на всякий случай задвинув щеколду. — Все хорошо, ты скоро поправишься. Молодой господин спас тебя от смерти и вовремя принес сюда. Разве ж можно гулять по ночам поблизости от болот? Там и упыри, и мавки, и звери страшные... намедни, говорят, волка громадного там видели! Черного, как настоящий Мрак, здоровущего... глаза горят, из пасти — огонь... мой Зоря как увидел издали, так и струхнул! Три дня в лес не ходил, да и теперь еще за спину оглядывается! Зверь-то явно непростой! Целую неделю кругами возле нашей деревни бродил да нечисть пугал! Хорошо, не заел никого — видимо, сытый был...

Айра замерла.

— Волк?

— Точно тебе говорю, — уверенно закивала хозяйка, властно стягивая с нее рубаху и помогая надеть свежую. — Зоре, правда, не поверили. Сказали, что таких здоровых не бывает, да и коров бы он тогда задрал. А раз никого в округе не тронул, значит, призрак это был. Морок. Видение простое. На болотах иногда случается. Но мой Зоря не таков, чтобы пыль в глаза пускать. Так что есть этот волк, точно говорю. Где-то там бродит, нечисть от нас отгоняет.

— Почему отгоняет? Вдруг наоборот? — буркнула девушка, забираясь под одеяло и выразительно поглядывая на пресловутый горшок. Все-таки побег — побегом, но от некоторых надобностей даже возможность бегства не способна избавить. Вот только хозяйка все еще толчется в комнате. И уходить не хочет, балаболка. Наоборот, пристроилась рядышком, загородив собой окошко, и явно готова болтать хоть до второй Катастрофы. Благо тема была интересной.

— А как еще? — не заметив этого взгляда, продолжала рассуждать женщина. — Как волчара тот появился, так и нежить нас донимать по ночам перестала. Бывало, каждую ночь воют, воют издали... хотя близко-то не подходят — вокруг всех болот Сеть Охранная стоит. Еще с прошлых времен, когда люди селиться тут боялись. Но стоило волку прийти, как замолчали упыри-то. С неделю мы никого не слышали. Значит, попрятались. Или сожрал он их...

— Наверняка сожрал, — мстительно согласилась Айра, надеясь, что "волк" подслушивает.

— А ты чего в постель-то забралась? — неожиданно встрепенулась хозяйка. — Ну-ка слазь — сменить надобно.

Айра вздохнула, но все-таки неохотно сползла на стул, позволяя словоохотливой женщине поменять белье, а сама тихонько позвала:

"Марсо?"

"Я слышу, милая, — без промедления откликнулся призрак. — Честное слово, это было глупо — кидаться прочь, когда еле стоишь на ногах!"

"Я не могу по-другому! Ты слышал, что он сказал?!"

"Да. Имею в виду: я про Занд ничего не говорил. Он сам обо всем догадался".

"Знаю. Но ты хоть представляешь, что теперь будет?!"

"Нет, — неожиданно буркнул Марсо. — Зато я представляю, сколько всего интересного о себе услышу, если снова тебя не уберегу. Между прочим, пока ты тут спала, мне пришлось такое выдержать..."

Она замерла.

"ОН... что с тобой сделал?!"

"Поговорили мы, — страдальчески поморщился призрак. — Бурно так... весьма. Если бы кто услышал, впору было бы краснеть, как в юности перед учителем. Викран, скажем так, был недоволен, что я отправил тебя в топи. Вернее, он был **ОЧЕНЬ** недоволен и весьма красочно высказал это... э-э, недовольство, недвусмысленно намекнув, что я — болван, дурак, старый идиот и так далее, который совершенно напрасно рискнул твоей жизнью. И своей собственной заодно".

"А кольцо он как достал?! Я же его проглотила!"

"Вот так. У тебя, когда он пришел, такая дыра в брюхе была, что даже я испугался. У него вообще глаза огромные стали, когда какой-то упырь из тебя кишку тянул. А вокруг кровищи, кровищи... думаешь, Викран чего такой зеленый? Тебя лечил, вурдалак горластый! Всю душу мне вымотал, нелюдь! И даже слова не дал вставить! Можно подумать, мне было больно хорошо смотреть на то, как тебя на части рвут!"

Айра машинально схватилась за живот и, вспомнив окровавленные морды нежити, невольно сглотнула.

"Значит, мне не приснилось..."

"Нет, конечно! Этот желтоглазый гад прямо с неба свалился, всех раскидал, растоптал, потом тебя цапнул и — бегом оттуда! Как только до суши добрался, тут же перекинулся и за живот твой несчастный взялся!"

"Но это же... — у нее что-то дрогнуло внутри. — Это очень высокий уровень магии Исцеления".

"Конечно! Но на то Викран и Охранитель, чтобы любые раны врачевать! Даже такие страшные, как у тебя! Думаешь, его дриером за красивые глаза выбрали?!"

"Нет, — вздрогнула Айра, вспомнив его усталое лицо и погасший взгляд. — Выходит, он мне жизнь спас?"

Марсо вздохнул.

"Выходит, так. И не только тебе: Керу, вон, тоже хватило, да и мне... всем досталось, короче. Особенно от него потом".

"Сколько у тебя резерва?"

"Спасибо, Викран уже добавил. Не больно много, но несколько недель проживу без проблем. Даже летать смогу, когда прижмет. Или заклятия простенькие творить. Ну, для защиты там, зверя отпугнуть, рыбу привлечь... мелочь, конечно, а приятно. Правда, я не знаю, как наш спаситель после этого еще на ногах держится. Он же от тебя двое суток не отходил!"

Айра вздохнула.

"И сейчас, похоже, снаружи караулит".

"Верно, — удивился Марсо, ненадолго прислушавшись. — А его-то резервы, кстати, не бесконечны. Правда, я там пару амулетиков неплохих чую, но все равно — если не заснет, то скоро свалится. Даже чудно, что пока держится".

Вот оно как... девушка резко отвернулась. Значит, это он спас. Зачем-то. И для чего-то. Не побоялся упырей, сунулся следом на проклятое болото, нагнал, в последний момент вытащил с того света, вылечил, принес сюда, устроил, потратил море сил, чтобы просто удержать ее на этой стороне и до сих пор посматривает, чтобы ей не стало хуже. Просто невероятно... странно и совершенно дико сознавать, что Викран дер Соллен вдруг сделал для нее нечто подобное. Страшноато представить, как ему сейчас должно быть тяжело:

двое суток без сна, когда резервы на исходе, когда обычные человеческие силы подходят к концу, когда веки словно чугунные, в ушах уже шумит от слабости, ноги почти дрожат, в голове туман... а он все еще рядом. Все еще сторожит. Все еще беспокоится. Все еще отдает свои силы, ничего не прося и не требуя взамен. Молча, как всегда. Без лишнего пафоса. Почти безрассудно, ведь и сам давно уже качается на грани. Совсем себя не бережет. Поблуднел аж до синевы. Ослаб. Явно до последнего отдавал силы, только бы Айра справилась. И ведь не лгал он снова — действительно испугался, когда она чуть не грохнулась наемни в обморок. Даже сейчас испугался, когда понял, что она близка к побегу. Но не того, что у нее все-таки получится, а чего-то совсем иного. Кажется, считает, что она погибнет при трансгрессии? Боится этого. Не хочет рисковать. Но почему? Неужто из-за Совета? Или тут дело совсем в другом?

Айра устало закрыла глаза.

"Что мне делать, Марсо? Как быть? Не думаю, что смогу отсюда сбежать".

"Сможешь. Еще как сможешь: едва он заснет..."

"Я не об этом, — вздохнула она. — Просто я опять его не понимаю. Вот, вроде бы считала, что все ясно, а теперь вижу, что снова ошиблась. Даже после того, что рассказал мне ты. Дер Соллен, он... стал другим. Или, наоборот, это тогда он был другим, а сейчас — настоящий? Не знаю. Не понимаю. В нем словно два человека живут: тот, который был раньше и которого я ненавидела, и другой — как сегодня, как два дня назад и весь последний месяц, что я училась. Но разве такое бывает, Марсо? Разве человек может быть таким разным? И за такое короткое время?"

"Может, милая. Поверь: очень даже может".

"Но почему? Зачем он это сделал?! — Айра недоуменно покачала головой. — Или для кого? Что такого случилось, что он вдруг рискнул ради меня?! На болото полез, с упырями связался, лечил, хотя мог бы не беспокоиться... не поверю, что Совет или лер Альварис станут переживать за каждый мой упавший волосок! Наверняка велели привести любой ценой! Вместе с тобой и Кером! Меня ведь гораздо легче вернуть полуживой, чтобы даже думать не могла о побеге! Взял на руки, кровь немного остановил, чтобы не померла по дороге, и быстренько доставил, куда велено. Но он не стал. Вылечил почти полностью... а ведь нежити было очень много. Чуть на куски меня не разорвали. Да и его, наверное, тоже ранили?"

Марсо странно кашлянул.

"Не знаю. Викран не говорил".

"Хочешь сказать, что с полусотней упырей можно спокойно справиться, не заимев даже крохотной царапинки?"

"Ну... нет".

Айра снова вздохнула.

"Вот и я о том же. А еще он мне поклялся... но, Марсо! Если он действительно не собирается возвращать меня обратно, то зачем все это понадобилось? Не просто же так он пришел? Не по доброте душевной нарушает приказ лера Альвариса?"

"Если б я знал..."

Она невесело улыбнулась.

"Вот и я гадаю, что да почему. И что делать, когда я даже удрать толком не могу и на сопротивление пока не способна. К тому же, сильно сомневаюсь, что он не нагонит нас снова. Если уж с Холодного моря не потерял след, если уж гроза ему не помешала..."

думаешь, он не выследит меня во второй раз? Не пойдет по пятам?"

Призрак вздохнул еще тяжелее, чем она сейчас.

"Пойдет, конечно".

"Но КАК?! Марсо, как он смог?! Как у него вообще это получилось?! Неужели ты где-то ошибся?!"

"Не должен был. Признаться, я сам удивился, когда его увидел. Да только он все равно не расскажет — Охранители не раскрывают своих секретов. Хотя, конечно, теперь мне понятно, за что их так ценят. С Холодного моря... с погасшего портала... в грозу... почти наугад... я бы не рискнул. Да и погрешность в расчетах была такая, что его могло выкинуть где-нибудь в Северных Горах. В скале. И размазало бы на четверть лерда. А Викран... демон его знает. Я даже не подозревал, что он ТАК силен!"

Айра сжала кулаки.

"Как мне быть, Марсо? Можно ли ему верить? Куда спрятаться, если он все-таки захочет обмануть и если, куда бы я ни пошла, он все равно меня найдет? С какой бы скоростью я ни двигалась? Сколько у него обликов?"

"Привычных? Три, — задумчиво отозвался дух. — Волк, медведь и коршун".

"Значит, вот кто крикс спугнул... это они на него отвлеклись, да? Тогда он нас нагнал?"

"Верно. Я, как увидел, чуть в обморок не грохнулся: та еще была картинка, но зато он оттянул их на себя, позволив тебе беспрепятственно уйти. Коршун, чтоб его демоны сожрали... а что еще у него в запасе есть, я даже не знаю — Викран слишком скрытен".

"Значит, на этой земле... и в воздухе тоже... он меня быстро нагонит, — пробормотала она, лихорадочно размышляя. — По воде напрямую в Занд не добраться — порогов и водопадов слишком много. В земле я сама не пройду — там одни сплошные скалы. Марсо, а в самом Занде? Если я все-таки соглашусь и позволю ему пойти? В смысле, если сделаю вид, что согласна... как будет в Занде?"

"Это уж у тебя надо спросить. Я — простой и давно умерший маг. В Занде, можно сказать, не был и чудес тех почти не видал. Ты мне скажи: что будет, если ты НЕ ЗАХОЧЕШЬ, чтобы он туда за тобой прошел? Пропустит ли его игольник, а?"

Она вздрогнула.

"Понятия не имею. И как мне быть — тоже. Поверить ему страшно, отказаться и уйти одной вряд ли получится, сбежать не вышло... как считаешь, про Инициацию он не соврал?"

"Нет, — после небольшой паузы отозвался Марсо. — Я что-то такое тоже слышал, но давно. И детально, разумеется, не изучал — времени не было. А теперь и подавно: книг-то у нас с тобой больше нет. Но я не думал, что Викран вдруг решится".

"А что насчет Охранных лесов?"

"Там действительно может быть тяжело. Да и эльфов не хотелось бы встретить: их там пока еще многовато для тебя. Если выловят, то непременно поинтересуются, чего тебе понадобилось в Занде. И соврать, я тебя уверяю, ты не сможешь. А молчунов вроде нас с тобой уж точно дальше не пропустят".

"Но дер Соллена они знают?"

"Должны. Семь лет для ушастых — не срок. Если вспомнят, кто он да откуда, то вполне могут решить, что коллега малолетку обучает. Дескать, практика для особо одаренной ученицы. В максимально приближенных к реальности условиях. Тогда, может, и пропустят. Никто ж не знает, что для тебя игольники — дом родной. К тому же... — Марсо тихонько вздохнул. — Викран не имеет привычки лгать. Поверь, я хорошо его изучил, видел его разум

и уверен, что обманывать он не станет. Правда, я не совсем понимаю, почему он решил тебе помогать в Занде, но не думаю, что его стоит опасаться. Быть может, он жесток и холоден, но на подлость не способен. Я скорее поверю, что он решил вспомнить прошлое или раздать старые долги, чем действительно тебя обидеть. Для него ученики — это все. Вернее, все, что у него осталось. И если он сказал, что поможет, значит, так оно и есть. А его помощь, признаться, дорогого стоит. Так что подумай, прежде чем что-то предпринимать, и дай ему шанс доказать, что все не так плохо. В конце концов, с Инициацией он ведь тебя не обманул?"

Айра рассеянно пересела на заправленную постель и, забравшись на нее с ногами, отрешенно уставилась в пустоту.

Инициация... да, с этим мастер Викран не обманул: он все сделал, чтобы ее не случилось. Не самым хорошим способом, не самым добрым и понятным, но все же не обманул. Ни себя, ни ее. Кто знает, как бы он поступил, если бы Айра не сбежала. Быть может, нашел какой-то иной выход? Или рискнул проигнорировать прямой приказ директора? Отпустил бы? Поговорил, наконец, как сделал это сегодня? Или уже тогда настойчиво искал то, что предлагает сейчас? Все же мысли об этом явно не первый день тревожат его голову. Возможно, он действительно что-то придумал? Что-то, что может помочь? И теперь вопрос состоит лишь в доверии. И в том, согласна ли она поверить в то, что это — правда.

О чем говорила суестьющаяся и прибирающая комнату женщина, Айра даже не слышала — напряженно размышляла, прикидывая всевозможные варианты. Но когда за той, наконец, закрылась дверь, а потом снова бесшумно открылась, пропуская внутрь знакомый мрачноватый силуэт, все же решилась.

— Айра? — настороженно спросил Викран дер Соллен с порога.

— То, что вы говорили про Охранные леса — правда? — пристально посмотрела на него девушка.

— Да. Со мной тебя пропустят так далеко, как у меня хватит наглости тебя провести.

— И никто не остановит?

— Нет. Меня должны помнить.

— А если все-таки забыли?

— Найдем выход, — уверенно отозвался он. — Все ж у меня там немало хороших знакомых осталось. Не предадут.

Айра на мгновение прикрыла глаза.

— Я должна у вас спросить... прежде, чем приму решение... только, пожалуйста, я хочу услышать правду... скажите: что вы хотите от Занда? Лично вы. Без всякой Академии, Совета, простого любопытства и другой чепухи. Зачем вы туда стремитесь? Для чего желаете рискнуть?

Викран дер Соллен на какое-то время словно окаменел. У него слегка побледнело и без того бледное лицо, губы поджались, на скулах проступили твердые желваки, а глаза на краткий миг вспыхнули так, что Айра даже поежилась. Однако это быстро прошло — спустя какую-то долю секунды он снова стал обычным, суровым и неприступным. Только голос звучал очень глухо и как-то мертво, словно из могилы. Но он все-таки ответил:

— Я хочу задать вопрос... очень важный для меня и для того будущего, что ждет меня дальше. Мне нужно узнать одну-единственную вещь, которую узнать больше негде.

— Вы уверены, что вам ответят?

— Нет, — покачал головой мастер. — Но попытаться я должен.

— Это все?

— Да, — кивнул маг, и Айра неожиданно почувствовала, что он действительно этого хочет. А потом быстро прокрутила в голове прежние сомнения, все взвесила, оценила, прикинула возможные варианты и вдруг наклонила голову.

— Хорошо, я согласна.

Маг подозрительно покосился, явно не забыв ее шатающуюся, уже готовую выпасть из окна фигуру, но девушка снова кивнула, молча подтверждая, что сказала только то, что он слышал. Впрочем, чего сомневаться? В нем же немало эльфийской крови: чует ложь, как собака — свежую кровь. Вернее, как волк — заблудшую овцу. Так что даже странно видеть его сомнения и странно чувствовать почти осязаемую неуверенность, которая, кажется, охватила его впервые за долгие годы.

— Согласна?

— Да... лер, — с некоторым трудом выдохнула Айра, и маг удивленно вскинул брови, явно полагая, что ослышался.

Как она сказала: ЛЕР?! Первый раз за несколько месяцев?!

— Ты...

— Да, — уже спокойнее подтвердила она. — Я готова вам поверить и идти рядом до самого Занда. И я готова бороться до последнего в том случае, если вы меня все-таки обманете. Это приемлемые для вас условия?

— Вполне, — на его губах, наконец, мелькнула слабая улыбка. — Рад это слышать.

— Взаимно.

— Хорошо. В таком случае дай мне заняться твоей ногой, а завтра двинемся дальше.

— Нет, лер.

— Что? — неверяще замер мастер Викран.

— Нет, — твердо повторила девушка. — Сперва вы выпитесь и восстановитесь, а потом мы двинемся дальше.

— Айра...

— Если вы хотите, чтобы я вам доверяла, пожалуйста... хотя бы сейчас... уважайте мое решение, — очень серьезно попросила она. — Я не сбегу, если вы этого боитесь. И не надумаю перекинуться, пока вы спите. Но мне бы не хотелось, чтобы наше продвижение задержалось из-за того, что вы слишком много потратили на мое восстановление и слишком мало занимались собой. К тому же, я вполне способна потерпеть: нога уже почти не болит. А вот вам не мешает хороший отдых.

Викран дер Соллен озадаченно нахмурился, впервые слыша подобные возражения, но лжи ни в едином слове не почуял. Он ненадолго задумался, осмысливая необычное предложение. Потом еще раз взглянул на ее спокойное и полное твердой решимости лицо, мысленно хмыкнул от мысли, что за последние недели она здорово изменилась, и кивнул.

— Пусть будет так: твоей ногой я займусь с утра. Разумеется, в том случае, если ты все-таки решишь не сбегать. Впрочем, даже если сбежишь, мне все равно придется этим заниматься, только уже без твоего согласия и без выслушивания твоего мнения на этот счет. Мои условия понятны?

— Да, лер.

— Хорошо. Тогда отдыхай и набирайся сил: идти долго, а времени может быть меньше, чем я рассчитывал.

Айра послушно забралась под одеяло, стараясь не слишком тревожить больное бедро, затем проводила его глазами до двери и, когда он шагнул за порог, негромко бросила:

— Спасибо, что вытащили, лер.

Викран дер Соллен на мгновение замер и, не обернувшись, кивнул.

— Пожалуйста.

После чего быстро вышел и до самого утра больше не объявлялся.

Уходить пришлось рано, чуть ли не с рассветом, когда солнце только-только осветило небосвод, и в деревне пропели очнувшиеся ото сна петухи. Вернее, это Айру разбудили чуть ли не с рассветом, перепугав до полусмерти, и едва не заставили позорно взвизгнуть от внезапно появившегося ощущения, что в комнате кто-то есть, осторожного прикосновения к плечу и тихого, потустороннего голоса, раздавшегося над самым ухом. Хорошо, что маг вовремя зажал ей рот, не дав перебудить всю округу, а потом жестами успокоил и пояснил, что дело не в Инициации, как она едва не подумала и чуть не схватилась за нож, а всего лишь в том, что он явился исполнить обещание насчет чьей-то изодранной в клочья ноги.

Айра сидела, как на иголках, все время, пока он лечил проклятое бедро, и никак не могла успокоить бешено колотящееся сердце, которое с перепугу едва из груди не выскочило. А потом, когда дер Соллен все-таки ушел, умудрившись не нашуметь и даже не скрипнув дверью, еще долго сидела в темноте, отходя от мимолетного ужаса. И пришла в себя лишь тогда, когда нашла силы с чувством помянуть отвлекшегося призрака (который, кстати, обещал, что никогда не спит!!), не сумевшего ее вовремя предупредить о неурочном визите учителя.

Гад!!

Ее так и потряхивало потихоньку, когда в комнату заявила хозяйка и бодрым голосом сообщила, что все готово и можно собираться, после чего с гордостью выложила самое лучшее платье, купленное магом еще вчера. Потом поставила у кровати аккуратно стачанные сапожки старшей дочери, за вырученные деньги от которых потом смогла бы купить аж три пары таких же. Наконец, помогла Айре расчесать и собрать волосы в хвост, а потом самолично выпроводила до дверей, напоследок заговорщицки подмигнув и шепотом признавшись:

— Ах, и ладный у тебя жених! Загляденье просто! Гляди, а то уведут красавца: как только свататься начнет, так и иди!

— Куда? — не сразу сообразила Айра.

— Замуж, деточка, замуж. Чай, небось, родителей еще не порадовали?

Она ошалело застыла прямо на крыльце, возле которого собралась вся большая семья: сама хозяйка, торжественно вручившая гостю внушительный узелок с продуктами, ее муж — лысоватый, пузатенький и низкорослый мужичок в драном кафтане, крохотный мальчонка лет семи отроду, две младших дочки повзрослее и самая старшая — примерно возраста Айры, с длинной русой косой до пояса, тонким станом и весьма внушительным бюстом, который, как нарочно, очень туго обтянула ткань нарядного сарафана.

Все семейство дружно заулыбалось, когда девушка споткнулась от неожиданности, но вышедший следом маг вовремя поддержал ее под локоть, вызвав у хозяйки многозначительную улыбку, у ее супруга — хитрую усмешку, а у старшей дочери — разочарованную гримаску. После чего Айра наглядно убедилась, что об утреннем визите учителя знали, как минимум, трое членов семьи... а скоро будет знать и вся деревня, если судить по довольной улыбке хозяйюшки... прикусила губу, сходя с ним рука об руку по

ступенькам, и чуть не ругнулась, поняв, что и дер Соллен об этом знает. Только виду, мерзавец, не подает — идет себе и идет, даже в ус не дует. Словно так и надо, словно нет никакого Покона и словно так и положено — незамужней девице отпускать от себя красавца-мужчину по утрам.

Айра кинула быстрый взгляд на его бесстрастное лицо, затем — на полное досады личико хозяйской дочки, которой явно понравилась в нем эльфийская примесь, и вынужденно признала, что в этом действительно что-то есть. А потом, неожиданно рассердившись уже на себя, чуть не высказала все, что об этом думает, вслух. Но тут услышала ехидный голосок в голове и сжала зубы.

— *Подыграй ему, милочка,* — пропела какая-то девчонка. — *Подыграй, сделай одолжение. Все ж лучше, чтобы вас считали женихом и невестой, чем гулящей девкой и охочим до развлечений богатеем!*

Айра так же мысленно огрызнулась на дурную вертихвостку, но совета послушалась — в последний момент взяла учителя за руку и прижалась плечом, всем видом показывая, что готова под венец хоть сейчас. А когда он настороженно скосил глаза, явно не ожидая от строптивой ученицы подобного финта, даже нашла в себе силы тепло ему улыбнуться, хотя это потребовало громадных усилий и почти физического насилия над бунтующей памятью. После чего вежливо поблагодарила хозяев за приют, раскланялась, расшаркалась и, забрав собранную котомку, так и пошла — под руку со своим "нареченным".

Викран дер Соллен, что странно, не возразил — молча подхватив свой мешок и длинные ножны второй рукой, неторопливо двинулся прочь, небрежно обронив, что коня оставил неподалеку, на мельнице, что за пригорком — дескать, за "невестой" больно спешил, боясь, как бы в беду не попала. Поэтому от предложенной крестьянской клячи гордо отказался и уверенно направился к тому самому пригорку, за которым и скрылся спустя пару часов, когда провожать их вышла, наверное, уже вся деревня. В такой глуши любая странность кажется великим событием, а каждый гость — интересней и дороже королевского скипетра. Вот они и любопытствовали до упора.

Одно хорошо: если кто спросит, то гостили несколько дней тут не маг со своей недоверчивой ученицей, а всего лишь влюбленная пара, в которой красавец-жених только чудом вырвал свою нареченную из лап страшного волка... упыря... криксы... мавки или морочницы... ну, на что уж у кого фантазии хватит. После чего они поженятся, нарожают детей и будут жить долго и счастливо, чтобы умереть в один день...

Едва деревня скрылась из глаз, Айра согнала с лица дурацкую улыбку и поспешно отодвинулась от слегка напрягшегося мага. Тот тоже встряхнулся, разжал пальцы, отпуская ее руку, затем быстро огляделся по сторонам и, словно почуяв что-то, уверенно сошел с дороги.

— Обувку скинь — она тебе не понадобится. Платье сверни и спрячь в мешке. С едой как хочешь — если сырое есть не можешь, лучше возьми. Но учти — понесешь сама и столько, сколько выдержишь. На мокром не стой — следы оставишь. Как только закончите, подходите во-он к той березе. Только сперва узелок собери, а то лапами неудобно будет.

Айра едва успела раскрыть рот, как он уже растворился среди деревьев, с потрясающей скоростью скрывшись в густой чаще. В тот же миг из-под подола юркнула проворная серая тень, шмыгнула в одни кусты, в другие, кого-то сгрызла, кого-то просто пугнула. После чего так же стремительно юркнула к хозяйке на плечо и умильно заурчала.

— Уф, — наконец, опомнилась девушка. — Я уж испугалась, что он пешком пойдет.

Отвыкла я как-то человеком, да и ноги тут переломать можно запросто. А по дорогам вдвоем брести — и долго, и приметно.

Кер согласно фыркнул.

Айра, забравшись в самые густые кусты, почти с облегчением разделась, запихала разношенные сапоги под тяжелый камень, слегка пожалев, что маг так щедро за них заплатил. Поежилась от пробежавшего по коже холодка, увязала вещи, как посоветовали, а еще через несколько мгновений поднялась с земли серой волчицей. Внимательно принялась, огляделась, привыкая к множеству запахов, после чего подхватила узелок и потрусилась в указанную сторону, отлично зная, кого там встретит.

Громадный черный зверь одобрительно рыкнул, когда она бесшумно подошла и вопросительно посмотрела, но ни о чем спрашивать не стал: знал, что она уже давно перегнала его по скорости трансформации. Поэтому просто кивнул, подхватил свои вещи (тоже — уложенные заранее и тщательно завязанные в узел), а затем ровной трусцой углубился в лес, будто откуда-то знал, в каком направлении билось лиловое Сердце Зандокара.

Впрочем, а может, действительно знал?

Или слышал его временами?

Айра не стала спрашивать. Но про себя решила когда-нибудь точно это выяснить, потому что за долгие семь лет, проведенных в гигантском дупле Перводерева, была почти кем угодно, от мышки до гордой орлицы. Тогда как с Охранителями еще никогда воочию не сталкивалась. Будто чья-то незримая воля намеренно отводила от нее сознание суровых стражей Занда.

Или, напротив, от чего-то берегла?

Так или иначе, но волчица, озадаченно сморщившись на такие мысли, в конце концов, просто пожала мохнатыми плечами и спокойно двинулась следом, потому что бояться рядом с таким спутником было действительно нечего, к своим клятвам эльфы относились достаточно серьезно, чтобы принимать их на веру, направление он выбрал действительно правильное... так почему бы и нет?

Бежать пришлось до самой ночи, изредка останавливаясь, чтобы напиться. Айра, помня о наставлениях Керга, сперва пыталась держаться наравне с дер Солленом, но это оказалось нелегко — мастер двигался быстро и по сторонам почти не смотрел, хотя его чуткие ноздри беспрестанно шевелились, ловя малейшие колебания воздуха. Айра при всем желании едва за ним поспевала, хотя отнюдь не считала, что ползет, как улитка, а еще смутно подозревала, что он может бежать гораздо быстрее. Намного... намного быстрее. Просто сейчас приноравливался к ее шагу — явно помнил про недавнюю рану. Но и вперед тоже не пускал. То ли потому, что не принято, то ли по привычке, то ли не желал любоваться на... гм, чужой хвост. А то ли просто инстинкт Вожака и мужчины требовал удерживать главенствующие позиции.

Бежать вместе с ним было странно — непривычно и слегка неудобно. При этом создавалось ощущение, что это она его сопровождает, а не наоборот. И какое-то время Айра просто не знала, как себя вести, потому что слишком уж долго привыкала не задавать вопросов, отвечать кратко и только по делу, ничего не обсуждать, не жаловаться, не просить пощады, но при этом постоянно следить и все время ждать, как хищный зверь из засады: когда же он ошибется?

Теперь в этом не было особого смысла: дер Соллен, словно напрочь забыв о ее первой трансгрессии и том, как она пыталась его убить, то и дело бесстрашно поворачивался спиной к ученице, невероятно смело открывал шею и порой, кажется, даже не помнил, что бежит не один. Время от времени он, правда, оборачивался, чтобы убедиться, что волчица не отстала, иногда что-то спрашивал и даже однажды поинтересовался, как она сама чувствует направление. Пришлось отвечать, осторожно подбирая слова. Потом отвечать еще раз, на какой-то другой вопрос, потом на третий... и вроде бы ничего страшного, но Айру упорно преследовала тревожная мысль, что даже этим разговором она сделала что-то не так. Будто бы неоправданно доверилась, разоткровенничалась, слишком быстро забыла о прошлом. Позволила себе отпустить невидимую узду и подозрительно расслабилась.

Разумеется, все было немножко не так. Конечно же, она испытывала благодарность. Естественно, помнила о своих сомнениях и знала, что эльфийская кровь не позволит ему нарушить клятву... вернее, не позволит это сделать слишком уж грубо: все-таки и человеческого в дер Соллене немало. А многие люди, как известно, способны врать, не краснея.

Одновременно с этим вспоминались старые обиды, застарелая горечь, пережитая боль, разочарования, некогда бушевавшая ненависть... и пусть сейчас ее не было и в помине, пусть она уже перегорела, как угли в жарко натопленной печи, а недавно пришедшее понимание значительно сгладило прежнюю неприязнь и притупило старые страхи, но все равно: бежать свободно не получалось. А непроходящее, тяжелое, откровенно угнетающее молчание сильно действовало на нервы, заставляя насупливаться, уходить в себя и упорно делать вид, что в действительности почти ничего не изменилось, и это — просто еще один сложный урок. Правда, очень длинный и немного не такой, как прочие.

Айра, стараясь не слишком отставать, всю голову себе сломала, как бы приспособиться так, чтобы и неподалеку, и за себя не обидно, и в заблуждение никого не ввести. В первую очередь, самого мага, чтобы он не решил, что все прощено и забыто. Но потом, наконец,

отодвинулась на два корпуса вправо, слегка отстала и весь долгий день старалась тщательно выдерживать выбранную дистанцию.

Он не заметил. А если и заметил, то виду не подал. Просто бежал, ничуть не уставая от неудобной ноши в пасти, и знать не знал, что ученица так сильно озаботилась мнением здешних волков. А остановился только в глубокой темноте, когда передвигаться дальше стало заметно труднее.

"Отдыхай", — глухо обронил маг, выбрав подходящую для ночлега поляну. Потом на какое-то время исчез, оставив волчицу заниматься собой и поздним ужином, а когда вернулся, то довольно долго не мог взять в толк, зачем она возит носом по земле свой пухлый сверток. Через несколько мгновений, правда, сообразил, что Айра просто проголодалась и пыталась добраться до съестного. Затем тихо хмыкнул и, оттеснив уставшую ученицу в сторону, одним щелчком громадных челюстей разрешил все ее затруднения. После чего улегся под каким-то кустом, широко зевнул и негромко предупредил:

"Учти, утром ты это обратно не запихаешь: лапы — не руки, узлов вязать не умеют. Так что ешь все".

"В меня столько не влезет", — фыркнула Айра, оценив количество собранных припасов.

"Ничего, зато позавтракать сможешь спокойно".

"И потом с полным брюхом бежать весь день?"

Волк засопел и отвернулся, явно собираясь подремать, но тут перед его носом шлепнулся приличный кусок сыра, затем — шмат отлично прожаренного мяса, а глухое ворчание из темноты недовольно пояснило:

"Разделим".

Он удивленно кашлянул.

"Уверена?"

Волчица сверкнула из темноты желтыми глазами, окинула Охранителя оценивающим взглядом, но ответить не ответила — фыркнула снова, чувствуя себя в зверином облике гораздо увереннее, чем в человеческом, и с достоинством отвернулась. После чего торопливо прожевала свою порцию, сыто зевнула, забралась под другой куст, улегшись мордой к соседу, чтобы цапнуть сразу, если тот вдруг надумает нарушить незримые границы. А потом замерла, зарывшись носом в сухие листья и совершенно не испытывая никаких неудобств по этому поводу.

Викран дер Соллен, поколебавшись, обнюхал сыр, задумчиво облизнулся, но потом одним махом проглотил и его, и вежливо предоставленное мясо. После чего снова поднялся, неспешно отошел на противоположный край поляны, где свернулся черным клубком и ровно задышал, не сделав ни попытки заговорить снова, ни приблизиться, и никаким другим образом не потревожил покой настороженно замершей волчицы.

Айра какое-то время еще ждала неприятностей, чутко прислушивалась, ощущая себя не слишком уверенно рядом с таким опасным соседом, но, в конце концов, прикрыла веки и тоже задремала. Вполглаза и вполуха, разумеется, потому что неустанно ждала подвоха. И потому, что все это время напряженно думала, переживала, сомневалась, мысленно спорила сама с собой. Так что по-настоящему смогла расслабиться лишь к утру, когда вдалеке забрезжил слабый рассвет и стало окончательно понятно, что маг по-прежнему соблюдает условия их договора.

По этой же причине отдохнуть она, конечно же, не успела, поэтому встала слегка

раздраженная и взъерошенная. А обнаружив, что дер Соллена рядом нет, почувствовала, к тому же, нешуточную тревогу, потому что все-таки пропустила момент его пробуждения и не увидела, куда и когда он ушел. Тем более, не знала, зачем. Вдруг все же обманул? Вдруг пошел за подмогой? Или еще чего удумал, не оставив планов насчет возвращения в Академию? Может, пора бежать дальше без него? Может, еще не поздно уйти?

Правда, откликнувшийся на зов хозяйки Кер, с уверенностью заявил, что прошло не больше получаса с того момента, как маг покинул поляну. К тому же, уходил он без особой спешки и не пытался спрятать следы. Но Айру это не слишком обрадовало: за полчаса можно многое успеть. В том числе оглушить, ослепить, усыпить и спеленать сонную ученицу, рискнувшую довериться своему учителю. И то, что этого по какой-то причине пока не произошло, вовсе не означало, что можно полностью расслабиться и поверить. Несмотря даже на то, что вскоре дер Соллен вернулся, неся в зубах молодого кабанчика, а весь его вид говорил лишь о том, что он очень хотел успеть с охотой до того, как окончательно рассветет.

Правда, к этому моменту Айры на месте уже не было, поэтому явившийся с добычей Охранитель недоуменно замер, поняв, что его ученица давно встала, уже успела куда-то исчезнуть, а на ее месте вызывающе белеют две свежих заячьих тушки, на которых еще не успели застыть красноречивые кровавые следы. Обнаружив пропажу, он неуверенно замер под разлапистой елью. Тревожно прынул ушами и настороженно принялся, силясь понять, где ее теперь искать и что все это значит. А потом не выдержал и негромко позвал:

"Айра?"

"Да здесь я, здесь. Не сбежала еще", — буркнула внезапно вернувшаяся волчица, незаметно подкравшись к нему со спины.

Маг вздрогнул от неожиданности, едва не выронив из пасти добычу, и поспешно отошел, чтобы его не окатило целым водопадом холодных брызг, принесенных ею из ближайшего ручья.

"Когда ты успела?"

"С утра, — недовольно буркнула волчица, отряхнувшись. — Я подумала, вы были правы вчера, поэтому решила еще поохотиться".

Он странно кашлянул, когда она прошла мимо, тщательно соблюдая выбранную дистанцию, и улеглась на прежнее место, спокойно вылизывая мокрую лапу.

Он снова кашлянул.

"Надо же... наелась сама-то?"

"Да. Это ваши".

"Гм... ты и поросенка, значит, не будешь?"

"Можете съесть. Я сытая".

"Очень кстати", — волк произвольно облизнулся.

Айра только вопросительно приподняла брови, когда маг без промедления проглотил все три тушки, а потом покачала головой, сообразив, что он еще с вечера не наелся толком, а на утренней охоте словил только мелкую хрюшку. Но и ту не съел на месте, а как приличный волк принес обратно, надеясь перехватить что-нибудь для себя немного позже, прямо по пути. Видимо, звериные инстинкты у дер Соллена были довольно сильны, хоть он этого и не показывает. Иначе сперва насытился бы сам, а лишь потом занялся менее важными делами.

Выходит, он или все еще не слишком доверяет, поэтому и торопился вернуться, либо... либо ее дела все же считает достаточно важными, раз скрупулезно соблюдает негласный волчий этикет.

Но тогда получается, что все не так плохо, как ей казалось? И он действительно не собирается возвращать ее против воли?

Спустя несколько утомительных часов, которые прошли в непрерывной дороге, она рискнула, наконец, допустить такую возможность. Все-таки шансов добиться своего у дер Соллена было много — и сразу после болота, и вечером, и ночью, и даже с утра — но он не пожелал воспользоваться ни одним из них. И точно так же, как вчера, неутомимо бежал впереди, с какой-то поразительной точностью следуя выбранному направлению и ни в чем не ограничивая бегущую неподалеку волчицу.

Пристально следя за ним, Айра раз за разом убеждалась, что маг по-прежнему не проявляет агрессии. Не понимая до конца причин столь резких перемен, она не могла отделаться от мысли, что тут что-то не так. Несмотря ни на что, все равно подозревала неладное. Колебалась, не зная, чего от него ждать. В какой-то момент накрутила себя так, что, увидев реальную возможность сбежать, едва не поддалась первому порыву... но мастер Викран, словно почуяв что-то, внезапно обернулся и, обнаружив замершую возле крутого обрыва ученицу, странно дернул уголок рта. То ли горько улыбнулся, то ли хотел что-то сказать... а потом отвел глаза, шумно выдохнул и... неторопливо потрусил дальше, предоставляя ей самой решать, как поступить.

Какое-то время постояв на месте, Айра в очередной раз засомневалась. Оценив высоту обрыва и ширину разверзшейся пропасти, досадливо сморщилась. После чего, наконец, вспомнила о своем обещании и тяжело вздохнула. А затем отвернулась и медленно, неохотно, но все-таки последовала за удаляющимся волком.

Правда, нагнав его, намеренно отдалилась еще больше, чем раньше, чтобы точно не пропустить коварного броска, если вдруг таковой случится. И только к вечеру вынужденно признала, что напрасно изводила себя вчера и сегодня: дер Соллен, похоже, не собирался ее предавать.

Немного успокоившись на этот счет, волчица рискнула ослабить внимание: невозможно все время быть начеку — от этого устаешь гораздо быстрее, а до Занда еще далеко. В какой-то момент она даже притерпелась к его сильному запаху. Затем постепенно привыкла к его постоянному присутствию, расслабилась, сумев отодвинуть сомнения в сторону. Затем начала осторожно оглядываться по сторонам, чуть ли не впервые за два дня рискнув отвести взгляд от маячившей впереди массивной черной тени. В очередной раз напомнила себе, что добровольно на это согласилась и что маг все еще ведет себя безупречно. Наконец, бросила в его сторону очередной настороженный взгляд и, поняв, что в данный момент его больше интересует окружающая растительность, принялась осторожно теревить Марсо. Потому что уже досыта намолчалась и нанпрягалась, безумно устала от ожидания неприятностей, измучилась, не выспалась и сильно утомилась. И просто мечтала о том, чтобы кто-нибудь скрасил утомительную дорогу какой-нибудь интересной историей. Только сразу предупредила, чтобы об упырях с болотниками даже заикаться не смел, потому что от одного воспоминания ее начинало в прямом смысле мутить.

"Да я что? — сконфуженно отозвался призрак. — Я только легенды тебе рассказывал, которые есть насчет Гремарских топей".

"Забудь о топях. Вообще про болота даже не напоминай!"

"А про пустыни хочешь?"

"Опять какая-нибудь гадость?" — с нескрываемым подозрением уточнила Айра.

"Да не гадость... я про джиннов хотел тебе рассказать, — фыркнул дух. — Но если не

хочешь слушать, то не буду".

"Давай про джиннов", — обреченно вздохнула волчица.

"М-м-м... что ты знаешь про пустыню Моро?"

"Ничего, кроме того, что она есть".

"Отлично. Тогда тебе, наверное, будет любопытно узнать, что джинны — ее коренные обитатели и единственные, можно сказать, полноценные жители. Они, если помнишь, относятся к духам Воздуха. Никаких желаний, разумеется, не исполняют, но если умудриться их выловить, то можно обрести отличное подспорье во всякого рода безобразиях. Например, надуть соседу под дверь побольше песка. Или глаза преследователям припорошить. Или дубинкой из воздуха кого-то огреть. Разговор какой важный подслушать..."

"А мыслеречь они могут подслушать?" — заинтересованно спросила Айра.

"Нет".

"Фр-р... и зачем тогда они нужны? Песка я и так кому хочешь в суп насыплю, глаза хоть чем залеплю, начиная с обычной слюны и заканчивая Призрачной Паутиной. Дубинкой и собственными руками кого хочешь огрею... не вздумай напомнить про дер Соллена и давешних упырей — до сих пор тошнит... а уж насчет мыслеречи можешь даже не вспоминать: для чего нужен джинн, если он не умеет ее слушать?"

"Ну, не скажи. Если, например, маг плохо умеет ее фокусировать, то его легко можно подслушать".

"М-да? — задумалась волчица. — А у меня как получается?"

"У учителя спроси!" — съехидничал призрак, на что она недовольно сморщилась и фыркнула снова.

"Вредина. Тебе надо, ты и спроси".

"Не буду!"

"Вот и я не буду".

"Боишься?"

"Нет! — рявкнула про себя Айра. — А вот кое-кому бояться стоит, потому что у меня при себе его Источник, и я его сейчас ка-а-а-к..."

Она неожиданно осеклась, заметив, что бегущий впереди маг косится за спину с откровенным интересом. Да не просто косится, а словно бы... слышит?! Более того — хочет что-то добавить?!

"Хи-хи, — тут же подтвердил ее догадку Марсо. — Теперь-то точно спрашивать придется!"

"Может, нет?" — в надежде проскулила волчица, но мастер Викран только вздохнул и остановился.

"Ты действительно очень плохо защищаешь мыслеречь".

Айра, похолодев от мысли, что он все время слышал их разговоры, особенно ту оговорку насчет упырей и дубины, которую она с равным усердием обрушила бы на чью-то голову, обреченно опустила плечи и досадливо клацнула зубами.

"Ну, Марсо..."

"А я что? При чем тут я?"

"Прибью! — мысленно пообещала Айра, стараясь не встречаться взглядом с магом. — Мог же сразу сказать!"

"Я и сказал".

"Когда?!!"

"Когда надо!"

"Хватит, — властно остановил призрака бархатный рык Вожака. — Вместо того, чтобы голову ей морочить, лучше бы показал защиту".

"Сам и показывай, — обиженно фыркнул Марсо. — У меня, между прочим, рук нет, в отличие от некоторых!"

"Зато язык больно длинный", — буркнула Айра и угрюмо замолчала.

Волк постоял какое-то время, словно ждал напрашивающегося вопроса, но она не пожелала спрашивать — сделав вид, что изучает какого-то жучка, отошла в сторонку и, припав на передние лапы, от души напилась, раз уж встали, из попавшегося под ноги ручейка. Затем преувеличенно бодро отряхнулась, смахнув с морды несколько влажных капелек, и неторопливо потрусилась дальше, игнорируя вопросительный взгляд в спину, недовольное сопение в голове и ехидное хехеканье внутреннего голоса:

— *Зря упрямишься, деточка. Когда-нибудь спрашивать все равно придется.*

"Ничего, перебьюсь".

— *Ты подумай: вещь-то полезная, в хозяйстве ой, как пригодится. Дело, конечно, ваше — молодое, резвое. Ты подуешься, он подуется... а потом и сойдется снова, потому что когда вдвоем — оно все веселее, нежели поодиночке. Да и как еще прощение получишь? Только через смирение да разговор задушевный...*

"Не надо мне никакого разговора! — недовольно подняла морду волчица. — Хватит, пообщались уже! Хорошо, что хоть на дубину не взвился!"

— *Так, может, не тебе и надобен, разговор этот... а его ты спросила, упрямица?*

"О чем?! И зачем?!"

— *Вот то-то и оно: о себе все печешься. Обиду копишь. Скоро, может, и в злобу настоящую переведешь. А про чужую боль сама-то и не подумала. Про то, что прощение подарить первой надо, не догадалась. Может, ему сейчас так же трудно, как и тебе?*

"Чего?!" — Айра совершенно дико уставилась на недоумевающего волка, тщетно пытающегося понять, отчего она вдруг попятилась и ошалело замотала головой. Какое-то время нелепо таранилась на него, потом как-то странно присела, а после, вдруг ни с того ни с сего, рывкнула, рыкнула, вздыбила шерсть, словно собралась напасть, но тут же развернулась и серой стрелой умчалась прочь. Да так резво, что он едва-едва спохватился, а она уже исчезла в кустах, торопясь как на пожар.

"П-прощение ему... — волчица прямо на бегу передернула плечами. — П-плохо, тоже мне, выдумала... ага... как же... больно надо... ему и так х-хорошо, без всякого..."

— *А ты не гадай, сама-то и спроси,* — укорил внутренний голос, постепенно снизойдя до старушечьего скрипа.

"Не стану!" — рыкнула она, стремглав мчась по пустому лесу.

— *Не упрямясь, не твое это. Просто сделай.*

"Отстань! Чего пристала?! Не хочу я ни о чем спрашивать! Надо было бы — сам сказал! Чего, языка нет?"

— *Эх, девочка, девочка...*

"Я согласилась, чтобы он шел рядом! Не больше! И то — потому, что избавиться от него не могу! И в Охранных лесах он мне нужен... наверное. А задушевные беседы — это не ко мне, а к леру Лоуру! Или еще куда-нибудь! Ты себе хоть представляешь, как о чем-то говорить с НИМ?!!"

— *А коли мужем твоим был — спросила бы? Смирила бы гордыню и узнала, что на душе у него творится?*

"Какой муж?! — вдруг взвыла в голос волчица, пустив гулять долгое эхо. — Что ты ко мне прицепилась, как репей?! Нет у меня мужа! И он мне — никто!"

— *Пока — никто. Но время-то идет, все меняется...*

ЧТО?! КТО?! О чем это она?! О дер Соллене?! И какое еще время?!

— *Ну, одумалась?* — ласково поинтересовались в голове.

"НЕТ!!!" — Айра, заметавшись по лесу и не зная, куда деться от назойливого голоса даже не заметила, как вылетела на какую-то поляну. Время, перемены, разговоры, да еще задушевные... все это не про него, не про нее и не про них вообще! Ишь, выдумала! Душу ему изливать! Да нужно больно! У него вместо своей души — одна темнота да паутина остались! А они хотят, чтобы он еще ее кому-то открыл, как старую кладовку! Не надо ему никого! И никогда не будет надо! Он сам по себе! Всегда! Сам все лучше всех знает, ничьего мнения не слушает, сам себе брат, сват и командир! А эти... эти... хотят, чтобы она вдруг с разговорами к нему подошла и сделала вид, что интересуется его самочувствием!!!

Совсем спятили?!

Тяжело дыша, волчица завертелась на месте, лихорадочно заозиралась, рассеянно отмахнулась от ударившей по глазам еловой лапы. Замотала головой, пытаясь избавиться от наваждения, и, заслышав позади шум приближающейся погони, которому вторило обеспокоенное бормотание озадаченного Марсо, кинулась дальше.

— *Перестань, так нельзя, — с досадой отозвались в голове. — Нельзя все время подозревать и пугаться. С чего-то же надо начинать? Или так всю жизнь и будешь прятаться? От себя-то не убежишь...*

"Я не от себя бегу", — рыкнула в пустоту волчица.

— *Но если бы он был тебе ближе, ты бы отпустила обиду?* — продолжал журчать в голове надтреснутый голос.

Айра досадливо фыркнула.

— *Спросила бы, что его тревожит?*

Она сделала вид, что не услышала.

— *Его, не тебя?*

"А он меня спросил?! — наконец, не выдержала волчица. — Ему до этого было дело?! Еще тогда! В первые дни, когда я даже двигаться не могла от боли! Спросил, а?!"

Голос молчал довольно долго, словно здорово призадумался над ответом. Айра даже начала надеяться, что все — пропал и больше не появится, уже остановилась, отдышаться успела, пришла в себя. Отмахнулась от настойчивых расспросов Марсо, который все не мог взять в толк, чего она так резко сорвалась. Затем устало присела, прислонившись мохнатым боком к первому попавшемуся дереву, и прерывисто вздохнула.

"Вот так... значит, нет у тебя ответа".

"На что?" — удивился призрак.

"На мой вопрос... значит, права я и незачем больше говорить. Было бы ему дело, все бы по-другому случилось. А раз нет, то и я не стану".

— *Зря, — вдруг тихонько вздохнула невидимая старушка. — То, что он не спросил — его ноша и его беда. За них ему отвечать придется. А вот то, что ты зло затаила — уже твое горе.*

"Пускай, — прерывисто вздохнула Айра, заметив выступившую из-за деревьев мрачную

желтоглазую тень. — Все равно уже теперь. Мне бы только до дома добраться, а там меня никто не достанет. Даже ты".

Голос в последний раз вздохнул и разочарованно смолк, а волчица, дождавшись, пока маг настороженно приблизится на расстояние в два корпуса, снова отвернулась и потрусила прочь, не желая ни разговаривать лишней раз, ни забывать, ни смиряться. Пусть он изменился, пусть соизволил что-то пояснить, пусть Сердце признало, что он не солгал, и пусть он не сделал даже попытки доказать обратное... слишком трудно притворяться, что прошлое ничего не значит. Слишком тяжело забыть, когда он стоит совсем рядом. Слишком сложно отстраниться от старых чувств, когда он выжидательно смотрит. И совершенно невозможно оставаться полностью спокойной, когда доносится это диковатое ощущение звериной мощи, переполняющей его изнутри.

"Айра?" — беспокойно заерзал Марсо.

"Отстань. Все от меня отстаньте... дайте отдохнуть".

Она устало отмахнулась и до самой ночи больше не произнесла ни слова, а бежала намеренно впереди, не желая хотя бы какое-то время видеть перед собой чужую спину, но при этом старательно делая вид, что его и сзади-то нет. Так, будто бы он не нашел ее в бескрайних лесах Лигерии, не вытаскивал с того болота, не тратил зачем-то силы и не вылечивал изувеченную ногу, на которой теперь даже следа от раны не осталось. Она просто бежала, пытаясь не думать, не помнить и не оглядываться. А остановилась только тогда, когда окончательно выбилась из сил и когда впереди замаячила широкая лента неизвестной реки, перебираться через которую вплавь в таком состоянии было просто неразумно.

Отыскав приличное место, Айра выплюнула из пасти надоевший до оскомины узелок и с решительным видом улеглась, всячески демонстрируя, что больше сегодня с места не сдвинется. Даже нос отвернула, спрятав его в траве, и демонстративно прикрыла глаза, ни в чем не собираясь уступать.

Однако Викран дер Соллен не протестовал: пробежавшись по кромке воды и убедившись, что река вполне одолима, он спокойно вернулся и, положив вещи, молча улегся неподалеку. Так, чтобы и лес видеть краешком глаза, и речку, откуда порой тоже неприятная живность выбирается, и упрямо насупившуюся волчицу, которая целый день была сама не своя. С разговорами не лез, что странно, и ее поведение никак не прокомментировал. Просто спокойно шел следом, пока она была впереди, и так же спокойно принял ее решение остановиться. Не споря, не спрашивая и ничего не требуя.

Айра недоверчиво покосилась: что? И это все?! Не скажет ничего, не спросит и не велит бежать до самой ночи? Времени-то еще достаточно до темноты, можно было и рискнуть с переправой. Так отчего он молчит? Отчего не настоит на своем?

Она настороженно оглядела застывшую глыбу черного меха и, не дождавшись никакой реакции, неуверенно позвала:

"Марсо?"

"Что?" — тут же отозвался призрак.

"Все в порядке?"

"В полном. Тебе стало легче?"

"Да, — смущенно отозвалась волчица. — Намного. Спасибо, что не тревожил".

"А что это было, не скажешь? — осторожно уточнил архимаг. — Знаешь, я немного забеспокоился, когда ты ни с того ни с сего вдруг начала говорить сама с собой".

"Да я не с собой, — вздохнула она. — Помнишь, я про голоса тебе рассказывала?"

"Что... это снова они?"

"Да".

"И о чем же они тебе говорили, позволь спросить?"

"Да так... о разном. И, большей частью, о неприятном".

Призрак странно хмыкнул.

"Надеюсь, не обо мне?"

"Нет, — кашлянула она, невольно кинув взгляд в сторону недвижимого мага. — Мы говорили о прощении. И о том, что иногда можно даже не заподозрить, что кто-то в нем очень нуждается".

"Это правда, — вздохнул Марсо. — Особенно, если этот "кто-то" очень скрытен, горд и при этом ужасно глуп... прямо как я в свое время. Знаешь, когда я осознал, во что превратился, то страшно испугался. Это же было невероятно. Немыслимо. Неправильно, в конце концов! У меня не стало тела, я оказался вышвырнут за пределы... гм, того, куда так стремился. Я столько всего не успел сделать! Я метался, не зная, у кого просить помощи. Я был в ужасе. В панике... какое-то время. Потом на место страха пришло раздражение. За раздражением — злость, быстро сменившаяся решимостью все исправить. А когда из этого ничего не вышло и вместо помощи я получил просторную клетку, из которой выбраться не смог ни через пять, ни через десять, ни через пятьдесят лет, мной овладело такое отчаяние, что я сто раз пожалел, что не умер сразу. Потому что жить вечно, но не иметь возможности вырваться на свободу..."

"Как я тебя понимаю", — сочувственно вздохнула Айра.

"Да я, как ни странно, уже не злюсь. И даже не раздражаюсь, веришь? Мне и мстить-то давно не хочется, что совсем уж непонятно. Но зато с годами, познав и горечь, и тоску, ко мне пришло странное понимание, что наказание за свои ошибки мы выбираем себе сами. И сами назначаем себе искупление. А когда это искупление приходит... знаешь, я никогда не думал, что когда-нибудь вместо мести и жажды исполнения прежних планов мне может понадобиться совсем другое. И что ради этого я смогу забыть обо всем, что было раньше. Прощение... если бы я мог его получить, меня бы примирила любая цена. Даже смерть. Потому что уйти с миром — это, на самом деле, великое благо. И право на него еще надо заслужить. Потому что обретенный покой значит порой гораздо больше, чем эта нелепая, суетливая, бесконечная и, чаще всего, совершенно пустая жизнь, в которой ты упорно отказывал себе в радости, верности, дружбе и всем, что освещает этот мир, заставляя хотя бы ненадолго забыть о том, что в нем есть немало плохого".

Волчица удивленно прянула ушами.

"Марсо!"

"Я много думал об этом, девочка, — тепло улыбнулся призрак. — Думал и пришел к выводу, что все наши усилия ничего не значат, если рядом нет тех, кто тебе дорог и кому дорог ты сам".

"Ты мне дорог! Нам обоим! Мы тебя очень любим!"

"Ох, Айра... чистая твоя душа... ее даже Занд не посмел отобрать, дав одному наивному дураку еще один шанс на возрождение... если бы ты знала, как я рад это слышать! И как безумно рад, что ты однажды каким-то чудом отыскала дверь в мое старое Хранилище!"

Волчица смущенно уткнула нос в лапы, но он только тихо рассмеялся и почти неслышно добавил:

"Спи, девочка... спи спокойно. Я прослежу за тем, чтобы никто тебя не тревожил".

Айра облегченно вздохнула, а потом умиротворенно прикрыла глаза.
"Спасибо, Марсо. Ты — настоящий друг".

Эта ночь, несмотря на все старания Марсо, тоже оказалась беспокойной: то ли из-за усталости, то ли из-за того, что случилось днем, но Айра несколько раз просыпалась с тревожно колотящимся сердцем и знакомым сиреневым туманом в глазах. Плавала в нем, как в густом киселе, слышала отдаленные, едва различимые голоса, чьи-то крики, стоны, сдавленные проклятия. Потом приходила в себя, забывая о том, что видела и чувствовала. Долго лежала, пытаясь отстраниться от слишком громкого стука в груди, глубоко дышала, силясь успокоиться, но невесть откуда взявшаяся тревога никак не хотела уходить.

Несколько раз казалось, что она вновь поднимается в небо, беспокойно оглядывая окрестности Занда. Когда-то бежала лесным зверем среди зарослей игольника и настороженно принюхивалась, чуя приближающуюся угрозу. Однажды прощмыгнула серой мышкой под каким-то валуном, пропуская мимо себя прошедших людей, а потом долго нюхала воздух, силясь угадать, не от них ли исходила та угроза... как оказалось, нет. Тогда она стала крохотной мошкой, стремительно перелетающей от дерева к дереву. Затем — проворной белкой с удивительно длинным и цепким хвостом, умеющим выдерживать вес ее тела, пока глаза напряженно всматривались куда-то вдаль. Она видела плавно шевелящиеся кроны Охранных лесов, стоящих на страже ее покоя. Слышала ровный шелест дождя, мерно ударяющего крупными каплями по густой листве. Чувствовала слабый запах дыма от разведенного вдалеке походного костра, но расположившиеся вокруг него люди не излучали плохих намерений — Охранители всего лишь обходили свои границы. Однако даже тогда, когда они мирно уснули, выставив караульного, когда угли погасли, а тихие голоса окончательно смолкли, чувство тревоги все равно не пожелало уходить.

Потому что что-то происходило на границе Занда.

И это что-то ненавязчиво заставляло поторопиться.

Все утро Айра не находила себе места. Едва дождавшись рассвета, она сорвалась вперед, откуда-то зная, что должна поспешить. До Занда — не больше недели пути, за ним — Охранные леса, несколько рек, водопад... а потом — все, покой и мир, надо только добраться до Перводерева.

Она была так взбудоражена, что едва дождалась, пока маг вернется с охоты. Нетерпеливо мялась, пока он насыщался, с растущим беспокойством посматривала по сторонам, но тут же помчалась прочь, стоило ему поднять голову и вопросительно посмотреть. Да с такой скоростью, что он сумел нагнать ее и поравняться только через полчаса.

"Айра, что случилось?" — осторожно спросил Марсо, когда она остановилась на пару минут, чтобы передохнуть.

"Не знаю... мне не по себе".

"Тебе плохо?"

"Нет. Плохо впереди. Но не сейчас, а скоро..."

"Не понимаю", — признался призрак.

"Я тоже. Но так уже было, Марсо. Точно так же было перед тем, как у меня случилось то видение про Занд. Помнишь, я тебе говорила, что в него пытались проникнуть? Несколько месяцев назад?"

"Думаешь, это повторяется?" — беспокойно пошевелился он.

"Возможно. Не знаю".

"Скажи Викрану".

"Если он может нас слышать, значит, уже знает, — рассеянно отозвалась волчица, к чему-то настороженно прислушиваясь. — Сейчас стало лучше... я слышу, как там идет дождь... где-то стучит дятел... крадется за добычей никса... молодая, два года от роду, но быстрая... очень быстрая... а граница пустая. Пока еще пустая. Нетронутая. Везде, кроме юга, где опять собираются тучи..."

Айра вдруг замерла, широко раскрыв глаза, и странно выдохнула:

"Марсо..."

Но добавить ничего не успела — вдруг откуда-то изнутри снова поднялся плотный туман и накрыл ее с головой.

Жара. Душный полдень. На истоптанном берегу непрерывно снуют истощенные люди. На их покрасневших от горячих солнечных лучей спинах уже вздуваются крупные волдыри, время от времени лопаясь и покрывая кожу сукровицей, но никто не замечает — вперив мертвые, остановившиеся взоры в пустоту, они продолжают носить тяжелые корзины, очищая заполненный остывшей лавой тоннель.

Их много. Снова очень много, будто неведомый хозяин с легкостью смог добыть себе еще несколько сотен работников. Он стоит здесь же, совсем неподалеку — высокий, плотно закутанный в длинный серый плащ, непроницаемо мрачный, неподвижный и молчаливый. Его мысли тоже надежно закрыты от чужаков — юная орлица, как ни старается, не может в них проникнуть. Там царит пустота. Чернота. Непроницаемый мрак, надежно отгороженный от ее пытливого взора прочным стеклянным колпаком.

Вот он неожиданно поднимает руку и властно указывает на заново открытый тоннель. Рука белая, холеная, с крупным золотым перстнем на среднем пальце. Явно мужская и полная скрытой силы. Перстень почему-то кажется птице странно знакомым — в форме свившейся клубком и изготовившейся к броску змеи — но она не может подлететь ближе и рассмотреть внимательнее: стоящая над тоннелем преграда не пускает.

Под низко надвинутым капюшоном чувствуется какое-то шевеление. Потрявоженный воздух начинает медленно скручиваться вокруг мага в сероватые клубы уже знакомого тумана. Он медленно вьется у ног хозяина, словно преданный пес, униженно скулит, дожидаясь команды, заискивающе прижимается брюхом к земле, а потом, получив властный кивок, стремительно срывается с места и мчится вперед, умело вгрызаясь в застывшую породу.

Его не тревожит, что вокруг почему-то начинают падать изможденные люди. Он не замечает, что от каждого его касания они на мгновение замирают, а затем, широко распахнув глаза, плавно оседают на изрытую землю, чтобы распластаться безжизненными кулями и мертво уставиться в далекое синее небо, в котором кружит крупная серая птица.

Маг не замечает ее — прикрыв глаза и сосредоточившись на заклинании, низким голосом выводит сложный речитатив, в котором отдельные звуки сливаются в нескончаемое гудение, а само гудение неприятным сверлом буравит виски, взрывая их болью, забираясь под кожу и уверенно продавливая невидимый Щит...

Айра внезапно ощутила себя на траве — слабой, задыхающейся, как после первой трансгрессии, бессильно царапающей когтями землю и слабо скулящую от боли. В ушах

горячими молотками стучалась кровь. В груди так же громко и неистово стучало огромное Сердце. Все тело было напряжено так, словно его распирало изнутри невесть откуда взявшейся мощью. Серые шерстинки на шкуре то вырастали до невероятных размеров, то почти пропадали, сменяясь жестким хитиновым панцирем. Вместо лица дрожали и стремительно сменяли друг друга звериные лики, от серого мышиноного до страшноватой морды перепуганной никсы. Хвост то исчезал, то вырастал заново, когти на лапах научились втягиваться, как у кошки. Все тело дрожало и кривилось от незаконченной трансформации. В голове все еще стоял клекот недавно виденной птицы. Ноздри обжигало ароматом тлена и творящейся магии. А язык то и дело царапал сухое небо, словно она не была сейчас в лесу, а до сих пор летела в жарком небе, под палящим солнцем и силилась справиться с невыносимой духотой, в которой северной птице было совсем не место.

Рядом вспугнутым воробьем носилось полупрозрачное облачко, неистово размахивающее сжатыми кулаками, мечущееся по всей поляне и яростно спорящее с сердито оскалившимся черным волком. Тогда как сам волк, бросив туго затянутый узелок, уже нагнал упавшую на бок ученицу и теперь тревожно заглядывал в ее глаза.

"Айра?"

— Чего ты медлишь?! — громко рявкнул Марсо, внезапно обретя нормальный голос. — Не видишь, ей плохо!

"Отстань! Я не понимаю, в чем дело!"

— Да ты на Щит ее взгляни! Он же едва держится! Скоро лопнет к такой-то матери, и тогда знаешь, что будет?!!

Волк беспокойно ткнулся носом в шею ученицы.

"Айра? Айра, очнись... у тебя непорядок с даром".

Она только слабо застонала, не в силах ни отвернуться, ни возразить.

— Быстрее, Викран! Забери у нее часть сил, пока не плеснуло наружу! Ты же готовился к Инициации! Знаешь, чем она опасна!

"Это не Инициация".

— Какая разница?! Результат будет один и тот же: неконтролируемый всплеск. А если прорвется Щит... демон тебя заберет! Думаешь, его не заметят?! Или хочешь, чтобы ее разорвало на части прямо у нас на глазах?!

Волк сжал челюсти и немедленно опустился рядом, прижимаясь к тяжело дышащей ученице мохнатым боком. Не обратив внимания на ее вялый протест, подгреб могучей лапой, жарко задышал в шею и, прикрыв глаза, принялся быстро тянуть из нее силу, пока она не вырвалась на волю.

"Марсо, помогай! Ее слишком много!"

"Конечно, много! Ее же питает Занд! Отводи в кольцо! Перенеси в мой Источник! Там хватит места... по крайней мере, я на это надеюсь... да не бойся, не сбегу! Сейчас... сейчас, погоди... только Сеть вокруг поставлю, чтобы не наследить... да, давай!"

Айра судорожно вздохнула, когда в груди внезапно резко похолодело, затем закашлялась, будто утопленница, которую в последний момент вытащили из воды, и тяжело задышала, смутно понимая, что ее в буквальном смысле выкачивают досуха. Более того, напряженно замерший маг не просто забирает ее силу, готовую действительно взорваться, как голова — от смертельного заклинания, а быстро и аккуратно отводит в зарывшееся в траву кольцо Марсо, которое от такого мощного притока заметно нагрелось и начало тихонько светиться.

"Хорошо, — с облегчением вздохнул призрак. — Айра, девочка, ты как?"

Волчица помотала головой, чувствуя, как стремительно проясняется в глазах. Неуверенно пошевелилась, отдышалась, отогнала вязкую лиловую хмарь, и ошалело огляделась.

"Я... спасибо, жива... а что это было?"

"У тебя дар едва не сорвался, — перевел дух Викран дер Соллен. — Я же говорил, что это опасно. Надо привести его в порядок как можно скорее, иначе в следующий раз все закончится гораздо печальнее".

Она обернулась, едва не ткнувшись носом в его шею, и мгновенно напряглась. Затем попыталась отодвинуться, чувствуя себя весьма неудобно оттого, что он слишком близко и снова пахнет силой, уверенностью, какой-то поистине звериной мощью. Хотя и знаешь, что на самом деле — человек, да только волчья натура все равно о себе напоминает: не чуют в нем Вожака может только слепой. А подчиниться ему требуют, почти кричат все инстинкты, несмотря даже на то, что самки к этому менее чувствительны. Но с самок и спрос другой, у них другие слабости. И именно эти слабости сейчас исподволь шептали, что такому мужчине не стыдно и поддаться. Что ему можно позволить подойти. Покориться. И принять деликатные ухаживания, если он вдруг решит обозначить свои намерения.

Айра, стиснув зубы, отогнала неуместные мысли прочь, упорно отодвигаясь подальше.

"Лежи, — рассеянно бросил маг, властно прижав ее лапой. — Надо его ослабить, а на это потребуется время... Марсо, как там?"

— Я — в полном порядке, — довольно заявил заметно оформившийся призрак. — Даже летаю, могу себе ноги отрастить, лицо нарисовать, как раньше, и вообще... у-у-х! Прямо оживаю на глазах!

"Не мельтеши. Скоро я уберу это изобилие, а то мы рискуем ослабить ее слишком сильно".

— Да мне и так хватит на пару лет безбедной жизни! Айра, ты представляешь, что у тебя за резервы?!

"Нет, — хмуро отозвалась волчица, настороженно косясь на замершего черной глыбой мага и стараясь не вдыхать идущий от него запах, а затем осторожно высвободилась из-под тяжелой лапы. — Что это такое? Почему меня так ударило? Это и бывает при Инициации?"

"Иногда, — согласился Викран дер Соллен. — Если дар очень силен. А иногда спонтанные всплески случаются раньше — в период становления. Это — четкий сигнал к тому, что с Инициацией тянуть нельзя. Нам надо поторопиться".

— Викран, это может повториться, — обеспокоенно заметил Марсо, витая над головой невесомым облачком. — Знаешь, я боюсь, что в следующий раз мы с тобой не успеем.

"Да. Мне придется связать себя с ней, чтобы при необходимости забирать излишки".

— Может, тогда сразу с кольцом?

"А ты сможешь сделать так, чтобы оно не вытянуло ее досуха, и следить за этим день и ночь?"

Призрак сконфуженно опустил на кустик и сокрушенно вздохнул.

— В таком виде — нет.

"Значит, это придется делать мне", — сухо заключил мастер Викран и потянулся носом к шее ученицы.

Айра напряглась еще больше.

"Что вы задумали?"

Он только тихо выдохнул.

"Как правило, при дестабилизации дара выброс сил происходит по нарастающей: сперва послабее, а затем с каждым разом его мощность увеличивается. До тех пор, пока не произойдет стабилизация или пока не погибнет носитель. С тобой именно так и получается: первый всплеск был не слишком большим, хотя и очень ранним, но с ним удалось справиться без труда. Второй — гораздо сильнее и произошел внезапно, я его даже не почувствовал. Третий — сегодня, а четвертый... боюсь, он может тебя убить".

Волчица непонимающе повернулась.

"Какой третий? А когда был второй?"

"Разве ты не помнишь?"

"Нет".

"В тот день, когда мне пришлось тебя в первый раз растягивать, — совсем тихо сказал маг, и Айра сильно вздрогнула при воспоминании о "дыбе", после которой едва не умерла. — Ты была испугана. Растеряна, обижена. Страх подстегнула боль. А боль привела к тому, что твой дар впервые дрогнул и слегка раскрылся, выпустив из-под Щита некую толику своей силы".

"Что?!" — застыла девушка, неверяще уставившись в желтые глаза Охранителя.

"В тот день ты не поняла, что случилось — все произошло слишком быстро. И неожиданно даже для меня. После выброса в зале дрогнули стены и осыпалась штукатурка. Вдребезги разлетелось окно. Если бы я не успел наложить Охранную Сеть, а тебя не отдал бы игольнику, вся Академия была бы в курсе, что с твоим даром происходит что-то неладное".

"Но ведь... — волчица лихорадочно порылась в памяти. — Это не так... все было по-другому... я снова видела... мне показалось... про Занд и нападение... тот туман и его границы... и к игольнику меня отнес Бриер! Он сам сказал!"

Викран дер Соллен слабо улыбнулся.

"Это я его вызвал и велел тебя отнести. А пока он занимался тобой и следил за тем, чтобы следов твоей ауры не осталось в парке, мне пришлось приводить в порядок зал. Я просто велел мальчишке помалкивать и делать вид, что так и надо, чтобы даже твои одноклассники не знали, насколько ты от них отличаешься".

"ВЫ?!"

"Да. А как бы Бриер узнал, что нужно делать и как тебе помочь? — хмыкнул волк. — Он, конечно, неглуп, но слишком многого еще не понимает. Он молод. Горяч. И некоторые вещи воспринимает не так, как стоило бы. После того, как Иголочка помогла тебе в первый раз... помнишь свой первый урок у Дербера? Помнишь, что с тобой тогда было? Понимаешь теперь, насколько ты была близка к грани?"

Она сглотнула, ментально припомнив схватку с Грэем Асграйвом, после которой к ней впервые вернулась память. Выходит, поэтому? Из-за того, что с даром что-то случилось, и часть прошлого получилось вернуть? ЭТО меня так истощило?!!

"Да, — кивнул маг. — Это был первый раз, когда твой дар потерял стабильность. Но после того, как Иголочка охотно забрала излишки, а потом снова их вернула и в несколько дней почти восстановила тебе резерв, трудно было не понять, насколько тесно вы с ней связаны. Тогда я еще не знал, почему так вышло. Тогда у меня в голове еще не уложились твои игольники, листовик, метаморф и ваши общие способности. Но когда твой дар едва не рванул снова, мне пришлось сильно задуматься... и очень поторопиться с обучением, потому

что любое промедление могло привести к тому, что тобой заинтересовались бы остальные. И тогда дело очень быстро дошло бы до Совета. А ты на тот момент... да и сейчас тоже... не была готова с ним встретиться. И тебе, как и месяц назад, **ОЧЕНЬ** нужна Инициация".

Айра ошарашенно моргнула.

"Так причина была в этом? Но почему же вы не сказали?! Почему не объяснили ЭТО сразу?!"

Маг вздохнул.

"Зачем? Чтобы напугать тебя предстоящим Балом? Или озадачить тем, что ты — единственная из своего класса, кто еще не прошел Инициацию? К тому же, до недавнего времени я не был уверен сам. А вводить кого-то в заблуждение, начиная с тебя самой и Бриера..."

"Бриер! — вдруг выдохнула волчица. — Всевышний... да он же считает, что я...!"

"Верно".

"Он думает, что вы...!"

"Тоже верно".

Она вдруг вспыхнула до ушей, порадовавшись хотя бы тому, что густая шерсть скрывает все, что не нужно. А вспыхнуть было от чего, потому что, вспоминая первый визит Бриера в лечебное крыло и его странное лицо, когда он говорил, что ее теперь переведут к второкурсникам, невозможно было не понять, что именно в тот день он решил, будто Инициация была проведена. И проведена слишком рано. Слишком грубо, если помнить о том, как зла была Айра. Проведена никем иным, как его учителем — Викраном дер Солленом. Тем самым, который никогда прежде этим не занимался и который именно после этого вдруг решил взять себе еще одну ученицу.

Маг, не выдержав ее взгляда, все-таки отвел глаза.

"На тот момент так было лучше".

"Лучше?! — ахнула Айра. — Лучше, чтобы все считали, что вы...?!"

"Лучше, чтобы ты училась под моим присмотром в классе, в котором никто не пытается тебя оттолкнуть лишь из-за твоего происхождения, — ровно ответил наставник. — Лучше хотя бы тем, что здесь мы могли за тобой пристально следить, не опасаясь преждевременного истощения. Об Инициации, как ты знаешь, не принято говорить. Преподаватели, конечно, знали все, а ученикам причины своих решений ни я, ни лер Альварис пояснять не обязаны. Поэтому мы сделали так, как было лучше для тебя, и, полагаю, теперь ты тоже согласишься, что так было правильнее".

Волчица резко отвернулась.

"Вы не думали, что трансгрессия могла ускорить процесс?"

"Нет. Трансгрессия требует много сил, так что она, напротив, оттянула этот неприятный момент на несколько недель".

"Так вы поэтому с ней так спешили?!"

"Да, — спокойно признался маг. — Но без надлежащей подготовки ты бы ее не осилила. Да и Кер, я думаю, тоже. Не всегда метаморфу удастся сдержать себя, когда он оказывается в одном теле с хозяином. Метаморфы все-таки не люди, хотя, конечно, достаточно разумны, чтобы принимать нас такими, какие мы есть".

"Кер — другой", — раздраженно дернула ухом волчица.

"Я знаю".

Айра с подозрением покосилась, но маг был предельно серьезен.

"Кер — твое спасение, — сказал Викран дер Соллен, встретив ее напряженный и полный сомнений взгляд. — Если бы не он, ты бы не выжила. Ни тогда, когда впервые столкнулась с Зандом, ни после, когда произошел сбой с даром. Когда нужно, он забирает у тебя излишки. Если требуется — отдает их обратно. Это — его природное свойство. Он играет с магией, как ребенок с игрушкой. Для него это не составляет сложностей. Он не испытывает страха перед твоей силой. Он живет ею, питается, охотно отдает, когда тебе она нужна больше. И именно ему ты обязана тем, что до сих пор не испытывала слишком больших сложностей с резервами".

"Что вы собираетесь делать теперь?"

"Уже сделал, — чуть дернул краешками губ волк. — Я привязал твой дар к себе, чтобы иметь возможность предвидеть очередной всплеск и вовремя его остановить. А в остальное время буду потихоньку забирать излишки, если они появятся, и постараюсь не допускать повторений".

"Чем это мне грозит?" — сухо осведомилась она.

"Тебе придется быть осторожнее и полностью отказаться от магии на это время".

"А вам?"

Волк странно кашлянул.

— Почти ничем, милая, — радостно сообщил сверху старательно прислушивающийся Марсо. — Кроме того, что он будет тратить кучу сил, море времени, чтобы удержать тебя в стабильном состоянии, и останется без сна, если ты рискнешь отойти дальше, чем на несколько шагов. То бишь, это для него — чудесная удавка, которая мигом затянется, если ты решишься сбежать.

"Что?" — удивился волк.

"Что значит "удавка"?" — ошарашенно моргнула Айра.

— А то, что он опрометчиво оставил между вами постоянный канал, который начнет истончаться по мере того, как ты будешь от него удаляться. Кроме того, начнет потреблять столько сил, что твой учитель проклянет тебя всеми нехорошими словами, какие только знает, и будет вынужден (если, конечно, не хочет свалиться от истощения) идти за тобой хоть к демону на рога! Здорово, да?

"Что-о?!"

— Да-да, — еще радостнее подтвердил призрак. — Если бы он был умнее, то сделал бы так, что на любую попытку сбежать эта удавка ложилась на твою шею, но он случайно перепутал вектора заклятий и теперь ты можешь быть спокойна: если захочешь его удавить, только отбеги подальше и немного подожди.

"Всевышний... — отшатнулась Айра от досадливо сморщившегося волка, только сейчас, похоже, осознавшего свой нелепый промах. — А исправить это нельзя?"

— Нет, — хихикнул Марсо. — Только снять полностью. Но этого я бы не советовал вам делать до того момента, как ты пройдешь Инициацию. Так что поздравляю тебя, дорогая: с сегодняшнего дня у тебя на привязи есть совершенно чудный экземпляр перевертышей, хотя я, конечно, не ожидал от него такой глупой забывчивости! Но это, наверное, твоя силушка его по башке хорошенько шарахнула! Прямо до отупения! Иначе он бы помнил о том, что пропорции силы, рассчитываемой на нужное расстояние, находятся в обратной, а не в прямой зависимости друг от друга!

Она пораженно уставилась на тихо ругнувшегося мага, медленно понимая, что теперь никуда от него не денется. Правда, это лучше, чем если бы он все сделал правильно, потому

что в этом случае она все равно ничего не теряла и имела возможность в любой момент сбежать, будучи в полной уверенности, что погони не будет. Это, честно говоря, давало стойкую уверенность в том, что нарушить свое слово он теперь точно не посмеет. Но сознавать, что отныне боевой маг стал от нее ТАК зависим... и снимать-то эту гадость нежелательно...

Айра зябко передернула плечами.

"Марсо, а ты не можешь ничего поправить?"

— Нет, — бодро отозвался призрак. — Викран, наберись терпения и смирись: отныне ты не только зов своим не пошлешь, но и не сбежишь, и не рыкнешь лишний раз. Не говоря уж о том, что твоей главенствующей позиции в нашей маленькой стае пришел конец. Чему я, признаться, только рад! Айра, а ты?

"Н-не знаю", — она опасливо отодвинулась от закаменевшего волка, не слишком уверенная в том, что получила неожиданную фору. У него так сжались челюсти, что казалось — положи туда гвоздь, и тот разломится пополам. Глаза зажглись нехорошими желтыми огнями, сквозь которые начала проступать прежняя синева. Лапы зарылись в землю, в горле зарождался глухой рык, а влажные клыки поблескивали так недобро, что Айра тут же захотела оказаться от него как можно дальше.

— Не рычи, — пренебрежительно фыркнул на волка Марсо. — Все, кончилось твое время. Если не хочешь, чтобы она тут половину леса испепелила или затопила половину окрестных деревень, то молчи и сделай вид, что так и задумывал. Дескать, от большой души и природного великодушия.

"Ты не мог раньше подсказать?!" — глухо рявкнул маг.

— А зачем? Что я ей — враг?

Викран дер Соллен рывком поднялся, глубоко вздохнул, словно собираясь громко высказать все, что думает о старом призраке... а потом вдруг досадливо сморщился и покачал головой.

"Ну, Марсо..."

— Пошли уж, гений, — хохотнул довольный дух. — Если снимать не собираешься, то нечего время терять. Айра, девочка моя, ты идти сможешь?

Волчица осторожно обошла раздраженного мага по широкой дуге и опасливо кивнула.

— Прекрасно. Только не торопись больше, а то он... хи-хи... может не успеть.

"Марсо!" — немедленно рявкнули со спины.

— Все-все, умолкаю. Викран у нас такой грозный, такой свирепый...

"МАРСО!"

Айра, не выдержав вида вздыбленной на всю длину шерсти и яростно оскаленной пасти, из которой вырвавшийся рык слишком уж сильно напоминал горестный стон, неожиданно тоже хихикнула про себя. А потом, ощутив, как прежнее напряжение потихоньку сходит на нет, бодро отряхнулась и сверкнула повеселевшими глазами.

"Марсо, не вредничай. Он же не специально. И вообще, пусть лучше снимает, чем так мучиться".

— Нет, милая, — с сожалением сообщил призрак. — Снимать теперь долго, а мы спешим. И потом, один он не справится. Тут моя помощь нужна, а я ему пока в этом помогать не стану: так и надежнее, и складнее для всех. Раз уж он сегодня оплошал, то пусть и расхлебывает. А то учеников гонять — мастер, тогда как сам... в общем, даже не проси.

Айра растерянно посмотрела на массивного черного зверя, с непроницаемой мордой

выслушавшего эту тираду, но делать нечего — Марсо очень упрям и ужасно своенравен. Если сказал, что помогать не станет, значит, так и сделает. А заставить его можно только одним способом — угрозой исчерпания его Источника. Но поскольку этот Источник она самолично только что зарядила, то тратить впустую такое богатство было попросту глупо. Поэтому оставалось только тяжело вздохнуть и смириться.

"Пойдем, — пришел к такому же выводу Викран дер Соллен. — Он прав: за свои ошибки надо отвечать. Даже мне. Но я бы очень попросил тебя не уходить дальше, чем на двадцать шагов, и не бежать сломя голову, как сегодня".

Волчица снова передернулась, как от озноба.

"Я постараюсь, лер".

"Спасибо. Если что, лучше предупреди заранее, чтобы я хотя бы знал, к чему готовиться".

"А разорвать этот канал никак нельзя?" — с надеждой посмотрела она.

"Увы. Я сделал его на совесть: если разорвать без должной подготовки, нам обоим станет **ОЧЕНЬ** нехорошо. А подготовиться без помощи Марсо и его Источника почти нереально. Так что я предпочитаю положиться на твое благоразумие, чем рисковать остаться на всю жизнь с паленой шкурой и без хвоста".

Айра снова вздохнула.

"Ясно. Тогда не отставайте... лер. Боюсь, нам действительно надо поспешить".

Весь день Айра порывалась спросить молчаливого мага насчет совершенно разных вещей, включая его нелепую ошибку и ее возможные последствия. Сомневалась, колебалась, поспешно закрывала рот, едва только спутник поворачивал голову или слегка замедлялся. Привыкнув видеть в нем, как к источнику всех своих неприятностей, научив себя смотреть сквозь него, упорно не замечая, относиться, как к чудовищу, призванному обрушиться на ее голову все кошмары царства теней, было очень трудно решиться сделать шаг навстречу, переборов прежнюю неприятность и сверлящую сознание память.

Однако, как ни странно, нелепая ошибка мага самым неожиданным образом избавила его от привычного ореола непогрешимого, непобедимого, непоколебимого и неприступного существа, которому чужды человеческие страсти и сомнения. Она странным образом сделала его более человечным, более приземленным и чуть ли не совершенно обычным. Просто сделала живым. Таким же, как все. Пусть жестким и порой жестоким, суровым, молчаливым и излишне резким, но все же не богом. Не неподвижным идолом, до которого не дотянуться рукой. Не кровным врагом. А кем-то иным. Кем-то, более доступным. Кем-то, к кому можно рискнуть приблизиться.

Айра до позднего вечера рассматривала мохнатую черную спину, стараясь заново понять своего неожиданного попутчика. Его мотивы, демонстративное отделение от всего остального мира и даже ту странную, нелепую, совершенно невозможную оплошность, которая неожиданно сделала его ближе.

Айра изучала его профиль, на котором снова, как и прежде, нельзя было угадать никаких эмоций. Сравнивала. Гадала. Но, в конце концов, ей все-таки удалось подметить и его неподдельную озабоченность своим необычным положением, и сосредоточенные взгляды, кидаемые по сторонам, и задумчивое шевеление острых ушей, показывающее, что на самом деле он далеко не так отрешен от мира, как выглядело издали. И даже подрагивание чутких ноздрей каждый раз, когда ветер доносил до него ее собственный запах, говорило о многом.

"Э-э... лер?" — наконец, решилась девушка.

"Да?"

Он ответил сразу, ни на мгновение не задержавшись, будто бы ждал именно этого мига. Ждал ее вопроса — первого за все время обучения.

Айра набрала побольше воздуха в грудь и выпалила:

"А как защитить мыслеречь от подслушивания?"

"Очень просто, — спокойно отозвался Викран дер Соллен. — Достаточно слегка изменить настрой Щита и научиться направлять мысли строго в одну точку. Как удар рапиры — точный и молниеносный. Тогда он достигнет только нужного адресата, не потеряется и не пропадет, а перехватить его будет очень сложно".

"Но все-таки возможно?"

"Да. При определенных навыках", — чуть повернул голову маг.

"А-а-а... как сделать так, чтобы точно направить мыслеречь?" — уже смелее спросила она.

"На меня направила?"

"Э... да".

"А что ты при этом сделала?"

"Посмотрела", — неуверенно ответила Айра.

"А теперь отвернись и ПРЕДСТАВЬ, что ты на меня посмотрела, — посоветовал маг. — Только не абы куда, а в глаза. Представь, что смотришь мне прямо в глаза и хочешь сказать что-то ТОЛЬКО мне. Никому другому".

Волчица послушно отвернула нос и честно представила, но почти сразу споткнулась и чуть не кувырнулась на полном ходу с какого-то обрыва. Правда, тут же выпрямилась и сердито покосилась на ехидно хихикнувшего Марсо, вздумавшего вылететь на свободу и понаблюдать за окружающим пейзажем своими собственными глазами. А потом попыталась снова и была вынуждена признать, что одновременно идти и магичить не может — то представлялось плохо, то мысли куда-то норовили сбежать, то глаза против воли скашивались в сторону умолкшего наставника, и тогда хотелось их прикрыть, чтобы не отвлекаться...

Когда Айра споткнулась в третий раз, Марсо красноречиво закатил глаза.

— Айра! Я же учил тебя сосредотачиваться на какой-то одной вещи!

"Да. Но тогда я не бежала по лесу и у меня перед носом не было оврагов и заячьих нор, в которых можно переломать себе лапы!"

— Это не имеет никакого значения. Тебе надо всего лишь постараться!

"Тебе легко говорить!"

"Попробуй лучше вечером, — внезапно подал голос Викран дер Соллен. — Когда отдохнешь и поешь. Лучше начинать с самого простого — так быстрее освоишься".

— Кто бы говорил! — незамедлительно фыркнул Марсо. — С простого он начал... знаешь, в каком виде она была после твоей дурацкой трансгрессии?! Знаешь, сколько сил я потратил, чтобы вытащить ее из Источника, пока не утопла?! Я думал, вообще на ноги не встанет! Изверг! А теперь, видите ли, с "простого" начинай!

"Марсо, перестань", — тут же насупилась волчица, кинув в сторону мага настороженный взор, но тот странно умолк и быстро отвернулся. Даже не огрызнулся и не рявкнул в ответ, словно действительно чувствовал себя неуютно. Ни слова в оправдание не сказал. А Айра, призадумавшись над этими странностями, вдруг встрепенулась и, не собираясь отступать от своей идеи, обратилась к Керу.

В считанные секунды метаморф вынырнул из глубины ее сознания, быстро взял на себя управление телом. Довольно встряхнулся, расправил грудь, шумно облизнулся, безошибочно определив, в какую сторону умчалась пробежавшая на этом месте олениха с детенышем. Наконец, прислушался к торопливым объяснениям хозяйки и послушно потрусил за порхающим по веткам призраком, которого, разумеется, отлично видел в любом своем облике.

Викран дер Соллен встал так резко, что Кер чуть не ударил его плечом.

"Айра?! Ты что сейчас сделала?!!"

"Ничего, — отмахнулась она откуда-то издалека. — Пусть пока Кер бежит, разминается, а я попробую с мыслеречью, как вы сказали".

У волка забавно отвисла челюсть.

"Ты... позволила ему занять ТВОЕ тело?!!"

"Да. А что? Он мне всегда помогает с охотой".

"Кер?!!" — ошалело обернулся учитель. На что слегка подросшая волчица довольно оскалилась и согласно рыкнула, неожиданно резко сменив повадки и кровожадно

оглядевшись.

Викран дер Соллен настороженно принюхался, но нет, ему не показалось — в ее запахе действительно появилась сильная чужеродная примесь. Более того, знакомая примесь! Явно принадлежащая другому существу! И, в то же время, сама Айра никуда не исчезла — он чувствовал ее краешком сознания, ощущал ее слабое бормотание, похожее на то, что она, отстранившись от собственного тела, торопливо пыталась освоить новые навыки, не потеряв при этом ни темпа, ни направления! Просто переключила внимание на более важное дело, а со всем остальным предоставила разбираться метаморфу! И он, что вообще немыслимо, охотно это делал!

Маг издал странный звук.

"Он... не пытается тебя отодвинуть?"

"Нет, — тут же отозвалась Айра. — Ни в моем теле, ни в своем собственном. Когда я прощу, он просыпается и дает поспать мне. Когда устает, я его опять отпускаю. Так нам проще, легче и быстрее получается отдыхать. И он не возражает".

— Девочка моя! — ошарашенно выдал Марсо. — А МНЕ ты почему об этом не сказала?!

"Так ты вроде знал", — удивилась она.

— ОБ ЭТОМ?! Нет, не знал! Я думал, ты хоть немного, но ВСЕГДА за ним следишь!

"Но я же тебе говорила, что бегала с Кером у виаров! Что он позволял мне подсматривать и не давал никому этого узна... — Айра неожиданно заметила, как изменилось выражение на морде застывшего напротив волка, и осеклась. — Ой. Зря ты об этом спросил".

"Что-о? — очень тихо рыкнул Викран дер Соллен. — Ты была с НИМ?! ВСЕ время, пока шло его обучение?!"

"Э-э..."

"АЙРА!"

Волчица от гневного рева Вожака инстинктивно отпрыгнула и, прижав уши к голове, предупреждающе оскалилась, издав внятное, угрожающее, но совсем не волчье шипение. Шерсть у нее на загривке встала дыбом, когти разом удлиннились, вдоль хребта ворсинки стали заметно толще и как-то очень уж опасно изменились, начав смутно напоминать костяные иглы Зорга. Однако маг не сдвинулся с места, не напал и не рычал больше. Просто стоял, совершенно дикими глазами следя за ее реакцией и слишком медленно сознавая, что на самом деле не углядел, и нагрузку она выносила во все месяцы обучения двойную. За себя и за преданного ей всей душой метаморфа. Соответственно, и боль его ощущала сполна, и эмоции перенимала, и сдерживала его, когда это требовалось. И училась, разумеется, тоже — за двоих.

Викран дер Соллен тихо застонал.

"Айра... что ж ты не сказала?! — волчица странно дрогнула. — Что ты наделала, глупая?! Это было не твое обучение! Понимаешь, не твое! Так было НЕЛЬЗЯ! Неправильно Не для тебя!!! Айра..."

Спустя секунду лиловые искорки в ее зрачках погасли, когти втянулись на место, странные иглы на спине пропали, а вздыбленная шерсть улеглась на прежнее место.

"Я не могла его бросить, лер, — так же тихо отозвалась вернувшаяся в тело Айра. И на этот раз она говорила с ним правильно. Вернее, она говорила ТОЛЬКО с ним, не посвящая в разговор напряженно прислушивающегося Марсо. — Он закрывал меня собой. Он несколько раз спасал мне жизнь. Он был со мной все время, когда это было нужно, и не бросил даже

тогда, когда мои шансы на выживание были очень малы. Я не могла его оставить, лер. Несмотря ни на что. И не могла не нарушить ваш приказ. Кер — моя вторая половинка. Без него я не выживу. А он больше не сможет жить без меня".

"Всевышний... — маг неожиданно покачнулся. — Как же я тебя проглядел?!"

Она невесело улыбнулась.

"Меня даже Керг не узнал. Никто. Только Дакрал, пожалуй, да и то — лишь поначалу".

"Вот скользкий демон... сколько же времени ты там была?!"

"Каждый день, лер. Мы были там с Кером каждый день. Он со мной, а я с ним".

Волка снова качнуло, словно от искреннего потрясения, а потом он неожиданно оказался рядом и, прижавшись носом к ее лбу, прошептал:

"Мне следовало догадаться... надо было понять раньше... проклятие, Айра... как же ты могла?!"

"?!"

"Прости... — вдруг неслышно выдохнул маг. — Прости, что я не заметил. У каждого из вас было свое занятие: у Кера — одно, у тебя — другое. Они не должны были пересекаться. Не должны были мешаться и путаться. В то время, как отдыхала ты, должен был работать он. Тогда, когда нужно было учиться тебе, ему следовало отсыпаться и мириться с тем, что учеба приносит вам обоим одинаковые неприятности. Это было нужно. Вы должны были научиться защищаться. Сперва по отдельности, а потом и вместе. Но сразу этого не должно было случиться... не должно, понимаешь?! Раннее слияние не снимает проблем! Лишние нагрузки не приносят ничего, кроме ненужной боли! А вы смогли поделиться друг с другом не только знаниями... и этого я для вас никак не хотел!"

Волчица, ощутив на себе его пронизывающий взгляд, полный неподдельного раскаяния, вздрогнула всем телом.

"Э-э... лер?"

"Прости. Это было неправильно. Все было... неправильно! Не так, как должно быть!"

Айра окончательно растерялась, когда он вдруг прижался сильным плечом и осторожно потерся щекой о ее макушку. Это не было неприятно. Напротив. Но она настолько не ожидала ничего подобного, настолько не верила, что такое вообще возможно, так искренне полагала, что никогда не услышит от него признания своих ошибок, что еще долго не могла не то, что сдвинуться с места, но и просто отстраниться. Только когда сверху донесся прерывистый вздох, а по черному меху пробежала короткая волна непонятной дрожи, она неуверенно отступила и странно посмотрела.

"Лер? С вами все хорошо?"

"Нет, — качнул головой Викран дер Соллен. — Но в этом нет твоей вины".

"Так я..."

"Идем, стоит подумать о ночлеге", — он резко отвернулся и, игнорируя странные звуки, издаваемые недоумевающим Марсо, первым углубился в чащу.

Айра проснулась посреди ночи от холода. Точнее, от мощного порыва поистине ледяного ветра, взьерошившего шерсть на ее загривке, и от клацанья собственных зубов. Самое странное было в том, что ни днем, ни вечером признаков грядущего похолодания и в помине не было, солнце пригревало до последнего. А если даже и прошел среди ночи короткий дождик, то он никак не мог вымочить ее так, чтобы заставить так сильно дрожать.

Она попыталась свернуться плотнее, закрывая хвостом чуткий нос, подобрала под себя

лапы, уткнула морду чуть не под самое брюхо. Инстинктивно встопорщила шерсть, чтобы сохранить тепло, но тщетно — внутри словно ледяная сосулька намерзла и никак не желала оттаивать. Если не больше: спустя несколько минут волчица ощущала себя так, будто находилась в огромном сугробе во время сильной метели. Все время откуда-то поддувает, снизу тянет могильным холодом, никакая шуба не спасает, а мороз все крепчает и крепчает.

Она даже огляделась, выискивая вокруг себя снег или хотя бы признаки заморозков, но не увидела ни того, ни другого. Даже иней нигде не выпал. Тогда ей стало еще неуютнее и тревожнее.

"Марсо? — наконец, не выдержала она. — Марсо, ты не спишь?"

"Нет, конечно, — отозвался удивленный голос призрака. — А тебе чего не спится?"

"Мне холодно, Марсо".

"Правда? Ты же в шубе!"

"Все равно. Так холодно, что уже трясет. Может, тут с погодой что-то не так? Вдруг ветер сменился? Или фронт какой надвигается? Или гроза скоро?"

Призрак выскользнул из кольца, тускло засветившись в темноте, и озадаченно посмотрел на ясное небо.

— Да нет никакой грозы, — пробормотал он вслух. — Да и ветер вроде... такой же.

Волчица совсем сжалась в комок, старательно сдерживая дробный стук клацающих зубов и охватившую ее неестественную дрожь.

"Может, я простудилась? Знаешь, в реке купалась с утра, на земле спала, на ветру стояла...?"

— А ты чихаешь?

"Нет".

— Нос дышит? — заботливо поинтересовался Марсо.

Айра послушно подышала и мотнула головой.

"Нормально с ним все. Даже запахи чую".

— А в груди ничего не ломит? Лихоманка, если привяжется, то всегда с боли начинается.

"Да нет же! Мне просто очень холодно!"

Призрак задумчиво облетел ее по кругу.

— Гм... а не врешь?

"Марсо, ты что?! Думаешь, я просто так решила проснуться среди ночи и глупо пошутить?!"

— Ну, ладно, ладно. Я верю. Только причину не пойму... дашь взглянуть на твою ауру?

"Сколько угодно. Только быстрее, ладно?"

— М-м-м... слабенькая, конечно, за Щитом, но снимать его я не буду: мало ли что? Явных сбоев нет, цвет ровный, края чистые. Никаких дыр, наведенных разрывов, порчи и всякой гадости. Даже демонов, представляешь? Несмотря на страшное обещание одного нашего знакомого.

"М-Марсо! Придумай что-нибудь! — взмолилась волчица. — А то я до утра не доживу! Околею просто! Что мне, в платье прикажешь залезать?!"

— Нет, не стоит: как только перекинешься, станет еще хуже. Разве что сверху накинуть? Но оно слишком тонкое, чтобы действительно помочь, да и убирать его поутру придется. А для этого всяко руки нужны.

"К-какие руки? У меня даже пальцы не согнутся!"

— А давай у Викрана плащ стащим? Ему ни к чему, он лохматый, а тебе пригодится.

"Я тоже лохматая, — сердито отозвалась Айра, мелко подрагивая. — Но я никак не могу согреться, будто вместо сердца кусок льда лежит, да такой здоровый, что его никак не удастся растопить"...

"Иди сюда", — вдруг подал голос Викран дер Соллен, и она вздрогнула от неожиданности.

"Что?"

"Иди сюда, — терпеливо повторил он, сверкнув в темноте желтыми глазами. — Ты не заболела. И ветер не сменился. Просто из-за наложенного заклятия твой дар стал заметно слабее, сила постепенно уходит, вот и кажется, что в груди пусто. Иди ко мне. Согреешься".

Айра едва не отшатнулась от такого щедрого предложения, насупилась и протестующе отвернулась, готовая даже вскочить и носиться по поляне кругами, чтобы согреться. Но маг не стал ждать, пока она окончательно замерзнет. Бесшумно поднявшись, он черной тенью скользнул ближе и лег рядом, закрыв ей спину и снова, как днем, обернувшись вокруг теплым меховым одеялом. До того, как она успела вскочить, сердито огрызнуться или напомнить о приличиях.

А потом стало так хорошо и уютно, что огрызаться резко расхотелось.

"Л-лер...?"

"Спи, — зевнул волк. — Излишки твоего дара я забираю почти постоянно, а ты, пока я рядом, будешь забирать мои. Это — естественный обмен. Ничего личного. В такой ситуации ничей дар не пострадает, твой будет защищен от перегрузок, а моему не мешает небольшая стимуляция. Так что спи. Больше не замерзнешь".

Айра раскрыла рот, чтобы возразить, однако Марсо вдруг кивнул.

— Он прав. А я, представь себе, даже не подумал.

"Но, Марсо..."

— Спи, — велел призрак тем же тоном, что и задремавший волк, а затем бесследно растворился в воздухе, оставив ее настороженно вертеть ушами, напряженно осматриваться и прислушиваться к ровному дыханию за спиной.

Айра застыла, не зная, что выбрать. Мерзнуть она не хотела. Спать в такой близости от учителя — тоже. Конечно, можно было резко вскочить и действительно пытаться согреться, нарезая круги по лесу. Но, во-первых, она совсем не была уверена, что это поможет. Во-вторых, Марсо непременно скажет, что это глупо. В-третьих, она и сама это понимала. Наконец, в-четвертых, вовсе не хотела услышать это из уст Викрана дер Соллена. Более того, к утру, если не замерзнет, превратится в слабую, сонную и вялую курицу, не способную к дальнейшему продвижению. А то еще — курицу замороженную, которую придется сперва полдня отогревать на солнышке. После чего отпаивать горячими настоями, укутывать плащом и лечить от вполне реальной лихоманки, которую в таком состоянии подхватить — проще простого. И это не говоря о том, что до Занда она доберется на целую неделю позже. Просто потому, что глупо упрямылась, думала демон знает о чем, вообразила о себе невесть что, да еще решила, что уставшему, голодному и накрепко привязанному к ней магу, физически лишенному возможности причинить ей вред, есть до этого какое-то дело.

Она еще раз внимательно покосилась на груды черного меха за спиной, но волк не шевелился. Глаза закрыл, дышал ровно и размеренно, широкую морду опустил на скрещенные лапы, хвост сместил в противоположную сторону, чтобы не отдавили...

"Ну и ладно, — фыркнула про себя волчица, неожиданно смирившись. — Я его не звала

и ни о чем не просила. Сам вызвался, так что пускай терпит".

После чего дерзко отодвинула в сторону чужую лапу, свернулась клубком, поерзала, устраиваясь поудобнее, и, не услышав от соседа ни единого звука протеста, удовлетворенно вздохнула. Маг был прав: стало действительно тепло. Настолько, что испуганно улетевший сон даже рискнул снова приблизиться и робко постучаться в ее смятенное сознание. А ошалело мечущиеся мысли начали постепенно терять свое значение, как несвоевременные и уже несущественные.

"И вообще... — сонно подумала Айра. — Чего он во мне не видел? Разве действительно того, как я сплю? Но по сравнению со всем остальным это — такая мелочь, что даже внимания обращать не стоит".

Наконец, она расслабилась, широко зевнула, приткнула морду поближе к мохнатому черному плечу и, не заметив пробежавшей по нему дрожи, быстро уснула, справедливо рассудив, что Марсо за всем присмотрит и в обиду ее не даст. А на всякий случай еще и Керу дала наказ бдить вполуха, после чего успокоилась окончательно, закрыла глаза и провалилась в сон, в котором, к счастью, на этот раз не было никаких сновидений.

Вэйр торопился — опаздывать на Травологию не хотелось. Правда, в этом его вины не было, поскольку не по своей воле ему пришлось задержаться в главном корпусе, не из-за собственной безалаберности и уж точно не по причине непростительной забывчивости, которую лересса дер Вага на дух не переносила. А в связи с тем неодолимым обстоятельством, что лер Альварис неожиданно пожелал побеседовать с новым учеником с глазу на глаз. Прямо во время занятий.

Разумеется, юношу это предложение сильно удивило (с какой бы стати директору интересоваться обычным первокурсником?), однако лер де Сигон объяснил, что это — обычная практика, и без возражений отпустил новичка с урока. Если не сказать больше: у юноши даже появилось ощущение, что его просто вытолкали вналево, чтобы не смел задерживать уважаемого магистериуса.

Сам разговор оставил в душе очень странное впечатление. Помня о предостережении давешнего мага, Вэйр никому не говорил, по чьей прихоти совершил свое вынужденное путешествие из Аргаира в Сольвиар и по какой причине его дар пробудился поздно, но при этом весьма и весьма бурно. Однако леру Альварису он сказать разрешил. Даже потребовал это сделать, уверенно заявив, что директор, будучи членом Совета магов, сам потом решит, что, кому и сколько объяснять. Если запретит распространяться насчет Угря, значит, придется молчать до скончания веков. Если посчитает, что поделиться этими сведениями можно, значит, поделится. А до того момента следовало молчать, как рыбе, и терпеливо ждать, пока что-то решится.

Реакция уважаемого лера на историю своих злоключений показалась юноше необычной: едва заслышав о Кратте, директор как-то закаменел и ощутимо напрягся, а когда речь зашла о вынужденном магическом поединке, в котором Вэйр просто чудом сумел одержать верх, вдруг резко поднялся, взметнув полами длинной мантии, и отвернулся к окну. После чего надолго замолчал, а потом принялся задавать вопросы. Словно не веря в то, что неинициированный маг смог одолеть другого чародея, он настойчиво спрашивал про каждую подробность. Что Вэйр сделал. Что подумал и почувствовал при этом. Как изменились эти ощущения после. Ощущал ли он изменения в ауре второго мага. Какие слова про себя проговаривал. Что запомнил. Что услышал. Что еще видел на "Красотке" необычного, что бросилось в глаза...

Вэйр провел в его кабинете целое утро, весь обеденный перерыв и даже толику времени, отведенного на курс мадам Матиссы. Он исправно рассказал все, что смог припомнить, и старался на каждый вопрос дать максимально полный ответ. Внимание магистериуса к деталям было объяснимо: думать о том, что Советом был пропущен целый пласт похищений, было неприятно и ставило под сомнение способность его членов следить за порядком в Четырех Королевствах. Конечно, проблема торговли людьми должна была его сильно встревожить — Ковен уже много веков утверждал, что полностью искоренил это зло. Однако, как выяснилось, не все. И данный факт, видимо, вызвал нешуточное раздражение лера Альвариса. По крайней мере, Вэйр именно так расценил изменившийся голос и резкие, отрывистые фразы директора. А когда уважаемый маг выяснил все, что хотел, даже почувствовал сильное облегчение: разговор с директором все больше походил на настоящий допрос, и это ощущение юноше не слишком понравилось. Более того, он неожиданно понял,

что лер Альварис — довольно жесткий человек, умеющий добиваться того, что считает нужным. Но, наверное, по-другому просто нельзя? Когда занимаешь столь высокую должность и почетное место в Совете магов, нельзя быть нерешительным рохлей.

В конце концов, Вэйр был отпущен с повторным наказом держать язык за зубами и пожеланием поскорее нагнать однокурсников.

— Сведения, которые ты принес, тревожны и неутешительны, — пояснил лер Альварис перед уходом. — Пусть пока Совет займется детальной проверкой. Не нужно, чтобы об этом знали посторонние. Тем более, когда мы не уверены, что тот маг был один. И не было ли у него сообщников, занимающих гораздо более высокое положение, нежели он сам. Понимаешь, о чем я?

— Да, лер, — послушно кивнул Вэйр.

— Очень хорошо. В таком случае я надеюсь на твое благоразумие.

— Я все понял, лер.

— Тогда ступай. Если понадобится, я тебе сообщу.

Вэйр, получив долгожданное разрешение, покинул кабинет и почти бегом кинулся в Оранжевую, по пути размышляя над состоявшимся разговором. Он честно рассказал о случившемся, начиная с того самого дня, как покинул родной дом, высказал свое мнение насчет магической природы того тумана, был уверен, что далеко не одна деревня от него пострадала, и смутно подозревал, что в Карашэхе, Лигерии и Иандаре творится нечто похожее. Возможно даже, люди пропадают и гибнут без причины уже не один десяток лет. Возможно, кому-то эти жизни сильно понадобились. Не исключено, что есть какая-то связь между туманом и тем магом, что сопровождал Кратта, а может быть и так, что лер Альварис совершенно прав. И что за этим стоял далеко не один чародей, и на самом деле вокруг творилось нечто весьма и весьма странное. Причем настолько, что магистериус сильно встревожился.

Ворвавшись в зеленое царство мадам Матиссы, Вэйр так задумался, что не заметил под ногами какой-то корешок и случайно наступил, не придав значения. Он уже собрался было промчаться мимо, размышляя над тем, была ли предупреждена рассеянная травница о его отсутствии. А если была, то не забыла ли она об этом. И не грозит ли ему дополнительное задание на следующий урок...

Однако истошный вопль, раздавшийся над самым ухом, был настолько неожиданным и громким, что юноша аж подпрыгнул, мигом забыл о своих сомнениях и испуганно крутанулся на месте, силясь понять, что натворил и что ему за это будет грозить. Но почти сразу понял свою ошибку и опасливо попятился: подопечные мадам дер Ваги порой бывали довольно буйными. А привезенный невесть откуда горластый куст оказался, к тому же, крайне обидчивым и невероятно раздражительным: когда неразумный адепт в спешке промчался мимо и непочтительно наступил на нечаянно выползший на дорожку корень, взвился так, что все его руки-ветки вздыбились настоящим зеленым морем, прорезались длинными тонкими усиками и с нескрываемой угрозой потянулись в сторону невежи.

— Что такое?! — донесся в тот же миг голос травницы. — В чем дело? Кто посмел задеть мое сокровище?!

Вэйр шумно сглотнул и, ловко увернувшись от протянутых веток, на которых прямо на глазах начали подрастать весьма неприятного вида шипы, шарахнулся прочь, лихорадочно решая: остаться ли на месте преступления или сделать вид, что вовсе не при чем. По всему выходило, что мадам Матисса скоро будет здесь и устроит настоящую головомойку за

несправедливо поруганный кустик, после чего нерадивый ученик уже не отделается одним дополнительным заданием. Убегать вроде некрасиво. Попадаться кусту под "руку" — опасно: крикун явно не на шутку рассержен и жаждет мести. Вон, как щупает воздух перед собой. Мог бы ходить, давно бы нагнал и накостилял по шее. А так — сидит и просто слепо шарит ветками перед собой... или же нет? Кажется, он уже не сидит?!

У юноши волосы встали дыбом, когда потревоженный корешок стремительно уполз с дороги и пропал в траве, а следом за этим зеленая масса из беспокойно шевелящихся листьев, колючек, веток и стеблей вдруг качнулась в его сторону. Более того, он неожиданно ощутил, как по спине пробежал неприятный холодок, и поспешно отодвинулся, потому что странный куст... а он действительно оказался огромным... вдруг приподнялся на месте и, выставив вперед ветвистые, узловатые, но весьма крепкие корни, широко шагнул, нависнув над присевшим от неожиданности парнем плотной тенью. А затем и цветки выпустил навстречу — крупные, ярко-желтые, со стремительно набухающими бутонами, готовыми раскрыться и выстрелить в лицо наглецу какой-нибудь едкой гадостью.

— Листик! — громко ахнула со спины показавшаяся из-за поворота мадам Матисса, а потом накинута на остолбеневшего, буквально приросшего к месту ученика. — Ты что сделал?! Как посмел его разбудить?!

Вэйр снова сглотнул.

— Простите... я нечаянно...

— Что "нечаянно"?! Ты как тут оказался?! Кто такой вообще?! И почему опоздал?!

— Я... — юноша отступил еще дальше, почти к противоположной стороне дорожки, чтобы возмущенно колышущийся и откровенно жалующийся куст не вздумал его коснуться. Однако тут же вздрогнул от пронзившей ладонь боли и с тихим возгласом шарахнулся прочь, баюкая укушенную каким-то зеленым гадом руку... прямо в объятия сердитого листовика.

Мадам Матисса только охнуть успела, как Листик, добравшись до обидчика, в мгновение ока выстрелил в него всеми своими усиками. За последние недели он успел отрастить их так много, что всего в долю секунды Вэйр оказался буквально погребен заживо. Его просто накрыло сплошной шевелящейся массой, мгновенно опутало, спеленало, как младенца, а потом мощным рывком сбilo с ног и поволокло поближе к угрожающе раскрывшимся цветкам.

— Листик, нет! — вскрикнула травница, кинувшись следом. — Не трогай его! Не смей. кому сказано!

Вэйр судорожно вздохнул, ощущая невероятно мощные тиски, сдавливающие его со всех сторон, и тут же рухнул, крепко приложившись затылком. От удара в глазах заплясали разноцветные звездочки, в ушах вдруг зашумело, застонало, забило во все колокола. Во рту тоже появился противный привкус крови... кажется, язык прикусил... а в голове промелькнула сумасшедшая мысль о том, что ужасно глупо погибнуть вот так — демон знает где, пес ведает от чего, когда умудрился и от тумана уйти, и плен пережил, и выбрался, и от виаров ушел невредимым... но проклятый куст... какой-то дрянной, непонятный и дурной куст, вздумавший закусить человечинкой... ох, и громкий же голос у мадам дер Ваги... даже странно, что я его почти не слышу...

И тут давление снаружи резко отпустило.

Вэйр судорожно вдохнул, с трудом проталкивая воздух в грудную клетку, мельком подумал о том, что только чудом не переломал себе все ребра. Потом вдруг ощутил, что его весьма бережно и осторожно опускают на землю, а затем сообразил: травница все-таки

остановила свое чудовище, не позволив случиться самому страшному.

Когда над головой перестали нависать зеленые листья и стал виден стеклянный потолок Оранжереи, Вэйр облегченно перевел дух и тут же сел, кинув настороженный взгляд на сумасшедший куст. Но Листик, как ни удивительно, смиренно сидел на подогнувшихся корешках всего в двух шагах, напасть больше не пытался и вообще — выглядел растерянным и каким-то взбудораженным. Его листья взволнованно шелестели, нагоняя приличный ветер, ядовитые цветки спрятались в зеленой гуще, стебли беспрестанно раскачивались в разные стороны, а тонкие усики жадно вились вокруг окровавленной ладони юноши и настойчиво тыкались в оставленную какой-то колючкой ранку.

Поняв, что живой и невредимый, Вэйр осторожно поднялся, стряхнул с себя какую-то ветку, а затем с благодарностью повернулся к преподавательнице, собираясь высказать свою признательность, но и тут его ждало удивление — мадам дер Вага выглядела настолько ошарашенной, что сразу стало понятно: она тут не при чем. Более того: растрепанная женщина таранилась на строптивый куст словно на диво какое-то, про взъерошенного ученика уже и думать забыла, а о причинах странного поведения Листика гадала так же напряженно, как столпившийся за ее спиной класс, выбежавший глянуть, что такого случилось, раз тут так кричали.

Юноша опасливо покосился на присмиривший листовик и поспешно отнял свою руку, однако Листик не возражал. Позволил отойти и даже не попытался схватить снова. А потом, подумав несколько томительных секунд, он вдруг издал совершенно невообразимый звук, смутно напоминающий урчание сытого кота, настойчиво качнулся навстречу и... ласково погладил изуродованную щеку юноши!

Вэйр, издав приглушенный возглас, инстинктивно шарахнулся прочь, едва не сбив с ног ошалело моргнувшую лерессу, но листовик тут же придвинулся ближе и буквально заворковал, трепетно касаясь пораненной ладони недавнего обидчика и нежно глядя его кожу. Его листочки взволнованно затрепетали, зашевелились, зашептались между собой. По длинным стеблям прошла волна необъяснимой дрожи, а один из корешков так недвусмысленно обвился вокруг помятого сапога, что класс изумленно выдохнул (вредный цветок успел всем попортить немало крови), а мадам Матисса только растерянно развела руками:

— Ничего не понимаю... кажется, ты ему понравился.

Листик довольно плюхнулся на ноги нового знакомого и тесно прижался, всем видом показывая, что она права.

Вэйр настороженно покосился на куст, обнявший его сразу всеми своими усиками, но быстро понял — вредить ему никто больше не собирается. Более того, вдруг прониклись настолько нежными чувствами, что почти готовы сидеть день и ночь прямо так, верхом на пыльных сапогах, одновременно щекоча кожу и счастливо прижимаясь. Листик был так рад обрести себе нового друга, так умильно попискивал и обвивался вокруг ладоней, что юноша, наконец, осмелел, настойчиво отстранился и с немалым трудом отлепил от своей щеки намертво приставший усик.

Травница покачала головой.

— Ничего себе... сколько лет живу, а всего второй раз вижу, чтобы листовик кого-то признал. Какая у тебя доминирующая стихия?

— Вода, — послушно ответил Вэйр.

— Занятно. Но это хотя бы что-то поясняет: на Огонь Листик отреагировал бы иначе.

Воздух ему тоже не по нутру: малыш слишком чувствительный. А Вода... Вода могла ему понравиться. Меньше, чем Земля, конечно, но все же... откуда ты родом?

— Из Аргаира, леди.

— Как? — удивленно моргнула травница. — И ты тоже?!

Юноша непонимающе посмотрел, но она уже не обращала внимания: придирчиво оценив более чем приличное поведение листовика, ошарашенную физиономию необычного ученика, его поцарапанную ладонь, на которой уже застывала свежая корочка, лересса дер Вага задумчиво потеряла переносицу.

— Аргаир... надо же, как интересно... может, вот он — ответ? Может, мы просто не там искали, и все дело в происхождении? Знаете, юный лер, вы меня искренне поразили: мало кому удается остаться невредимым при первом знакомстве с листовиком. Вам это удалось. Даже более того — Листикку вы понравились настолько, что он готов простить вашу оплошность. Можете быть уверены: до этого дня он никому подобных инцидентов не спускал, так что ваш феномен может быть весьма и весьма интересным. Не возражаете, если я вас еще кое с кем познакомлю?

Вэйр только плечами пожал.

— Нет, леди.

— Прекрасно. Тогда я уточню у Леграна насчет Охранных Кругов, а завтра и сходим, — леди Матисса расплылась в довольной улыбке, но потом подметила перешептывающийся класс и мигом построжала. — Так. Почему вы здесь, а не на своих местах? Помнится, лер Сивил, вы так и не закончили свой рассказ?!

На лицах учеников отразилось несказанное разочарование, но грозная травница уже по-свойски похлопала новичка по плечу, строгим голосом велела Листикку отпустить нового друга на занятие, придирчиво проследила за тем, как огорченный листовик ковыляет обратно, предварительно потребовав с юноши обещание вернуться и поиграть, а затем жестом отправила остальных в учебную комнату — как бы там ни было, но урок никто не отменял.

Господин Дербер, едва успев по привычке осмотреть строй перед началом занятия, сразу нахмурился, а затем подозрительно прищурился и указал на лицо Вэйра.

— В чем дело? Почему он еще там?

Юноша машинально провел пальцами по рваному шраму на левой щеке.

— Ты был в лечебном крыле?

— Да, лер, — спокойно ответил Вэйр.

— Тогда почему не убрал ЭТО?

— Не хочу.

Старый вояка чуть не поперхнулся.

— Что?!

— Я не хочу его убирать, лер, — твердо ответил юноша, неуловимо помрачнев, и осторожно погладил изуродованную кожу. — Есть вещи, о которых не стоит забывать, поэтому я попросил лера Лоура не трогать мое лицо.

Господин Дербер непонимающе моргнул: он с трудом мог себе представить, чтобы молодой и, чего скрывать, красивый парень вдруг отказался от редкой возможности исправить такой грубый недостаток. Шрам у него был старый, глубокий и безобразный. Он так сильно впивался в кожу, будто парня еще в детстве кто-то наотмашь ударил по лицу, разорвав щеку острыми гранями печати. Или же чем-то еще. Но не ножом и не мечом — заточенная сталь оставляет совсем иные следы, ровные, чистые, с гладким срезом. А у парня

срез странный, зазубренный. Когда-то рана была серьезной и могла бы стать даже смертельной, если бы была чуть глубже или задела бы глаз. Но ему повезло: он выжил. Вот только старый ветеран не мог взять в толк, отчего странный новичок так упорствует.

— Сними-ка рубаху, — велел он, и Вэйр послушно стянул одежду. — Повернись.

Лер Дербер придирчиво осмотрел чужую спину, но нет — интуиция на этот раз его подвела: кожа на спине юноша снова была чистой и гладкой, без всяких рубцов, следов от хлыста, шрамов и кровоточащих ссадин. Парень не обманул — действительно был в лечебном крыле и попросил лера Лоура не трогать лицо, чтобы сохранить свой уродливый шрам на память о каком-то событии. Он был красив, этот странный мальчик — светловолос, синеглаз, с правильными чертами и удивительно обаятельной улыбкой. В мать, наверное, пошел. А статью — в отца: крепкий в плечах, широкий в кости, налитый упругой молодой силой. На руках и груди бугрятся тугие мышцы. Лицо открытое, чистое. Глаза ясные, взгляд прямой и твердый. Не зря девушки окидывают его откровенно заинтересованными взорами — мимо такого просто так не пройдешь. Вот только шрам его здорово портит.словно метка какая. Как клеймо. И он почему-то от этого клейма не захотел избавляться.

— Ладно, твое дело, — вздохнул учитель. — Одевайся и — в строй.

Юноша так же молча натянул рубаху, а затем занял свое место — третье с краю, сразу после Грэя Асграйва и Олеро ан Дарго, на лице которого вдруг проступило задумчивое выражение.

Все занятие Вэйр ловил на себе изучающие взоры. Большею частью — от симпатичных и смешливых одноклассниц, порой — от господина Дербера, быстро заметившего поразительную выносливость новичка, но пару раз ему удалось перехватить крайне необычный взгляд от Грэя Асграйва, и вот именно он-то и заставил насторожиться.

С одноклассниками Вэйр старался держаться ровно. Особых приятелей он не завел, но и врагов, как ни странно, тоже не заимел. Быть может, тут сыграло роль его признание на уроке у лера Иберии, может, действительно по Академии бродили слухи о его способностях. Или та Водяная Спираль произвела такое сильное впечатление — он не знал. Но факт в том, что с того дня в его сторону не было ни одного пренебрежительного или уничижительного взгляда. Вообще. Да и не позволил бы Вэйр смотреть на себя подобным образом: с детства не терпел снобов и умел приводить их в чувство. И словом, и крепким кулаком. С рапирой он, конечно, дела не имел, потому что в родной деревне неоткуда было взяться изящному оружию аристократов. Однако с мечом, благодаря науке отца, управлялся неплохо, ножом тоже владел, а уж кулаки успел за свою недолгую жизнь набить и отбить так, что только дурак усомнился бы в его способности дать отпор любому наглецу. Да и рапира-то та — тьфу только. Уклонись от нее, поднырни под руку и все — противник твой: хоть в бок его пни, хоть в колено, вынудив заорать дурным голосом, хоть нож под ребра приставь, и никуда он не денется. Плясать с тонкой иголочкой хорошо лишь тогда, когда ты сражаешься с таким же хитроумным танцором. Или когда имеешь в запасе дюжину-другую магических шаров или Огненных Колес. Однако против гномьего топора... или умелого мечника... нет. Вряд ли. Только настоящий мастер и выстоит. Но мастер — он на то и есть мастер, что использует в бою даже простую иголку. А коли в поединке участвуют два равных по силе мага, но один из них при этом обладает большей выносливостью и лучшими навыками в простой уличной драке — результат налицо. Что Вэйр, поставленный в пару со смуглокожим Войтеком, тут же и доказал.

— Неплохо, — вынужденно признал южанин, потирая помятый бок. — Чем это ты

меня?

— "Мельницей", — усмехнулся Вэйр. — Дед у нас когда-то в гвардии служил, потом отцу свою науку передал, а тот — мне.

— Да? Ну-ка, повтори...

Господин Дербер только хмыкнул, когда парни с неподдельным азартом сцепились в рукопашной, но останавливать не стал — не со зла они. Просто любопытствуют и выясняют, кто кого. Южанин, конечно, помельче и послабее, но зато юркий, гибкий, подвижный, так и скачет, не даваясь в захват. Аргаирец потяжелее, но он ловок и неплохо руку себе набил с самыми разными противниками. Явно не пропустил ни одного мальчишку в своей деревне. Зато и дерется по-настоящему: попадетсЯ Войтек под удар, будет тяжело. Но и Вэйру достанется, коли тот его зацепит. Так что пусть резвятся. Пусть учатся. Чем больше сейчас шишек набьют, тем потом будут осторожнее. К тому же, головы они не потеряли — как разойдутся и поморщатся, растирая себе мышцы, так потом сходятся снова, пробуя бороться немного медленнее, чтобы понять, каким приемам поддались и как этого избежать в будущем. Что-то обсуждают, о чем-то спорят вполголоса, показывают. Потом расходятся снова, довольные и уверенные в себе, сходятся... шипят... ругаются сквозь зубы... и снова озадаченно трут подбородки.

— Дурацкая у тебя "мельница", — с досадой бросил, наконец, Войтек, оказавшись в очередной раз на полу.

Вэйр показал в усмешке белые зубы.

— У тебя тоже.

— Может, повторим?

— Достаточно, — спрятал улыбку лер Дербер. — На сегодня хватит, вы свободны. Вэйр, тебе стоит заняться растяжкой. Войтек, тебе имеет смысл больше уделять внимание силовым нагрузкам.

Парни вздохнули в унисон и, выразительно переглянувшись, направились в раздевалку.

— А ты ничего, — неожиданно хмыкнул Войтек в дверях.

— Спасибо, — вернул любезность Вэйр. — Ты тоже.

— Откуда, говоришь, к нам попал? Из Аргаира?

— Точно. А ты?

— Карашэх, Тора... слушай, а ты действительно корабль потопил?

Вэйр неуловимо помрачнел.

— Да. Только мне не велено распространяться на этот счет. Лер Альварис запретил.

— Жалко, — огорченно вздохнул Войтек. — Как же я тебя потом завалю, когда нам разрешат магические поединки? Вдруг ты и с Колесом моим справишься? Или Свечу загасишь?

— А вдруг нет? — усмехнулся Вэйр. — Пока не попробуешь, не узнаешь.

— Это точно. А как ты смотришь на небольшую прогулку на запретную территорию?

— Куда?!

— У нас тут возник маленький спор, — вдруг обернулся идущий впереди Грэй Асрайв. — Но для того, чтобы его решить, жилой корпус определенно не годится, поэтому мы хотим найти более подходящее место. И уж тем более время, когда нам точно не смогут помешать. Ты как, участвуешь?

— Насколько поздно? — осторожно уточнил Вэйр.

— После отбоя.

Юноша с сомнением оглядел своих соседей, которые тоже неожиданно обернулись и выжидательно уставились. Это что? Они хотят нарушить правила? Собираются среди ночи удрать из своего крыла и побродить под луной? Ради какого-то там спора?

— Так как? — негромко спросил Грэй Асрайв. — Ты с нами?

Вэйр заколебался, понимая, что его слово во многом определит дальнейшие отношения в классе, а потом медленно наклонил голову.

— Да. Я иду.

Просыпаться долго не хотелось: снаружи моросил мелкий дождик, небо снова было серым и угрюмым, солнце надолго скрылось среди туч, листья и трава намокли, потяжелели, а легкий ветерок делал раннее утро еще более неудобным, заставляя передергиваться от неприятной прохлады.

Айра зевнула и неохотно приоткрыла один глаз: мысль о том, что надо вылезать наружу в такую погоду, ей совсем не понравилась. Приютивший ее куст был достаточно пышен, чтобы не пропускать под себя противную изморось. Земля внизу по-прежнему оставалась сухой, хотя небо прохудилось еще с ночи. Мелкие каплюшки, если и пробивались сквозь густую листву, совсем не доставляли неудобств, поскольку оседали на густой волчьей шубе. А мягкий мохнатый бок и теплое дыхание на шее еще больше заставляли размякнуть и оттянуть момент пробуждения хотя бы на пару минут.

Она осторожно скосила глаза в сторону: Викран дер Соллен все еще спал. И так крепко, что, похоже, даже не заметил, как во сне волчица непроизвольно прижалась настолько тесно, что сейчас сама смущенно шевельнула ушами и неловко потупилась. На его плече, где совсем недавно была ее морда, осталась примятой черная шерсть, длинные волоски на мощной шее слабо колебались от ее дыхания. Вздумай она отомстить за все свои беды именно сейчас, никто бы ему не помог — его горло оказалось так близко, что не нужно было даже тянуться. Всего один молниеносный укус, и боевой маг навсегда избавил бы свою ученицу от множества сомнений.

Айра наклонила голову и замерла, впервые рассматривая его так потрясающе близко. Когда не мешали соседи, не теребили нетерпеливые виары, не кидалась из болота нежить, не зудел над ухом надоедливый призрак... никого вокруг. Только он и она. А еще — тишина, разбавленная тихим шелестом дождя и свежими ароматами утреннего леса.

Странно было сознавать, что сейчас Викран дер Соллен оказался удивительно открыт. Открыт настолько, что можно сделать что угодно — убить, поранить, покалечить... и он бы не успел ничего понять. Всего один миг. Краткое мгновение абсолютного всевластия. Невероятная возможность закончить тот давний бой, ознаменовавший ее первую трансформацию. Здесь, сегодня... в этот самый момент. Он так близко, что можно ощутить идущий от него запах дикого зверя. Запах силы. Могущества. Скрытой до поры до времени магии. Он невероятно близко. Невозможно близко. И именно сейчас, в эти редкие мгновения, совершенно незащищен. Он словно нарочно подставил свою шею под ее острые клыки, доверчиво приткнулся, согревая теплом своего большого тела, безмятежно спал, самым своим видом пробуждая невольные мысли о том времени, когда Айра жила одной лишь ненавистью, и вынуждая задуматься: что делать с ним по приходе в Занд? Не лучше ли закончить это здесь, чем выяснять какие-то неприятные вещи позже? Стоит ли ему доверять? Или, может, кунуть его и больше не беспокоиться? Он, наверное, даже не почувствует?

Волчица неслышно вздохнула и погасила внезапно вспыхнувшие глаза.

Нет. Кусать его почему-то не хотелось. Убивать и ненавидеть — тоже. Викран дер Соллен действительно сделал ей много плохого. Он принес ей боль. Страх. Он много недель доводил ее до отчаяния. Он сделал все, чтобы заставить себя ненавидеть... но у него на то были веские причины. Да и прежней ненависти к магу уже не было. Айра тщетно пыталась

отыскать ее в глубине собственной души, но, глядя на него в этот момент, так и не смогла. Настороженность — да. Опасливая недоверчивость — еще бы. Сомнения, колебания, неуверенность — сколько угодно. словно одичавший звереныш, вдруг увидевший перед собой примиряюще раскрытую ладонь, она смотрела на него и точно так же размышляла: взять?.. не взять? Куснуть на всякий случай, помня о прошлом, или сразу убежать? Нет ли тут подвоха? Нет ли подспудного обмана и какой-то затаенной мысли, о которой скрытный Охранитель пока не сказал? Не надумает ли открыть ее позже? И стоит ли ему доверять? Ведь нередко даже самые крепкие клятвы безбожно нарушаются. Хотя, конечно, он...

Волчица задумчиво качнула головой.

...он своей клятвы, как ни странно, еще не нарушил.

Громадный волк, словно почувствовав что-то, вдруг шумно вздохнул. Айра, напротив, мгновенно обратилась в камень и напряженно проследила за тем, как потревоженный его дыханием листок сорвался с мокрого куста и плавно слетел вниз. Как закружился в полнейшей тишине, завертелся вокруг своей оси, затанцевал, заигрался с легким ветерком, а потом целенаправленно спланировал и весьма удачно шлепнулся.

Прямо на его черный нос.

Викран дер Соллен вздрогнул от неожиданности и внезапно распахнул янтарные глаза, одновременно отдергивая морду. Инстинктивно, конечно, потому что никакой угрозы от безобидного листка быть не могло. Но он, видимо, привык сперва подозревать самое худшее, а уж потом разбираться. Так что на краткий миг напрягшись, будто перед броском, он мгновенно проснулся, пристально уставился на замершую от неожиданности волчицу, от которой мог ожидать какого-то подвоха, а потом осторожно скосил глаза: потревоживший его покой листок вызывающе желтел на черной морде, нахально покачиваясь на ветру и совершенно не собираясь падать. Просто листок: липкий и мокрый.

Маг сморщился и неожиданно звучно чихнул, пытаясь с морды лишнее украшение. Однако это не помогло: листок прицепился намертво. Причем он не пожелал покинуть насиженное место даже тогда, когда перевертыш с силой тряхнул головой и громко фыркнул. А после и лапой попытался снять. Но бесполезно: проклятый листок так упорно цеплялся за крохотные шерстинки, что слегка озадаченный подобной наглостью маг, наконец, задумался, свел глаза в кучку и заметно нахмурился. Но при этом смотрелся до того забавно, что Айра, не выдержав, тихонько хихикнула.

"Не смешно", — буркнул мастер Викран, пытаясь стряхнуть помеху со своего носа. Раз, другой, третий... он насупился и принялся остервенело чесать лапой страшноватую морду.

Айра хихикнула громче.

"Зараза, — с досадой фыркнул волк, когда она вдруг закашлялась, тщетно пытаясь скрыть стремительно нарастающий смех. — Демон... вот же привязался!"

В ответ волчица только закашлялась громче, с неподдельным весельем наблюдая за его бесплодными попытками вернуть потерянное достоинство. Но потом неожиданно сжалась — потянувшись вперед всем телом, осторожно прихватила зубами коварный листок и милосердно сняла, после чего брезгливо выплюнула и для верности прижала сверху тяжелой лапой, чтобы не оказаться в таком же положении, как замерший от удивления маг.

"Э... спасибо", — наконец, ошалело поблагодарил он.

"Не за что", — отчего-то неловко отодвинулась Айра и поспешно поднялась.

На охоту пришлось идти вдвоем, поскольку отдаляться друг от друга теперь было не с руки: неудачно наложенное заклятие, стоило лишь отойти дальше, чем на двадцать шагов,

тут же давало о себе знать. Причем об этом стало ясно лишь тогда, когда волчица, опрометчиво позабыв про вчерашнюю оплошность учителя, решила погнаться за шустрым зайцем и все-таки нарушила дистанцию. Вернее, нарушил ее Кер, которого Айра забыла предупредить, но для заклятия это не имело значения: едва расстояние было нарушено, как оно тут же сработало.

Сама она сперва не поняла, в чем дело — просто предчувствие появилось дурное. Но потом вдруг ощутила, как похолодело в груди, и смутно обеспокоилась. Даже замедлила бег, оставила зайца в покое, засомневалась. После чего все-таки прислушалась к себе, ощутила стремительно нарастающий холод в том месте, где находилось ее новое сердце, и сообразила, наконец, что и как. А затем поспешила обратно, все время чувствуя незримую нить, связывающую ее с оставшимся позади магом. Она на одном дыхании пролетела сквозь мокрый лес, с тревожным предчувствием выметнулась на какую-то поляну, быстро поискала глазами и... как раз успела заметить, как застывший на середине движения волк странно клонит голову к земле, болезненно кривится и с трудом сохраняет равновесие, изо всех сил пытаясь устоять на ногах.

Айра вздрогнула и поспешила на помощь, откуда-то ощущая, что чем ближе будет находиться, тем легче ему станет. Пролетев извинения, старательно обнюхала перевертыша, позвала, а не получив ответа сразу, тревожно заскулила: маг выглядел так, будто его надвое разрывало невидимыми канатами. Был бы человеком — побелел бы, как полотно, и рухнул на колени, потому что заклятие вытягивало из него силы с ужасающей быстротой. Однако волком как-то выдержал. Устоял. Справился. И даже не сказал ни слова, когда примчавшаяся ученица, увидев его плачевный вид, вдруг испуганно прижалась боком. Против ожиданий, не отругал, не рыкнул, не засопел гневно. Какое-то время просто стоял на широко расставленных лапах, а затем глубоко вздохнул и тихо попросил:

"Не делай так больше... пожалуйста".

Она виновато уронила взгляд.

"Простите, лер. Я не хотела".

"Пойдем, — устало сказал маг. — Есть все равно что-то надо. Ты, наверное, голодна?"

"Нет!", — волчица поспешно замотала головой, но он только взглянул и, понимающе искривив губы, без лишних слов потрусил прочь, оставив ученицу снова досадливо морщиться и виновато поджимать хвост: как оказалось, не врал Бриер — бывший Охранитель действительно отлично чувствовал ложь. Хотя, конечно, догадаться на ее счет было совсем нетрудно.

"М-да, — задумчиво прокомментировал произошедшее Марсо. — Знал я, что он упрямец, но не думал, что настолько: наложить на себя заклятие односторонней Нити Сердца... и не снять его сразу, как только выяснилось... это ж как надо тебе доверять, чтобы ТАК разорваться!"

"В каком смысле?" — оторопело застыла Айра.

"В прямом: заклятие Нити напрямую связывает ваши души и дары. Чем дальше ты уходишь, тем ему становится больнее и тем больше сил тратится на поддержание связи. Ну, как если бы тебя привязали цепями к столбу, а на шею надели крепкую веревку, второй конец которой закрепили на тройке лошадей. Пока они стоят на месте, все терпимо, но стоит только подхлестнуть... м-да-а... знаешь, милая... это, конечно, хорошо, что Викран тебя так славно обезопасил. Но, с другой стороны, в следующий раз он уже легко не отделается: чем дальше ты отойдешь, тем тяжелее придется ему. Вплоть до того, что в один

прекрасный момент он ляжет и уже больше не встанет".

"О боже... Марсо, надо снять эту гадость! — всполошилась волчица. — Если от нее так плохо, то демон с ним, с даром! Мне не надо такой безопасности!"

"Я понимаю. Признаться, все еще жду, что Викран образумится и попросит меня помочь... но он молчит. И, кстати, опять уходит. Так что поторопись, если не хочешь, чтобы он свалился шагов этак через пять".

Айра, вздрогнув всем телом, чуть не завывала в голос, поддавшись волчьим инстинктам, но потом спохватилась, ругнулась про себя и опрометью кинулась вдогонку, не желая во второй раз увидеть, как заклятие будет ломать невезучего Охранителя новой болью. Причем ОЧЕНЬ сильной болью, по ее вине и из-за ее оплошности. А этот упрямец даже не напомнил, ни словом не обмолвился, что, дескать, осторожнее надо. Хотя бы вдогонку крикнул, что ли! Или с Марсо передал! Чего ему стоило?!

"Марсо, помоги ему избавиться от заклятия, — тихо попросила, нагнав молчаливого мага. — Пожалуйста, я очень тебя прошу: сделай это ради меня".

"Да я бы рад, — озадаченно отозвался призрак. — Но одному тут не справиться".

"Я помогу!"

"Твоя помощь ничего не изменит. Нужен сам Викран".

"Так в чем же дело?! Скажи, что ты согласен!"

Марсо странно помолчал.

"Да я, собственно, уже..."

Айра непонимающе замерла.

"И что?!"

"Ничего, — неслышно вздохнул дух. — Он, представь себе, отказался. Сказал, что не станет ничего менять. Он не хочет рисковать, понимаешь? И не хочет, чтобы ты пострадала из-за его ошибки".

Она оторопела.

"Марсо... да как же?.. зачем?! Он что, с ума сошел?!"

"Я тоже так сказал. Но Викран уперся, как баран, и ни в какую не желает соглашаться. А без его участия заклятие не снять. Вот я теперь и ломаю голову над тем, как быть. Я ж вчера его подзадорить только решил, повредничать, чтобы жизнь медом не казалась, поехидничал... а он уперся всерьез. Так что получается, я еще и виноват".

Волчица растерянно отстала, снова перестав понимать учителя. И никак не могла взять в толк, что с ним опять случилось. Что такого произошло, что он готов рисковать своим здоровьем ради того, чтобы этого не случилось с ней? Он же маг. Охранитель. Он должен понимать, насколько ей трудно смириться с самим фактом его присутствия. Должен сознавать, что после всего, что было, она еще не скоро начнет ему доверять... если вообще это когда-нибудь случится. А он вместо этого помогает, шкурой рискует, лишь бы она не пострадала от собственного дара. И даже не рыкнул сердито, хотя, наверное, стоило...

Она вдруг замерла.

Боже... что же он делает? Почему отказался от помощи Марсо? Обиделся за вчерашнее? Да нет вроде: не походил он на человека, любящего свои обиды больше, чем суровую логику. Викран дер Соллен слишком разумен для этого. Слишком рационален. Слишком расчетлив, если не сказать — циничен. Он чересчур далек от обычных человеческих слабостей. Он даже сейчас не желает их демонстрировать — идет все такой же прямой и гордый, негибамый, упрямый... но тогда зачем же он делает эту глупость?! Зачем терпит?! Почему молчит даже

сейчас, ведь наверняка боль еще теплится где-то в груди?! Как раз там, где бьется живое сердце?!

Почему... почему же он не хочет от нее избавиться?!

Волчица довольно долго трусила следом за молчаливым магом, не зная, куда себя деть. Чувство вины глодало ее изнутри, как дорвавшийся до жертвы зверь, грызло где-то в груди, тревожило, причиняло беспокойство. И оно усугублялось тем, что мастер Викран шел по-прежнему молча, не собираясь, видимо, ни ругать, ни цедить сквозь зубы проклятья, ни даже вычитывать или, тем более, наказывать свою нерадивую ученицу. Он даже не упрекнул! Молча перетерпел и теперь делал вид, что ничего не случилось! В то время как она...

Наконец, Айра не выдержала.

"Э... лер?"

"Все нормально, забудь", — ровно отозвался маг, даже не повернув головы.

"Простите, я не хотела. Я забыла сообщить Керу о заклятии!"

"Я же сказал: все нормально. Просто в следующий раз предупреди меня заранее".

Айра вздрогнула: что?! О чем предупредить?! О том, если она все-таки соберется сбежать и бросит его на растерзание какому-то дурацкому заклятию?! Тому самому, от которого ему было так больно?! Которое наложено только ради нее? И ее дара, как назло, ставшего таким нестабильным?! Предупредить, что скоро ему будет еще хуже, чем сегодня?! Всевышний... лучше бы он ругал! Лучше бы попрекал и обвинял в дурости, чем идти вот так, будто бы ничего не было и будто бы это не имеет никакого значения! Да лучше бы сто раз наказал! Отказался, наконец, от этого заклятия!

"Лер?"

Викран дер Соллен досадливо дернул ухом.

"Лер?!"

Подметив, что волчица поравнялась, он словно ненароком засмотрелся в противоположную сторону.

"Лер, — Айра стала совсем несчастной. — Пожалуйста, лер... мастер Викран... учитель!"

Громадный волк дрогнул и, наконец, замер на середине движения, давая ей возможность обогнать и взглянуть на него в упор. Неестественно прямой, неподвижный, как глыба черного базальта, и, кажется, едва дышащий. Только глаза его вспыхнули и странно сверкнули, да проступила в них знакомая бездонная синь, похожая на спокойное безбрежное море, в котором совсем недавно было так мало тепла.

"Простите, — виновато вздохнула волчица. — Простите, я не хотела сделать вам больно. Я совсем забыла... я не подумала... не сердитесь, пожалуйста! Давайте снимем это заклятие! Я не хочу, чтобы это повторилось!"

"Я... не сержусь", — внезапно охрипшим голосом отозвался маг.

"Что?"

"Я не сержусь на тебя, — повторил волк, неотрывно глядя на удивленно присевшую ученицу. — Это слишком трудно".

"Да я же..."

"Ты не сделала ничего плохого. Это была моя ошибка".

"Все равно, — прошептала вконец растерявшаяся Айра. — Все равно... так нельзя. Это неправильно. Давайте снимем это заклятие!"

Волк улыбнулся краешками губ и бережно коснулся носом ее щеки.

"Нет. Так будет лучше".

"Для кого?!"

"Для нас обоих, — он тихо вздохнул и на мгновение прикрыл глаза. — До тех пор, пока ты не окажешься в безопасности, я за тебя отвечаю. На мне лежит ответственность за твой дар и твою жизнь. Раз уж так вышло и нам приходится идти наперекор правилам, я доведу тебя туда, где будет безопасно. Помогу закончить первый этап обучения. Раз уж меня назначили учителем, то я не должен отступать... ни по каким причинам. Это — мой долг и моя ноша. И это — мой выбор, который на этот раз полностью совпадает с твоим. До тех пор, пока он не завершен, я буду его нести. Буду помогать тебе с даром. Так долго, как это потребуется. Несмотря даже на то, что многие, когда узнают, будут сильно против".

Айра на миг просто онемела.

"Что значит, "когда узнают"?! И почему против? Лер, вы что... никому не сказали, КУДА именно пойдете?!"

"Нет".

"И про Занд тоже?!"

"Нет, — странно улыбнулся маг. — Даже про твой побег знают всего два человека в Академии: я и лер Альварис. Остальные искренне полагают, что ты продолжаешь обучение вне стен Академии. Временно, так сказать, в других условиях в связи с острой необходимостью. Ну, в каком-то смысле так оно и есть: учитель ведь никуда не делся. Да и ты, как ни странно, все еще моя ученица. Поэтому можно сказать, что мы никого не обманули. Хотя, разумеется, насчет Занда не знает даже Альварис: я не стал ему сообщать. Как не стал говорить, что уже нашел тебя".

Больше книг на сайте - Knigolub.net

"Почему?!" — ошарашенно замерла Айра.

"Потому что победителей не судят, — он улыбнулся чуть шире. — Если твое обучение логически завершится, никому не будет дела до того, где и как это произойдет. Раз для твоей Инициации нужно попасть в Занд или к его границам, то ты туда попадешь. А я прослежу, чтобы никто не вмешивался и не лез с советами там, где не нужно. Тогда твой дар будет, наконец, стабилен, жизнь — в безопасности, а моя совесть — чиста... полагаю, в ЭТО тебе будет легче поверить, чем в бескорыстную помощь?"

Волчица со стуком сомкнула челюсти, ошеломленно взирая на него снизу вверх.

"Лер... так вы... что...?!"

"Я пришел помочь, — тепло выдохнул маг. — Я же сказал: всего лишь помочь одной недоверчивой, упрямой и дико везучей ученице, которую мне некогда навязали на голову и велели довести до Инициации. И я ее доведу. Как обещал. Даже прослежу за ней, если будет нужно. Но поскольку мое отношение к Инициации в корне отличается от отношения многих моих коллег, то я не вижу ничего плохого в том, чтобы дать тебе ту Инициацию, которую ты сама желаешь. В конце концов, не в этом ли состоит долг каждого учителя? Пожалуй, тут даже Альварису будет нечего возразить. Хотя бы потому, что его приказ ни в чем не нарушен... теперь ты мне веришь?"

Айра ошалело помотала головой: она никогда в жизни не думала, что услышит от него что-то подобное! Невозможно! Просто невероятно! И это — Викран дер Соллен?! Тот самый, которого она когда-то так проклинала и ненавидела?! Неужели он на самом деле вот такой, а не тот, каким пытался казаться?! И неужели он именно ЭТО все время скрывал?!

Она странно посмотрела.

"А-а-а... вас потом не накажут?"

"За что?"

"Ну... все это так странно... так никогда не делали раньше"...

"Я сделаю, — спокойно отозвался волк, усевшись напротив. — Просто потому, что знаю, как это бывает и чего стоит вся наша Инициация. Для тебя я такой судьбы не хочу. И не стану ее менять в угоду Совету. Может, если бы от этого зависела твоя жизнь, а у меня не было времени... возможно, тогда нам бы пришлось... но поскольку никто не знает, куда и зачем ты направилась... не знает, что я нашел другой выход... то можно надеяться, что все пройдет успешно".

"А как проводится Инициация? В смысле ГА, другая... чтобы не как все?"

"Мне придется связать наши дары, — пояснил маг. — Как сейчас, только еще теснее. Сделать их как бы одним целым. На время, разумеется. И это потребует помощи — твоей и Марсо. А также мощного Источника, сравнимого по мощи с природным Ключом. Плюс — нескольких дней напряженной работы, хорошо защищенного места, где не будет виден чрезмерный всплеск силы, отсутствие чужаков, тишина и... твое согласие. Потому что на некоторое время мне придется снять с нас обоих Щиты Овсея и коснуться твоей настоящей ауры, а не той, иллюзия которой висит над тобой сейчас. Это ведь работа Марсо?"

"Да, — немедленно буркнул призрак. — Что ты понял про Занд?"

"Что он ее коснулся и усилил природные таланты, — совершенно спокойно заявил Викран дер Соллен. — Такое редко случается. Настолько, что даже в хрониках эльфов упоминается лишь однажды — в том месте, где речь идет о жизнеописании известного тебе Иберратуса. И там же упоминается насчет боевых метаморфов, а также о том, что они способны подарить своему хозяину радость полноценной трансгрессии".

"Хороша радость... выживи сперва, а потом радуйся!"

"Я, между прочим, рада, — насупилась Айра. — Мне нравится менять облики. И Керу нравится тоже. Я рада, что мастер Викран нас к этому подготовил".

"Что, уже не злишься на него?" — подозрительно осведомился Марсо.

Волчица неловко уронила взгляд.

"Не знаю".

— Вот так всегда! — всплеснул руками внезапно материализовавшийся призрак. — Викран... чудовище! И как у тебя получается?! А ну, признавайся: когда ты понял про Занд?!

"Недавно, — признался маг. — Слишком уж это было невероятно. Но потом выяснилось, что игольники ее не трогают, листовик обожает, как родную мать... Кер на самом деле — дикий... затем вдруг — слияние, которое произошло у них слишком быстро... и я обратил внимание на глаза: у обитателей Занда они всегда лиловые. Особенно у тех, кто так или иначе связан с магией. А еще..."

Волк вдруг прерывисто вздохнул и тронул носом загрибок Айры, где красовалась вызывающе яркая сиреневая полоска.

"...вот это, — он бережно прошелся вдоль странной метки и шумно выдохнул. — Лиловая... как игольник... как глаза у никсы... как листья Перводеревы..."

Айра вздрогнула всем телом.

"И она пахнет Зандом... до сих пор, хотя прошло столько лет. Я еще не забыл этот запах. Я слишком многое не смог забыть. Не знаю, как это вышло... не понимаю, почему Занд ее пометил... понятия не имею, чем это обернется, но вижу одно — если и существует для нее природный Источник, то он непременно находится в Занде. Только там и нигде больше. Ты

тоже это знаешь, Марсо".

Призрак засопел, но возразить было нечего: они оба знали.

"Лер?" — Айра нерешительно посмотрела.

"Ты правильно идешь, — повторил Викран дер Соллен, неохотно отстраняясь. — Занд поможет тебе. Быть может, не сразу. Быть может, для этого потребуется несколько больше времени, чем я рассчитываю, но поможет. Об этом говорят все твои друзья, начиная с листовика и заканчивая метаморфом. Ты словно помечена Зандом. Он выбрал тебя. Принял. И... хоть я не знаю, почему... но он примет тебя снова. Стоит только попросить".

Волчица вздрогнула: он успел понять удивительно много. Не спрашивая ни о чем, не имея почти никаких сведений о прошлом, все-таки понял слишком много. Да почти все. Кроме того, что Занд за свое отношение спросил с нее весьма немаленькую цену — он забрал ее жизнь. Однако взамен отдал не меньше. И хотя бы поэтому Айра считала, что должна туда вернуться и снова посмотреть глазами молодой орлицы, что за чародей уже второй раз тревожит покой ее нового дома. И что за человек настойчиво пытается добраться до спрятанного там Сердца этого мира.

Сердца Зандокара...

Она тяжело вздохнула.

"Я попробую, лер. Не уверена, что получится, но я попробую войти туда снова. Может, вы правы и там действительно найдется то, что мне поможет?"

"Я в этом уверен".

"Нам надо торопиться, — неожиданно отвернулась Айра. — Мне тревожно. И сны стали совсем нехорошими: все время кажется, что мы опаздываем. Вы... поможете мне, лер?"

Волк согласно наклонил голову.

"Я для этого и пришел. Клянусь, что лишь для этого".

"Спасибо, — очень серьезно посмотрела она. — Только я бы все равно хотела, чтобы вы избавили нас от своего заклятия".

"Это может быть опасно".

"Это опасно для вас!"

"Ничуть. Зато с ним я буду уверен в том, что доведу тебя до Занда живой, — усмехнулся маг. — Главное, будь осторожнее с прогулками, и тогда ничего страшного не случится. Верно, Марсо?"

— Ну, если не считать того, что ты станешь слаб, как ребенок... то да, — кивнул призрак. — Айра, девочка моя, плюнь на него и пойдём. Пусть делает глупости, если хочет. Мы ему предлагали — он отказался. Хочет идти у тебя на поводу — ради Всевышнего. Когда надоест, сам попросится на волю. А на нет — и суда нет. Так что забудь и пойдём скорее. Мы и так сильно задержались.

Волчица внимательно посмотрела на застывшего напротив зверя.

"Хорошо. Но в следующий раз, лер, не молчите — напоминайте, если я вдруг забуду".

Он только хмыкнул, а затем поднялся, легонько толкнув ее в бок, и первым потрусил в чашу. На что она странно кашлянула, озадаченно переглянулась с изумленно крякнувшим призраком, почесала левое ухо и довольно долго соображала: что ЭТО было? И гадала ровно до тех пор, пока насмешливый голос не напомнил:

"Ты идешь? Или мне так и болтаться в двадцати шагах, словно пес на поводке?"

Айра покраснела бы, если бы могла, однако волчья шерсть в который раз выручила —

даже не порозовела, когда спохватившаяся волчица поспешно вскочила, кинувшись вдогонку, и в три громадных прыжка нагнала скалящегося наставника. Причем его усмешка была столь явной и ехидной, что волчица не смогла удержаться от ответной дерзости — пробегая мимо, удачно пихнула его тоже и стремглав умчалась, сопровождаемая возмущенным рыком и ехидным хихиканьем Марсо. Все-таки волки — совсем не люди и иногда бывают ужасно взбалмошными. А также необидчивыми, быстро забывают прошлое и еще, как ни удивительно, стараются сохранить свою стаю в неприкосновенности. Это у них в крови. Даже тогда, когда стая состоит всего из двух особей, которые некогда на дух друг друга не переносили.

— Так его, девочка! Пусть знает, как делать нам гадости... ох ты! — злорадствующий призрак вдруг резко сменил тон и неподдельно встревожился. — Вот демон! Викран... беги, Айра! Беги! Он, кажется, надумал отомстить! И месть эта будет страшной! Первая трансгрессия по сравнению с ней покажется тебе легкой прогулкой! Он же волком, а волки, сама знаешь, какие вспыльчивые... беги!

Волчица, прижав уши к голове, стремительно обернулась и на мгновение действительно струхнула — летящий над землей гигантский черный зверь был поистине страшен. Огромный, всклокоченный, с распахнутой пастью, в которой сверкают белоснежные клыки, глазищи горят желтыми огнями, из глотки едва не валит дым... о, да. Сейчас он был способен напугать кого угодно. И Айра сперва действительно испугалась. На секунду. Но потом неожиданно увидела, что его аура (почему-то открытая в этот момент!) не пылала яростью и не сверкала гневными искорками, не алела опасными сполохами, не плескалась яростными языками. Напротив, она плавно и очень красиво переливалась золотистыми и рыжеватыми огнями, играя на свету многочисленными гранями, как настоящий бриллиант. Просто потому, что боевой маг, как оказалось, не был зол или раздражен. Он не сердился, не возмущался, не боялся отстать. Не боялся снова испытать боль от наложенного заклятия Нити Сердца. Напротив, его, кажется, забавляла сама идея догнать и перегнать. Даже удивительно, что он вдруг так развеселился. Наверное, все-таки волк на секунду взял верх над рациональным благоразумием человека. А потом Айра подметила направление его движения, вспомнила, как быстро в волчьем теле берут верх инстинкты. Неожиданно поняла, что если не поторопится, то рискует оказаться на траве, погребенная под массивным черным телом — сбитая с ног, уставшая, задыхающаяся и снова — побежденная. От последней мысли она неподдельно взвизгнула, рыкнула и немедленно припустила со всех ног, искренне надеясь, что хотя бы в скорости ему не уступает. По крайней мере, в этом теле. Но поняв, что маг на самом деле начинает отставать, прямо на бегу довольно ухмыльнулась, а потом услышала позади досадливое рычание и тихо закашлялась.

"Так-то, лер... не все же вам быть впереди?"

Он только фыркнул, и волчица, окончательно успокоившись, с ехидным смешком прибавила ходу, не намереваясь больше давать ему ни единого шанса. Хотя бы на ближайšie двадцать шагов.

Границу Охранного леса они пересекли к исходу третьего дня.

Вернее, Айра даже не сразу поняла, что это была именно граница. Просто в какой-то момент ощутила волнующую близость Занда, возликовала от мысли о скором воссоединении, а потом вдруг почувствовала, как легкий ветерок слегка коснулся ее взбудораженного разума, и недоуменно замедлилась: что-то еще изменилось вокруг. Неуловимо, очень слабо, почти на грани сознания, но все-таки изменилось. Как будто дотронулся до ее мыслей кто-то невидимый, осторожно считал ауру, проверил, сравнил, а потом так же тихо и незаметно передал дальше, будто приглушенный расстоянием звонок, потревоженный поздним гостем. Хотя вроде и деревья остались те же, и птицы поют совсем по-прежнему, и трава шевелится точно, как вчера, но внутри отчего-то появилось и обосновалось странное чувство, что лес вокруг стал немного не таким.

Она окончательно остановилась, настороженно нюхая воздух и старательно прислушиваясь. Вытянулась струной, опустила хвост, выставила торчком мохнатые уши, аж вперед подалась, пробуя лесную прохладу на вкус. Но в лесу стояла удивительная тишина. Было темно и немного холодновато, потому что солнце уже час как пропало за горизонтом, перестав прогревать своими лучами землю. Над головой неутомимо вились мелкие мошки, где-то неподалеку стрекотал припозднившийся кузнечик, неожиданно поднявшийся ветер давно стих, а она все стояла, силясь понять, что происходит и куда подевалась задевшая ее нотка беспокойства.

"Лер?" — наконец, неуверенно обернулась волчица.

Громадный черный зверь, замерев недвижимой тенью за ее спиной, чуть наклонил голову.

"Да, мы уже близко. Отсюда начинается Охранный лес".

"Мне показалось, что-то поменялось вокруг"...

"Так и должно быть: на границе повсюду дремлют опознающие заклятия, благодаря которым мы всегда знаем, кто и где ее нарушил".

Айра нахмурилась.

"Значит, Охранители уже знают, что мы здесь?"

"Да, — спокойно кивнул маг. — Наши ауры запомнены и переданы в ближайшее звено. А еще через несколько часов нас должны найти и вернуть... или пропустить вперед — в зависимости от того, кто принял сигнал. Если меня узнали, значит, пройдем спокойно".

"А если нет?"

Он неопределенно дернул плечом.

"Какая разница? Все равно я не собираюсь ни с кем встречаться. Нам лучше обойти Охранителей стороной и добраться до Занда незамеченными. Это займет три с половиной дня".

Айра нахмурилась еще больше.

"Слишком долго. За это время нас непременно отыщут".

"Верно. Поэтому предпочитаю немного сократить расстояние... ты способна сотворить портал?"

"Что?!" — волчица едва не отшатнулась.

"Портал, — спокойно повторил Викран дер Соллен. — У тебя хватит сил сотворить"

воронку до границы Занда? Внутри-то ты не пробьешься, потому что игольник гасит любую магию, но хотя бы до него... как считаешь, справишься? Я прикрою, не волнуйся — с моей помощью тебе ничего не грозит даже под заклятием Нити".

Она ошалело присела.

"Я... я не знаю!"

"Плохо. Портал избавил бы нас от многих проблем".

"А разве здесь можно колдовать?! — искренне опешила Айра. — Во всех учебниках написано, что тут стоят Сети не хуже тех, которые есть вокруг Академии! Говорят, тут колдовать вообще запрещено! И совершенно невозможно: магия эльфов мешает!"

Бывший Охранитель подошел ближе и внимательно посмотрел. И смотрел так долго, пристально, до того странно, что она даже попятилась, а потом неожиданно вспомнила, что когда-то давно уже делала это. Сама. Одна. Несмотря на все запреты и Охранные Круги. Тогда она, наверное, потревожила столько сигнальных заклятий, что должна была всполошить половину Охранного Леса. Тогда она еще не умела скрывать следы. Была слишком мала и испугана, чтобы думать о чем-то, кроме поспешного бегства. Тогда за ней настойчиво гнались, пытались убить, угрожали и пугали до полусмерти... но портал она сумела создать. И не один, а целую серию, так что сейчас, если только вспомнить... если суметь воссоздать в памяти ту ужасную ночь... найти координаты выхода... то, наверное, она действительно сможет?

Айра сглотнула.

"Я попробую, лер".

"Пробуй, — тихо отозвался волк. — Времени не так много: до ночи мы должны попасть к Занду, иначе нас остановят и непременно задержат, а я не хочу рисковать".

Волчица несильно вздрогнула и отвела взгляд, внезапно подумав о своем погибшем спасителе, которого в этот момент так некстати напомнил Викран дер Соллен в своем волчьем облике. Тот волк тоже был крупным. У него тоже были желтые глаза. Он тоже носил густую черную шубу. Но он был зверем — простым, хоть и громадным, зверем, который почему-то не тронул слабую человеческую кроху, рискнувшую просить у него защиты и помощи. Он погиб за нее. Закрыв собой, принял предназначенный ей удар, подарил крохотное мгновение для спасения, а сам спастись уже не сумел. Он остался там, где-то возле границы Занда — умирать от полученных ран, истекать кровью и бессильно корчиться у ног взбешенных неудачей палачей... тех самых, которые наверняка выместили на нем всю злобу после того, как упрямая девчонка никому не досталась.

Айра сжала челюсти, как наяву услышав его пронзительный вой и самый последний, хриплый рык, полный безумной боли и отчаяния. Долгий, протяжный, искаженный предсмертной мукой и постепенно затихающий в ночной тиши по мере того, как исходило кровью и холодело его израненное, искалеченное и зверски избитое тело. С той ночи она не раз слышала его во снах, не раз просыпалась в ужасе, открывая мокрые от слез глаза и страстно желая, чтобы все это не было правдой. Не раз думала о том, что виновата в его смерти. Вот и сейчас спрятала изменившуюся морду, крепко зажмурилась, остро жалея, что ничего не может исправить. А затем решительно трянула головой и потянулась в Озарение.

Прав был маг: не стоит тянуть время.

Повинуясь ее Призыву, всего в нескольких шагах тускло замерцала, а затем начала стремительно разгораться воронка новообразованного портала. Яркая, как никогда. Мощная. Далеко осветившая собой сгущающийся мрак. По-прежнему — странная, ни на что не

похожая, насыщенно лиловая, словно цветущая сирень по весне. На мгновение окутавшись полупрозрачным лиловым маревом, она вдруг вытянулась в длину, пробила собой пространство, легко одолела наложенные кем-то неизвестным запреты, и тут же вернулась, сжалась тугой пружиной, готовая переправить хозяйку именно туда, куда было нужно.

Айра, помедлив, открыла глаза и, покосившись на неподвижного мага, медленно потрусила вперед, еще не зная, куда именно выйдет. Бестрепетно позволила окутать себя сиреневой дымкой, на краткий миг испытала знакомое чувство переноса, окунулась с головой в густой туман, а затем спокойно вышла по другую сторону и тяжело вздохнула.

"Вот и все. Все вернулось на круги свои... где все началось и где, наверное, скоро подойдет к концу. Хотя, наверное, так и должно было случиться?"

Она с горечью оглядела бегущую в никуда ленту спокойной реки — широкую и могучую, которую так просто не переплывешь. С невеселой улыбкой встретила зеленые кроны, огородившие берег молчаливыми стражами, мягкую траву, спускающуюся по пологому склону к самой воде, пустую поляну, на которой не было ни единого следа давней трагедии... а ведь тогда тоже стояла глубокая ночь. Тогда здесь былолюдно и страшно. Тогда она была не одна. И тогда ее гнал вперед дикий страх.

Сегодня же Айра пришла сюда добровольно. Но наитию. Послушавшись внутреннего голоса. Случайно. Почти совершенно случайно, хоть и не особенно удивившись... что ж, наверное, так действительно суждено было случиться, что она вернулась именно туда, откуда когда-то пришла ее смерть. И где мгновения спустя началась ее новая жизнь. Это была та самая поляна, где ее некогда настигли пятеро наемников. То самое место, откуда ее утащило в последний, слабый, совсем крохотный портал, которого никто... к счастью или нет... не заметил. Вот и деревья стоят все те же. И река так же ровно несет свои медленные воды. И все так же виднеется за ними непроницаемый барьер из лилового игольника...

Вот только волка рядом с ней уже не было. А тот, который находился сейчас неоправданно близко, совсем не был тем, кого она так хотела увидеть.

Волчица сделала несколько неуверенных шагов, безошибочно отыскав то место, где он умер. Вот оно. Прямо здесь. Под густой травой, на холодной земле. Именно здесь пролилась когда-то его кровь. Здесь он совершил свой последний бросок. Здесь в последнем усилии попытался дотянуться до стрелка и опоздал. Совсем немного опоздал, позволив тому сделать один единственный выстрел...

Айра горестно ткнулась носом, даже сейчас, кажется, слыша звуки кипящей тогда схватки. Чужие голоса — раздраженные и злые, предсмертные крики, полные боли и страха, собственный визг при виде взывшего и скорчившегося спасителя... и, как наяву, вдруг увидела то, что когда-то случилось.

...она со стоном падает на землю, уже не держась на ногах. Невесть откуда взявшаяся слабость заставляет ее безвольно распластаться на траве, тяжело дыша и судорожно хватая ртом ночной воздух. В груди неистово колотится сердце, по вискам беспрестанно стекает холодный липкий пот, во рту сухо, в ушах стоит неприятный гул. Но она все равно слышит отдаленные звуки смертельной схватки, которую ведут за ее жизнь пятеро... нет, уже двое... наемников и один свирепо рычащий черный волк.

...бежать отсюда некуда — за спиной так плотно встали странные темно-зеленые стебли какого-то колючего растения, что сквозь них не протиснется и мышь... но у Айры нет крыльев и больше нет сил, чтобы создавать новые порталы. Теперь она может лишь бессильно наблюдать, как корчится на земле от боли пронзенный стрелой волк и как

облегченно переводят дух наемники.

Она горестно зажмуривается, не в силах смотреть на то, как тяжело ворочается и пытается подняться мохнатый защитник. Она видит: ему очень больно, в груди прочно застряло толстое древко, на траву тяжело падают горячие алые капли, но он и сейчас не сдастся — зло порывивая сквозь намертво стиснутые зубы, все еще пробует подняться на ослабевших лапах.

— Убей ее, — говорит один из выживших, и второй снова поднимает лук, прицельно изучая вжавшуюся в зеленую поросль колючего игольника девчонку.

Волк с гневным рыком вдруг прыгает с места, сбивает сперва одного убийцу, затем второго, портя прицел и заставляя стрелу немного сместиться. Из последних сил рвет податливую человеческую плоть, дожидаясь предсмертного хрипа, а затем с усталым вздохом оборачивается...

И как раз успевает увидеть, как пронзенное стрелой маленькое тельце отшатывается назад и безвольно обвисает на острых шипах игольника, а затем медленно исчезает в плотоядно зашевелившихся листьях...

Айра содрогнулась всем телом, а затем обессиленно опустилась на траву.

На поляне за столько лет не осталось следов той давней драмы. Трава скрыла под собой кровь, старые кости растащили многочисленные звери. Под ногами не белели чужие черепа, не виднелись погрызенные позвонки, не ржавело под открытым небом обороненное железо... только память до сих пор резала душу по живому. И только боль от воспоминаний заставляла молча зажмуриваться, старательно пряча невольные набежавшие слезы.

"Айра? — беспокойно шевельнулся в кольце Марсо. — С тобой все в порядке?"

Она прерывисто вздохнула.

"Да".

"Ты знаешь это место?"

"К несчастью... — она вдруг поднялась, в последний раз тронув носом тонкие травинки, на которых давно не осталось даже запаха. словно попрощалась и попросила прощения. А потом чуть повернула голову и сказала в пустоту: — Отвернитесь, лер".

Марсо, кинув быстрый взгляд на непонятно замершего Викрана дер Соллена, насупился: маг не возразил, не поинтересовался и ничего не ответил. Кажется, вообще не услышал — едва выйдя из портала следом за ученицей, мгновенно застыл, словно громом пораженный, и только тарачил в темноте диковато горящие глаза, в которых расширенные зрачки почти затопили чернотой желтые радужки. И зрачки эти, хоть она попросила, ни на миг не могли оторваться от приподнявшейся на задние лапы волчицы.

"Ты что задумала?" — совсем подозрительно осведомился призрак.

Айра глубоко вздохнула.

"Хочу войти туда человеком. Хочу сделать это, как тогда... сама собой... вместе с Кером".

Она вдруг выпрямилась, отбросив на спину длинную пепельно-серую гриву, расправила плечи, нимало не беспокоясь за учителя, еще раз вздохнула и подставила бледное лицо льющемуся с небес лунному свету, позволяя ему играть и переливаться в крохотных слезинках, покотившихся из глаз. А потом положила руку на шею, где с поразительной скоростью исчезали две крохотные ранки от зубов Кера, и печально улыбнулась.

— Я почти дома.

Назад она не смотрела — не хотела лишний раз встречаться глазами с Викраном лер

Солленом. Но не потому, что все еще опасалась или внезапно перестала доверять. Не потому, что злилась или ненавидела. Нет. Последние несколько дней помогли ей поверить и, кажется, даже простить. Суровый маг неожиданно перестал быть ее кошмаром и самым страшным наваждением. Перестал внушать страх и опаску. Перестал вызывать безотчетное желание отомстить. Даже перестал быть неподкупным, бездушным и бесчувственным нелюдем. Теперь она понимала его лучше. Теперь могла позволить себе простить. Могла верить, ведь он ни разу не солгал. Он спас ей жизнь неоднократно. Вытащил из того болота. Вылечил, восполнил силы и пошел наперекор воле всего Совета, чтобы закончить ее обучение. Прав был Марсо: за своих учеников бывший Охранитель пошел бы на многое. И даже за нее бы пошел. Несмотря на прошлое, свою былую неприязнь, их взаимное отчуждение и почти что общую боль от тяжелых потерь... он помог ей, несмотря ни на что. Сумел это преодолеть. Помог преодолеть и ей. И даже теперь не вмешивался, милосердно давая ей время успокоиться и прийти в себя.

Спасибо ему.

За все спасибо. За молчание, знания, разъяснения. И за понимание — тоже. Даже за Инициацию, которую он так и не провел. За жизнь, которую он спас. За правду, которую, наконец, рассказал, и за терпение, с которым он день за днем следовал вместе с ученицей в самое опасное место этого мира. Она нуждалась в его помощи. И он сделал все, чтобы эту помощь ей оказать. Так что спасибо ему. Действительно, спасибо...

Айра смутно чувствовала, что что-то изменилось в нем за эти дни. Чувствовала, как что-то изменилось в ней самой. Как ушло куда-то прежнее недоверие, пропали сомнения, исчезла неприязнь, бесконечные колебания. Почти перестали тревожить тяжелые воспоминания о первых месяцах ученичества. Все стало как-то иначе. Она научилась с ним разговаривать. Научилась засыпать, не боясь проснуться в цепях. Научилась держаться поблизости, начиная беспокоиться всякий раз, когда незримые нити наложенного заклятия натягивались слишком туго. Она научилась прислушиваться к его словам. Научилась слушать и слышать то, что он говорит. Научилась охотиться без помощи Кера. Сумела преодолеть былое отвращение к сырому мясу. Смогла спокойно смотреть на то, как охотится он. Без трепета принимать принесенную им добычу. Научилась укладываться рядом, по ночам инстинктивно подбираясь ближе, и прятать чувствительный нос у него на плече, когда заклятие оттягивало силы слишком быстро... да. Она многому научилась за эти дни. И многое узнала о нем. Чему-то удивилась, конечно. Чему-то даже не поверила. Многие вспомнила. О чем-то надолго задумалась, не раз и не два подмечая его быстрые взгляды в свою сторону. И, наконец, окончательно поверила в то, что от него не надо ждать подвоха.

А не смотрела сейчас назад просто потому, что боялась снова увидеть в нем нечто знакомое. И боялась, что во второй раз, завидев молчаливого черного зверя у самой кромки леса, просто не выдержит: упрямая память и без того заставляла беззвучно плакать, а сердце — рваться пополам от боли.

Марсо пораженно замолк, неожиданно поняв, куда его привела необычная ученица, и все то время, пока она возилась со своим платьем, пряча первозданную наготу, ошалело молчал. Только дождавшись, пока она оденется, осторожно выбрался из кольца, внимательно огляделся, а затем подлетел к краю берега и завороченно уставился на зеленовато-лиловую стену, отгородившую участок леса за рекой от всего остального мира.

— Занд... — зачарованно прошептал он, не в силах оторвать от него взгляда. — Сто лет прошло, а ничего не изменилось... совсем. Словно я и не уходил отсюда. Словно и не было

ничего. Словно бы я вовсе не умирал.

— Ты прав, — тихо согласилась Айра, подойдя ближе и по дороге надевая на палец алмазное колечко. — Словно мы оба с тобой не умирали. И это так странно...

Призрак быстро обернулся, оглядев ее простое платье, купленное в далекой деревне, мгновение смотрел в ярко горящие глаза, где снова проступили неуловимые сиреневые искры, увидел взволнованно привставшего на ее плече метаморфа и тяжело вздохнул.

— Река очень широкая. Как ты собираешься плыть? Волком бы лучше...

— Я не буду плыть, — покачала головой Айра и переступила босыми стопами.

— Как это?

— Вот так. На ту сторону можно попасть иначе. Если бы я знала, что выйду именно сюда... — она ласково погладила серую шерстку ласки и махнула рукой куда-то в сторону. — Такое впечатление, что я словно в прошлое вернулась. А в нем, как ты знаешь, у меня уже получалось творить порталы там, где никто другой не сумел. Смотри.

Повинуясь ее взгляду и короткому Призыву, на берегу беззвучно открылся и засиял теми же сиреневыми огнями короткий портал. Совсем небольшой, недалекий и слабый, однако большего и не требовалось — ей нужно было всего лишь перебраться через большую воду. И она это сделала — легко, быстро, почти не замедлившись с принятием решения. После чего вышла уже на другом берегу, на мгновение остановилась перед беспокойно зашевелившимся игольником, а затем сделала еще один шаг и протянула руку.

— Ну, здравствуй... вот я и вернулась. Помнишь еще меня?

Она казалась совсем маленькой и хрупкой на фоне бесконечной лиловой стены, усыпанной ядовитыми шипами. Игольника здесь было много, очень много — дикого, смертоносного, готового угостить своим ядом любого неразумного чужака, рискнувшего приблизиться к его границам. Он не знал пощады. Не видел разницы между жадными до силы магами и невинным ребенком, случайно попавшим в его сети. Не различал мужчин и женщин. Не делал одолжений. Он был просто стражем — суровым, неподкупным, неодолимым. Всего лишь молчаливым охранником своего далекого повелителя и господина, но был готов сделать все, чтобы никто... ни человек, ни зверь... никогда не потревожил его покоя.

Айра застыла на самом краю — худенькая, с расплетенными волосами, отливавшими в лунном свете настоящим золотом, с яркой сиреневой полосой на макушке, босоногая и совсем беззащитная перед мощью дикорастущего игольника. Но она не боялась. Напротив, она стояла, улыбаясь и доверчиво протягивая руки, как делала это с Иголочкой, Шипиком и даже своенравным листовиком. Она откуда-то знала, что ей не причинят вреда, и бесстрашно подходила все ближе, без опаски следя за тем, как взволнованно зашевелившиеся листья медленно расступились, острые шипы слегка приподнялись, а навстречу охотно потянулись тонкие зеленые усики. Точно такие же, как и семь лет назад, когда ее с размаха бросило на эти же самые заросли.

— НЕТ! — вдруг выдохнули прямо у нее за спиной. — Айра, НЕТ! Не прикасайся!!!

Айра удивленно обернулась, но маг оказался слишком близко — невесть каким образом проскочив на этот берег и быстрее молнии метнувшись от медленно угасающего портала, он гигантским прыжком преодолел оставшееся до нее расстояние. Обхватил сильными руками и успел оттащить от смертельно опасного игольника буквально за мгновение до того, как ее руки робко коснулся зеленый усик. После чего сгреб в охапку, прижал к себе, уткнулся лицом в ее макушку и, тяжело дыша, повторил:

— Нет... не надо... пожалуйста, не ходи!

Она ошеломленно замерла, слыша, как громко и тревожно колотится его сердце. С трудом сознавая, что и он успел перекинуться за то время, пока она вспоминала и печалилась. Правда, сделал это не сразу, чуть ли не в самый последний момент — вон, какой растрепанный, едва успел штаны с сапогами натянуть, да ножны подхватил... точно, вот же они валяются... а рубаху только накинул. Потому что заметил, куда она направилась, и бешеным зверем метнулся следом. Остановил, не позволил приблизиться к игольнику, а теперь держит так, словно... боится?! Боится ее потерять?!

Викран дер Соллен?!!

Айра осторожно подняла голову и с удивлением увидела, что он действительно невероятно бледен. На шее неистово билась пугливо трепещущая жилка, грудь тяжело вздымалась, глаза были крепко зажмурены, но бескровные губы прикушены до боли и все еще едва заметно шевелятся, словно повторяя про себя: *"Нет... не надо... только не туда..."*

Она неловко отстранилась.

— Лер?

— Что ты делаешь? — прошептал маг. — Что же ты творишь? Опять? Мало было одного раза?!

Айра вздрогнула.

— Что?

— Так нельзя... игольник тебя убьет, — он, наконец, открыл неистово горящие глаза, из которых все еще не ушел недавний страх, и с неожиданной болью посмотрел. — Он же дикий... дикий, понимаешь? Он может тебя поранить. Может даже убить! Разве не видишь?! Не чувствуешь?!

— Он не причинит мне вреда, — тихо сказала она, чувствуя на своей щеке горячее дыхание. — Я уже была здесь. Я знаю. Я чувствую — он меня не тронет. И вас тоже, лер. Отпустите.

Викран дер Соллен, вздрогнув, как от пощечины, послушно разжал руки.

Айра осторожно отступила на шаг, все еще неверяще изучая его бледное лицо. Затем ошеломленно поняла, что он отчего-то снова за нее испугался. Наконец, слабо улыбнулась и тронула его безвольно упавшую руку.

— Все хорошо, лер. Так и должно быть. Игольник должен убедиться, что я — своя. А для этого мне нужно подойти ближе. Понимаете?

Она так же медленно отступила, не отрывая от него взгляда, но маг, хоть и был дико напряжен, не шагнул следом. Только кулаки сжал до побелевших костяшек, да чуть пошатнулся, словно едва сдерживался от совершения чего-то безумного.

— Это недолго, — успокаивающе шепнула девушка, вдруг испугавшись, что он все-таки сорвется. — И почти не больно. Я на секунду. А потом сразу вернусь. Я помню про заклятие, помню про вас... я вернусь. Обещаю. Только открою дорогу и сразу вернусь. Не подходите только. Пожалуйста. Он может вас задеть.

Викран дер Соллен, против ожиданий, больше не пошевелился. Будто бы даже не услышал. Просто глаза у него совсем потемнели и наполнились какой-то жутковатой чернотой, а в остальном он сейчас мало отличался от холодной гранитной плиты.

Айра торопливо обернулась к игольнику и проворно протянула руку, опасаясь, что с магом случится что-то нехорошее. Чувствуя его тревогу, граничащую почти с ужасом, понимая, чем это вызвано, сочувствуя его горю, но не имея другой возможности проникнуть

в Занд. Почему-то боясь за него, она бестрепетно позволила усикам обхватить свою руку, не испугалась, когда к ладоням протянулись сразу несколько десятков острых шипов. В последний раз оглянулась на закаменевшего учителя и просительно прошептала:

— Пожалуйста, не надо...

Он не ответил, а над ней мгновенно нависла непроглядная тень и почти похоронила под собой, угрожающе сверкнув острыми колючками. Вокруг мгновенно потемнело, тело тут же обняли сотни... тысячи... зеленых рук, молниеносно оплели, настойчиво потянули куда-то, а когда она не поддалась и осталась на месте, принялись опутывать еще теснее, словно заключая в живой и поистине смертоносный кокон.

Сзади громко скрипнули чьи-то намертво сжатые зубы и зашелестела вынимаемая из ножен сталь.

— Не надо, — испуганно прошептала Айра. — Не надо, не трогайте его!

И игольник неожиданно послушался — отступил, распрямился, одумался. Неохотно выпустив необычную гостью из тесных объятий, он подался немного назад и требовательно ткнулся шипами в ее ладони. Девушка поспешно повернула кисти и подставила под острые кончики, позволяя им забраться под кожу. А сама тревожно обернулась, силясь рассмотреть за мешаниной листьев и толстых стеблей бледное лицо Викрана дер Соллена.

"Марсо? Марсо, не дай ему подойти! — беспокожно попросила она. — Учитель, вы меня слышите? Со мной все хорошо! Я жива! Мне никто не причинил вреда! Я сейчас вернусь! Мастер Викран!"

"Мы слышим, девочка, — неслышно прошелестел призрак в самое ухо. — Пожалуйста, будь осторожнее".

Айра облегченно вздохнула. А потом вздохнула снова, когда удовлетворенный игольник окончательно расплел свои объятия и отпустил ее на волю. Затем убедилась, что тот начал расступаться, образуя впереди вполне преодолимый коридор, и, наконец, торопливо вернулась.

— Все хорошо, — поспешила она успокоить бывшего Охранителя, поднимая невредимые ладони. — Он меня не поранил. Узнал. Все нормально. Мы всего лишь поздоровались. А сейчас он откроется и позволит нам пройти. Ничего больше. Учитель?

Викран дер Соллен, неотрывно следящий за ее лицом, наконец, слабо пошевелился и прерывисто вздохнул.

— Лер? — неуверенно подошла Айра.

— Я слышу, — хрипло отозвался маг. — Тебе надо одеться: холодает.

Она удивленно замерла.

— Что?

— Надень, — он с усилием нагнулся, подбирая свой мешок, и, вытащив оттуда что-то непонятное, вдруг поставил на траву два подозрительно знакомых... ботинка. Изящных, явно женских и совсем не похожих на купленные в деревне сапожки. — Возьми. Земля холодная. Застудишься.

Девушка в немом изумлении уставилась на обувь, которую совсем недавно носила в Академии: это были ТЕ САМЫЕ ботинки, которые принес ей Бриер! Которые он старательно выбирал в закромах мадам Дидерии и самолично перенес в ее новую комнату в корпусах для старшеклассников! Она не могла их перепутать! На левой пятке до сих пор виднелась царапина от ревнивого Листика! А правый каблук был слегка попорчен зубами Кера, когда он выдирает его из лап пронырливого листовика! Те самые! Всевышним клянусь!

Которые она оставила в комнате мага, когда перекидывалась в птицу! Действительно они! Но как?! Откуда он узнал?! И почему все это время нес с собой, ни словом не обмолвившись?! Не показав, не намекнув и даже не сказав ничего?! А взял оттуда... зачем?! Почему?! И как он вообще мог быть АБСОЛЮТНО уверенным в том, что сумеет ее отыскать на необъятных просторах Лигерии и вручить их, когда понадобится?!

— Л-лер...

— Надень, — ровно повторил маг.

— Откуда вы...?!?

— Надень. Пожалуйста.

Айра ошеломленно моргнула, когда он вдруг присел, взявшись за обувь. И, будучи не в состоянии сопротивляться, безропотно позволила ему надеть ботинки на свои босые стопы. Даже ноги она переставляла машинально, не уделяя этому ни капли внимания. Потому что мысли в голове проносились так быстро, что она даже не успела понять, что случилось. Все слишком невероятно. Слишком уж дико. Сумбурно и неправильно. Просто невозможно, в конце концов! Но Викран дер Соллен по-прежнему был здесь, по-прежнему стоял напротив, ее ноги уже согрелись, оказавшись надежно защищенными от холода и валяющихся в траве колючек, а он все молчал и по-прежнему смотрел своими странными глазами, словно пытался что-то увидеть... или понять?

Может, вспомнить?!

— Пойдем, — маг протянул руку, когда игольник за его спиной покорно расступился. — Надо поспешить. Порталы растревожили Охранителей, и скоро они будут здесь. А мне совсем не хочется, чтобы они видели, как мы прошли внутрь.

Айра машинально кивнула. Так же безропотно позволила ему взять свою ладонь, проследила за тем, как он подбирает вещи, и медленно двинулась вперед, каждый миг ощущая идущее от него дикое напряжение, тревогу, но при этом — и какую-то стальную уверенность, что ТАК НАДО. Причем уверенность эта была столь велика, а его ледяное спокойствие — настолько непоколебимо, что она неожиданно успокоилась сама и, едва за спиной сомкнулись лиловые ветви, нашла в себе силы поблагодарить:

— Спасибо, лер.

Маг покосился пожелтевшим глазом, но ничего не ответил. Только руку ее сжал еще крепче, а затем отвернулся и не спускал с игольника взгляда до тех пор, пока кажущийся бесконечным коридор из веток, листьев и благоразумно убранных шипов не закончился, а впереди не мелькнуло свободное пространство и не послышался слабый, мерный, но невероятно знакомый стук, отдавшийся в груди сладкой истомой.

Она была в родной стихии... дошла... наконец-то... действительно, дома...

Почувствовав неслышное биение далекого Сердца, Айра неожиданно опомнилась и пришла в себя. Ощутила смутно знакомые ароматы, немедленно всколыхнувшие уснувшую было память, увидела молчаливые деревья с необычной зеленовато-лиловой окраской, услышала странные голоса неведомых зверей, которые не встречались больше нигде в мире. Затем почувствовала стальную крепость чужой ладони и нерешительно посмотрела: как же это? Он здесь? По-прежнему рядом? По-прежнему решил идти до конца? Не отказался и не испугался? Вроде бы она не собиралась брать его с собой? Вроде решила оставить на границе? Не пускать в святая святых этого мира? Не доверяла и не желала рисковать?

Девушка, неуверенно оглянувшись на успокоившийся игольник, в котором больше не было никакого просвета, встретила горящий взгляд Викрана дер Соллена и странно замерла.

Ох, да как же это? Надо было сказать ему раньше... попытаться объяснить, как это опасно... снять заклятие и тут же отпустить обратно, потому что ему тут совсем не место... но она просто забыла об этом. А сейчас, глядя в его спокойные синие глаза, почему-то вдруг не смогла произнести ни одного слова. Они словно завораживали, притягивали к себе, манили. В них хотелось окунуться с головой, пропасть, забыть обо всем. На них хотелось смотреть еще и еще, жадно впитывать идущий изнутри свет, всматриваться в это бледное лицо, которое совершенно неожиданно заиграло какой-то особенной, ни на что не похожей красотой. Наслаждаться его пропорциями, изумляться тому, как удачно переплелись в нем человеческие и эльфийские черты. Настойчиво выискивать что-то непонятное, смутно знакомое, и при этом откуда-то знать, что никакого обмана по-прежнему нет. Что эти глаза — настоящие, живые, теплые. И в них больше нет прежнего холода и лютой стужи. В них, наконец-то, проснулась настоящая жизнь. Пришла долгожданная весна. Оттаяли снега, сошли высокие сугробы и, наконец, проклюнулись свежие зеленые ростки, которых там так не хватало раньше.

Айра, видя это странное преобразование, просто не смогла себя заставить оторваться. Это было похоже на наваждение. Какое-то чудо. Он словно бы стал совсем другим. Словно бы сбросил с себя прежнюю холодность. Вернулся на несколько лет назад, когда проклятие Эиталле еще не висело над его головой. Словно это проснулась от долгого забвения его душа. Встрепенулась, проступила сквозь прежнюю бесстрастную маску и теперь смотрела в ответ открыто, немного виновато (за то, что так долго пряталась) и, одновременно, с затаенной надеждой.

— Лер? — ее голос почему-то опустился до хриплого шепота. А потом пропал совсем, потому Викран дер Соллен неуловимо быстро скользнул навстречу, обдав ее неуловимым ароматом силы и внезапно проснувшегося обаяния. — Лер?

— Все хорошо, — тихо сказал маг. — Здесь нас никто не достанет. Занд защитит тебя. И я постараюсь защитить тоже. От всего, даже от Совета. Нужно только закончить то, что мы начали, и тогда ты станешь полностью свободной.

Он вдруг поднял руку и осторожно провел кончиками пальцев по ее щеке, вызвав невольную дрожь и непонятное волнение. Он сделал это очень бережно, словно тоже не верил в происходящее. Так, как никогда не позволял себе прежде: будто страшился повредить, очень ласково, почти нежно. Но, как ни странно, ее это не испугало. Напротив, рядом с ним было надежно. Приятно. Очень защищенно. Удивительно спокойно и настолько тепло, что вдруг захотелось, чтобы этот миг длился и длился, никогда не заканчиваясь. Чтобы учитель не отошел, не отстранился, как раньше. Чтобы не наполнился его голос фальшивым равнодушием. И чтобы его глаза оставались такими же живыми, как в эти редкие мгновения необъяснимого мира. Чтобы они больше никогда не гасли и не наполнялись прежним холодом. А он — чтобы больше никогда не узнал боли и горечи предательства. Ведь Эиталле... пусть оно и прошло когда-то... на самом деле не смогло забрать его с собой. А со временем... через год или два... да хоть через десять лет... но когда-нибудь, возможно, он смог бы найти то, что так долго искал.

Главное, чтобы было, кому его ждать.

И главное, чтобы было, кому его встретить.

Айра неожиданно вздохнула и уткнулась лицом в его грудь, отчего-то не испытывая протеста от того, что его ладони все так же осторожно обняли за плечи и погладили ее волосы. С готовностью прижалась, зарылась носом в шелковую рубаху. Ощутила, как мягкие

руки обхватили крепче, словно не желали отпускать больше никогда, как макушки коснулась чужая щека, волосы всколыхнул едва заметный вздох, полный удивительного покоя. А потом на нее вдруг накатило такое облегчение, что даже ноги задрожали и на глаза навернулись глупые слезы.

— Мастер Викран...

— Ты в безопасности, Айра, — шепнул склонившийся к ее уху маг. — Все хорошо. Тебе больше нечего бояться.

И она поверила. Неожиданно во все поверила. Даже в то, что он — настоящий и снова стоит невероятно близко. Дышит тихонько в шею, незаметно обнимает, рассеянно гладит длинные светлые пряди и снова молчит. Правда, теперь это не доставляло неудобства. Не тревожило и не казалось странным. Напротив, рядом с ним ей, наконец, стало уютно и хорошо. Как-то уверенно и спокойно. Ушли прежние страхи, исчезли сомнения, пропала неопределенность. Даже непримиримый и не терпящий чужаков Кер внезапно спрыгнул с ее плеча и, ловко перескочив на удивленно замершего чародея, благодарно потерся мордочкой о его щеку. А потом фыркнул, прыснул, игриво пощекотал его подбородок и тихонько заурчал.

— Спасибо, лер, — с улыбкой перевела Айра. — За нас обоих — спасибо.

После чего глубоко вздохнула, прижалась еще теснее и прикрыла глаза, наконец-то, поверив, что все будет хорошо.

Глава 17

Этой ночью ей снова привиделся северный берег Внутреннего моря. Снова — изможденные люди, торопливо выносящие из обновленного подземного тоннеля вырытую землю. Снова — мрачноватая фигура, закутанная в серый балахон, и снова — мерзкий туман, упрямо выгрызающий в застывшей лаве нору за норой.

Айре тревожно, как и в тот раз, когда маг почти смог добраться до вождя Занда. Так тревожно, словно он уже почти сумел. И ей вдруг становится страшно от мысли, что он снова явился взглянуть на то, как продвигается работа. И еще страшнее, когда становится ясно, что на этот раз он, против ожиданий, не остается на поверхности, а уверенно спускается в прорытый коридор, по которому нетерпеливо двинулся вперед.

Под землей ей не видно его высокой фигуры, лица, холеных рук, на которых, как и прежде, виднелся тяжелый перстень в форме свернувшегося кольцом змея. Зато Айра постоянно ощущает его сильную ауру — мощную, широкую, наполненную алыми сполохами раздражения и почти что вождения, смешанного с нетерпеливым ожиданием и смутной надеждой. Она не слышит его голоса — приютившая ее дух крупная орлица летит слишком высоко — но зато может ощутить его ярость, когда кто-то из невольников замешкивается по пути, а потом получает смачный удар плеткой по лицу и падает навзничь, захлебываясь кровью.

Маг не обращает внимания — небрежно отпихнув от себя еще живое тело, стремительно продвигается дальше. Мимо некогда выплеснувшейся лавы. Уверенно обходя все ее изгибы и ловко огибая застывшие капли земной породы. Он умен. Он мудр — на этот раз он не повторяет ошибок, и орлица, следящая за ним сверху, неожиданно осознает, что он уже не пробивается сквозь мертвый камень, а создает новый тоннель ПОД ним, успешно миновав все трудности и ловушки. И на этот раз он гораздо более осторожен — не пускает вперед змеиные щупальца тумана, не тревожит границу раньше времени. Не обрушивает вниз каменные своды. А просто идет до последней преграды, чтобы закончить последнее действие собственноручно. Немедленно. И как можно быстрее.

Айра замирает в неожиданном прозрении, пытается слететь вниз, чтобы предупредить, вернуться в Перводерево, прокричать на весь мир о том, что он породил очередного безумца, ослепленного алчностью и жаждой власти... но вдруг чувствует нечто странное и вздрагивает всем телом. А потом вздрагивает снова и, ошеломленная, устремляется прочь. Ощущая, что где-то неподалеку происходит что-то непонятное. Странное, непривычное, новое и... неожиданно приятное. Что-то, от чего сами собой немеют крылья, по телу разливается непривычная истома, сердце колотится громко и взволнованно, а птичье сознание неожиданно раздваивается и медленно пропадает в необозримой дали. После чего вокруг плавно истаивает бескрайнее небо, исчезает ощущение стремительного полета, тает в темноте бесконечно далекий горизонт, а взамен приходит чувство удивительной неги, сладкого покоя, невероятной нежности и всеохватывающего блаженства, от которого хочется тихо застонать.

И вот она уже не птица. Она уже на земле. Снова рядом с лиловым игольником и снова живая. Где-то на самом краешке сознания стремительно пропадают недавно звучащие голоса — сердитые, раздраженные, отчаянные, настойчивые и откровенно злые. Так,

словно совсем рядом кто-то яростно спорит о чем-то важном, доказывает, от чего-то отказывается, просит. Но потом этот спор угасает сам собой. А следом за ним исчезает и ощущение неправильности. Возвращается блаженная тишина. Опускается на землю непроницаемым покрывалом красавица-ночь. А вокруг становится тепло и уютно. Рядом снова появляется кто-то надежный и сильный. Чьи-то руки мягко обнимают и обхватывают ее со всех сторон, а приоткрытых губ бережно и невероятно осторожно касается чье-то горячее дыхание. Ее щеки нежно гладят чьи-то пальцы, длинные волосы густой волной рассыпаются по чужим плечам...

Ей нравится этот сон. Нравится, но и смущает тоже. Она не одна, это правда. Не одна и, кажется, рада этому. Однако именно такая правда ужасно смущает: Покон на ее родине все же очень строг. Но она все равно не хочет, чтобы сон прекращался, и не хочет, чтобы это тепло куда-то ушло. Поддавшись ему, она трепещет, словно мотылек, попавший в раскинутые сети. Трепещет и дрожит, но совсем не боится — напротив, тянется навстречу, ищет кого-то, подается всем телом и доверчиво прижимается, ощущая, как уютное тепло превращается в настоящий огонь, из огня постепенно разгорается целый пожар, а пожар этот, жаркой волной устремляясь на волю, неожиданно гасится спокойным и ласковым морем. Прохладным, бескрайним, смутно знакомым синим морем, в котором вдруг проступают ярко горящие глаза и над которым беззвучно шепчет чей-то тихий голос:

— Прости меня, любимая... пожалуйста, прости...

Открыв поутру глаза, Айра долго не могла понять, отчего же ей так хорошо и почему по всему телу разливается блаженная истома. Почему так тепло вокруг. Почему никуда не хочется идти. Отчего ей стало так защищенно и удивительно спокойно. Так, словно рядом был тот, кто никогда не предаст.

Девушка осторожно приоткрыла глаза и долгое мгновение смотрела на Викрана дер Соллена. Он был красив. Действительно красив: строгий овал лица, благородные черты, слегка заостренные на кончиках уши, придающие ему непередаваемое изящество... высокий чистый лоб, немного выдвинутый вперед подбородок, выдающий стальной характер, ровный прямой нос, тонкие черные брови почти идеальной формы... странно. Как она не видела этого раньше? Почему не заметила, насколько же много в нем эльфийских черт? Однако не тех ошеломляющих, что у лера Леграна, а словно бы сдержанных человеческой кровью, слегка разбавленных, приглушенных, но оттого не менее привлекательных.

Он дышал так тихо и ровно, что Айра почти не ощущала движения воздуха на своей щеке. Викран дер Соллен спал. Но спал очень чутко, готовый в любой момент открыть глаза и вскочить, выхватывая рапиру или разжигая на ладони Огненное Колесо. У него то и дело дергались губы, глазные яблоки едва заметно шевелились, кожа казалась еще бледнее, чем обычно, и он отчего-то выглядел неимоверно уставшим. Каким-то высохшим изнутри. Изможденным долгой и напряженной борьбой. Но его бесспорной красоты эта усталость не смогла испортить. И не сумела заставить его разжать руки, отпуская от себя доверчиво приткнувшуюся под боком ученицу.

"Он пришел сюда за мной, — со странным чувством подумала Айра. — Ради меня бросил все свои дела. Перебрался через Холодное море, прошел половину Лигерии, каким-то чудом нашел, зачем-то спас, вылечил... и не побоялся войти в Занд, чтобы помочь с Инициацией. Как же я не замечала? Как не увидела, что ему на самом деле не безразлично, что со мной будет? Как могла сравнивать его с Леграном? Ведь они такие разные! Для него

такое сравнение, наверное, сродни оскорблению... хотя он почти так же красив, как настоящий эльф".

Вспомнив недавний сон, Айра против воли вспыхнула, как маков цвет.

Всевышний! Вот, значит, чьи глаза ей сегодня приснились?!!

Викран дер Соллен...

Она почувствовала, как взволнованно заколотилось глупое сердце, по спине побежали мурашки, ощутила приятный жар в животе и тут же прикусила губу. А потом вдруг подумала, что, наверное, Инициация все же не так ужасна, как ей всегда казалось. Что она может быть и такой, как в ее сне. Без боли. Без отчаяния. Без бессильной ненависти и тщетного сопротивления. Может быть совсем иной, отличной даже от того, что предлагал лер Лергран. Она может не требовать потом ожесточенно стирать о себе память. Не вызывать разочарования, досады и жгучего чувства стыда. И хотя бы иногда... пускай, очень редко... может быть проведена не силой. Не обманом. Не с помощью коварной саранеллы. Нет. Хотя бы иногда она может быть такой, как в сказках. И хотя бы один раз в жизни проведена по обоюдному согласию.

Поймав себя на мысли о мастере Викране, Айра вспыхнула снова и поспешила затолкать ненужные воспоминания поглубже. А затем быстро отвернулась, чтобы больше не видеть его лица и чтобы он никогда не догадался, о чем она, бессовестная, только подумала. Нет, нельзя. Не с ним. И не о нем такие мысли. Как сказал Марсо: мастер Викран слишком честен, чтобы предать память погибшей Эиталле. Поэтому даже думать не смей о том, что если бы не Эиталле и не вызванное им потрясение, он даже мог бы... когда-нибудь... посмотреть на свою ученицу совсем иначе. Так, как сделал это вчера перед тем, как, наконец, отпустил ее ослабевшую руку и совершенно не заметил, как неистово заколотилось ее сердце.

Она с силой потеряла виски, прогоняя прочь нелепые надежды. Оправила слегка помявшееся платье, заплела успевшие разметаться волосы в косу и неожиданно замерла. А потом ощутила, как что-то изменилось внутри, прислушалась к себе, о чем-то вспомнила, после чего вдруг похолодела и порывисто схватила мага за рукав.

— Лер! Проснитесь! Мастер Викран!

Маг мгновенно открыл глаза, словно и не спал сейчас. Но почти сразу наткнулся на ее встревоженный взгляд и тут же чуть опустил веки, пряча глаза. Лицо его внезапно осунулось, синие радужки поблекли, губы сжались в одну линию, но Айра не обратила внимания.

— Лер, вставайте! Нам надо спешить!

— Куда? — бесцветным голосом спросил он.

— На Занд напали! Я видела это во сне и только сейчас вспомнила! Кто-то во второй раз пытается сюда пробраться! И этой ночью у него почти получилось! Я ЭТО видела!

Маг неохотно сел.

— Кто он?

— Не знаю! — нетерпеливо потянула она. — Но я должна прийти к Перводереву раньше, чем этот человек! Понимаете? Я нужна ему!

— Зачем?

— Надо!!

Айра только притопнула с досады: некогда было объяснять. А он словно муха вареная: сидит и не двигается, будто за ночь его дочиста высосал голодный вамп! Прямо упырь

какой-то, а не маг! Едва губами шевелит! Глаза пустые, безразличные, словно подменили его со вчерашнего дня, руки безвольно уронил, на рапиру взглянул едва ли не с ненавистью, сам бледен, скулы опять выпирают, как у тяжелобольного... не спал, что ли? Все сон ее караулил?

Под ее требовательным взглядом Викран дер Соллен так же неохотно поднялся, по-прежнему упорно отводя глаза. Искоса проследил за тем, как удовлетворенно кивнувшая Айра торопливо натягивает свои ботинки, замедленно подобрал вещи и несильно вздрогнул, когда она бесцеремонно ухватила его под руку и буквально потащила прочь. Прямо-таки бурлящая, кипящая, исходящая удивительной энергией. Сила из нее выливалась аж через край. С другого конца мира можно почувствовать. Прямо переродилась. Или, что вернее, заново родилась.

Маг, напротив, потемнел лицом и стал окончательно похож на оголодавшего вампа. Однако за ней все-таки пошел. Вернее, поплелся, словно привязанный. Да и как не пойти, когда она уже волочет за собой, будто измученного и ослабшего щенка?

Вспомнив про "поводок", он горько усмехнулся: вот и все. Вот и не отойти от нее теперь дальше, чем на двадцать шагов. До тех пор, пока она не захочет иного. Странно, что она все еще помнит — настойчиво тянет вперед, держит, не давая отстать, не желает причинить ему боли. Глаза уже горят, как звезды, на щеках цветет яркий румянец, молодое сердце так и колотится в груди, а сама грудь вздымается настолько высоко, что он непременно задержал бы на ней свой взгляд... если бы не думал сейчас совсем о другом.

— Лер? — Айра вдруг обернулась и с тревогой заглянула в его потухшие глаза. — Лер, что с вами? Это заклятие опять сработало? Оно вас ослабило, я же вижу.

Маг неохотно отвернулся.

— Заклятие я снял. Тебе оно больше не нужно.

— Сняли? — недоверчиво посмотрела она. — Один? Но когда?!

— Этой ночью.

Айра нахмурилась, а потом чуть не охнула: вот почему он такой вялый! Марсо ведь говорил, что для одного это — непосильная задача! А мастер Викран все-таки справился. Обрубил Нить своего Сердца, отвязал свою ученицу. Понял, что рядом с Перводеревом с ней уже ничего не случится, и, пока она безмятежно спала, несколько часов бился с упрямым заклятием! Бился всерьез, иначе не устал бы так сильно, но все-таки справился, одолел его, вырвал с корнем, ничем не потревожив чуткого сна ученицы. Поэтому и не выспался. Поэтому под глазами залегли такие глубокие тени. Поэтому он так ослаб и поэтому же смотрит сейчас куда-то мимо. Не желает, чтобы она поняла, насколько трудно ему пришлось этой ночью.

— Простите, лер, — зачем-то прошептала Айра, чувствуя в этом свою вину.

Он медленно поднял пустой взгляд.

— Простить тебя? За что?

— Это все из-за меня... и Занд, и заклятие... вам должно быть очень трудно здесь находиться.

— Да, — беззвучно уронил маг, как-то разом посерев. — Ты права: слишком трудно.

— Простите.

— Тебе не за что извиняться, — мертвым голосом сказал Викран дер Соллен. — Поверь мне, не за что. Я сам уничтожил все, что мне было дорого, и сам на это согласился.

Айра вздрогнула от бесконечной усталости в синих глазах, а затем неожиданно

подошла, взяв его за руку и крепко стиснув.

— Пойдемте, лер. Я покажу вам Перводерево. Вы же хотели его о чем-то спросить? Отдать какой-то старый долг? Может, оно даст вам ответ? Может быть, оно поможет?

Он только покачал головой.

— Пожалуйста, — тихо взмолилась Айра. — Пожалуйста, пойдемте! Прошлое — прошлым, но вы же еще живы! Нельзя себя хоронить только потому, что когда-то случилось что-то плохое! Вы живы! Это — самое главное! А Перводерево знает все, что творится в этом мире! Оно все видит, все чувствует, все помнит! Не на все реагирует, но, когда нужно, оно умеет быть милосердным! Оно спасло мне жизнь! Оно непременно поможет и вам! Пойдемте, лер... я очень вас прошу... поспешим...

Она настойчиво потянула мага за руку и слабо улыбнулась, когда он все-таки тронулся с места. Затем перехватила уже более уверенно, даже властно, взяла под локоть и так повела, словно слепого. Не зная, что за чувства сейчас разрывают его душу, но отчетливо видя, как плещется в его глазах затаенная, старательно сдерживаемая, поистине чудовищная боль, от которой его не смогли избавить ни ментальный блок, ни время, ни расстояние.

Эиталле... и этим все сказано. Кажется, сегодня его память снова проснулась, принеся с собой тяжелые воспоминания. Кажется, это Занд ее пробудил. Занд заставил надежный прежде Щит содрогнуться и потрескаться. По ее вине эта память сейчас разрывала ему сердце, и по ее вине сушила ему душу, словно горячее равнодушное пламя.

Не нужно было брать его с собой, — с неожиданной болью поняла Айра. Не нужно было соглашаться. Следовало оставить его там, у игольника. Уговорить, разозлить, вытолкнуть, наконец, чтобы не бередить старые раны. С Эиталле слишком трудно жить. Без него совершенно невозможно чувствовать. О НЕЙ невыносимо помнить, но никак не получается забыть. Ведь именно Эиталле сейчас терзает измученного полукровку, и именно оно вызывает в нем искреннее желание покончить с этими муками. Если бы Айра не привела сюда мага, ничего бы не случилось. Щит бы стоял, как прежде, храня его от ужасов прошлого. Он бы не вспомнил все в подробностях. Жил бы, как раньше. Выглядел бы, как кусок замерзшего льда, конечно, но зато и не выжигал бы себе нутро бессильным отчаянием и поистине жуткой тоской.

Эиталле...

Айра едва не выругалась вслух, поняв, на что обрекла упрямого полуэльфа своей опрометчивой доверчивостью. Не подумала о том, что в Занде почти не работает никакая магия. Не вспомнила про его Щит, с такими усилиями созданный сразу тремя высшими магами Ковена. Не сообразила, что рядом с игольниками этот Щит может ослабнуть, и искренне полагала, что сумеет с этим справиться, если все же будет от него какой-то подвох... дура! Наивная, трусливая дура! Права была та старуха — ни о чем не подумала, кроме себя и своих страхов! Не догадалась, что за мука терзает его душу и что за боль просыпается, стоит ему только подумать об Эиталле! А сейчас он явно думает много: вон, как стремительно гаснут глаза и немеют губы. Кажется, он даже сейчас разговаривает с НЕЙ. Пытается что-то доказать. Просит прощения. Молча кричит от застарелой боли.

"Да как же я не подумала?! — едва не взвыла в голос Айра. — Прощение... он шел сюда за прощением! Оно ему нужно, как воздух, и мне, идиотке, об этом впрямую сказали! Но я и тогда не поняла! Не догадалась! И что с ним теперь будет... Всевышний, помоги мне! Я не хочу, чтобы он страдал снова!"

Она в ужасе подняла голову, взглянув на полумертвое лицо учителя, и чуть не взвыла

опять — оно стало еще бледнее, чем после пробуждения. Из него буквально уходила всякая жизнь. Глаза окончательно потухли, щеки ввалились, бескровные губы замерли в полной неподвижности, а пустой взгляд даже не видел, что под ногами давно уже стелется не зеленая, а лиловая трава. Что вокруг повсюду снуют странные звери и летают совершенно невообразимой окраски птицы. Что многие из них с любопытством останавливаются, бесстрашно присаживаются на ветки, настороженно косятся лиловыми глазами, но нападать не спешат — рядом со странной девушкой, помеченной самим Перводеревом, не посмели бы. Он под защитой, хоть и маг. Да и сидящий на его шее метаморф слишком уж выразительно скалит немаленькие зубы... взрослый метаморф. Полностью сформированный. Удачливый. Умелый. Много повидавший и выросший в недрах Перводерева вместе со своей хозяйкой. Опасный противник. Опасный и смертоносный. Хотя бы потому, что на нем, как и на ней, стояло то же самое несмываемое клеймо — угрожающе яркая лиловая полоса, говорящая любому забияке, что он неприкосновенен. Так же, как неприкосновенна она и любой, кого она решит с собой привести.

Айра, оглянувшись на боевого мага, едва не расплакалась от отчаяния: ему с каждым мгновением становилось все хуже. И она боялась. Отчего-то страшно боялась, что с ним случится что-то нехорошее. Боялась его потерять, словно он вдруг стал значить для нее гораздо больше, чем кто бы то ни было.

Мастер Викран... да что же с вами?! Почему вы так жутко смотрите в пустоту? Что вы видите там? Что причиняет вам боль? Вас будто убивает что-то изнутри! Мастер... лер дер Соллен... пожалуйста, только не вздумайте здесь упасть! Не умирайте, вы слышите?! Учитель...

Последние шаги ей пришлось волочь проклятого мага чуть ли не на себе. Сквозь плавно расступающиеся ветви, сквозь густую лиловую чащу. По траве, по камням, мимо причудливо изогнутых коряг, некоторые из которых почему-то вдруг оживали и поспешно освобождали дорогу. Мимо кустов и колючих деревьев. Мимо сонмищ прожорливой мошкары. Мимо целых стай разноцветных бабочек, за каждую из которых лер ля Роже отдал бы собственную душу... она ничего не замечала. А когда поняла, что ее сил надолго не хватит, решительно плюнула на запрет на магию и, презрев все законы, зло прошептала формулу Призыва.

Портал появился так быстро, словно только и ждал, пока она позовет. По-прежнему сильный, искрящийся лиловыми огнями, мощный и очень надежный.

Айра без колебаний подхватила шатающегося учителя под локоть и властно потянула за собой.

— Вот так, — упрямо прошептала она, шагнув сквозь сиреневую завесу. — Как решу, так и будет. Это мой дом! И мое право — творить тут порталы или нет. Пусть никто другой не сможет, а я сделала! И сделаю столько, сколько будет нужно! Никаких трех дней! Никаких дорог! Никаких запретов! Мне нужно Перводерев! Немедленно! И прямо сейчас!!

Викран дер Соллен, кажется, даже не заметил, куда и зачем его снова поволокли. Он шатался уже так, будто его надвое разрывали боль и чувство вины. Он не слышал ничего, кроме того, что она зло шептала под нос какие-то проклятия. Видел только колыхающееся облако ее светлых волос. Шел, понукаемый ее требовательным голосом, и держался лишь за одну единственную опору — ее испуганный взгляд, в котором билась неподдельная тревога за него. И страх — настоящий, искренний и очень сильный. Страх потерять его здесь, сейчас, навсегда. Тот странный страх, которого никак не должно было быть. Вообще ничего не должно быть в ее глазах. Ничего, кроме заслуженной ненависти, неподдельного

отвращения и непередаваемого презрения. А вместо этого...

— Почему? — вдруг беззвучно шевельнулись его губы. — Зачем все это?

Но Айра не услышала: буквально выпав из портала, она резко подняла голову, на мгновение замерла, обшаривая пространство вокруг себя настороженным взглядом, но потом поняла, что попала правильно, и вдруг радостно улыбнулась.

— Наконец-то... здравствуй, мой спаситель. Ты был прав: я все-таки к тебе вернулась...

На гигантской поляне было светло и поразительно просторно. Мягкая трава, никогда не знавшая чужаков, застилала ее по щиколотку роскошным зеленым ковром. Вокруг — ни коряг, ни камней, ни оврагов. Просто ровный стол, усеянный убегающими в бесконечность травинками, и высокие прямые деревья, огибающие громадное пространство идеально ровным кругом. Здесь было тихо. Удивительно тихо для самого сердца Занда. Не было слышно голосов птиц, не звучали загадочные песни сверчков, не ревели невидимые звери, не играл с травой проказник-ветер и не шныряли под ней вездесущие мыши. Тут даже комаров было не найти — ничто живое не решалось потревожить покой этого места и нарушить тысячелетнее одиночество его единственного жителя.

Айра с теплой улыбкой посмотрела на огромное Дерево, заполонившее своей кроной половину неба. Высокое, могучее, величественное и божественно прекрасное, оно гордо возвышалось посреди гигантской поляны и вольготно раскинуло ветви на всем доступном пространстве. Толстая кора на мощном стволе выглядела нетронутой ни временем, ни жуками, ни присутствием человека. Покрытая мхами и лишайниками, обвитая многочисленными зелеными лианами, она смотрелась суровым нарядом не привыкшего к роскоши древнего божества. Могучие корни, начинаясь где-то под травой, пугали своей толщиной и количеством. Им никто не мешал ни расти, ни уходить в землю, ни топорщиться над ней настолько, насколько хватало сил. Они смутно напоминали многочисленные ноги, уверенно вставшие на твердую опору и спокойно выдерживающие немаленький вес своего хозяина. Подозрительно легко несли на себе могучий ствол. Не колебались от мимолетного движения густой кроны. И не удивлялись ее насыщенно лиловому цвету — божественному свету первого дня творения.

Говорят, каждый из многих миллионов этих листьев —местилище чьей-то души. Говорят, когда кто-то умирает, его душа неизменно возвращается сюда и лишь потом, рассказав Перводереву о своих деяниях, или возносится ввысь, ожидая нового возрождения, или с протяжным стоном уходит под землю, где будет много лет томиться, осознавая свои ошибки. Но потом она тоже уйдет. Очистится и вновь вознесется, словно на крыльях. Потому что Всевышний милостив и всегда прощает своих нерадивых детей, милосердно даря им прощение и возможность искупления.

Айра облегченно вздохнула и, захлопнув портал, уверенно потянула вперед застывшего в неподвижности мага.

"Оно... — вдруг благоговейно прошептал в голове оживший Марсо. — Всевышний... действительно оно! Айра, это просто чудо! У меня даже нет слов!"

— У меня тоже, — проворчала она, чувствуя себя странно уверенно. — Но не от того, что мы тут, а потому, что я никак не могу с НИМ справиться! Марсо, как мне его растормозить? Он же угасает на глазах!

"Не знаю, — погрустнел призрак. — Наверное, стоит дать ему коснуться Перводерева. Говорят, эльфам здорово помогает".

Девушка встрепенулась и властно потащила закаменевшего мага за собой.

— Пойдемте, лер. Раз уж Марсо так считает, то вам тем более надо попробовать.

— Зачем? — все тем же бесцветным голосом спросил Викран дер Соллен.

— Затем! Я не хочу, чтобы вы умирали!

— А зря.

Айра в панике оглянулась на его лицо и в отчаянии прикусила губу, не найдя там даже слабых признаков жизни. Кажется, эта ночь выпила из него все соки. Измучила так, как никто и никогда прежде. Высушила всего за несколько часов. Изранила душу, в ключья изорвала сердце, оглушила, зверски терзала даже сейчас... почти убила! Даже неясно, что им еще движет. Непонятно, что его ведет и заставляет послушно переставлять ноги, следуя за настойчиво теребящей его ученицей. Но уже видно — это ненадолго. Как только она отпустит его руку, он тут же упадет. А потом закроет глаза и провалится в пучину внезапно развершейся памяти, как в разинутую пасть неведомого зверя, где и утонет с головой, потому что больше не имеет ни сил, ни желания жить.

Выходит, вот оно какое, Эиталле — равнодушное и жестокое. Оно убивало бывшего Охранителя изнутри. По каплям забирало его жизнь. Высасывало и бесконечно мучило. Пыталось жестокой правдой и раз за разом мстительно подсовывало самые ужасающие подробности, чтобы он помнил. Чтобы по-прежнему страдал. И чтобы до самого последнего мига понимал, что это по его вине так случилось. Что он упустил свое единственное счастье. Сам. Своими руками его убил и уничтожил. А за это Эиталле теперь уничтожит его. Не медленно. Очень и очень медленно. Наслаждаясь каждой минутой этой бесконечной агонии. Убивая его постепенно. Умертвляя по кускам. Раздирая на части живое сердце и заставляя его исходить горячей кровью. Ровно до тех пор, пока оно окончательно не сдастся и не остановится.

У Айры на глаза навернулись слезы.

— Господи... учитель! Очнитесь! Пожалуйста, придите в себя! Мастер Викран! Лер! Господин дер Соллен!

Маг поднял помертвевший взгляд, и у нее сердце болезненно сжалось: сколько боли... Всевышний, сколько же там было боли! И сколько невыносимой муки, которую принесло ему Эиталле!

— Это я виновата, — в ужасе прошептала девушка, не смея отпустить его руку. — Это из-за меня. Это я вас сюда привела. Все из-за меня. Пожалуйста, лер, услышьте меня! Пойдемте! Не умирайте! Вы мне очень нужны!

— Зачем? — глухо спросил он, словно из могилы.

— Затем... затем, что вы — мой учитель! Затем, что я давно не сержусь. Затем, что вы спасли мне жизнь! И вообще...

Маг медленно прикрыл веки и сделал, наконец, неуверенный шаг вперед. Но Айра настойчиво потянула дальше, сражаясь за каждую пройденную пядь, что-то говорила, шептала, боялась до ужаса, почти умоляла, а сама тянула, тянула, тянула... до тех пор, пока не подвела его к могучему стволу и не заглянула пытливо в бледное лицо.

— Учитель? Учитель, вы слышите?! Коснитесь его, и Дерево ответит на ваш вопрос.

— Не надо. Я уже знаю ответ, — тихо уронил маг, и она совсем пала духом.

— Марсо, помоги! Что мне делать?!

"Не знаю, девочка моя, — вздохнул невидимый призрак. — Боюсь, здесь я тебе не помощник. Смерть Эиталле невероятно трудно пережить, это правда. Но еще труднее прожить долгое время без нее, а затем вдруг понять, что ошибся дважды... или даже трижды,

когда сначала не понял, что она жива, а потом едва не убил ее снова".

— О чем ты, Марсо? Что за странные вещи говоришь?

— Ни о чем, милая. Просто мысли вслух.

— Проклятье! — взвыла девушка, когда Викран дер Соллен бессильно опустился на землю возле гигантских корней и устало прислонился лбом к шершавой коре. — Он умирает, а ты несешь какой-то бред! Помоги мне! Помоги его удержать!!!

"Это под силу только тебе, Айра".

— КАК?! Как, если он меня даже не слышит?! Если не понимает?! Если он живет сейчас ТАМ, в прошлом?! Если помнит и видит только одно?!

Кольцо на ее пальце неожиданно сверкнуло в темноте и с коротким вздохом выпустило из себя полупрозрачное белесое облачко. Марсо непривычно оформился, встал во весь рост, слегка примяв траву, приобрел вполне различимое лицо... удивительно молодое и полное достоинства... обзавелся самыми настоящими руками и ногами, набросил на плечи длинную темную мантию, сотворил откуда-то приличествующую его статусу одежду. И всего через несколько секунд перед удивленно отступившей девушкой стоял не полупрозрачный, блеклый и бесформенный силуэт, а почти настоящий, лишь слегка просвечивающий по краям мужчина — средних лет, с густой русой шевелюрой, короткой темной бородкой и глубокими карими глазами, в которых поселилась непроходящая грусть и печальное понимание.

— Марсо?

— Здравствуй, моя милая, — знакомым голосом сказал бывший маг. — Теперь я могу тебе показаться по-настоящему. Правда, ненадолго, но даже это приносит мне радость. Ты молодец, девочка. Ты справилась. Ты дошла и сумела многое одолеть. Прости, что я не всегда был откровенен с тобой. Прости, что иногда сердился и ругал. Прости, что был так долго слеп. И поверь, что я безмерно благодарен за твою великодушность.

У Айры дрогнуло сердце.

— Марсо, почему ты...? Зачем все это говоришь?

— Потому что потом у меня может не хватить времени, — тепло улыбнулся он. — Потому, что ты очень мне дорога. И потому, что я не хочу, чтобы ты пострадала.

— Пострадала? — она внезапно почувствовала холодок в груди и невольно отступила. — От кого?

— От того, кто слишком упорно сюда стремился. И кто так неистово жаждет заполучить твоё Сердце. От мага, девочка моя. Старого, коварного, двуличного и очень глупого мага, который решил тебя использовать.

— М-марсо...

Обретший материальный облик маг вдруг слабо улыбнулся.

— Прости меня...

И Айра вздрогнула снова, ошеломленно и неверяще изучая его настоящее, виноватое, очень печальное лицо. А потом пошатнулась от пробежавшей по земле дрожи, почувствовала, как что-то рвется из-под нее наружу, внезапно услышала пронзительный крик падающей на лету молодой орлицы и чуть не упала, натолкнувшись на поднявшегося с колен Викрана дер Соллена. После чего непонимающе обернулась, наткнулась на его закаменевшее лицо, на котором вдруг проступила мрачная решимость, и испугалась окончательно.

— Господи... учитель... Марсо, что происходит?!

— Он сумел, — тихо прошептал бывший архимаг, медленно разворачиваясь и закрывая ее собой. — Значит, все-таки нашел сюда дорогу.

— КТО?!!

— А ты еще не поняла?

Она отчаянно замотала головой, перестав понимать что бы то ни было, инстинктивно схватилась за руку мастера Викрана, собралась было спросить, но тут потревоженная земля дрогнула во второй раз, вспухнула, буквально разорвалась пополам и неожиданно разошлась в нескольких десятках шагов впереди безобразным кратером, из которого выстрелил вверх длинный фонтан жаркого Огня, повалил белесый дым, на несколько мгновений заполонив собой всю округу. А затем из него проступила высокая фигура, закутанная в непроницаемо серый плащ. Широкоплечая, пышущая неистовой силой, с холеными пальцами и странно знакомым перстнем на правой руке, от которого все еще исходило неприятное зеленоватое сияние.

Айра буквально окаменела, мгновенно его узнав. Еще не веря до конца, не понимая, КАК, ОТКУДА и ПОЧЕМУ он смог попасть в самое сокровенное место Занда, мину неподкупную стражу и не потревожив больше его границ. Но уже зная — да, это действительно он. Тот самый человек, который призывал туман из своей башни в Снежных Горах. Тот, кто сбрасывал этот туман на скалистые склоны. Кто безжалостно гнал его на безмятежно спящие деревни и следом отправлял своих верных псов, что искали для него юных магов... мальчиков... совсем еще детей... для того, чтобы принести обратно в башню и что-то с ними сотворить. Он и в ее деревню когда-то прислал своих вестников смерти. И ее семью когда-то безжалостно уничтожил. В ее лесу когда-то рыскали те пятеро наемников и в нее когда-то вонзилась их тяжелая стрела.

По его вине во всех Четырех Королевствах время от времени открывались порталы. По его приказу по всем землям рыскали, словно шакалы, натасканные воины. Для него в глубинке похищали людей и, одурманивая каким-то заклятием, заставляли рыть огромный тоннель под Охранными лесами. От самого Внутреннего моря вплоть до границ хорошо защищенного Занда. Так, чтобы даже Охранители ничего не почувствовали. Так, чтобы не узнал Совет. Не беспокоился остальной Ковен. Годами. Десятилетиями. Медленно и незаметно. Постепенно и очень настойчиво. Он набирал себе "удобных" помощников из изможденных, оборванных, обезумевших смертных и раз за разом бросал их в подземелье, не полагаясь только на свой проклятый туман.

Откуда он брал СТОЛЬКО людей — неясно. То ли справлялись те, другие, помельче. То ли был кто-то еще, кто охотился для него и поставлял, как обычный скот. А потом насылали какие-то чары, отбирали память, волю, стремление к свободе. Затем привозили на берег Внутреннего моря, который испокон веков считался недобрым местом и поэтому был почти не населен, и заставляли работать. Использовали как рабов. Вынуждали рыть и носить землю до тех пор, пока люди не падали от изнеможения и не умирали прямо там, на равнодушных камнях, под палящим солнцем или под яркой луной. Но вскоре их заменяли новые невольники, а потом еще и еще... на протяжении многих лет. Ровно до тех пор, пока, наконец, этот поистине чудовищный труд не подошел к концу.

Айра задрожала, отчетливо понимая, что это действительно — ЕГО заслуга. А потом разглядела проступившие в тумане... да, это был не дым, а тот самый туман, что умел причинять так много боли... еще три силуэта, закутанные в такие же серые плащи, и совсем пала духом. Значит, он не один. Значит, прав был неизвестный старик: ЕМУ кто-то помогал.

Наверное, такие же маги, как и ОН сам. Такие же безумцы. Осквернители. Изверги, для которых не было ничего святого.

Неизвестный маг вдруг выступил вперед и изумленно оглядел замершую возле Перводерева троицу. Сперва окинул взглядом молчаливого, но полностью готового к бою Викрана дер Соллена. Затем — застывшую бледным призраком девушку, у которой от этого взгляда по коже пробежали громадные мурашки. Наконец, увидел преобразившегося Марсо и до боли знакомым голосом хмыкнул:

— Потрясающе! Вот уж не думал, что вы доберетесь сюда раньше меня!

— Что поделать? — сухо отозвался Марсо. — Ты и на этот раз оказался лишь вторым.

— Заткнись, придурок. Зато я пришел сюда живым и невредимым.

— Ничего. Это несложно исправить.

Незнакомец вдруг хищно прищурился.

— Правда? Не ты ли это сделаешь?

— Нет, — хриплым голосом вдруг сказал Викран дер Соллен. — Марсо, если ты не против, это сделаю я.

— Викран, Викран... — незванный гость сокрушенно покачал головой. — Мне казалось, ты гораздо умнее.

— Как видишь, нет.

— Фу, и эта фамильярность...

Айра пошатнулась от какой-то диковатой мысли и расширенными глазами уставилась на человека, причинившего ей так много страданий. Этого не могло быть... никак... просто невозможно!!! Но она не могла не узнать его голос — тихий, исполненный внутренней силы, бархатистый и уверенный в собственном превосходстве.

— Здравствуй, милая, — приветственно кивнул в ее сторону чужак и отбросил с лица капюшон. — Признаться, мне пришлось поломать с вами голову. Но, как видишь, в конце концов, я обошелся без твоей помощи.

Она судорожно сглотнула.

— Л-лер Альварис?!!

Директор Академии Высокого Искусства расправил широкие плечи и, скинув с них ненужный больше плащ, с несказанным удовольствием рассмеялся.

— Точно, милая. Единственный наследник и дальний родственник небезызвестного тебе Иберратуса, который на самом деле никуда не пропал, а прожил еще много-много лет после того, как ушел из большого мира. Дожил каким-то чудом до наших дней и закончил свой век в одной далекой, никому не известной башне. Я, к твоему сведению, его единственный родич... а также тюремщик, палач и, по совместительству, убийца. Рада со мной познакомиться заново?

Она тихо охнула и прижала руку ко рту.

На долгое время Айра словно окаменела, не в силах осознать жутковатую правду. Лер Альварис... магистериус... один из сильнейших магов Ковена... директор Академии и весьма уважаемый в Четырех Королевствах человек... Всевышний, да как это возможно?! Как он мог?! Просто невысказанно, что за нападениями на Занд стоит именно он! Невероятно! Невозможно, в конце концов!

ТАК просто не бывает!!

Не может быть!!!

Однако он по-прежнему стоял напротив и улыбался — насмешливо, не скрывая торжества, горделиво и самоуверенно. И от этой улыбки Айру мороз продрал по коже, а перед внутренним взором стремительной чередой промелькнули тысячи изможденных лиц, исхудавшие тела, мучительные гримасы, приступы неожиданных болей и вызывающий их проклятый туман, от которого надежно спрятанному Сердцу было так плохо и тяжело.

А он стоял и улыбался, неожиданно сбросив старую маску. Как победитель — безоговорочный и властный. Как хозяин. Как господин. Как повелитель тех самых рабов, которых силком вырвал из дома и почти всех убил.

Альварис аль дер Морра...

Наследник великого мага Иберратуса...

Его единственный родич и, как выяснилось, жестокий убийца...

Господи, да неужели такое может быть?!!!

Айра в ужасе уставилась на своего недавнего директора и похолодела.

— Ну, извини, — издевательски хмыкнул маг. — Мне пришлось долго молчать и много работать, чтобы иметь сегодня возможность прикоснуться к Перводереву и заполучить Сердце Зандокара.

— Конечно, — сухо кивнул Марсо. — Ты грезил им еще в то время, когда мы учились.

Лер Альварис презрительно фыркнул.

— Это ты грезил. А я строил планы на будущее и искал способ проникнуть сюда незаметно, чтобы об этом не прознал наш дорогой Совет. Сердце — оно ведь хорошо защищено. Так хорошо, что обычные пути для этого не подходят... да ты и сам убедился: стоит только к нему приблизиться, как сразу отдаешь Всевышнему душу. Так или иначе. В желудке никсы или путем развоплощения. А мне, в отличие от тебя, такой исход всегда был сильно не по нраву. Победа любой ценой — это, знаешь ли, не мой стиль. Однако раз в тысячу лет... всего однажды... когда подходит время сменить очередное Сердце, Занд все же приоткрывается ненадолго. Как раз настолько, чтобы впустить в себя одну-единственную чистую душу... или не слишком чистую, но очень настойчивую, которая могла бы... в порядке исключения... испросить для себя любое желание. Так, как когда-то сумел сделать мой дед.

— Он рассказал тебе о Сердце, — неестественно ровно заключил Марсо.

— Конечно. Кто же еще станет просвещать на такую опасную тему первокурсника? Только близкий родич, находящийся на грани безумия. А Иберратус со временем так устал от своей тайны, что в какой-то момент ушел из эльфийского леса, предварительно рассказав эльфам все, что знал. С их помощью он создал Охранные леса, организовал там постоянную стражу, убедился, что Сердце в безопасности, и ушел. Но на этот раз спрятался в Снежных

горах, где его не почуяли бы ни маги, ни эльфы, ни гномы... ни кто другой. Думаю, он просто устал от вечных дрызг Совета. Устал от назойливых расспросов, навязчивых эльфов, упрямых Старейшин. Устал даже от жизни. А потому ушел всем на зло и выстроил в Снежных горах надежное убежище. Там же заперся на сто замков. Благополучно скрылся от Совета и ищущих его эльфов. И туда почти пять веков назад привел свою последнюю жену — единственную, которая смогла подарить ему наследника. Моего отца.

Марсо сжал челюсти.

— Зачем ты его убил?

— А зачем он был нужен? — удивился Альварис, отчего-то охотно делаясь подробностями. — Дед рассказал мне все, что знал, и стал бесполезным. К тому же, на старости лет он совсем выжил из ума, так что я подарил ему тот покой, которого он жаждал.

— Почему именно тебе?

— Потому что у отца был слишком слабый дар. Гораздо слабее моего. И потому, что тот не сумел бы сохранить эту тайну при себе.

— А ты, значит, сумел? — ядовито поинтересовался призрак, но директор ничуть не смутился. Только прищурился как-то хищно, да раздвинул губы в змеиной усмешке.

— Почти. Я всего одному человеку об этом рассказал в свое время — близкому другу, которому когда-то верил, как себе. Давнему другу. Почти брату. Который, между прочим, предал меня впоследствии, решив добраться до Сердца в одиночку! БЕЗ меня!!

Марсо быстро моргнул, но в лице не поменялся.

— Что поделаешь? Тщеславие — наша с тобой общая проблема.

— Нет, ДРУГ мой, — опасно похолодел голос лера Альвариса, а в руках снова зазмеился серый клубок тумана. — Ты не прав: дело не в тщеславии.

— Тогда в чем? В жажде власти? В страхе перед смертью? В желании подгрести под себя весь Совет, а с ним заодно и весь мир?

— Заманчивая идея. Но ты же сам понимаешь: тот, кто владеет Сердцем, получает все. Весь Зандокар. Всю его силу. Его бессмертие. Его могущество. Что значит перед этим власти какого-то Совета?

Айре стало резко нехорошо.

Марсо... когда-то он действительно говорил о том, что у него был друг. Старый, верный, выручивший его в трудную минуту. Не раз спасавший и прежде, но с некоторых пор ставший для него охранником и тюремщиком. Тогда она считала, что это — по воле Совета. Что это — плата за излишнее любопытство и самоуверенность. Кара за жадность и попытку изменить мир. А теперь оказалось, что все совсем не так, и что его заточение — плата за предательство... то самое, которое он совершил по отношению к бывшему однокласснику, попытавшись украсть Сердце Зандокара лишь для себя одного. Боже... выходит, вот откуда Марсо впервые о нем услышал? Тогда он был молод. Оба они были очень молоды. И буквально одержимы идеей бессмертия. Марсо не раз об этом говорил. И при этом всегда утверждал, что совершил самую большую глупость в своей жизни. Ведь если бы он в то время смог узнать больше... если бы сумел понять и поверить... то он бы одумался. Наверное. Скорее всего, остыл бы и оставил попытки проникнуть в Занд. Но именно тогда его загадка не давала Марсо покоя. Она сделала его почти безумным. Увлекла его за собой, заставила бросить все, что он имел. Затянула, как водоворот, и, в конечном итоге, привела к поражению: он рискнул потревожить Сердце Зандокара и едва не погиб. Рискнул всем ради бессмертия. В тайне ото всех, в страстной надежде на благополучный исход... но проиграл.

Тогда как Альварис...

Она пошатнулась.

— Ты всегда был осторожен, — глухо уронил Марсо, изучая лучащееся торжеством лицо бывшего друга. — И всегда все просчитывал наперед.

Лер Альварис неожиданно рассмеялся.

— Верно. В некотором роде я даже благодарен тебе за твою глупость, потому что она избавила меня от серьезной ошибки. Благодаря тебе я понял, что идти напролом нельзя — сколько бы ни было у меня силы, какие бы Источники я ни приобрел, этого все равно не хватит, чтобы одолеть могущество целого мира. Кстати, твое колечко мне здорово пригодились.

— Не сомневаюсь. Ты ведь с его помощью грыз землю?

— А как же, — довольно кивнул маг. — Правда, это было довольно хлопотно: я потратил почти полвека, чтобы досконально изучить Охранные леса и узнать о Занде все... с твоей помощью, разумеется. А затем еще десять лет, чтобы отыскать постоянный Источник такой мощи, чтобы из него можно было безнаказанно черпать столько, сколько потребуется.

— Ты для этого пришел в Академию? — неожиданно подал голос Викран дер Соллен. — Для этого ее возглавил? Дело было только в Источнике? В Ключе, из которого можно брать любое количество силы?

— Молодец, растешь, — похвалил бывшего ученика лер Альварис. — Но ты прав: Источников, подобных моему, в мире почти не осталось. А те, что есть, находятся под строжайшим надзором. К ним так просто не подберешься: Совет, как ты знаешь, весьма ревниво относится к своим ресурсам. Поэтому мне пришлось набраться терпения и ждать. Стараться попасть не просто в Ковен, а в сам Совет. И заодно постепенно подготавливать наших уважаемых магов к мысли, что лучшего кандидата на должность директора Академии... после внезапной смерти старого, разумеется... им просто не найти.

— Ты... убил лера Ориера?! — вздрогнул мастер Викран.

Лер Альварис ласково улыбнулся.

— Разумеется, мой мальчик. Мне нужно было это место, и я его получил. Старик сильно мешал со своими принципами и слишком уж не хотел подвинуться. Поэтому мне пришлось немного поторопить время и слегка помочь ему покинуть этот суетный мир. Знаешь, владея навыками Лоура, совсем нетрудно сделать так, чтобы старое сердце во сне дало неожиданный сбой. Особенно тогда, когда наивный дурень сам допустил тебя к себе... увы и ах. Но это было совершенно необходимо. Как необходимо было приводить Академию в порядок, следить за вампами и виарами, утирать вам носы, лечить исцарапанные коленки, терпеливо выслушивать, примирять, уговаривать, разрешать, наказывать... кто бы стал держать целых сорок лет директора, который не радеет за свое детище? Кто бы позволил мне остаться? Поэтому я радел. Я честно работал на ее благо. Я многое сделал, чтобы она процветала. Я устраивал Совет в этом качестве полностью и ради этого даже слегка отложил дело всей своей жизни! Надолго отложил! Еще на целых десять лет! Пока, наконец, не получил неограниченный доступ к Источнику, не вытребовал себе право в любое время дня и ночи покидать Лир, не занял место председателя Совета Магов и не забрал на себя всю полноту власти. Старые дураки сами выбрали меня на это место! САМИ! Своими руками посадили меня на вершину! — маг тихо рассмеялся. — И это было так забавно, что я даже позволил им думать, будто понятия не имею, для чего им понадобился мой старый приятель, которому не повезло поспешить с Зандом!

Марсо поморщился.

— Это была твоя идея — привязать меня к Источнику.

— Я сохранил тебе жизнь, — неожиданно посерьезнел директор. — Я мог бы не делать этого и посоветовать Ориеру от тебя избавиться, но не стал. Хотя бы потому, что, к моему разочарованию, ты подобрался в то время к Сердцу гораздо ближе, чем я. Чем и разозлил, и восхитил меня одновременно. Поначалу я был так на тебя зол, что действительно хотел закончить твое существование самым неприятным образом. Однако по размышлении все-таки решил, что тебя будет выгоднее использовать, чем убивать, поэтому переговорил с учителем и добился того, чтобы тебе позволили остаться в Академии. Разумеется, на цепи. И, разумеется, под моим пристальным присмотром. Я даже выторговал для тебя возможность пользоваться магией... так, чуть-чуть, чтобы ты совсем уж не скис, но и бежать при этом не сумел. А когда вопрос с Ориером разрешился в нужную сторону, вовсе стал единоличным твоим хозяином, что, признаться, не могло не радовать — после того, как ты меня предал, было забавно наблюдать, как ты мечешься в своей тюрьме без всякой надежды выбраться.

Айра вздрогнула и посмотрела на прямую спину Марсо, по которой вдруг пробежало странное волнение. Кажется, ему все еще трудно оставаться спокойным рядом с бывшим приятелем. Кажется, он все еще переживает. Заново просматривает годы томительного плена... почти такого же невыносимого, как в настоящей тюрьме. И ведь это, наверное, было ужасно — видеть перед собой источник почти неисчерпаемой мощи и при этом не иметь никакой возможности им воспользоваться. Когда-то иметь власть, силу архимага, молодость, стремления... но превратиться в бестелесного духа, которому, как будто в насмешку, оставили лишь жалкие крохи магии. Как птица, которую лишили крыльев. Как гордый зверь, заключенный в тесную клетку. Будто небо, с которого украли солнце. И словно песня, которую задушили на корню.

— Марсо...

Призрак в ответ только невесело улыбнулся и на мгновение повернул голову.

— Прости, девочка. Я многого тебе не сказал. Но и Альварис, как видишь, совсем не тот, каким всегда казался. Я мог только подозревать насчет Ориера. Мог лишь догадываться о причине его быстрой кончины. И мог только бессильно смотреть на то, как мой бывший друг год за годом забирает силу Источника, а потом уносит в моем алмазе... ты ведь сюда ее тратил, верно, Альварис?

— Естественно, — кивнул директор. — Сперва я работал один. Потом понял, что это будет слишком долго, и принялся искать себе помощников. Как видишь, в наше время молодежь все такая же буйная и тщеславная, как раньше. Мне не составило труда отыскать единомышленников.

— Конечно. Это ведь так заманчиво...

— Ты прав, — снова рассмеялся лер Альварис и оглянулся на молчаливую троицу магов за своими плечами. — Может, они и не лучшие в своем деле, но зато умеют нестандартно мыслить и вовремя подсказали, как можно ускорить процесс.

— Люди, — мертвым голосом уронил Марсо. — Рабы. Невольники. Пленники.

— О да. Их, как оказалось, невероятно просто раздобыть! Стоило лишь набрать подходящую команду, дать им прикрытие, деньги, возможность безнаказанно ускользать от шпионов, и пожалуйста — каждый месяц по полсотни крепких мужчин вполне можно получить, не слишком тревожа при этом Ковен. Кто без вести пропал, кого в лесу якобы

звери задрали, кто по пьяни в море утонул, кто не вернулся с рыбалки... смертных много, мой друг. А труд их ценится дешевле, чем мясо на рынке. Они быстро плодятся, их легко можно сбить с толка. Кого-то обмануть, кого-то поманить прибылью, кого-то опоить в придорожной таверне... достаточно лишь иметь заинтересованного в этом деле помощника с накрепко повязанной командой.

— Например, выловить кого-то из пиратов и, вместо того, чтобы сдать королевским ищейкам, предложить совсем иную работу? — мрачно поинтересовался Викран дер Соллен.

— Хорошо оплачиваемую работу, — согласно кивнул его бывший учитель. — Как выяснилось, это гораздо дешевле, чем год за годом тратить собственные резервы на рытье этого проклятого тоннеля. Он отнял у меня уйму сил! Море времени! Сотни бессонных ночей! А смертные всего за пять лет сделали то, над чем я бился на протяжении почти трех десятилетий! Правда, они и мерли, как мухи, но это не беда — их привозили мне столько, сколько нужно. И знаешь, что? На самом деле их почти никто не хватился! Вот что удивительно! Может, только самые близкие, но не больше! Потому что Ковену, как бы он не бил себя в грудь и не провозглашал себя защитником интересов простого люда, нет никакого дела до их проблем! И редкие жалобы, которые иногда все-таки были, удавалось очень легко гасить еще на корню. Кто не успокаивался, того припугивали. Кто не желал слушать голоса разума, тех успокаивали насильно. А остальные... да мало ли с кем и что случилось на дорогах? Кто пропал. Кого съели. Кому дыру сделали в брюхе, предварительно озаботившись спихнуть ее на разбойников... на самом деле способов спрятать следы — море. Бери, какой хочешь, и пользуйся, сколько угодно.

— И ты воспользовался, — мертво сказал Марсо.

— Конечно. Как почетный член Совета магов, я могу даже оправдать кого-то из преступников, если это нужно. Не просто так, разумеется, а с заделом на будущее. И я не раз это делал. Медленно и осторожно. В последний момент, буквально снимая этих мерзавцев с плахи. И за это они, поверь, были настолько благодарны своему неизвестному благодетелю, что охотно соглашались оплатить свои шкуры парой пустяковых услуг. Правда, этот белобрысый сопляк со своей Водой слегка подпортил мне планы, но его вмешательство случилось слишком поздно, чтобы помешать нам закончить. Хотя я все равно этого так просто не оставлю. Как только разберусь с вами, вплотную займусь им. Если, конечно, он доживет до нашей встречи.

— Что ты с ним сделал? — нахмурился Викран дер Соллен.

— Пока ничего. Но указания на этот счет оставил. Так что без возмездия за свою наглость, поверь, он не останется. А уж когда я вернусь, то найду способ от него окончательно избавиться: мальчишка слишком упрям и дерзок, чтобы забыть о том корабле. А мне не нужны лишние проблемы с подобным учеником. К тому же, он заслуживает достойного наказания за смерть весьма многообещающего адепта, на которого у меня были большие планы, а я такие вещи никому не прощаю. Ты знаешь, Викран. Поэтому будь уверен: ты привел его вовремя и, главное, правильно. Как раз туда, куда нужно, чтобы мне не пришлось искать его самому.

У боевого мага потемнело лицо: для Вэйра это был приговор. Альварис действительно найдет способ ему отомстить — за корабль, за команду, за поломанные планы и, главное, за потерянное время и погибших рабов, способных ускорить его дьявольскую работу. Мальчишка даже понятия не имел, во что ввязался волею случая. Не знал, кому вдруг перешел дорогу своим неожиданным пробуждением. Ведать не ведал, что сидя в кабинете

директора и честно рассказывая о своих злоключениях, был буквально на волосок от смерти. Только нахождение в Академии спасло его в тот день от расправы. Только мысль о том, что поспешные решения не всегда бывают удачными. Только нетерпение и желание покончить с Зандом вынудили Альвариса тогда сдержаться. Но как только он вернется, мальчишке не жить. Альварис найдет способ от него избавиться. Несчастный ли случай, нарушение ли приказа, подстроенная подлость или просто навет, но Вэйра непременно исключат из Академии. Лишат силы и отправят на материк. А по дороге с ним "случайно" произойдет еще что-нибудь, после чего никто и никогда больше не увидит простого, симпатичного, честного и славного аргаирского паренька, отправившегося когда-то в Парму, чтобы помочь своим родителям.

Викран дер Соллен непроизвольно сжал кулаки, а Айра вдруг до боли зажмурилась, отчаянно желая, чтобы это был просто сон. Страшный и кошмарный сон, от которого можно проснуться. Который можно забыть. От которого можно избавиться и, встав поутру с постели, с облегчением смахнуть со лба холодный пот. Лер Альварис... ха-ха... какой бред... приснится же такое!..

Но вот он — стоит напротив и спокойно рассказывает, как убивал и калечил ради того, чтобы прийти сегодня в Занд. Бесстрастно раскрывает свои преступления. С жадностью посматривает на странно притихшее Перводерево и старательно сдерживает нетерпение, чтобы ощутить всю полноту своей победы. Столько лет... почти полвека поисков. Столько потраченного времени. Столько усилий. Столько прочитанных книг. Столько разговоров. Столько мук. Столько пыток и злости на то, что смертные оказывались непрочным материалом. Столько нерастроченной ярости в его душе. И почти столько же торжества сейчас, ради которого он, много лет упорно идущий к одной-единственной цели, был готов подождать еще чуть-чуть.

— Зачем тебе Сердце? — тихо спросил Марсо, настойчиво загораживая собой пошатнувшуюся от ужаса Айру.

Лер Альварис пожал плечами.

— Затем же, зачем и тебе в свое время.

— Ты думаешь, что сможешь его покорить? Думаешь, оно дастся тебе в руки? Думаешь, поверит тебе и отдаст свою силу?

— Нет, — неожиданно хмыкнул директор. — Мне, может быть, и не отдаст. Но тысячелетие уже на исходе. Иберратус мертв. Его сердце тоже одряхлело и истерлось от времени, так что Зандокар будет вынужден принять другое. Взять его взамен утраченного. Так же, как и тысячу лет назад, когда мой дед явился сюда слабым, почти умирающим и каким-то образом смог оказаться возле Перводерева до того, как сознание покинуло его.

Айра невольно сглотнула.

— Что ты задумал? — тревожно шевельнулся перед ней призрак.

— Ничего особенного. Просто нашел того, с кем оно не откажется поделиться.

Лер Альварис сделал короткий знак, и из-за его спины выступил один из магов, держа на руках сладко спящего ребенка. Мальчика. Всего пяти или семи лет отроду — темноволосого, румяного и совершенно беззащитного, над которым витала аура едва проснувшегося дара. Маленький маг... слабый... послушный... невероятно уязвимый. Крохотный человечек, которого совсем недавно забрали из родного дома и принесли сюда. Для того, чтобы чья-то рука бестрепетно взрезала его грудь и отдала его сердце величественному, непокоренному, загадочно молчащему божеству, терпеливо

дожидающемуся своей новой жертвы.

Так же, как и тысячу лет назад.

У нее что-то болезненно сжалось в груди и глухо ударило. Затем ударило снова и снова, медленно отдаваясь таким же мерным стуком где-то совсем рядом. Неподалеку. Буквально за спиной, внутри древнего Дерева, где тихо билось живое сердце... ее собственное сердце, которое она оставила взамен нового, нечеловеческого, чужого. Того самого, что заменило ей жизнь. Подарило новую силу. Волю. Свободу.

— Ты... не сделаешь этого! — в ужасе прошептал Марсо, уставившись на мальчика.

— Почему? — удивился лер Альварис, забирая ребенка и осторожно укладывая его на траву. — Когда я убивал Иберратуса, мне казалось, что его сила перейдет ко мне. Но этого, к сожалению, не случилось, потому что он был слишком стар и сильно одряхлел. Его едва хватало, чтобы поддерживать Занд. Чтобы питать наш мир и хранить свою демонову тайну. Он не сказал об этом раньше. Молчал до последнего. А когда все-таки я вырвал из него эту правду, то было уже поздно что-то менять: Сердце способно покориться только чистой душе. Светлой и незапятнанной. Тому, кто придет к нему не с жаждой власти, не с о стремлением уничтожить, а всего лишь с просьбой. С одним, единственно сильным желанием... например вернуться домой... и Оно непременно выполнит это желание. Коснется своей силой. И если душа твоя чиста, Оно подарит часть этой силы. А взамен заберет твое сердце, чтобы оно продолжало биться здесь. Еще одну тысячу лет. Отдавая по капле свою кровь, жизнь и светлое начало. А что может быть чище и светлее, чем душа ребенка?

Айра в панике попятилась, неподвижным взором глядя на безмятежно спящего мальчишку и мага, нависшего над ним, подобно вестнику смерти. Господи... господи, да как же это?! Неужто он собирается убить этого малыша, чтобы отдать его сердце Перводереву?! Неужто сможет вспороть его грудь и вырвать оттуда еще бьющийся комочек, чтобы возложить его на чужой алтарь?! Неужто посмеет?! Неужто ему все равно?! Неужели не дрогнет у него рука?!

— Нет, — улыбнулся лер Альварис, перехватив ее полный ужаса взгляд и словно прочитав ее мысли. — Я слишком долго к этому шел, чтобы в последний момент отказаться. У этого мальчика отличная Земля... да, не удивляйся, что из многих десятков и сотен кандидатов я выбрал именно Землю: ТВОЯ Земля подала мне эту идею, и твой успех привел к тому, что я остановил свой выбор именно на нем. У меня их еще много — подобных этому малышу образцов. И здесь, и в башне. Я долго искал подходящего пацана: несколько десятилетий. Помня об Иберратусе, логично предположить, что следующим избранником станет такой же, как он, счастливец с потрясающе сильной Землей. Конечно, я понимаю, что вряд ли подойду на эту роль сам, да и, признаться, не намерен рисковать понапрасну. Не хочу, знаешь ли, уподобиться вашему другу и навечно остаться неприкаянным призраком возле собственной могилы. Так что я нашел того, кто сможет меня заменить. Нашел такое сердце, которое Перводерево не сумеет отвергнуть. И нашел отличный способ получить его силу — через это дитя, которое будет полностью мне послушно. Его сознание, тело и, разумеется, сила. Вся. До последней капли. И будет ее ровно столько, сколько мне может понадобиться. Малыш просто не сумеет мне отказать. Да и как он откажет, когда я забрал его разум?

Айра содрогнулась, когда в груди снова бухнуло и почти зашлось в диком галопе: Сердце вдруг заколотилось так, что ей снова стало больно. Так больно, как в тот далекий день, когда ее насквозь пронзила стрела. Когда она задыхалась в объятиях игольника. Когда

ее раздирали на части. Когда она тонула в зеленой листве и из последних сил шептала свое собственное имя.

— Всевышний...

Лер Альварис самодовольно улыбнулся.

— Знаешь, милая, а ведь сначала у меня были на тебя большие планы. Когда я увидел твои волосы и метаморфа. Когда понял, что игольник принимает тебя за свою, и когда осознал, что именно ты можешь стать тем пропуском, что позволит мне оказаться в Занде почти без усилий. Да-да, не думай, что тебе удалось скрыть свою ауру полностью — я слишком давно изучаю Занд, чтобы не заметить его след. А он у тебя есть. Хороший такой след. Пожалуй, самый сильный, что я только видел.

Айра прижалась спиной к коре и прерывисто вздохнула, машинально прижимая руки к груди, в которой все сильнее грохотало встревоженное сердце. И почти ощущая, как такое же сердце гулко стучит позади. Буквально в стволе. Внутри гигантского Дерева, заставляя его мелко подрагивать и пугливо потряхивать лиловыми листьями.

— Я долго думал, что же с тобой произошло, — продолжал лер Альварис, задумчиво изучая ее бледное лицо. — Долго гадал, сомневался. Но когда выяснилось, что метаморф — дикий, окончательно понял, что за редкая находка попала мне в руки. Перед смертью Иберратус признался, что именно в Занде нашел себе хранителя — молодого, сильного и потрясающе выносливого. Там они встретились, там же потом и расстались, когда он пожелал своему маленькому другу свободы. Метаморф позволял ему творить поистине невероятные вещи. Так же, как делали это другие, о ком большинство магов даже не подозревают. Мой дед был далеко не единственным, кому повезло с боевым метаморфом. До него была прорицательница Марриора, было немало эльфов, даже гномы пару раз удостаивались такого внимания... а он просто стал первым человеком, кому так повезло. Первым, но, как оказалось, далеко не единственным. А поскольку нигде в мире ты больше не смогла бы заполучить себе "дикого", то мне стало понятно — в Занде ты все-таки была. Если не в нем самом, то уж на его границе точно. И он оставил внятный след, по которому тебя снова признали бы и пропустили. Проблема была в другом: как уговорить тебя взять меня с собой?

Айра буквально вжалась в кору.

— Это было сложно, — неожиданно признался маг. — Ты не ребенок, голову тебе заморочить не удалось бы. Разум тоже не забрать, потому что это стало бы слишком заметно. Если бы я успел это сделать в день твоего появления, то, возможно, все бы и получилось. Но, как назло, Сигнальная Сеть дала продолжительный сбой, и я слишком поздно узнал о том, что ты вообще существуешь.

— Тогда вы решили сделать так, чтобы я вам доверилась, — прошептала девушка. — Вы специально меня позвали. Настроили, поговорили. Попытались наложить какие-то чары, но не смогли — у меня оказался слишком сильный Щит.

— Да, — притворно вздохнул чародей. — К несчастью, мне пришлось искать другие пути.

У нее внезапно расширились глаза.

— Мастер Викран...

— Верно, милая, — поощрительно улыбнулся лер Альварис.

— Вы специально отдали меня самому строгому и непримиримому учителю! — прерывисто выдохнула Айра, неожиданно прозревая. — Вы против всех правил заставили

его меня взять! Приказали это сделать! Вы знали, что он никогда не пойдет на Инициацию, но при этом велели натаскать меня как можно скорее, не считаясь с болью, страхами, потерями и всем остальным! Вы убедили его, что это — единственный способ добиться покорности метаморфа! Запретили мне что-либо объяснять! Велели не лечить мои раны! Сказали, что для Кера это будет признаком слабости и что ни в коем случае нельзя позволить ему потерять уважение к своему учителю! ВЫ заставили нас страдать! Вы потребовали от мастера Викрана быть максимально жестоким! А потом потребовали слишком ранней трансгрессии и убедили его, что иначе нельзя!

Директор коварно улыбнулся.

— Что поделаешь? Мне пришлось показать ему некоторые признаки, по которым можно было заподозрить, что твой метаморф пытается одержать верх. Такие, чтобы Викран ни разу не усомнился и сам поторопился с обучением, ведь трансгрессия, если ты не знала, способна оглушить слишком буйного зверя и вынудить его подчиниться. Через боль. Через страх. Через ненависть... и мой бывший ученик не мог с этим не согласиться, потому что слишком часто встречался с такими, как он. Он, конечно же, понимал, что хорошего отношения от тебя не дождется, но согласился, что это — невеликая цена за твою жизнь. Так что охотно пожертвовал твоим уважением, чтобы ты уцелела и смогла обуздать своего зверя.

Айра покосилась на неподвижное лицо учителя и прикусила губу.

— Так это ВЫ хотели, чтобы я его ненавидела!

— Безусловно, — поощрительно кивнул маг.

— И вы хотели... — она вдруг сглотнула, — Господи... чтобы я попросила себе другого наставника! ВЫ, а не он, ждали, когда я откажусь! Вы знали, что так будет! Знали, что он сумеет сделать так, как велели ВЫ!

— Конечно: Викран дал мне клятву на крови, что станет подчиняться во всем. И, будучи неспособным ее обойти, сделал то, что я от него потребовал, — хмыкнул лер Альварис. — Несмотря на все свои убеждения и отличное от моего мнение. Клятва — вещь сложная... а клятва на крови — еще и крайне надежная штука. Такая же надежная, как и чары Полного Подчинения, милая. Ее не отменишь, не предашь, поэтому Викрану ничего не оставалось, как только подчиниться. Ему было велено тебя унижить — он унижил. Велено ударить — и он ударил так, как только смог. Велено было бы убить, и он бы убил... правда, тогда мне требовалось от него совсем другое. Нужно было, чтобы ты сдалась, отчаялась и пришла просить меня о помощи. Чтобы умоляла избавить от жестокого наставника, который слишком уж резво взялся за твое обучение. Но ты права и в другом, девочка: интенсивность и частота ваших занятий, а также их продолжительность и насыщенность зависели только от меня. Викран был категорически против. И Легран тоже. Правда, хоть наш смазливый эльф имел на тебя свои виды, на его мнение можно было спокойно наплевать. Но и запрещать ему использовать на тебе особенности своего Щита я тоже не стал.

— Почему? — горько прошептала она.

— Чтобы ты это заметила и уж точно не рискнула проситься в ученицы. На его большое несчастье. И тогда у тебя бы остался лишь один вариант с учителем...

Айра внезапно вздрогнула всем телом.

— ВЫ!

— Конечно, — широко улыбнулся лер Альварис. Той страшноватой улыбкой, что больше напоминала хищный оскал. — Я бы быстро довел тебя до Инициации и совершенно спокойно забрал все, чем наделил тебя Занд. Так, что ты даже не поняла бы, в чем дело. Но,

к сожалению, директору не положено иметь личного ученика... только изредка, в исключительных случаях, как вышло с Викраном... поэтому "исключительный случай" мне пришлось создавать самому. Вот только мой план, что самое обидное, так и не принес результатов.

Викран дер Соллен поднял застывший взгляд, и директор понимающе хмыкнул: там было столько ненависти, что не нужно было даже гадать — отныне бывший Охранитель не имел никакого учителя. И наставника тоже. И друга. Теперь перед ним стоял враг — коварный, двуликий и опасный.

— Викран... мой мальчик... я ни в чем тебя не виню! Ты настолько честен, что для человека это просто неприлично! Разумеется, я ни на один миг не поверил, что ты примешь Инициацию и покорно смиришься! Разумеется, я не боялся, что ты станешь мягче или (упаси Всевышний!) вдруг влюбишься: Эиталле бывает только раз в жизни! Так что с этой стороны я был совершенно спокоен! Но ты... — архимаг вдруг сокрушенно покачал головой. — Ты так меня подвел. Не сумел ее сломать. Не заставил прийти ко мне. Испортил мне все планы с Инициацией. Не смог провести ее сам. Упустил девчонку после Бала. Позволил сбежать. Ушел следом без моего разрешения и ни слова не сказал, что все-таки нашел ее... я так тебе верил, мой мальчик. А когда понял, что верил зря, даже на какой-то миг испугался, что недооценил твои амбиции и упустил настоящую змею! Ну, подумай сам: что я мог решить, когда ты не привел ее обратно?! Только то, что ты тоже понял ее силу и решил ею воспользоваться! Знаешь, как меня расстроила эта мысль?!

Викран дер Соллен сжал челюсти.

— Я целую ночь не спал, пока, наконец, не вспомнил про Эиталле! — всплеснул руками директор. — И не сообразил, что ты мог идти в Занд только за одним!

— За смертью, — неслышно прошептала бледная, как полотно, Айра, и у полуэльфа странно дрогнула щека. Так, словно он все-таки услышал и молча согласился, потому что действительно не имел больше ни сил, ни желания жить.

— А Марсо? — с деланным возмущением продолжил архимаг. — Этот мерзавец все-таки сумел обвести меня вокруг пальца! После сотни лет заточения! После мнимой покорности! После стольких неудач... я ведь надеялся, что сломал его! Полагал, что больше эта проблема передо мной не встанет! А он — вот! Стоит опять напротив и кривит губы, как в тот день, когда умчался за своим бессмертием! Марсо, ну что тебе опять тут понадобилось? Решил вернуть себе тело? Девчонку использовать? Понадеялся, что сумеешь проскользнуть сюда незамеченным? Снова? И закончишь то, что не успел сто лет назад? С новым Источником! С новыми силами! С новыми приятелями, которые даже не подозревают, какой ты на самом деле!

Марсо пару секунд всматривался в возбужденно блестящие глаза бывшего друга, а затем медленно покачал головой.

— Ты так ничего и не понял.

— Я о том и говорю!

— Значит, ты еще глупее, чем был я, когда пришел сюда в первый раз. Значит, ты так и не осознаешь, что же такое истинное Сердце. Не видишь, что оно есть. Не чувствуешь, что оно живое. Не понимаешь, что наш мир живет лишь до тех пор, пока живо оно. И значит, ты действительно думаешь, что я ничему не научился.

— Хочешь сказать, на этот раз ты явился сюда совершенно бескорыстно? — фыркнул лер Альварис. — Марсо, друг мой, я слишком хорошо тебя знаю, чтобы поверить в эту чушь!

Скорее, я поверю в то, что ты обманул эту дурачку так же, как меня когда-то, чем помыслию хоть на миг, что ты стал сентиментальным идиотом, радеющим за чужое благополучие! Такого просто не может быть! Я не ожидал от тебя подобной глупости...!

Айра закрыла глаза, ощущая, как стремительно заволакивает их сиреневым туманом, и вжалась в кору еще плотнее, почти не слыша резкий голос директора. Уже не видя ничего. Не ощущая. Кроме все сильнее ускоряющегося биения своего сердца, ставшего поистине невыносимым. Она внезапно задрожала, перенимая идущую изнутри вибрацию. Неожиданно перестала ощущать свое тело. Все время чувствуя неслышный зова, охотно поддалась ему. Приняла в себя. Слилась и постепенно растворилась в лиловом мареве, окутавшем ее с головой, целиком. Так, как ей не позволял когда-то упрямый Зорг. Так, как отговаривал потом Марсо. Как всегда хотелось, но было очень страшно. А теперь страха не было. Ничего больше не было, кроме горечи, ощущения чужого предательства, тоски и невыносимой, какой-то вселенской печали.

Она глубоко вздохнула, будто засыпая... или, наоборот, просыпаясь в своем новом теле? Внезапно ощутила, как стремительно проваливается куда-то в пустоту. Почти оглохла от бешеного грохота, что шел уже не из груди, а, казалось, отовсюду...

А потом неожиданно пришла в себя, взглянула на крохотные фигурки магов сразу миллионами глаз, увидела готовую ударить руку с зажатым в ней острым клинком, гневно зашелестела тысячами рук и беззвучно прошептала сразу на многие сотни голосов:

— НЕ СМЕЙ... НЕ ТРОГАЙ МАЛЬЧИКА: ОН НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТ.

И лер Альварис против воли остановил незаконченный удар.

На долгое время Занд пугливо затих. В нем угасли голоса, пропало пение птиц, исчез ветер, застыли в безмолвии травы. Деревья перестали гневно шуршать и возмущенно размахивать ветками. Многочисленные звери замерли, подняв головы к небу и настороженно втягивая ноздрями воздух. Прекратилась всякая жизнь. Застыла прежняя борьба. Потеряла значение былая вражда и исчезло ощущение разрозненности: теперь Занд стал цельным, единым, одним большим живым существом, словно встрепенувшимся от долгого сна. Он открыл свои лиловые глаза и неподвижным взором уставился на вздрогнувших от неожиданности смертных. И смотрел долго, пристально, изучающе. Немного устало, но безо всякого снисхождения. Он просто смотрел в упор, и они, не смея отвести изумленно-неверящих взглядов, смотрели тоже. Но чем дальше длилось это пугающее молчание, тем больше в их глазах проступало понимание, а в душах зарождался какой-то первобытный страх.

Перводерево раскрылось так внезапно, что в первый момент никто не понял, что происходит. Люди не слышали дрожи, зародившейся в его стволе. Не увидели, как треснула по всей длине кора, открывая огромное, спрятанное до поры до времени дупло. Не заметили, как выступили из-под земли узловатые корни, потянувшись к стоящим спиной магам, и как из глубины чудовищно огромного нутра неслышно скользнули прочные, зеленовато-лиловые лианы, исподволь оплетшие замершую в каком-то странном оцепенении Айру.

В мгновение ока они ее опутали с головы до ног и утянули куда-то вглубь, в темное нутро Перводерева, исходящее плотным лиловым туманом. Осторожно поместили в самый центр, аккуратно поставили, заботливо поддерживая за руки, и, наконец, плавно опустились вниз, опав громадными кольцами прямо под ноги, при этом готовые в любой момент снова взвиться сотнями могучих щупалец, чтобы закрыть, спрятать, заслонить собой, если вдруг кто-то покусится на живое Сердце этого мира. Потому что оно действительно было там. Действительно пробудилось сейчас от многовекового сна. Действительно дышало, заключенное в толстую оболочку из древесной коры, и действительно смотрело на дерзких чужаков через расширенные глаза застывшей девушки, на лице которой вдруг проступило нечто странное.

Ее волосы вольготно разметались по плечам и спине, ярко отсвечивая лиловой полосой на пепельно-серой макушке. Ее руки, раскинутые в разные стороны, почти упирались в древесные стены. Ноги были укрыты толстым слоем мха, на котором смиренно прилегли отпустившие хозяйку лианы. Грудная клетка почти не шевелилась, а дыхание, если и присутствовало, то стало совсем незаметным. И только глаза оставались широко раскрытыми — крупные, неестественно горящие, лиловые, полные странной силы и отголосков бескрайней бездны прожитых тысячелетий. Нечеловеческие глаза. Бесстрастные. Почти равнодушные. Чужие. В которых горела сейчас неумолимая мощь и бесконечная, невыразимая, полная невеселого понимания усталость.

Марсо, заслышав долгий вздох, пришедший, казалось, из самых глубин Занда, медленно обернулся и с непонятным выражением взглянул на преобразившуюся Айру. Но она не смотрела на него. Кажется, даже не узнала. Сейчас она перестала быть собой. Вряд ли помнила о том, что было. В ее глазах проносились совсем другие картины, в голове зазвучали совсем иные голоса. Она не чувствовала. Не боялась. Не плакала. Даже о будущем

больше не думала и совсем не переживала. Потому что прежней Айры больше не было — она отошла в тень, исчезла, бесследно растворилась в густом мареве, клубящемся вокруг нее плотной лиловой пеленой. И уступила свое тело чему-то более могучему, древнему, жутковато-холодному, но при этом все видящему и понимающему. Чему-то, что уже много веков следило за происходящим в Занде и во всем Зандокаре. Чему-то, что имело право требовать ответа, карать и миловать, дарить благо или отнимать последние крохи, помогать и прощать, казнить и лишать надежды, награждать, взвешивать, оправдывать или просто скупно решать, как поступить с дерзкими чужаками, ворвавшимися в Его обитель без спроса.

По губам Марсо скользнула грустная улыбка, лицо стало печальным, но, вместе с тем, наполнилось странным смирением. Карие глаза заискрились, когда он подметил соскользнувшего с ее шеи крыса, а затем и одобрительно сверкнули, потому что Кер, не теряя времени, грозно оскалился и тоже начал стремительно меняться.

Вот перед Перводеревом привстала на задние лапки небольшая ласка. Вот глубоко вздохнула, молниеносно выросла в несколько раз, обзавелась острыми зубами, растолстела, стала еще лохматее и тяжелее. Вот освобожденно выпрямилась, отряхнулась, в считанные мгновения достигнув размеров взрослой собаки. Вот подросла еще, став уже не собакой, а крупной серой волчицей с сиреневой полосой вдоль вздыбленного загривка. Вот бесшумно обнажила выдвигающиеся из десен клыки, неуловимо быстро теряющие сходство с волчьими. Вот увеличилась в размерах еще в несколько раз. Затем припала на передние лапы, избавляясь от ненужной шерсти, вырастила на боках прочные хитиновые пластины. Спрятала уязвимое брюхо за естественной броней. Прикрыла беззащитные уши. Выпустила наружу стальные когти длиной с две ладони взрослого мужчины. Обзавелась раскосыми глазами-щелочками, хищно прищуренными в ожидании вероятного броска. И, наконец, тихо, угрожающе зарычала.

— Всевышний... — лер Альварис пораженно отступил, неверяще разглядывая истинный облик боевого метаморфа. — ТЫ!

Кер встряхнулся снова, принимая окончательную форму, и вот уже не крыс и не ласка, не волк и не собака, не птица, не змея, не громадный железный валун... с земли неуловимо быстрым движением поднялась страшноватая, неимоверно крупная, откровенно раздраженная зверюга. А потом прижалась хитиновым боком к коре Перводерева и тихо, предупреждающе зашипела.

Архимаг медленно перевел потрясенный взгляд на Айру: она молча продолжала смотреть в пустоту своими нечеловеческими глазами, не обращая внимания на припавшую к ее ногам никсу — совсем еще молодую, полную сил, смертоносную и при этом полностью покорную Хозяйке, готовую защищать ее до последнего вдоха. И только сейчас пришедшему в Занд магу неожиданно стало ясно, почему именно этот облик избрал себе необычный зверь. Как сумел так долго оставаться неузнанным. Почему смог трижды обмануть даже чуткого Охранителя и ни разу... ни одного проклятого раза не выдал причины, по которой Занд вдруг решил подарить своей маленькой гостье НАСТОЛЬКО грозного защитника.

Потому что ОНА была слишком важна, чтобы оставить ее без присмотра. Потому, что она слишком рано ушла отсюда, неистово стремясь домой или хотя бы в то место, которое считала своим домом. Потому, что ее нельзя было отпускать без надежной защиты. И потому, что Занд нашел для нее самого лучшего спутника, которого можно себе вообразить — юного, подвижного, ловкого и очень проворного. Умеющего с легкостью менять сотни и

тысячи обличий. Согласно закрыть ее собой, когда это понадобится. Безошибочно отыскать обратный путь, когда она почувствует, что настало время вернуться. Способного сберечь ее саму и ее драгоценное сердце. Готового отдать даже собственную жизнь, ради того, чтобы жила она.... а вместе с ней чтобы жил и весь Зандокар. Потому что это не девчонка сейчас висела в тесных объятиях Перводеревя. Нет. Это билась внутри него новая жизнь — сильная, юная и нетронутая.

Лер Альварис даже покачнулся от внезапной догадки.

— Боже... этого не может быть!!!

Рядом с Марсо к дуплу безбоязненно повернулся и Викран дер Соллен. Но на его лице, как и на лице внезапно ожившего призрака, совсем не было удивления или смятения — он смотрел на свою ученицу ровно, странно неподвижным взглядом, в котором смутно угадывались все та же безумная боль и необъяснимое отчаяние, смешанные с едкой горечью и непоколебимым желанием не подпустить к ней никого чужого.

— Девочка моя, — неслышно прошептал Марсо, откровенно любуясь Айрой. — Как же ты прекрасна... как стала сильна... как удивительно могуча... ты живая... по-прежнему живая и совсем настоящая... вы оба живые... единое целое... настоящее чудо. Я почти слышу, как Оно бьется в тебе!

Лер Альварис неверяще выдохнул:

— ЭТО ОНА — СЕРДЦЕ ЗАНДОКАРА?! ОНА?!!

Девушка согласно наклонила голову, по-прежнему не отрывая от него неподвижного взгляда. И никса рядом с ней смотрела тоже — недовольно, настороженно, но все еще не делая попыток напасть. Они словно ждали чего-то. Словно слушали себя и друг друга. Словно видели вдвоем что-то, недоступное простому человеческому взору, и слышали звуки, которые не способно уловить слабое человеческое ухо. Внутри нее буквально бушевал ураган разбуженных сил. Почти что ревели невидимые потоки энергий. Клокотали, бурлили, тревожно звучали на разные голоса, и даже издалека было видно, что сила эта, неожиданно очнувшись ото сна, была гораздо больше, нежели могло выдержать слабое девичье тело.

А она жила. Как-то еще держалась. Не расплавилась, не рассыпалась в прах. Не дрожала от боли и не сходила с ума, с криком мечась внутри этой тюрьмы. Напротив, она словно готовилась к этому, спокойно переносила, поразительно легко приняла эту силу и была готова использовать по первому требованию, если вдруг в том возникнет необходимость. Кого-то другого, быть может, уже разорвало бы на куски, обычный чародей уже взвыл бы от напора, а Айра... она все еще была нечеловечески спокойна.

— Всевышний... но КАК?! — неверяще прошептал архимаг, ощущая невероятную мощь, рвущуюся из дупла наружу. — Как она могла?! Без Инициации! Без контроля! Без стабильного дара! Такую силу не сдержать человеку! Девчонке! Тем более, в столь ранние сроки! Всего полгода прошло! Метаморф слишком молод! Источник слаб! Она сама ослабла! А ее обучение даже не было закончено...

У него вдруг расширились глаза от внезапной догадки, лицо побледнело, дыхание на миг прервалось, а полубезумный взгляд сам собой метнулся в сторону молчаливого боевого мага.

— Викран!!!

Викран дер Соллен сжал челюсти.

— Что ты наделал?!

Боевой маг стиснул зубы еще сильнее, нехорошо посерел, но хранил упорное молчание.

И Марсо рядом с ним молчал тоже — виновато, с тяжелым сердцем, с огромным камнем в душе, от которого, он знал, что не избавится до окончания веков. Только смотрел на неподвижное лицо Айры, тихо радовался тому, что она, к счастью, ничего не слышит и никогда не узнает этой правды, и беззвучно шептал:

— Прости... прости меня, девочка... прости нас обоих...

— Где?!! Как?!! — окончательно взвился лер Альварис, в бешенстве уставившись на его неподвижное лицо. — Когда вы успели?!!

— Этой ночью, — очень тихо сказал Марсо. — Когда я только почувствовал твою поганую ауру на границе Занда.

— ЧТО?!

— Я хорошо ее знаю, ВРАГ мой. Могу почуять с закрытыми глазами. Еще тогда, когда ты только собираешься приблизиться. За сто лет в придуманной тобой тюрьме я хорошо научился ее узнавать. И сразу понял, для чего она могла здесь появиться, почему Айра так долго видела тревожные сны, кто на самом деле так упорно беспокоил ее игольник. От кого она убежала в день своего второго рождения. А также то, зачем тебе понадобилось мое кольцо и куда ты столько лет тратил силу из моего Источника.

Лер Альварис побелел, как полотно.

— ВЫ ЧТО, ПРОВЕЛИ ИНИЦИАЦИЮ?! ВДВОЕМ?!

— Да, — мертво уронил Викран дер Соллен. — Я провел. Сегодня, пока она спала, и пока ты пробирался сюда за ее Сердцем. Марсо почувствовал тебя за несколько часов до того, как ты вошел в Занд. Узнал твой перстень, ощутил касание твоей ауры, услышал крики твоих людей. А потом это почувствовал и я. Так что времени вполне хватило... на все. Поэтому ты опоздал: Сердце Зандокара никогда не станет твоим. Ты не отнимешь Его. И не убьешь — что бы ни случилось, Айра будет свободной. Целую тысячу лет. Ради этого я провел ее Инициацию.

Архимаг глухо выругался и в бессильной ненависти сжал кулаки.

— Ты же поклялся!

Охранитель Занда не ответил, и его бывший наставник едва не задохнулся от гнева.

— Ты поклялся мне! Ты не мог предать! Не мог этого сделать, сопляк! На тебе же Чары Подчинения! Ты ОБЯЗАН был мне повиноваться!..

Мастер Викран даже не шелохнулся. Только побледнел очень сильно, да чуть опустил взгляд, чтобы никто из присутствующих не смог прочесть его мысли.

— Как ты посмел?!! — наконец, взревел раненым зверем директор.

— Посмел, — ответил вместо дер Соллена Марсо. — Чтобы сохранить ей жизнь, он посмел бы что угодно. Без Инициации девочка не перенесла бы полноценного слияния с Зандом: сам знаешь — он чересчур силен. А она была слишком слаба. Нестабильный дар убил бы ее в тот момент, как только Занд коснулся ее во второй раз. Но теперь это потеряло всякое значение: Айра больше не чувствует этой силы. Она сама стала Зандом. И тем Сердцем, до которого тебе никогда не добраться.

Лера Альвариса буквально перекосило от злобы.

— М-марсо...

— Как жаль, да? — вдруг усмехнулся призрак. — Столько лет, и все впустую! Так много трудов, так много умных книжек, так много попыток и желаний вырвать из меня правду. Сперва Иберратус, потом твой отец, за ним — я, Ориер... сколько их было, Альварис? Скольких ты убил, чтобы сюда добраться? Сотни? Тысячи? Обманутых, преданных,

уничтоженных, обезумевших... сколько людей ты спалил, чтобы они прорыли тебе дорогу аж от Внутреннего моря?

— Не твое дело!

— О, понимаю. Небось, обидно, что ты так нелепо опоздал? Но боюсь, тут уже ничего не изменишь: Зандокар нашел себе новое Сердце, и твои услуги ему не понадобятся.

— Т-тварь...

— Фу, как грубо, — поморщился Марсо. — Такой чин, такой высокий пост... Глава Совета магов, директор целой Академии... и такое сокрушительное поражение. Право слово, я скоро начну тебе сочувствовать!

Лер Альварис сморщился.

— Ты всегда был лицемером, Марсо. И предателем.

— Когда-то был, — не моргнув глазом, сознался призрак. — И за эти сто лет не так уж сильно изменился. Но знаешь, я не жалею, что снова обошел тебя. И о том, что наши с тобой дороги все-таки разошлись.

— Чудесно, — процедил архимаг. — Значит, ты не слишком расстроишься, если я доведу это дело до конца и избавлю наш мир от твоего присутствия?

— Вообще-то... нет.

Лер Альварис недобро прищурился.

— Представь себе, не расстроюсь, — широко улыбнулся Марсо. — Напротив, я буду рад уйти, при этом зная, что не позволил тебе добраться до Сердца. Это, можно сказать, мой последний долг, который следовало отдать. И последний тебе привет, который я передаю с превеликим удовольствием: ты проиграл, Альварис. Признай: проиграл. Айра стала слишком сильна для тебя и находится под хорошей защитой. Даже тебе ее не обойти.

— Посмотрим.

Марсо насторожился, но его бывший однокурсник не стал делать глупостей. Не напал, не рискнул приблизиться к угрожающе выгнувшей спину никсе. Не попытался бросить в Перводерево Огненный шар или Колесо. Даже с места не сдвинулся. Он просто поймал неподвижный взгляд молчаливой Айры и пристально всмотрелся.

— Ты меня слышишь?

Девушка не пошевелилась. И взгляд ее тоже никак не изменился, словно слова мага не достигли ее ушей. Или звучали так слабо, так далеко, что она не смогла распознать. Она неподвижно смотрела в пустоту, никак не участвуя в разговоре. Не показав, что слышит или понимает. Не сделав ни единого движения. Даже лицо не дрогнуло при упоминании об Инициации... кажется, Марсо прав: от прежней Айры в этом теле осталось совсем немного. А то, что осталось, вряд ли помнит, как, с кем и для чего она сюда попала. Сейчас в ней теснилось слишком много. Сейчас через нее смотрел весь Занд. Сейчас внутри нее бушевала его сила и его знания, которых для одной смертной девчонки оказалось явно многовато. Если бы не проведенная Инициация, она не выдержала бы и половины того, что рвалось сейчас внутри ее тела. Если бы дар не стал стабильным, он уничтожил бы ее. Если бы Марсс не сумел уговорить Викрана... Всевышний знает, как этот мерзавец его уболтал!.. тогда бы препятствий к Сердцу не было: лишившись одного, Занд непременно потянулся бы на поиски следующего. Но она почему-то выжила. Как-то выдерживала этот безумный напор чужих голосов, лиц, событий и сменяющихся друг друга с невероятной скоростью картинок. Как-то смогла устоять. Смогла вытерпеть внезапную боль от столь резкого объединения. Правда, и прежней она тоже никогда уже не станет. Быть может, даже навсегда забудет все,

что было с ней раньше, и не узнает того, кому обязана такой стойкостью.

Лер Альварис прищурился.

— Ты. Меня. Слышишь? Ответь, Сердце?.. Ты ведь — Сердце? Это твоя сила питает сейчас Занд?

По лицу Айры пробежала неуловимая тень.

— Слы-ы-шишь... — удовлетворенно протянул маг. — Значит, и ответить мне можешь.

— Что ты хочешь? — наконец, слабо шевельнулись ее губы.

— А что ты можешь мне дать?

— У тебя есть одна просьба.

— ЧТО?! — Марсо вздрогнул от неожиданности, заполошно обернувшись, а бывший директор Академии Высокого Искусства торжествующе улыбнулся.

— Прекрасно. Иберратус не соврал: ты действительно исполняешь желания.

— Для чего ты пришел? — не стала отрицать Айра.

Призрак судорожно сглотнул, невольно отступив от невероятной силы, вдруг брызнувшей от Перводерева.

— Айра... что ты делаешь?!

— То, что должна, — неприятно улыбнулся архимаг, заметно повеселев. — По легенде, тот, кто сумеет добраться до Перводерева, может попросить его об услуге... всего об одной, но зато не выполнить ее Оно не сможет. Мой дед в свое время испросил жизни для Зандокара... в обмен на свою собственную, потому что мир тогда погибал в огне Катастрофы, устроенной его учениками. И Дерево выполнило эту просьбу, забрав его сердце на целую тысячу лет. А наша маленькая девочка это только что подтвердила: на одну просьбу я имею право. Раз уж добрался сюда живым и невредимым. Не так ли, Айра?

— Оставь мальчика, — велела она, не поменяв позы. — Отпусти: его сердце тебе больше не нужно.

Архимаг поджал губы, но возразить было нечего: с мальчишкой он действительно опоздал. На целых семь лет опоздал, не уловив момента, когда вместе с последним вздохом погибшего деда граница Занда ненадолго приоткрылась, пропуская в себя нового претендента... вот только никто не знал, что Занд не ведает разницы между мужчиной и женщиной, между ребенком и взрослым, между магом и простым смертным... ему нужна была чистая душа, чтобы возродиться. И он ее нашел. Ему понадобилось светлое сердце, способное подарить жизнь этому миру на ближайшую тысячу лет. И теперь оно снова было — вот же оно, бьется неслышно, больно отдаваясь в напряженной тишине. Бьется ровно, спокойно, размеренно. Где-то внутри огромного дупла, дающего жизнь Зандокару. Бьется снаружи, а не внутри слабого человеческого тела. Но бьется так, что с каждым его ударом от Дерева исходят невидимые благотворные волны, охватывающие весь мир от глубоких подземелий до бесконечно далеких небес.

Сердце Зандокара... живое, теплое, когда-то — человеческое. Бережно вынутое из пронзенной груди, а потом заботливо сохраненное в неприкосновенности. Надежно защищенное. Спрятанное. Тщательно укрытое. То самое, за которым всегда было так много охотников.

— Что ты хочешь? — снова спросило Оно, глядя сквозь лиловые глаза девушки, и ровный тихий голос будто порывом ветра ударил в грудь отступников, заставив отойти еще на несколько шагов и невольно пригнуться.

Лер Альварис скрипнул зубами, но от мальчика послушно отступил: в этом голосе было

столько силы, что ему было трудно противостоять. Причем силы не только Перводрева, а самой обычной человеческой девчонки, которые сливались сейчас воедино, порождая нечто совершенно невообразимое. Нечто странное, непонятное, но могучее настолько, что у архимага волосы встали дыбом от мысли, что эта мощь может в любую секунду выплеснуться наружу.

— Я... — он облизал внезапно пересохшие губы. — Я хочу жизни.

— Какой?

— Вечной. И силы. Мне нужно много силы.

На лице Айры не дрогнул ни один мускул.

— Что ты готов отдать взамен?

— Айра! — вскрикнул пораженный Марсо. — Что ты творишь?! Как смеешь давать ему...?!

— Замолчи, — ровно велела неузнаваемо изменившаяся девушка, и призрак против воли осекся — противиться ее голосу было невозможно: он почти убивал своей силой, развеивал в прах, в пыль, делал незначительным все остальное. Он требовал подчиниться, и Марсо, тихо взыв от отчаяния, все-таки замолк. Только сверлил давнего недруга горящими глазами и неистово молился про себя, чтобы ОНА не решилась на сущее безумие — не дала бы ему силу, которую он так жаждал получить. — Что ты отдашь взамен?

— А... что ты хочешь? — внезапно насторожился архимаг.

— Жизнь за жизнь, смерть за смерть, сердце за сердце... что ты готов отдать за силу, которую просишь?

Лер Альварис неуловимо нахмурился.

— Обмен?

— Да, — сухо повторило Сердце, и он на мгновение задумался, пристально изучая неподвижную девушку, окутанную сиреновой дымкой, клубящейся вокруг нее подобно плотному кокону. Он чувствовал — через этот кокон будет трудно пробиться. Даже ему. Даже с накопленной в перстне силой. Через него будет сложно пробиться даже втроем, потому что сила Перводрева во много раз превосходит силу простых смертных. Сейчас перед ним была не девчонка, каким-то чудом сбежавшая с защищенного острова. Нет. Сейчас с ним говорил сам Занд. Его истинная сущность. Его настоящее лицо и настоящий голос — многоликий, многогранный, рожущий и непередаваемо могучий.

Лер Альварис коротко оглянулся на опасливо попятившихся магов за своей спиной и вдруг бестрепетно указал на безмятежно спящего на земле мальчика.

— Я отдам тебе его. Его жизнь теперь в твоих руках.

— А разум?

— Увы, — сокрушенно развел руками архимаг. — Что потеряно, того уже не вернешь. Если бы я знал раньше, то не стал бы накладывать чары Полного Забвения. Но раз уж так вышло, то я меняю его жизнь на свое желание.

— А что насчет них? — Айра перевела пышущий лиловыми огнями взгляд на вздрогнувших незнакомцев в плащах.

— Не знаю. Я сказал только за себя.

Она пристально всмотрелась в чужаков, приведенных архимагом, и глухо повторила:

— Что вы хотите? У вас тоже есть право на просьбу.

Молодые чародеи... а они, кажется, действительно были молодыми... быстро переглянулись и откровенно замялись: явно не были готовы к такому вопросу. Однако,

помедлив и поколебавшись, все-таки рискнули.

— Мы хотим сохранить себе жизнь, — нервно сказал один из них. — Мы служим силе. Мы пришли за ней. Уважаем тех, кто сильнее. И мы хотим... что бы сегодня ни случилось... сохранить себе жизнь. Но если к этому добавится еще и сила, мы будем благодарны.

— Это все?

— Д-да.

— Хорошо, — бесцветным голосом ответило Сердце. — Пусть будет так, как вы хотите. Прошедшие Стражей имеют право требовать и вопрошать. Таков Закон. Таково ваше право сегодня. Тот, кто пришел первым... сколько силы ты хочешь?

— Много, — снова облизнулся лер Альварис.

— Насколько много?

— Сколько дашь.

Айра чуть сузила глаза.

— Сколько дам или сколько ты хочешь, чтобы тебе дали?

Архимаг на мгновение заколебался.

— Сколько дашь.

— Да будет так.

— Айра, нет! — тихо застонал Марсо. — Не надо! Пожалуйста, опомнись! Он же подомнет под себя весь Зандокар! Все Королевства! Что же ты творишь?!!

— Таков Закон, — чужим голосом повторила девушка. — Пришедший сюда живым имеет право на одну просьбу.

— А если он уничтожит мир?!

— Не бойся, — хмыкнул лер Альварис. — Мне незачем его уничтожать: я хочу жить, болван, а не сидеть в гордом одиночестве на дымящемся пепелище. Так что уничтожать я ничего не собираюсь... так, поджечь чуть-чуть и кое с кем разобраться, не больше.

— Айра, нет! Викран, да скажи же ей!!!

Викран дер Соллен уронил взгляд в землю и покачал головой.

— Прости, Марсо. Я не могу.

— Можешь! — рявкнул призрак, мгновенно взъярившись. — Знал я, что Эиталле делает из эльфов форменных идиотов... но ты же человек! Борись! Сопrotивляйся! Ты можешь, я знаю!

— Зачем?

— Затем, мать твою! ЗАТЕМ!!! Затем, что ты жив ровно настолько, насколько сам этого желаешь!

— А если я не желаю?

— Тогда ты еще больший дурак, чем я думал! — окончательно взбеленился Марсо, а потом вдруг развернулся и отвесил равнодушному Охранителю сочную оплеуху. — Ты нужен ей! Нужен, понимаешь?! Очнись и помоги мне, болван! Немедленно! Если не сумеешь, она никогда не освободится!! Ты убьешь ее, слышишь, Викран?! Убьешь!

Викран дер Соллен вздрогнул и прошептал:

— Я и так ее убил.

— НЕТ, демон тебя заberi! НЕТ! Это было необходимо! Это спасло ей жизнь! Это сделало ее сильнее!

— Ты не понимаешь...

— Я ВСЕ понимаю! — зарычал Марсо, в бессильной злости сжимая кулаки, и вдруг с

безумной надеждой обернулся в Перводереву. — Проклятие... АЙРА! Айра, постой! У меня тоже есть просьба! Очень важная и срочная!!

Девушка, переведя взгляд на заметавшегося призрака, неуловимо нахмурилась.

— Ты?

— Да! Я тоже пришел сюда живым! Мой дух жив, хоть и без тела! Я говорю, мыслю, переживаю, сомневаюсь и даже боюсь! Я все еще человек! Все еще ЖИВ! Несмотря ни на что! ЖИВ, ты слышишь?!! А значит, тоже имею право на просьбу!

— Да, — вынужденно согласилась она. — У тебя есть это право. Что ты хочешь?

— Верни мне мою силу! — истово выдохнул Марсо, заставив лера Альвариса изумленно вскинуть брови. — Верни то, чем я владел перед смертью! На несколько минут! Хотя бы на миг! А взамен забери все годы, что мне еще остались! Я прошу тебя... умоляю: позволь мне стать хотя бы на пару мгновений прежним!

— Хорошо. Но позже, — чуть кивнула она. — Сперва пусть получит он. Затем — они. И лишь потом — ты.

Лер Альварис торжествующе усмехнулся.

— Прости, Марсо. Кажется, на этот раз ты станешь последним. Давай, Сердце! Я готов принять твою силу!! ДАВАЙ ЕЕ МНЕ! Сейчас!

— Исполнено, — тихо выдохнула Айра, испустив изо рта облачко сиреневого пара, а затем, к вящему ужасу Марсо, легонько дунула в сторону мстительно прищурившегося архимага. — Вот твоя сила. Держи.

Лер Альварис протянул руку и крепко зажмурился.

На короткое мгновение все, кто стоял на громадной поляне, буквально окаменели в тревожном ожидании, пристально следя за медленным движением сиреневого тумана. Вырвавшись изнутри Перводерева, он накрыл землю плотным густым облаком, растекся во все края, заполонил собой все доступное пространство, окутал людей сперва по щиколотки, затем поднялся до колен, постепенно вырос до пояса, настойчиво коснулся груди. Наконец, все так же медленно и почти торжественно опутал напряженно застывших смертных с головы до ног. А затем поднялся еще выше, скрыв из глаз торжествующую усмешку лера Альвариса, беспокойно переглянувшихся магов за его спиной, прикрывшую глаза девушку в громадном дупле, неподвижную фигуру Викрана дер Соллена, который, казалось, уже ничего не воспринимал и перекошенную, отчаянную, полную ужаса физиономию Марсо, внезапно понявшего свою ошибку.

У него страшно изменилось лицо от неожиданного прозрения. Прервалось дыхание, неуловимо задрожали руки. В голове молнией пронеслась диковатая правда, но было поздно: Сердце Зандокара не умеет лгать. Рядом с ним невозможно слукавить. Оно требует правды, признаний, истины и заставляет против воли открывать самые потаенные свои желания. Сердцу все равно, с чем к нему пришли. Оно не знает разницы между добром и злом. Ему чужды человеческие понятия и неведомы переживания смертных. Оно просто есть. Сердце этого Мира. Просто бьется, каждым своим ударом порождая вокруг себя жизнь. И просто живет, терпеливо дожидаясь своего часа.

Ему неважно, что подаренная сила способна принести больше бед, чем прошедшие Катастрофы. Оно не страшится будущего и не переживает о насущном. Оно не мыслит. Не расстраивается. Не испытывает досады. Оно слышит не голоса, а людские души. Видит не лица, но спрятанные за ними сердца. Чувствует не боль, а смутное огорчение. А если и вмешивается когда-то в происходящее, то немного и совсем ненадолго — лишь для того, чтобы не нарушить существующее равновесие.

Марсо, увидев неподвижное лицо Айры и ее пустой взгляд, в котором не было ни тени сожаления, глухо застонал. Крепко зажмурился, проклиная себя за слепоту. Судорожно сжал кулаки, стиснул до скрипа зубы, отвернулся... а потом понял, в чем же состояла его последняя ошибка, и опустил голову: Айра больше не была той девочкой, которую он знал, которая сбежала когда-то из родного дома и обрела новую жизнь среди лилового игольника.

Она перестала быть его ученицей. Совершенно не помнила прошлого. Забыла про все, что было сегодня сказано. Забыла то, что когда-то знала. Забыла и ненависть, и радость, и горести, и печали. Сомнения, страхи, бесполезные колебания. Забыла родителей, погибшего брата, родную деревню, Академию, друзей, трудное ученичество, свой побег, проклятое болото. Забыла о том, кто вытащил ее из этого кошмара. Забыла сам кошмар, потому что уже не умела бояться. Она забыла все, что пережила недавно. Не слышала звучащие вокруг разговоры. Не видела разницы между стоящими перед ней магами. Больше не являлась магичкой и даже на человека уже была не слишком похожа — сейчас она была нечто большим. Она стала кем-то совсем чужим и поступала теперь так, как поступило бы высшее, не знакомое с сомнениями или жалостью существо. Странное, чуждое, знающее неизмеримо много, но при этом не умеющее отличать плохое от хорошего.

Именно в этом он просчитался, именно этого не учел и об этом не подумал —

бесполезно обращаться к ней сейчас, как к человеку. Айры больше не было. Она ушла. Растворилась в Сердце. Стала его вместилищем. Проводником его воли. Его глазами и голосом. Ее собственное сердце билось в унисон с Ним. Вернее, они стали одним целым. Сердце Зандокара теперь жило в ее груди, а ее родное, слабое, человеческое сердце билось где-то внутри огромного дупла, отдавая ему свои силы. Ее тело стало пустой оболочкой, в которой больше не было человеческих слабостей, а глаза наполнились поистине жутким светом, от которого мороз драл по коже и бежали огромные мурашки. И становилось страшно от мысли, что она может никогда больше не прийти в себя. Страшно от того, что эта сила может не покинуть ее. И еще страшнее от смутного ощущения, что новое Сердце способно все грядущее тысячелетие провести именно так — в тесноте, в неизвестности, в полной неподвижности, среди зеленых лиан и лиловых шипов игольника. Зброшенное и совершенно не помнящее прошлого.

Марсо в ужасе обернулся к Викрану, но тот кажется, уже понял сам — опустил голову, пряча искажившееся лицо, опасно пошатнулся, а затем медленно отступил назад, бесследно пропадая в лиловом тумане. И призрак, утопая в густых клубках рядом с ним мог лишь бессильно наблюдать за тем, как рушатся его прежние планы и бесследно тают самые смелые надежды. Лишенный тела. Лишенный сил. Лишенный права на какое-либо вмешательство.

Лишенный даже надежного Источника и теперь способный только глухо стонать и проклинать себя за ошибку.

— Да-а... — донесся до него неистовый шепот давнего недруга. — Я уже чувствую Его... вижу... наконец-то, эта сила станет моей! И ей уже никто не сможет противиться! Даже Совет!

Марсо обреченно прикрыл глаза, не желая видеть, как постепенно становится светлее и прозрачнее туман, выпущенный Перводеревом. Как он по-змеиному извивается, клубится в ногах у дорвавшегося до власти архимага, как медленно, но уверенно втягивается в чужое тело, наполняя его нечеловеческой, жуткой, поистине чудовищной мощью... не нужно было даже смотреть, чтобы угадать торжествующую усмешку на лице директора Академии Высокого Искусства. Не нужно оборачиваться, чтобы заметить его искрящиеся силой волосы. Не нужно поднимать с дрожью взгляд, чтобы увидеть его расширенные, неестественно горящие зрачки. И не нужно быть столетним мудрецом, чтобы рассмотреть в этих зрачках знакомые до боли, невероятно яркие лиловые отблески, означающие грядущую Катастрофу для старого мира.

Альварис не оставит его прежним, — с горечью понял Марсо. — Он слишком любит власть. Слишком долго жил этой мыслью. Слишком долго шел к этой цели, чтобы сейчас, через много десятилетий, вдруг получив возможность разобраться со всеми своими врагами, не воспользоваться ей я не отомстить сполна. За свое ожидание, за долгий путь, за многочисленные неудачи. За то, что почти полвека ему пришлось потратить на трудоемкий поиск крохотной лазейки в Занд. За то, что все это время приходилось скрываться, прятать свои истинные намерения, заниматься утомительной работой на высоком посту, полученном благодаря смерти прежнего директора. За то, что нужно было заниматься учениками. За то, что их нужно было чему-то учить, тратя на это драгоценные годы. За то, что приходилось воровать силу из Источника, старательно таясь даже от преподавателей. За то, что надо было держать на лице безумно надоевшую маску заботливого наставника. За прорытый тоннель, на который ушли многие десятки лет. За невольников. За хлопоты. За потраченные силы. За

подспудный страх оказаться пойманным на горячем. За ненависть, разочарование от прежних неудач. За многие годы терпения и безвозвратно ушедшую молодость...

Впрочем, нет, Альварис получит ее обратно. Вернет себе утраченное. Нет, он УЖЕ ее получает! Вместе с силой. С могуществом. Ликованием победителя и поистине дьявольской улыбкой на изменившемся лице.

— Наконец-то!

Марсо медленно поднял потухший взгляд и тоскливо посмотрел на бывшего друга, который вдруг стремительно преобразился. Архимаг стал немного выше ростом, раздался в плечах, распрямился. Его лицо заметно разгладилось, мелкие морщинки в уголках губ почти исчезли, кожа вновь стала гладкой и ровной, сами губы заалели, словно насытившись кровью, крохотные седые волоски в пышной шевелюре полностью вернули свой прежний цвет. А глаза...

Призрак невольно вздрогнул, когда увидел их во всей красе: это были глаза безумца — нечеловечески яркие, горящие, ритмично вспыхивающие сиреневыми искрами. Плавающие злым торжеством глаза бывшего человека, неожиданно обретшего ситу бога.

Туман вокруг него уплотнился еще больше, став похожим на густой кисель, облепил подобно второй коже и втягивался, истаивал, буквально липнул мерзким паразитом, все теснее и теснее примыкая к коже, отчего она тоже приобрела ядовитый, какой-то мертвенный оттенок. Почти весь он собрался сейчас вокруг бывшего мага. Устремился, словно голодный зверь — на запах свежей крови. Как гиены к падали. Как акула к еще трепыхающейся жертве. И уже лишь тоненький ручеек оставался позади него, протянувшись от Перводерева гибким щупальцем.

— Наконец-то! — прошептал лер Альварис в третий раз, глубоко вдохнув. А потом запрокинул голову и неожиданно рассмеялся — громко, раскатисто, зловеще. Пугая этим смехом окрестности и еще больше — опасливо попятившихся магов за своей спиной.

Марсо без особого удивления встретил его горящий взгляд. Даже не расстроился, когда подметил злорадную улыбку — просто тяжело вздохнул и вынужденно признал, что, похоже, остался на этом поле в одиночестве. Айра ему больше не поможет. Кер, видимо, тоже: без ее слова он не сделает ни шагу, потому что сейчас он — не просто метаморф, а часть Занда, тесно связанная с его ожившим Сердцем. И он будет подчиняться Ему, будет слушать Его ритм, он не набросится на чужаков до тех пор, пока они не начнут угрожать Хозяйке, чей разум и воспоминания заблудились в бесконечной тишине вечности.

Он один. Действительно один, потому что от Викрана помощи больше не будет. Викран почти мертв. Он отказался от борьбы. Просто потому, что будет рад ее закончить и избавиться от ненужной, опостылевшей, проклятой навеки жизни. А значит, придется справляться самому. И за Викрана тоже. Придется как-то выстоять, выдержать, закрыть неразумного Охранителя собой.

И что с того, что собственного тела уже не осталось? Что с того, что силы уже не те? Что с того, что запасов Источника хватит лишь на жалкую минуту сопротивления?

Все равно: надо бороться. Надо идти до конца. Остановить Альвариса — как-нибудь, любыми способами и любой ценой, потому что после того, как он получит свою силу полностью, никто и ничто не сумеет его одолеть. Даже Айра.

Марсо сжал челюсти и твердо выдержал страшноватый взгляд бывшего друга.

— Убейте его, — благожелательно сказал лер Альварис, чуть повернув голову. — И пусть это случится медленно: я хочу видеть, как он мучается Сорвен... Альвин...

Однако ответа почему-то не последовало: пришедшие с ним маги замерли в каком-то странном ступоре и со смешанным чувством уставились на плотные языки сиреневого тумана, опутавшего их ноги. Они не взглянули на архимага, когда тот удивленно обернулся.

Не ответили на его вопрос. Даже не услышали, кажется. И не обратили внимания на то, как он недовольно нахмурился. А когда туман медленно вскарабкался по их телам, достигнув груди и горла, внезапно вскрикнули, страшновато захрипели и вдруг упали на четвереньки, содрогаясь всем телом, словно в конвульсиях.

Всего мгновение лер Альварис ошеломленно наблюдал за своими учениками, ломаемыми какой-то неумолимой силой. Лишь долю секунды неверяще взирал на их искажившиеся лица, покрытые крупными каплями пота, на их изогнувшиеся руки, скрюченные пальцы, раскрытые в беззвучном крике рты, стремительно чернеющую кожу, ставшую отчего-то толстой и блестящей, вытягивающиеся челюсти, отвратительно похрустывающие суставы, со щелчком меняющие свое положение... а потом изумленно моргнул и инстинктивно отступил на шаг, когда вместо людей с земли поднялись три матово-черные, покрытые прочным хитиновым панцирем, весьма крупные никсы.

— Что за...?

— Вы хотели силы, — бесстрастно сказала Сердце. — Вы ее получили. Вы хотели жить — вот вам новая жизнь. Вы желали служить, и эта просьба тоже исполнена: служите. Сильнейшему, как вы и сказали.

Звери неуверенно огляделись, словно совершенно не узнавали места. Заметив обрывки одежды, стесняющие движения, проворно встряхнулись, скидывая разорванные куртки, порезанные острыми когтями штаны, ненужные плащи, ножны, амулеты... и, глухо рыкнув, повернули страшноватые головы в сторону попятившегося архимага. А затем бесшумно обнажили длинные зубы, будто предупредили о чем-то, и поколебавшись, ровно потрусили прочь, равнодушно оставляя его за своей спиной.

Лер Альварис поджал губы, поняв, что остался совершенно один, но потом небрежно отмахнулся.

— Плевать. Теперь они мне не нужны. А с предателями я разберусь и сам. Марсо, ты готов умереть?

Призрак только искривил губы в усмешке.

— А ты?

— Брось, — архимаг брезгливо покосился на тоненькую сиреневую струйку, протянувшуюся от Перводерева в сторону бывшего приятеля. — Т твоих сил... даже сейчас, когда тебе их вернули... все равно недостаточно, чтобы бороться со мной. Только на один удар и хватит. Но даже он не сумеет пробить мою защиту, тогда как мои...

Лер Альварис с наслаждением вдохнул прохладный воздух и спустил с ладоней две длинные ветвистые молнии, едва не спалившие сиреневую листву.

— ...мои теперь таковы, что я легко могу уничтожить половину мира одним движением бровей. Не тебе со мной тягаться, Марсо. Особенно сейчас.

Марсо на мгновение прикрыл веки, ощущая, как быстро наполняется его дух почти позабытой мощью, а потом с горечью признал: Сердце не обмануло никого из присутствующих. Действительно не видело никакой разницы. Оно дало всем то, что было обещано. И дало именно в той последовательности, что сказала: сперва — Альварис, потом — его ученики и вот, наконец, дошла очередь до одного глупого призрака, решившего, что сможет бороться в одиночку.

Когда-то его сил хватало, чтобы на правах равного войти в Совет двенадцати сильнейших магов Зандокара. Когда-то он мог играючи рушить горы, поворачивать реки вспять, вызывать ураганы, смерчи, поднимать мертвецов, призывать и изгонять демонов, слать страшные проклятия... а теперь Альварис прав: даже этого сейчас недостаточно, чтобы противостоять сильнейшему магу Зандокара. Быть может, всего один удар или даже два Марсо успеет сделать до того, как его испепелят и бесследно развеют по ветру. Может, не будет даже этой возможности. А может, она будет и он успеет вложить туда все, чем владел. Все, что только оставалось еще в его душе. Все, чем когда-то владело тело. Вообще все, включая отчаяние, сомнения, бессильную злость.

Но Альварис слишком силен. Чересчур могуч. Он и раньше-то был сильным, а теперь, благодаря Сердцу, его сила возросла многократно. Никто не смог бы ему противостоять. Никому не под силу его остановить. Никто не сумел бы с ним справиться, но задержать... хотя бы на время... стоит хотя бы попытаться. Ради Викрана. Ради Айры. Ради учеников. Академии, простых смертных, ради Занда и остального мира... пожалуй, стоит отдать то, что имеешь, лишь бы не было больше этих страшных смертей. И стоит умереть, до последнего отдавая себя в попытке завершить это трудное испытание.

Получив обещанную силу. Марсо медленно выпрямился и с тяжелым сердцем посмотрел на Викрана дер Соллена — тот по-прежнему стоял неподалеку, не делая даже попытки вмешаться. Впрочем, он и не мог это сделать — его дар слишком ослаб. Особенно, по сравнению с мощью бывшего наставника. Так что и тут придется действовать самому. Все самому, как и много раз до этого.

Наверное, это Судьба?

— Один удар, — вдруг со смешком разрешил лер Альварис. — Так и быть: я дам тебе возможность сделать один-единственный удар, чтобы у нас с тобой была хотя бы видимость поединка. Но потом не обессудь — я ударю в ответ. И вот тогда ты поймешь, какую совершил ошибку, когда предал меня. Итак? Ты готов?

Марсо неслышно вздохнул.

— Да.

— Тогда я жду. Ну? Покажи, на что ты способен!

Призрак так же медленно поднял светящиеся синеватым светом руки, готовясь к своему последнему бою. На всякий случай загородил собой Айру, не полагаясь только на молчаливого Кера. Мысленно огорчился тому, что метаморф не делает даже попытки вмешаться, и постепенно формируя на ладони самое мощное из известных ему заклятий, все-таки не удержался — мельком взглянул. Однако жутковатая никса странного серого окраса едва заметно шевельнулась: мгновение держа недавнего друга под прицелом лиловых глаз. Кер вдруг странно повел мордой в сторону, чуть прищурился и быстро покосился куда-то влево.

Марсо машинально проследил за его взглядом и неожиданно замер, заметив тоненькую струйку тумана, так и продолжающуюся сочиться из-под корней Перводеревя. Эта струйка, беззвучно выбираясь наружу, умело пряталась в траве, искусно скрывалась за массивным телом неподвижно сидящей никсы, по-воровски пробиралась дальше, огибая ее и стелясь по земле призрачным щупальцем, старательно таилась от чужих взоров, огибала поляну по краю, почти теряясь из виду. Но до сих пор... постепенно... понемногу... потихоньку и почти незаметно... так и продолжала втягиваться в тело Альвариса!

Сам директор не видел: был слишком увлечен созерцанием обреченно поникших плеч

заведомо проигравшего соперника. Кажется, даже не чувствовал: полубезумное ликование от предвкушения победы было так велико, а эйфория от ощущения неуклонно прибывающих сил столь остра, что ничто иное не имело значения. Ни боль. Ни страх. Ни сомнения. Ни колебания. Ни даже того, что перстень на правой руке не просто разогрелся, переполнившись до краев, а уже угрожающе засветился неприятными лиловыми огнями.

Марсо мгновение ошарашенно взирал на змеиное кольцо, способное вместить не намного меньше силы, чем его собственный перстень. Странно застыл, лихорадочно размышляя. Метнулся взглядом влево, вправо, безошибочно перехватив предупреждающий взгляд Кера, умело загораживающего собой эту лиловую ниточку. Наконец, вспомнил потерявших человеческий разум нике, вспомнил в точности то, о чем попросил у Сердца Альварис, очень вовремя припомнил свое собственное прошлое и судорожно сглотнул.

А потом резко передумал нападать.

— Это еще зачем? — расхохотался лер Альварис, когда вместо атакующего заклятия Марсо с поразительной быстротой сотворил защитное. Да не простое, а такой мощи, какую от него директор Академии даже не ожидал. Причем сотворил не просто так, не для себя одного, а зачем-то заключил в гигантский Защитный Круг и Перводерево и Айру, неподвижно застывшую внутри, и терпеливо ожидающуюся команды никсу, окаменевшего дер Соллена, и даже спящего мальчишку, который больше никогда не сумеет проснуться.

Он сделал это вопреки здравому смыслу. Наперекор логике. Будто вдруг с ума сошел, распознав истинное могущество соперника, и, испугавшись, совершил последнюю в своей жизни глупость: не попытался вырвать победу в последний миг. Не стал бороться. Не решился противостоять. А как последний трус залез в невидимую раковину, постаравшись намертво законопатить в ней все щели, закрыть все двери и окна. И, кажется, верил в то, что это его спасет. Более того, истратил все имеющиеся у него силы. Действительно ВСЕ! До последней капли. Слово не было для него ничего более важного, чем эта дурная, бесполезная, совершенно ненужная и абсолютно неэффективная Сеть.

— Глупец, — хмыкнул архимаг, поднимая руки. — Я дал тебе шанс, а ты им не воспользовался.

Марсо, лихорадочно заканчивая последние штрихи своей защиты, даже не повернул головы.

— Что ж, ты сам выбрал... прощай Марсо.

Лер Альварис не стал дожидаться, когда торопливо работающий призрак завершит свой нелепый Щит — незачем, Марсо это все равно не поможет. Было бы конечно, забавно сразиться с ним теперь, когда все его преимущества сошли на нет, любопытно понаблюдать за тем, как гаснет надежда в его глазах и вместо нее проступает неподдельное отчаяние. Забавно было бы видеть, как корчится он от боли в несуществующем теле, и еще забавнее сполна вкусить долгожданной победы, до последнего наслаждаясь ощущением собственного всемогущества... но увы. Марсо. внезапно струсив, испортил грядущий триумф. Хотя, разумеется, будет интересно узнать, как скоро развалится и развеется в прах его самая лучшая, самая сложная и самая великолепная из когда-либо созданных защит.

Секунду? Две?

Лер Альварис хищно усмехнулся и потянулся за Озарением. Он не сомневался в успехе и был уверен в том, что легко сомнет упрямого духа, не нашедшего ничего лучше, как спрятаться за хлипкой скорлупой магической защиты. Он бестрепетно прикоснулся к Озарению, приятно удивившись его напряженности и мощи, с размаху зачерпнул, собираясь

дотла спалить и живых, и мертвых, мысленно улыбнулся, когда это удалось потрясающе легко, и играючи создал на ладони Огненное Колесо. Правда, таких огромных размеров, что это сделало бы честь и Безымянному Богу. После чего улыбнулся снова, вдоволь налюбовался своей новой силой, удовлетворенно кивнул, а потом резко сжал ладонь, намереваясь отпустить смертоносное заклятие.

И только сейчас заметил, как медленно осыпается еще теплый пепел с его безымянного пальца — все, что осталось от любовно созданного, старательно выточенного, много лет заполняемого силой кольца.

— Что за...? — лер Альварис недоуменно нахмурился. А потом опустил взгляд себе под ноги и неверяще распахнул глаза, запоздало подметив крохотную лиловую струйку, до сих пор вливающуюся в его тело бесконечным потоком чужой силы. Ее оказалось так много, что даже древний перстень, не выдержав напора, сгорел дотла. Она наполняла его постепенно, исподволь, плавно распределяясь по всему телу. Сперва восстановила резервы, затем заполнила внешний Источник. Потом пропитала кожу, заставив ее светиться и испускать неприятное сиреневое свечение, затем — легкие, вырываясь изо рта облачками плотного тумана. Теперь добралась до рук, сочась оттуда слабыми искрами. Но даже сейчас сила все прибывала и прибывала, пропитывая его насквозь, упорно стремясь внутрь, входя против воли, уже с трудом, сгущаясь и почти костенея, вливаясь бескрайней рекой, нескончаемой волной, непрерывно усиливающимся водопадом... нет, уже не водопадом, а почти морем... да какое там! Целым океаном!

Архимаг вздрогнул от ощущения, что что-то упустил, и быстро поднял голову: вставшая на ноги никса смотрела на него без всякого сочувствия. Смотрела внимательно, пристально, изучающе, безжалостно следя за тем, как искрятся и сверкают его резко посветлевшие волосы. Как все сильнее светится кожа, истончаясь под бешеным напором чужой силы. Закона становится прозрачнее и некрасивее. Как бьют из-под нее упругие лучи, не сумевшие уместиться внутри, но как упорно они стремятся обратно, входя уже насильно, медленно и тяжело, но по-прежнему — неумолимо, грозя в скором времени разорвать на части. А под никсой, прячась в высокой траве, скрытый за ее телом, за ее странноватой аурой, искусно замаскированный и почти незаметный, буквально бурлит мощнейший силовой поток, по сравнению с которым вся обретенная недавно мощь бывшего директора выглядит жалкой лужей.

Он содрогнулся от мысли, что вся эта мощь стремится сейчас в его тело. В панике обратился вовнутрь, пытаясь хоть немного приостановить этот поток, но тут же похолодел — напор из еле заметного вдруг стал таким неистовым, что грозил буквально разорвать его на части. Как плотно закрытый котел, исходящий горячим паром. Как чрезмерно надутый воздухом шар. Как переполненный пузырь, у которого перекрыли дырочку. Просто потому, что человеческое тело не было приспособлено к такому испытанию. Оно не умело перерабатывать ТАК много энергии. Оно не умело ее хранить в ТАКИХ количествах. Оно просто не способно выдерживать ЭТО, но и высвободить его было уже не в состоянии — могущества стало СЛИШКОМ много! Оно — как плотина, готовая прорвать неумел построенную дамбу. Как плотно закрытое горлышко у бутылки, в котором намертво заклинило пробку. Стоит только посильнее тряхнуть или коснуться Озарения, выпуская эту мощь на свободу...

Он опустил взгляд на свою руку со стремительно гаснущим Колесом, откуда сила неестественно быстро уходила обратно в ладонь, и резко побледнел.

— Всевышний...

— Что? — прошептал Марсо, напряженно застыв напротив. — Силы много не бывает? Да, верный враг мой? Этого ты не учел?

Лер Альварис пораженно обернулся, внезапно осознав, что проклятый дух ЗНАЛ ВСЕ, и с новым пониманием уставился на сотворенную им Защитную Сеть: мощную, широкую, способную закрыть Перводерево от любой напасти. Даже от грядущего взрыва — того самого, что наверняка вскоре уничтожит почти все вокруг.

Марсо криво улыбнулся.

— Не подумал, что человек не способен вместить СТОЛЬКО? Не подсчитал, сколько можешь вместить ты сам? Или решил, что, получив силу бога, можешь сравниться с Ним? Ведь Сердце — это и есть наш Бог. То, без чего Зандокар не выживет. В нем — наши силы, радость и горе, колебания, сомнения, счастье и беды, ненависть и любовь... Оно — это все. А ВСЕ не может быть измерено человеческими мерками. И не может существовать там, где для него нет свободы... разве ты не знал об этом? Не знал, что нельзя стать богом, оставаясь по — прежнему человеком? Не понял, почему я когда-то остался без тела?

Архимаг вздрогнул.

— Да, — прошептал призрак. — Это правда. Когда-то я совершил ту же ошибку, что и ты сейчас.

— Но ты же не добрался!!! Не дошел до НЕГО!

— Кто тебе сказал?

— Ты... — лер Альварис резко осекся, а потом встретил полный понимания взгляд Кера и тихо взвыл. — Проклятье! Ты меня обманул!!!

Марсо невесело улыбнулся.

— Нет. Я просто забыл: Сердце забрало мою память ровно с того момента, как я ступил на его границу. Вместе с мыслями о смерти. Вместе с ответами. И воспоминаниями о том, за что мне отмерено такое наказание. Я только сейчас вспомнил: увидел тебя и вспомнил, что уже пережил это однажды.

— МАРСО!

Ты прав: я действительно был здесь, — прошептал дух. — Действительно дошел, добрался до Перводерева. Стоял перед Ним дурак дураком и точно так же как ты, просил для себя всякую чепуху. Только на вопрос, сколько я хочу силы, я ответил иначе. Захотел еще больше, чем ты. Пожадничал. Попытался забрать все, чем Оно владеет. Итог тебе известен — я почти мертв. Я — тлен, прах, жалкое облачко пара. Но я все же уцелел какой-то крохотной частью. А ты... боюсь, ты даже сейчас не настолько силен, чтобы стать вторым Сердцем. Жаль только, что я сразу об этом не подумал. Жаль, что я так долго не помнил. Жаль, что мою память поглотило забвение. И жаль, что в тот раз истинного Сердца здесь не было. К моему огромному сожалению и к огромному же счастью, иначе конец мой был бы гораздо печальнее: я бы так и не узнал, что же это такое — Сердце Зандокара. Цельное. Истинное. Живое и непокоренное. Согласись, за подобное знание стоит умереть. Ты же ученый? Исследователь? Естествоиспытатель? Чувствуешь величие момента? И Его ты тоже чувствуешь, правда? Так же, как я в свое время.

Лер Альварис с суеверным ужасом уставился на спокойно взирающую на него Айру. Живую, невредимую, легко выносящую ту жуткую мощь, что бурлила внутри Перводерева, и самый краешек которой он успел перехватить. Она отдала ему сравнительно немного — даже не половину того, чем владела, а треть... или же меньше. А остальное все еще

клокотало внутри нее. Все еще жило. Раскручивалось могучими потоками, образуя гигантскую лиловую спираль. Бурлило, требовало выхода, все быстрее и быстрее переходя в дрожащее от напряжения тело архимага.

— Но она же...?!

— Она в порядке, — еще тише прошептал Марсо. — Просто потому, что живет сейчас не только за счет своих сил. Ее питает не только Дерево.

— ЧТО?!

Лер Альварис вздрогнул, когда его пальцы сами собой выстрелили целым снопом неестественно ярких лиловых искр, и опасно пошатнулся, невольно спустив с ладоней готовое заклятие. На мгновение понадеялся, что хотя бы так обретет облегчение. Что хотя бы этим сумеет спастись. Однако оно вместо того, чтобы ударить, почему-то взмыло почти вертикально вверх, не задев Марсо даже краем, а потом медленно и величаво вернулось, постепенно втягиваясь обратно в его тело и рассыпаясь над деревьями бесполезными алыми остатками.

А потом — ничего. Ни нового всплеска, ни заклятия, ни иного выхода — силы внутри стало так много, что она уже пригибала к земле. Разрывала изнутри, стремилась на волю, выбивалась из каждой поры, из каждой клеточки... однако и это уже не спасало: она прибывала слишком быстро.

— Но КАК?! — лер Альварис горестно застонал, не понимая, откуда у девчонки взялась такая стойкость. Она ведь тоже человек. Она еще слабее, чем он. Она мелкая, одинокая, несчастная и никому не нужная. У нее есть только метаморф, но и он тут не помощник. Да и не пытается он забрать хотя бы часть ее сил — это попросту не нужно: Айра вполне справлялась сама. Вот только почему? Почему, если силы у нее еще меньше?!..

Архимаг вдруг увидел безжизненное лицо Викрана, его истончившуюся ауру, истерзанный дар, и внезапно все поняв, резко отшатнулся.

— ТЫ?!!

Дер Соллен слабо улыбнулся.

— ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ?!

— Отдал ей свою силу, — неслышно уронил боевой маг. — И стойкость. Ты же знаешь: Инициация — как маятник. Она работает в обе стороны — можно взять все, что захочешь, а можно и наоборот — отдать то, что считаешь нужным. Ты ведь не зря следишь за теми, кто приходит на Первые Балы?

— Что?! — неверяще вскрикнул лер Альварис. — Ты отдал?! ЕЙ?! СКОЛЬКО?!

— Все, что мог.

Директор, наконец-то осознав ту единственную причину, по которой ученик все еще не вмешивался, не боролся и даже не пытался противостоять, оставаясь абсолютно безучастным и каким-то помертвевшим. Увидел его погасшую ауру, опустевшие глаза, на мгновение прислушался к оставшемуся резерву, но тут же понял все и глухо застонал:

— Безумец! Ты сжег свой дар дотла! Ты больше не сможешь призвать Озарение!

Викран дер Соллен улыбнулся чуть шире.

— Я не жалею.

— Сумасшедший... ненормальный... идиот... зачем ты это сделал?!!

— Я не мог иначе.

— Почему?! — взвыл стремительно истончающийся, буквально тающий, словно кусок сахара в горячей воде, архимаг. — Что тебя заставило?! Что в НЕЙ такого, что ты готов

умереть?!!

— Все, — тихо прошептал мастер Викран, обернувшись к Айре и долгим взглядом посмотрев на ее неподвижное, невероятно бледное лицо, на котором пылали огнем лиловые глаза. — Она — это все. Целая жизнь. И смерть. Воля. Свобода. Сила. Боль и счастье.. абсолютно все. Но ты не поймешь. Для тебя это недостижимо. Это — только моя боль и мое счастье. Моя жизнь и смерть. В любой день. В любой год. В любое время дня и ночи. Отныне и навсегда... просто я слишком поздно это понял. Тоже — из-за тебя.

Лер Альварис пораженно застыл, увидев что-то странное в глазах бывшего ученика. Что-то невероятное, невозможное, немыслимое, чего вообще не должно было быть. Что-то, отчего на голове волосы поднимались дыбом, дыхание перехватывало и отчаянно звенело в ушах.

— Но так не бывает! — неверяще простонал он, светясь уже целиком и едва не распадаясь на части. — Не бывает... никогда! Ты не мог... во второй раз... это совершенно невозможно!!!

— Ты прав, — Викран дер Соллен даже не обернулся — неотрывно смотрел на неподвижно застывшую девушку, настойчиво выискивая в ее глазах признаки понимания. Хоть один знак, что был услышан. Хотя бы легкую улыбку, гримасу, неуловимое движение бровей, трепет ресниц, хоть одну слезинку... тщетно. Айра видела перед собой только пустоту. Слышала что-то другое. Не чувствовала ничего, что переживала когда-то человеком, и ничем не показывала, что все еще помнит.

Он не обернулся даже тогда, когда за спиной послышался стремительно нарастающий гул. Когда поляну неожиданно залило ярким сиреневым светом, буквально утопив ее в этом сиянии. Когда ставшую полупрозрачной фигуру архимага внезапно искорежило, изломало и скрутило долгой судорогой, он побледнел еще больше, беззвучно закричал, растворяясь в небытии и будто тая под бьющими изнутри лиловыми лучами. Следом донесся долгий протяжный свист, сменившийся обреченным стоном, а потом донесся звук мощного взрыва, окончившегося гулким ударом о вовремя поставленную защиту Марсо.

Он не стал оборачиваться, когда небо внезапно осветилось над всем Зандом, будто в яркий солнечный день. Когда порыв сильного ветра с воем ударил в магический Щит, и будучи слишком сильным, все-таки сумел его поколебать, заставив мелко дрожать, опасно прогибаться и натужно скрипеть, как плохо смазанную телегу. Какая-то его часть даже смогла проникнуть внутрь, ошутимо толкнув в спину. Но Викран дер Соллен даже не покачнулся. И не поднял головы, когда над ним вдруг вспыхнула яркая звезда, а потом рассыпалась миллионами сиреневых искорок, спустившихся обратно на землю радужным дождем.

— Вот так, — перевел за его спиной дух Марсо. — Выдержал... что странно. Даже почти не порвался. И мальчика укрыл, что вообще удивительно. Видать, я и в прошлой жизни был ничего, раз даже после смерти смог удержать эту гадость на своем Щите. Одно хорошо: теперь я по крайней мере, знаю, почему тогда меня испарило на месте. И могу оценить по достоинству это некрасивое зрелище. Викран, ты живой?

— Нет, — бесстрастно отозвался боевой маг.

— Ага... значит, не задело. И то ладно. Все же я мог не рассчитать. Или сил бы не хватило. Кажется. Айра слегка меня переоценила, не находишь?

Викран дер Соллен не ответил, но Марсо и не ждал от него ненужных слов: убедившись, что никаких последствий от гибели бывшего директора Академии Высокого Искусства не

осталось, он окинул опустевшую поляну придиричивым взглядом, проследил за тем, как растворяются в воздухе последние сиреневые искорки, и облегченно вздохнул.

— Хвала Всевышнему, управились... конечно, не так, как я рассчитывал, но все же... Викран, не стой столбом, тебе еще рано умирать. Айра, девочка моя, очнись: у меня есть к тебе одна крохотная просьба!

Она вздрогнула всем телом, будто услышав, впервые закрыла глаза, и, выскользнув из неохотно разжавшихся лиан, медленно сползла на мягкий зеленый мох.

Двор Академии был погружен в непроглядную темноту — холодную и недобрую. Когда-то ее слабо расцвечивали охранные заклятия вдоль высокой кирпичной стены, отгораживающей первокурсников от старших учеников, но с тех пор, как Сети были уничтожены игольником, внутреннее пространство между корпусами освещалось только слабыми огоньками Оранжереи. Да и то — лишь рядом с ней. Тогда как все остальное было затоплено непроглядным мраком и излучаю нешуточную угрозу.

— Быстрее! — прошептал Грэй Асграйв, прокрадываясь под деревьями. — До отбоя всего полчаса! И чуть меньше до того, как включится Сигнальная Сеть! Кто-нибудь хочет поджариться?

Вэйр проползая под окнами Оранжереи, благоразумно пригнулся, а пробирающийся перед ним Войтек зябко передернул плечами.

— Да уж... если мы не успеем вернуться, будет такой шум...

— Может, не надо так рисковать? — робко подал голос кто-то со спины.

Грэй Асграйв презрительно скривил губы.

— Можешь топать обратно, Олеро! А я собираюсь узнать, что же от нас прячут, раз потребовалось строить эту дурацкую стену! Да еще игольником ее засаживать, лишь бы мы не видели, что там творится!

— Но правила...

— Плевал я на правила!

— Тебя могут исключить!

— Ничего, — усмехнулся Асграйв, упорно двигаясь вперед. — Если мы поторопимся, никто не узнает.

Вэйр настороженно покосился на его спину, но промолчал, а про себя подумал, что если за Грэя кто-то и вступится, то за него самого — вряд ли. Разве что тот маг, который некогда его отыскал и привел сюда, хотя и это маловероятно: зачем бы ему беспокоиться за какого-то чужого, безродного и своенравного мальчишку, по глупости вздумавшего нарушить строгий приказ директора? Правила тут были одни на всех. Если нарушил — будь уверен, что накажут. Неважно, откуда ты родом, к какой семье принадлежишь, сколько слуг имел в прошлом и у каких портных одевался в столице: раз пообещали исключить, значит, так и будет. Правда. Асграйв почему-то уверен, что его это не коснется, но у того есть хотя бы причины для такой уверенности, а Вэйр... если вдруг станет известно, что он пребывал вне своего корпуса после отбоя, то немедленно останется без дара силы, воли и едва зародившейся гордости за свои способности. После чего его без сожаления вышвырнут с острова и навсегда вычеркнут из числа молодых магов.

Юноша почувствовал неприятный холодок между лопаток и невольно передернул плечами: хороша перспектива... разве что родителей он увидит гораздо раньше, чем надеялся? Но все же это — совсем не тот способ, которым он собирался их отыскать. Совсем. Он не понял до конца, зачем Асграйв затеял эту опасную прогулку: поспорил ли с кем-то, решил ли что-то себе доказать, устал от ощущения надежно запертой мышеловки, в которой все они оказались... Вэйр не знал подробностей. Но когда четверка парней, включая Олеро, Войтека и Сив ила ан Тарио собралась нарушить строжайше соблюдаемый распорядок, Вэйр зачем-то согласился пойти с ними. А теперь отчаянно сомневался и гадал: не сделал ли он

глупость? Причем самую большую в своей недолгой жизни?

Юноша уже успел вызнать, что незадолго до его прихода в этой компании был еще один ученик — Бриан дер Воллен. Но тот по каким-то причинам был отобран преподавателями для ранней Инициации и еще до каникул покинул класс, чтобы шагнуть на ступеньку выше и уйти к старшекурсникам. Правда, Грэй утверждал, что такого не должно было случиться, ведь Бри здорово отставал в учебе от большинства парней, но тут уж, видимо, имели значение не только теоретические успехи. Хотя, кажется, этот вопрос не давал молодому Асграйву покоя. Вернее, ему не давал покоя сам факт, что кого-то посчитали лучше и избрали первым, оставив его важную персону влачить жалкое существование с первокурсниками. Кажется, его задевало выказанное учителями пренебрежение. И еще больше раздражало ощущение несправедливости, ведь в своей стихии Грэй далеко превзошел остальных. Особенно Бри.

«Может, он собирается рвануть на ту сторону? — вдруг вздрогнул Вэйр. — Хочет выяснить, почему Бри забрали первым? Или попробовать его там отыскать, чтобы узнать, в чем дело?»

Юноша поежился.

«Да нет, — ответил сам себе. — Он не может быть настолько ненормальным. Это чересчур рискованно. Да и через стену не перебраться — она слишком хорошо защищена. И заклятием, и игольником».

— Вот она, — вдруг прошептал Асграйв, остановившись за углом Оранжереи. — Ну что парни, вы со мной?

Войтек с откровенным сомнением оглядел убегающую в бесконечность кирпичную стену, еще хранящую на себе следы пребывания игольника. Он хорошо знал, что злобное растение на самом деле не выкорчевали и не вышвырнули на мусорную кучу — просто перенесли. Причем занималась этим неблагодарным делом лично мадам дер Вага с помощью Айры и того самого старшекурсника, что некогда помогал ей с физической подготовкой, Бриер, кажется? Так вот: этот самый тип весьма спокойно общался со смертоносным созданием Занда и довольно непочтительно отмахивался от настойчиво лезущих в уши зеленых усиков, которые недовольный Шипик пихал в своего «садовника» во время переезда. Однако эти двое были практически единственными, кого допускало к себе разумное растение. И кто рисковал заходить за Охранные Круги лера Леграна и мастера Викрана. А всех остальных игольник просто терпел и охотно хлестал колючими ветками, если кто-то вдруг рисковал просто подойти без разрешения. Так что в некотором роде с исчезновением прежних заклятий Академия ничего не потеряла — игольник прекрасно справлялся со своими обязанностями, а окружившая его новая Защитная Сеть, созданная дер Солленом, была готова немедленно сообщить о нарушении границ.

Одно хорошо: Сеть эта стояла на территории старшекурсников, срабатывая лишь тогда, когда ее тревожили оттуда. А здесь, возле Оранжереи и корпусов «малышних», можно было не бояться затронуть охранное заклятие — для этого нужно было, как минимум, забраться на стену или же пробить ее насквозь. Но поскольку таких дураков прежде не находилось, то и преподаватели не беспокоились. А похоже зря.

Вэйр неверяще замер, когда Грэй Асграйв решительно приблизился к стене и осторожно тронул глубокую трещину, оставшуюся после одного из шипов игольника. Руки его были закрыты перчатками, чтобы не оставлять следов ауры, на теле красовался костюм для занятий с лером Дербером на ногах — мягкие туфли, скрадывающие шаги. И только

лицо он оставил открытым — так, что сейчас стала видна странноватая улыбка и откровенно прицельный взгляд, брошенный им на самый верх.

— Грэй, ты что задумал? — беспокойно заерзал Войтек.

— Ничего особенного, — задумчиво отозвался Асграйв, ощупывая старую кладку. — Собираюсь глянуть, что там — на той стороне. И выяснить, отчего ее от нас так настойчиво закрывают.

— Что?!!

— Да. Чем демоны не шутят... может, Бри отыщется?

Вэйр чуть не фыркнул: ну, точно — уязвленная гордость выиграла. Теперь Асграйву не дает покоя мысль, что кто-то оказался лучше и достойнее. Кого-то (но не его!) выбрали для чего-то большего, нежели учеба с первогодками. Как же... он ведь такой знатный... весь из себя знаменитый... важный, богатый и значимый. И с Огнем дела у него идут лучше всех в классе. И силы, что неудивительно, побольше, чем у того же Бри. И с Дербером он на короткой ноге. И лучше всех с рапирой управляется. И знает-то достаточно... все больше, чем тот же Бри и еще двое парней, ушедших с ним ко второму курсу...

Грэй Асграйв неожиданно обернулся и пристально оглядел замаявшихся приятелей.

— Кто со мной?

Юноши вздрогнули от неожиданности и опустили взгляды: никому не хотелось вылететь из Академии и испытать весь позор, что достанется после этого неудачнику. Ведь лишиться дара — это почти то же самое, что лишиться души. Тому, кто хоть раз дотронулся до Озарения, невыносима сама мысль о том, что больше этого не удастся сделать никогда. Тот, кто творил когда-то настоящий Огонь, подчинил себе Воду или вызывал Ураган, будет тосковать по ощущению всемогущества, захлестывающего тебя целиком, будет жить, не чувствуя вкуса к жизни, будет чахнуть, как оставшийся без полива цветок. Лишиться дара — трудное и невыносимое испытание. Это значит — утратить себя больше, чем наполовину. Это как приговор. Страшное наказание и почти что смерть. И рисковать умереть даже наполовину ради чьих-то амбиций...

Войтек прикусил губу.

— Грэй...

— Что? Испугались? — Асграйв презрительно скривился.

— Нет. Но не надо этого делать.

— Почему? Что мне грозит? Исключение? Ха-ха!

— Грэй, не стоит так рисковать, — присоединился к южанину Олеро. — Игольник тебя не пропустит.

Грэй фыркнул.

— Ему запрещено убивать учеников! Он ничего нам не сделает!

— Он подаст сигнал дер Соллену, — тихо согласился Сивил.

— Дер Соллена нет в Академии!

— Он скоро вернется.

— Ну и что? Ему еще надо будет доказать, что здесь побывали именно мы!

Войтек покачал головой.

— Нет. Не нужно будет ничего доказывать: как только станет известно, чьи ауры остались, он даже разбираться не будет — тут же заблокирует дар и потащит к директору. А лер Альварис четко предупредил, что не стоит ждать никаких поблажек — тот, кто нарушит границу, будет немедленно наказан и, вероятнее всего, исключен из Академии. Но даже если

до исключения дело не дойдет, то дер Соллен все равно из тебя душу вытрясет. И после того, как с тобой закончит он, ты еще долго не сможешь обращаться к Озарению. Охранители, говорят, владеют какой-то особой магией и умеют забирать чужие дары. Так что не стоит. Грэй. Действительно не стоит.

Асграйв сплюнул.

— Ну и демон с вами. Сидите, трусы, а я попробую. Надоело чувствовать себя крысой в мышеловке. Хочу знать, что ТАМ творится на самом деле и почему туда запрещено даже заглядывать.

Вэйр мысленно покачал головой.

— Эй, белобрысый! — вдруг раздалось от стены, и он изумленно вскинул голову. — Может, хоть ты не струсил?

Юноша непонимающе уставился на усмехнувшегося соседа.

— Пойдешь со мной? — кивнул на стену Асграйв. — Рискнешь? Или останешься тут дожидаться, пока я слезу? Тоже в штаны наложишь, как эти...

Вэйр нахмурился, оглянувшись на Войтека, но тот только глаза отвел — рисковать своим даром парень не хотел. И остальные не хотели тоже: слишком много было сделано, чтобы они попали в Академию. Слишком много пережито, выстрадано и усвоено, чтобы вот так, в одночасье, все разрушить из-за сиюминутного любопытства.

— Ясно, — снова сплюнул Грэй. — Струсил... сопляк!

— Нет, — неожиданно сказал Вэйр. — Я пойду.

— Что?! — приглушенно ахнул со спины Войтек. — Ты спятил?!

— Я пойду, — твердо повторил Вэйр, и Асграйв растянул губы в хищной усмешке.

— Отлично. Хоть один из вас оказался смелее кролика. Идем. Надо торопиться: вылететь из Академии я тоже не хочу, так что надо уложиться до отбоя и сделать так, чтобы никто ничего не узнал.

Провожаемый неодобрительным взглядом недавно обретенного приятеля. Вэйр следом за Грэем подошел к стене. Внимательно ее осмотрел, подивившись про себя тому, насколько глубокие выбоины остались в кирпиче от шипов игольника. Осторожно ощупал, прикидывая, как будет забираться. Наконец, покосился на уверенно взявшегося за края первой трещины соседа и поджал губы: в общем-то, подняться наверх вполне реально. Заклятий тут нет, никто не мешают, в спину не толкает и не улюлюкает. По горам Вэйр еще в детстве успел налезть вдосталь, а там таких удобных выбоин почти не бывает — глубоких, идеально ровных, почти не крошащихся по краям и вполне достаточных по размерам, чтобы ухватиться пальцами. А некоторые настолько велики (видимо, туда шипы вгонялись на всю глубину), что на них можно опереться и ногой. Неудобно, конечно, но все же лучше, чем ничего.

«Смогу, — решил для себя Вэйр, осторожно ставя ногу на какой-то валун. — Не сложнее, чем в горах».

Перехватив насмешливый взгляд Асграйва, он как можно небрежнее усмехнулся в ответ и легко подпрыгнув, уцепился сильными пальцами за одну из трещин. Затем ловко подтянулся, смутно подивившись, что после весла это не кажется таким уж сложным, нащупал пальцами ног первую подходящую выбоину и осторожно оперся.

Стена выдержала.

Вэйр тихонько перевел дух и подтянулся выше, стараясь прижаться к стене не только животом, но и всем телом, распластавшись по ней, словно ящерица, буквально слившись,

прильнув, как к любимой девушке. С трудом балансируя на одной ноге, он крайне осторожно переставил вторую. Убедился, что не сверзится на головы дожидających внизу одноклассников, и еще осторожнее передвинул руку. Сперва левую, а затем и правую, оказавшись немного выше. Затем повторил этот трюк еще несколько раз. Снова покосился на Грэя, но у того дела шли почти так же хорошо — по крайней мере, до середины стены они добрались одновременно. Потом Асграйв слегка отстал, потому что в Лире не имел возможности тренироваться в скалолазании, один раз неудачно наступил и едва не сорвался, но молодое и сильное тело справилось — отыскало новую опору, удержало хозяина на кончиках пальцев и не позволило упасть.

Грэй, заметив, что Вэйр настороженно замер, только отмахнулся.

— Лезь. Я в порядке.

Юноша кивнул, перестал беспокоиться и уверенно достигнув самого верха, осторожно выглянул, но стена была совершенно пуста. Ни заклятий, ни шипов, ни зеленой массы, свидетельствующей о том, что игольник уже заполонил собой всю округу... ничего. Только кирпич, прочная кладка, следы некогда положенного раствора и толстый слой пыли, который еще не успели сдуть редкие на острове ветра.

Вэйр слегка приободрился: кажется, Грэй был прав? Если не спускаться на ту сторону, это вполне безопасно? Игольник давно сожрал все Щиты и Охранные Сети, что когда-то были над стеной. Не пожалел ни одной сигнальной ниточки. Все поглотил, до чего смог дотянуться, и оставил самую верхушку ничем не защищенной. Вставай себе во весь рост, бесстрашно выпрямляйся и осматривайся, сколько влезет — никто не помешает. Сам игольник вольготно расположился внизу, не достигая края стены каких-то пары ладоней. Так что если его не тревожить, не плевать сверху и не колдовать, он вообще ничего не почувствует. А если и почувствует, то все равно не достанет — тут слишком высоко.

Выбравшись наверх, Вэйр быстро осмотрелся и почти сразу успокоился: стена была достаточно широка, чтобы не рисковать оступиться. Примерно настолько, что на ней легко могли разминуться два крупных парня, едва-едва коснувшись друг друга плечами. Так что можно не бояться упасть. Ну разве что камень какой под ногу подвернется или столкнет какой-то «доброжелатель», а так — нет. Пожалуй. Грэй и тут оказался прав.

— Так я и знал, — приглушенно прошептал Асграйв следом за Вэйром выбираясь на вершину стены. — Раньше Сеть стояла точно посередине и спускалась по обе стороны, а теперь игольник высосал ее почти полностью и сделал неактивной. Хотя, конечно, на ту половину я бы тебе не советовал переходить.

Юноша окинул долгим взглядом раскинувшийся под стеной парк, внимательно глянул на зеленый ковер из листьев, покрывающий стену до самой земли, и благоразумно отступил на шаг, опасаясь разбудить опасное растение.

— Деревья, — неопределенно обронил Грэй. — Надо же... всего лишь деревья... признаться, я ожидал гораздо большего. Пойдем, глянем, что дальше.

Вэйр непонимающе оглянулся, но Асграйв, игнорируя испуганный вздох снизу, уже повернулся и быстрым шагом направился прочь, старательно следя за тем, чтобы не ступать на середину стены или дальше. Шел по самой кромке, опасно балансируя на краю, но шел уверенно, словно не в первый раз, и время от времени поглядывал в сторону парка старшекурсников, будто настойчиво что-то выискивая.

— Вэйр! — тревожным шепотом позвал Войтек.

— Все в порядке, — отозвался юноша. — Там ничего страшного: просто деревья. Грэй

хочет взглянуть, что дальше.

— Слушай, скажи ему, что уже хватит! Пускай возвращается: скоро отбой!

Вэйр кивнул и двинулся следом за Асграйвом, с не меньшей осторожностью и одновременно любопытством. Однако в темноте удалось рассмотреть не так уж много: ровные ряды старательно подстриженных кустиков, тщательно посыпанные песком дорожки, несколько резных скамеек наподобие тех, что стояли в их собственном саду, какие-то статуи, два крохотных, но красивых фонтана... да, всего лишь парк. Ничего плохого или ужасного. Даже странно, что его так тщательно отгородили от первокурсников. Но может, дальше что-то прояснится?

Юноша быстро нагнал легконогого соседа, успевшего одолеть уже немалую часть стены, и снова покосился в сторону. Но в парке ничего не изменилось. Те же деревья, кусты и скамейки, которых стало несколько больше. Те же дорожки и вполне объяснимая пустота, в которой не было видно ни одного человеческого силуэта. Еще бы. Наверное, старшим ученикам тоже не давали вдоволь нагуляться по ночам.

— Ну что? — спросил он остановившегося Асграйва.

Тот непонятно поджал губы.

— Пусто.

— Ночь же. Скоро отбой.

— Ну, мы же пришли.

— А они может, больше уважают правила, чем мы. — предположил Вэйр, на что Грэй со смешком обернулся и пристально посмотрел.

— Уверен?

— Нет, — хмыкнул и Вэйр. — Но мы в любом случае выяснили, что ничего особенного тут не прячут.

— Может, прячут дальше?

— Не исключено. Но сегодня мы этого точно не узнаем.

— Ого! — Асграйв с каким-то новым интересом окинул взглядом поразительно спокойного аргаирца. — Хочешь сказать, что не прочь полюбопытствовать еще?

— Не сегодня, — твердо ответил Вэйр. — Пойдем, нам пора возвращаться: времени почти не осталось, а нарваться на охранные заклятия я как-то не хочу.

— Думаешь, я хочу? Ладно, пошли. Где там наши? Нагнали или до сих пор торчат у Оранжеви, как трусливые крысы?

Юноша быстро покосился вниз, отыскивая взглядом темные фигуры Войтека, Сивиля и Олери, но, к собственной досаде, убедился — парни действительно остались возле Оранжеви, не рискнув пойти следом. Кажется, опасались, что Сигнальную Сеть или уже включили, или же включат в скором времени и они просто не успеют отскочить. А в такой ситуации гораздо безопаснее наблюдать за происходящим издали, на надежном пятчке возле ухоженной дорожки, до которой Сеть никогда не достает. Вернее, достает, но в самую последнюю очередь, давая припозднившимся ученикам возможность удрать в свои корпуса. Так что они могли в любой момент заметить приближение урочного часа, поспешно рвануть в свои комнаты и успеть как раз до того, как Сеть накроет весь двор до конца.

Вэйр невесело улыбнулся.

Что ж. разумная предосторожность с их стороны. И очень своевременная, надо сказать, потому что темнело действительно очень быстро, а отведенные сроки уже подходили к концу. Если они с Греем не поторопятся, то могут оказаться в ловушке — Сеть вполне

способна отсечь их от Оранжереи, запереть наверху и вынужденно оставить посреди нескольких мощных Защитных Кругов, после чего им останется только сидеть на стене до утра, тоскливо считать часы, глазеть на луну и под звуки утреннего гонга встречать поздний рассвет. Ну и весь состав преподавателей заодно, чтобы сполна насладиться выражением их лиц и сполна же получить за свою дурную затею, а потом вдоволь наслушаться нотаций, вынести кучу упреков, заполучить позорную метку на лбу и с треском вылететь из Академии.

— Пора, — тихо раздалось вдруг у него за спиной и послышался неясный шорох.

Вэйр быстро обернулся, ощутив неладное, и даже успел отпрыгнуть от опасно высокого края, с которого сверзишься — и костей потом не соберешь. Но самого страшного все же не почувствовал. Не заподозрил. Не почуял подвоха. А потом сильно вздрогнул от мощного толчка в незащищенный бок, качнулся назад, машинально схватил руками воздух, уже понимая, что не удержится на самой кромке, если ему не дадут вовремя руку, с надеждой поднял взгляд, выискивая эту самую спасительную ладонь... и мгновенно похолодел: Грэй Асрайв с усмешкой отступил в сторону и незаметно, скрывая от оставшихся внизу приятелей, творил крохотное Колесо Огня. Маленькое, совсем небольшое, почти не дающее света. Но показавшееся настолько зловещим в этой темноте, что опасно качающийся на краю Вэйр вмиг покрылся холодным потом.

— Что ты...?!

Молодой лорд усмехнулся шире и швырнул огненный сгусток вниз. На мирно дремлющий игольник, заставляя его инстинктивно вскинуться, очнуться ото сна, выставить свои ядовитые шипы... те самые, лиловые, которых всегда было опасно много на верхних ветках... а потом распознать угрозу и сердито метнуться навстречу, чтобы схватить, поглотить и от души наказать дурака, посмеявшегося бросаться горячими углями.

Вэйр только приглушенно вскрикнул, когда зеленая масса под ним в мгновение ока ожила. В ужасе распахнул глаза, видя, как благоразумно попятился, а затем и помчался прочь со всех ног Асрайв. Вздрогнул, когда игольник вдруг поднялся в полный рост, угрожающе нависнув над стеной всеми своими иголками, взвился на высоту человеческого роста, бросил на посеревшее лило юноши густую тень... и тот судорожно сглотнул: вот и все. Вот и закончилась его первая прогулка по парку. Печально, быстро и довольно неприятным способом. Все-таки смерть от игольника — далеко не самая лучшая участь, которой можно пожелать, а он, если и имел приказ оставлять дураков в живых, сейчас был слишком зол, чтобы об этом помнить. И неудивительно: если кого-то разбудят среди ночи, подло подпалив пятки факелом, станет он разбираться, кто это был?

Вряд ли.

Скорее всего, удавит первого, кто попадет под руку. И сейчас этим «первым попавшимся» станет не кто иной, как окаменевший от внезапной догадки Вэйр. Неразумный, упрямый, строптивый мальчишка, который рискнул доверить спину предателю и подлецу.

Он уже не услышал, как испуганно вскрикнули от Оранжереи сразу на несколько голосов. Не видел, как проворно спрыгнул со стены мерзавец Асрайв, ловко увернувшись от выскочивших снизу веток. Как стремительно он ринулся прочь, властно уводя за собой ошеломленных приятелей. А чувствовал только то, как быстро и прочно опутывают его ноги тонкие, но удивительно сильные усы. И неотрывно смотрел на ошестинившийся множеством шипов игольник, с благоговейным ужасом понимая, что сейчас его накроет с головой.

А потом все вокруг разом померкло: гневно взвившийся Шипик внезапно обрушился всей массой вниз, молниеносно опутал дерзкого человечка сразу сотнями своих рук спеленал, как младенца, властно дернул, опрокинул навзничь и, шелестя густой листвой, настойчиво утянул вниз. Туда, откуда еще никто и никогда не выбирался живым.

Когда на поляне воцарилась оглушительная тишина, Марс о глубоко вздохнул и быстро приблизился к Перводереву, одновременно страстно надеясь, но и дико страшась того, что могло случиться. Не с ним самим, нет. А с Айрой и ее верным метаморфом, связанным с ней теснее, чем дети с любимой матерью.

— Айра?

Она сидела на коленях, опустив голову и плотно закрыв глаза. Уже освобожденная от своего нового дара. Лишенная зеленых пут, наложенных недавно Перводеревом. Совершенно свободная. Не скованная больше никакими обязательствами. Очень усталая. Слабая и ужасно одинокая. Ее длинные волосы, словно невзначай, прятали смертельно бледное лицо, еще не утратившее страшноватых черт высшего существа, надежно скрывали помертвевшие губы. Тонкие руки бессильно упали на мягкий мох, плечи опустились и поникли. Из нее словно высосали всю жизнь. Лишили единственной опоры. Вырвали душу, уничтожили сердце, развеяли в пыль прежние надежды... да просто убили. Жестоко. Подло. Предательски.

Кер, очнувшись от ужасающе прекрасного зрелища гибели старого архимага, вдруг тихо заскулил, молниеносно перекинулся в ласку, а затем проворно юркнул к хозяйке, обвившись вокруг ее шеи и успокаивающе потеревшись мордочкой. Но она словно не заметила — так и сидела безучастно, будто ничто ее теперь не касалось. Ничто не тревожило, не беспокоило и не страшило. Будто бы до сих пор в ее душе не угасли звучавшие недавно слова. Не забылись трудные признания. Не стерлась из памяти гремящая мощь, едва не пожравшая заживо ее душу, и не пропало недолгое ощущение всемогущества. Соблазнительное и совершенно ненужное.

Она так и сидела, не обратив внимания на осторожно подлетевшего призрака. Не подняла головы, не дернулась и не удивилась, завидев его так близко. Не искала взглядом, не уцелело ли что-то от лера Альвариса. Не ужасалась его смерти. Не думала. Не гадала и даже не плакала. Словно разучилась это делать или все еще была где-то очень далеко отсюда. Сидела по-прежнему неподвижная, бледная и холодная.

Словно неживая.

— Девочка моя... — с неожиданной болью прошептал Марсо, остановившись в каком-то шаге от Перводерева. — Ты меня слышишь? Ответь, Айра. Это снова ты?

Она не пошевелилась.

— Всевышний... это было трудно. Очень трудно для тебя: Сердце чересчур сильно для человека. А для тебя сильно вдвойне. Но неужто я ошибся, милая моя? Неужто недоглядел? Неужто Оно тебя поглотило? И неужели наших сил оказалось недостаточно?

В Что ты хочешь? — все тем же бесцветным голосом спросила Айра. Уже не таким гремящим, как раньше, не исполненным божественной воли, не могучим, не властным, а просто равнодушным и каким-то безмерно усталым. — Твоя просьба исполнена.

— Я знаю. Кто со мной говорит: Айра или Сердце?

— Мы оба.

Марсо сглотнул.

— Отпусти ее. Дай ей возможность жить, как раньше.

— Зачем? — ровно, холодно, пусто. Действительно — мертвый голос из мертвого тела. Страшноватый голос того, кто только что потерял все что имел, и больше не хочет

возвращаться в прежнюю жизнь.

Марсо против воли вздрогнул и в панике обшарил глазами ее закаменевшее лицо, почти скрытое густыми волосами.

— Айра...

— Зачем? — безразлично повторила девушка. — Для чего ей возвращаться?

— Потому что она молода.

— Ничего, Здесь она останется молодой вечно.

— Это не то, — прикусил губу призрак. — Так нельзя. Она человек. Она не может остаться внутри навеки. Не может исчезнуть и раствориться в Тебе. Так неправильно. Не забирай ее насовсем. Пусть очнется и вернется к людям... Ты ведь за этим отпустило ее из Занда. Сердце? Так пусть она учится дальше. Пусть познает мир как раньше. Пусть живет. Пусть найдет свое счастье. Ты ведь — не тюремщик, а она — не преступница! Отпусти!

— Твоя просьба была исполнена, — ровно отозвалась Айра. — Ты получил то, что хотел. Иного не дано.

Призрак горестно покосился на опустившегося на траву Викрана: бывший Охранитель сел на пятки точно напротив дупла, тоскливо глядя прямо перед собой. Такой же холодный и неподвижный, как она. Такой же безучастный, словно выгоревший изнутри. Сидел совершенно ровно, неестественно выпрямив спину. Так, словно из последних сил пытался понять, узнать, услышать и увидеть что-то, недоступное простому глазу. Пытаясь, кажется, даже что-то сказать, но, видимо, не имея больше сил ни на что. Даже на простое оправдание.

— Викран?

Нет ответа: маг выглядел таким же безжизненным, как и безучастно сидящая рядом девушка. Словно стал ее отражением. Принял ее боль. Чувствовал ее отчуждение и вместе с ней мысленно уходил от реальности все дальше.

— Викран!

Он даже не дрогнул. И взгляд его не изменился тоже — маг как замороженный, уставился в одну точку, да так и застыл, не сдвинувшись ни на йоту. Не растолкаешь его, не разбудишь, не расшевелишь. Как в пустоту кричишь, но оттуда нет ответа. Так и он — пустой, бесстрастный, буквально высохший изнутри. Просто дышащая пока оболочка, за которой больше ничего не скрывалось и ничего уже не жило.

— Присмотри за ним, — умоляюще посмотрел на Айру Марсо. — Не дай погибнуть так глупо. Выслушай, попробуй понять: он не желал тебе зла. Никогда. Ни разу. Он просто ошибся!

Она не пошевелилась.

— Айра!

— У тебя больше нет права требовать, — сухо повторила девушка.

— Я не требую, — с болью прошептал призрак. — Ничего уже не требую: мое время подходит к концу, и я благодарен за то, что мне позволили прожить его так, как я того пожелал. Я благодарен за подаренную Тобой силу, за возможность защитить Тебя и его. Благодарен за понимание... но, если возможно, я бы хотел попросить еще... не за себя! Нет! Мне больше ничего для себя не нужно!

— Тогда что же ты хочешь?

— Чтобы Викран жил. Жил так, как должен — без боли, страданий, без ненависти к себе. Чтобы он познал истинный смысл Эиталле. Чтобы получил прощение, наконец.

— Он жив, — так же безразлично ответила Айра.

— Да. Но ненадолго. Если ты не поможешь...

— А ему нужна помощь?

— Да, — неслышно вздохнул Марсо. — Нужна, как никому другому. Но я к сожалению, не могу здесь помочь. Это только в Твоих силах.

— Что-то еще? — словно не услышала она.

— Да. Я хочу, чтобы мальчик... — призрак на мгновение обернулся к безмятежно спящему мальчонке, принесенному сюда Альварисом в качестве возможной жертвы. — Если это возможно, верни его обратно. Пусть живет. Пусть снова радуется и смеется. Пусть он забудет этот день и то, для чего его привели сюда. Пусть вернется домой. И пусть его родители никогда не узнают того горя, что когда-то я доставил своей гибелью отцу с матерью. Помоги... прошу тебя... помоги ему стать прежним!

— Ты опять просишь за другого? — в голосе Айры впервые проступило удивление.

— Да.

— Почему?

— Потому что он невинен. И потому, что он — всего лишь ребенок, у которого пытались отнять жизнь. Я хорошо знаю, как это бывает.

Она на мгновение прислушалась к чему-то, а затем медленно покачала головой.

— Мальчик уже никогда не станет прежним: его разум сожжен, а душа находится в Высоких Чертогах. Он не вернется домой таким, каким был. Не сможет радоваться. Не сможет любить. Он пуст. Мертв. Сейчас это — всего лишь тело, у которого тоже есть свой срок. Теперь он способен только возродиться заново.

— Неужели ничего нельзя сделать? — горестно прошептал Марсо.

— Для него — нет.

— Даже Ты не сумеешь?

— Воля Всевышнего исполнена: мальчик умер в тот миг, когда у него отобрали душу. Его тело пока живет, сердце все еще бьется и будет биться до тех пор, пока кто-нибудь не избавит его от этой ненужной работы. Но вернуть ничего нельзя.

— Плохо, — тяжело вздохнул Марсо. — Я надеялся, что этого удастся избежать.

— Твое время на исходе, — тихо напомнила Айра, не поднимая головы.

— Да, девочка, я знаю.

— Ты заключил сделку.

— Верно. Я помню о ней.

— Сожалеешь?

Марсо улыбнулся.

— Нет, милая. Об этом я как раз не жалею. Моя жизнь и без того была слишком долгой, чтобы я мог сокрушаться, что она так быстро закончилась. Я думаю и печалюсь совсем о другом.

Она промолчала, а он вдруг поднял полные боли глаза и сдавленно прошептал:

— Прости, что нам пришлось так с тобой поступить. Прости нам это гнусное предательство. Молю тебя: прости... и пойми нас. Однако я не мог иначе. Мы оба не могли: без полноценной Инициации ты не выжила бы сегодня. А без силы Викрана не сумела бы удержать свою сущность от распада. Мы не могли это сделать по-другому: слишком мало времени... и слишком много жадности было у Альвариса. Он пришел чересчур внезапно.

Пробил себе дорогу слишком резко. Умело прятал свою ауру. И он убил бы тебя, если бы ты оказалась хоть чуточку слабее. Он уничтожил бы весь Занд, если бы ты не обрела его

мощь. Но мне... признаться, мне совсем не жаль, что мы не успели сделать это так, как задумывал Викран.

Она чуть дрогнула.

— Почему?

— Потому что это было слишком опасно.

— Это убило бы меня?

— Нет, — покачал головой призрак.

— А... его? — мгновение поколебавшись, спросила Айра, став чуть-чуть более человеческой.

— Наверняка, — неслышно согласился Марсо, и она снова дрогнула. — Чтобы стабилизировать твой дар, он истратил свой до капли. Сжег себя. Отдал все что имел... но этого, скорее всего, все равно не хватило бы для другой Инициации. Викран плохо изучил законы Превращения. Он молод. И не мог знать того, что успел узнать об Инициации я. Он не подумал о том, что она стала бы для тебя еще опаснее, чем если бы он ее не провел. Даже с моей помощью он вряд ли бы справился. Поэтому прости, милая: у нас не было иного выхода. Единственное, что я мог для тебя сделать — навеять крепкий сон, чтобы ты ничего не почувствовала... и, конечно, наложить на Викрана временные Подчиняющие Чары, чтобы он не сумел отказаться.

— ТЫ?! — в третий раз вздрогнула Айра, неуловимо изменившись в лице.

Да, милая, — горько прошептал Марсо. — Это я виноват. Я вас заставил. Я сделал так, чтобы вы оба уцелели... и это я вынудил вас обоих на Инициацию. Да, это жестоко, цинично, ужасно и просто подло... но по-другому было нельзя. Ты погибла бы без Инициации, а он бы погиб сразу после тебя. Я и так едва его остановил. Чуть не опоздал, пока ровнял твой дар. В последний момент вытащил из бездны и едва не упустил тот миг, когда вместо дара он отдал бы тебе нечто гораздо большее. Она медленно подняла голову и пристально посмотрела на боевого мага — долго, внимательно, с едва уловимой горечью и тщательно укрываемым волнением. Совершенно ясными серыми глазами, из которых все еще не пропала бескрайняя небесная синева, но в которых больше не осталось прежнего лилового яда.

— Зачем? — сорвалось с ее губ неслышное.

Викран дер Соллен вздрогнул всем телом, но она больше не добавила ни слова. Не пояснила, не уточнила, не потребовала немедленного ответа. Просто неотрывно смотрела, заставляя его постепенно покрываться холодными мурашками, вызывая невольный трепет, вынуждая сердце болезненно сжиматься, а душу — мучиться от осознания своей вины. Пускай она не говорила ничего, не обвиняла, не проклинала. Но ему и не нужно было этого слышать, чтобы со всей ясностью понимать: все, что случилось сейчас, она помнила. То, что произошло, видела. То, что прозвучало, прекрасно поняла. Сознавала, что именно стряслось, и почувствовала, что действительно изменилась. А остается холодной и неподвижной только по одной причине: она ЗНАЛА. Знала, кто и каким образом провел ту проклятую Инициацию. Кто держал ее тогда на руках. Чей голос тоскливо звучал в ушах. И кто наложил надежные сонные чары, чтобы она не помешан происходящему.

А еще она знала и другое — что тот непонятный, рваный, но ужасающе реальный сон, от которого поутру так горели щеки и разливалось по телу блаженное тепло, на самом деле действительно был. И что в этом сне, как и наяву, он действительно сделал ее своей. Против воли. В каком-то бреду. Отчаянно сопротивляясь и не в силах превозмочь чары Марсо. но

все-таки сделал.

И такое предательство невозможно забыть.

— Прости, — беззвучно шепнул Марсо, неожиданно побледнев и стремительно утратив человеческие черты. — И прощай, моя славная девочка, единственная, кто мне поверил, и единственная, кого я не хотел бы предавать... прости. Айра... пожалуйста, прости!

Она уронила взгляд, а он неожиданно задрожал, стремительно растворяясь в воздухе, словно дым. Как по команде, в мгновение ока стал совершенно прозрачным, истаял, рассыпался крохотными серебристыми искорками. Но в последний миг все же успел неслышно выдохнуть:

— Будь счастлива... слушай свое Сердце... и всегда помни: Эиталле бывает лишь однажды. Утративший его не живет ни на день дольше своей потерянной любви... это — Закон, который еще никто не нарушил... даже Викран... даже тогда, когда думал, что ты погибла... семь лет... это было семь лет назад... с вами обоими... слышишь?! Потому что это ТЫ — его Эиталле! Ты. Айра!!! Помни... и не погуби... себя и его...

Будто очнувшись ото сна и внезапно изменившись в лице, она быстро повернулась, подняла взгляд, но поздно: возле Перводерева уже никого и ничего не было — ни Марсо, ни дыма, ни оставшихся от него искорок. Ни призраков, ни духов, обменявших ее спасение на собственную жизнь. Ничего. Просто воздух — прохладный и свежий. Просто Дерево — величественное и молчаливое. Предатель-маг — холодный и почти неживой. Недвижимый, уже заметно побледневший мальчик, жестоко лишенный души и разума. А еще — едва уловимый аромат грозы, витающий над миром, словно отголосок недавней бури. И едкий привкус горечи, оседающий на губах, как невидимый пепел от безжалостно разорванных, дотла сожженных и бесследно развеявшихся надежд.

У Айры по щекам скатились две крохотные слезинки.

— Марсо...

А потом она вдруг согнулась, прижимаясь лбом к зеленому мху, содрогнулась в беззвучных рыданиях, судорожно сжала пальцы, на одном из которых внезапно потускнело алмазное колечко, и неслышно, горько заплакала. Кер на ее шее жалобно заскулил, остро жалея, что не может помочь, соскользнул вниз, юркнул к груди, с дрожью прижался и так замер, осторожно поглаживая лапками ее руки и ласково касаясь черным носом мокрого от слез лица.

Она долго сидела так, несчастная и потерянная. То и дело вздрагивала от беззвучного плача. Бессмысленно царапала пальцами деревянное дно и зеленый мох, не в силах выкрикнуть то, что кипело в душе, но и сдерживать это уже была не в силах: слишком больно. Слишком трудно и горько терять настоящих друзей. Но еще тяжелее узнавать, что они на самом деле вовсе не были такими, какими ты всегда их считал. Не такие бескорыстные, не такие возвышенные, не такие циничные и проницательные, а еще — не такие решительные, когда дело касается ужасающе трудного выбора. Кто знает, чего стоило Марсо это решение? Кто слышал его стой или горестный крик, когда приходилось выбирать между жизнью и смертью, между Зандом и Альварисом? Между собой и Викраном? Инициацией и всем остальным миром?

Стоило ли это решение его боли?

Стоило ли оно ее слез?

Стоило ли горечи, сомнений, мучений и отчаяния?

Стоило ли вообще того, чтобы за него предавали?

Айра не знача ответа. Она знала только то, что ей больно думать о Марсо, как о предателе. И то, что он никогда бы не поступил так, если бы не боялся за нее больше, чем за себя самого.

Она снова всхлипнула, зажмурившись чуть ли не до боли и намертво сжав кулаки. Что это? Почему так вышло? Надо ли тогда было бояться этой проклятой Инициации ТАК сильно? Стоило ли бороться, если выхода все равно нет? Если ее все равно нужно было кому-то проводить? Если другой вариант, что ей обещали, сулил быструю смерть безумцу, что решился бы на это? Может, тогда и сбежать из Академии не стоило? Или наоборот — надо было, но так, чтобы никто и никогда ее не нашел? Ведь тогда смерть была бы всего одна — ее собственная. А Марсо бы не пострадал и не мучился в сомнениях, мечась между страхом и долгом, горем и ужасом, между словом и делом, жизнью и смертью? Может, действительно, не стоило?

Ничего этого не стоило делать?!

Бели выхода не было, если все предопределено, если кому-то из них троих все равно было суждено погибнуть...

Она содрогнулась в последний раз и странно затихла, опустошенная и совершенно измученная. Замерла, медленно отдышалась, отерла мокрое лицо. А потом медленно подняла взгляд, оставшись один на один с человеком, к которому теперь не знала, как относиться. Когда-то она рискнула ему поверить. Когда-то она его ненавидела и страшилась встретить его взгляд. Потом простила. И даже пожалела. Но тогда все было просто и понятно: враг, спутник, учитель, друг. А теперь?

Теперь она впервые не знала, как быть.

Викран дер Соллен не мешал, давая ей время выплакаться и терпеливо дожидаясь, пока на него соизволят взглянуть. Хотя бы на секунду, мельком, мимолетно — большего он не просил. Но ради этого взгляда сейчас сидел на холодной земле и привычно молчал.

Айра тоже молчала — долго и тяжело. Смотрела вроде бы мимо, в никуда, из-под намеренно опущенных ресниц. Отчаянно желая не видеть, но вместе с тем, смотрела так, что у него даже под прикрытыми веками начинали беспокойно дергаться глазные яблоки, бледнели щеки, сжимались губы, мертвело лицо и прерывалось дыхание.

И так длилось долго. Очень долго. В оглушительной тишине. Посреди опустевшей поляны. Рядом с разверзшейся глубокой воронкой, постепенно зарастающей свежей травой. Они сидели друг напротив друга и упорно молчали, не зная, как жить и дышать с такой новой правдой. Не зная, как смотреть друг другу в глаза. Как говорить. Как что-то объяснять или напротив, не объяснять вообще, потому что внутри стало так плохо, что не хотелось уже ничего, а на сердце непроходящей горечью легла холодная могильная плита растущего отчуждения.

Но вот неожиданно что-то изменилось в ней. Что-то высушило ее слезы, выпрямило спину, вернуло слабый блеск вновь загоревшимся глазам и заставило тихонько вздохнуть. Следом по Перводереву пробежала легкая дрожь. Туман в осиротевшем дупле на какой-то миг сгустился, стал плотнее и заметно насыщеннее, будто к чему-то готовился. Но потом вдруг медленно потянулся наружу, к лежащему без движения мальчику, за которого так просил безвозвратно ушедший дух. Он мягко обволок детские руки, бережно погладил тонкие пальчики, нежно коснулся бархатистых щечек, на которые больше никогда не вернется румянец, а затем подхватил и легко приподнял, одновременно втягиваясь внутрь и окутывая ребенка, словно гусеницу — кокон. Какое-то время его тело еще просматривалось

сквозь причудливое переплетение лиловых нитей, но потом постепенно истаяло, растворилось, бесследно исчезло, не оставив после себя ни обрывка одежды, ни клочка кожи, ни крохотного волоска.

«Все правильно, — безучастно подумал мастер Викран. краем глаза отметив происходящее. — Лишенное души тело не должно существовать. Как не должен жить дух, потерявший свою плоть. Так должно быть. Она всего лишь дала ему возможность возродиться. И это, наверное, к лучшему».

Маг впервые посмотрел прямо на горестно застывшую девушку, которой успел принести так много боли. Не желая того, отчаянно противясь, но все же принес. Сначала ученичеством. Потом упорной погоней. Теперь вот подлым предательством, которого она совсем от него не ждала. Он обманул ее. Отвратительным гадом вкрался в доверие, а потом воспользовался ее беспомощностью и ударил тогда, когда она совсем не ждала. И так, что теперь она вряд ли сумеет оправиться. Он предал ее, Едва не убил. Он причинил ей столько зла, что это просто нельзя вынести. Он предал и себя тоже. Нарушил данное себе слово. Преступил древний закон. А теперь сидит напротив и не может найти в себе сил закончить эту постылую жизнь одним махом.

Марсо был прав, когда говорил насчет Энталле: оно действительно случается лишь однажды. Это — великий дар. Огромное наслаждение. Но и страшное проклятие тоже. Тот, кто обрел свою Энталле, может стать самым счастливым существом на земле. Тот же, кто ее бездарно потерял или не сумел завоевать, неизменно сходит с ума и вскоре погибает в страшных муках..! действительно, почти не успев пережить свою единственную потерю.

Это — правда. Горькая, чудовищная по своей сути, но иного и быть не могло. Сейчас он понимал: если бы его Энталле действительно погибла, никакая сила не сумела бы удержать его в живых. Он бы нашел способ отправиться следом за ней. И ни лер Альварис, ни великий целитель Лоур, ни мудрый Марсо не смогли бы его удержать... Закон един для всех. А получилось у них лишь потому, что на самом деле... в действительности... как бы ни было страшно это сознавать... но тогда, семь лет назад, когда он нашел ее, она не погибла. Каким-то чудом все-таки не умерла в объятиях игольника. Не исчезла. Не пропала бесследно. Не ушла навсегда.

И Энталле это почувствовало.

Оно не дало ему умереть, как хотелось. Позволило наложить Чары Забвения. Помогло выжить. Дало откуда-то силы справиться с подступающим безумием... но лишь потому, что жила и ОНА. Оттого, что он лишь ДУМАЛ, что потерял ее. Но именно сейчас... сид напротив склонившейся до земли девушки, он с ужасом понимал: да. Так действительно было. А он этой истины так и не увидел. Ровно до того страшного мига, когда вся правда жизни вдруг раскрылась перед его мертвыми глазами и насмешливо поинтересовалась голосом умершего учителя:

Ну? Теперь узнаешь ее?

Викран дер Соллен крепко зажмурился, не в силах удержать бьющуюся внутри память. Стиснул челюсти, до боли сжал кулаки, но это было выше его сил — забыть тот далекий день, когда он увидел свою Энталле так же близко, как он видел ее сейчас. Страшный день. Мертвый. Едва не ставший для него последним. Ровно семь лет назад. Совсем неподалеку отсюда — буквально в нескольких минутах стремительного волчьего бега от излучины широкой, вольготно раскинувшейся и поразительно спокойной реки, которая и сейчас еще не забыла ту кровавую драму.

— Да, — неожиданно шепнул в пустоту Викран дер Соллен. — Я вижу тебя. Узнаю... признаю твое право и отдаюсь на твой суд. Сейчас. Здесь. Так долго, как ты пожелаешь. Возьми мое сердце, прошу. Возьми мою душу и поступи так, как посчитаешь нужным. Они в тебе. Отныне и навсегда. Таков закон моего Народа.

И таково мое единственное желание.

Айра неожиданно вздохнула, подняла припухшие от слез веки и взглянула ему прямо в глаза.

...Ночь. Тишина. Чуткие волчьи уши не улавливают признаков тревоги. Густая черная шерсть надежно уберегает от холода, а сильные лапы способны унести его так далеко и быстро, как не умеет ни одно живое существо. Ну, может быть, проворная никса еще сможет его догнать, но никсы редко покидают Занд. Поэтому волк спокоен. И поэтому же решает не догонять ушедшее вперед звено, а укладывается на ночь под корнями вывороченного недавним ураганом дерева. Там, где и ветра нет, и имеется мягкая лесная подстилка, где тепло, сухо, уютно и хорошо, словно под крышей родного дома, в который он больше не собирается возвращаться.

Звено он отпустил еще после полудня, собираясь заглянуть на самую гранту Охранного леса. Потом быстро перекинулся, настороженно принюхался и помчался дальше громадным черным зверем: еще с утра в груди поселилось какое-то смутное беспокойство, странное ощущение грядущей беды. Непонятное и у порно не проходящее. Правда, причину его молодой мастер, как ни старался, не наша: или причина эта была слишком далека от его чутких ноздрей, или же ему просто показалось. Но, так или иначе, он у порно оббежал множество оврагов и просмотрел сотни чащ, сунул нос во все подозрительные места, старательно заглянул во все щели, добросовестно проверил границу. Однако нигде не увидел знаков способных указать на возможное волнение в Занде. Впрочем, это только к лучшему: Охранители испокон веков сторожили покой в этой части Леса. Хранили его. Берегли. Старательно отваживали незваных гостей и все время следили за тем, чтобы никакой безумец не подобрался к Сердцу этого мира слишком близко.

Поняв, что нагнать звено к ночи уже не успеет, волк забирается в найденное логово и сладко зевает, собираясь подняться с рассветом. Он знает — звено все равно не уйдет дальше оговоренного места: своего дриера... самого молодого среди Охранителей... побратимы ценили и уважают. Точно так же, как ценил и уважал их он.

Наверное, странная у них была команда. Пожалуй, самая странная во всем Охранном лесу: пятеро людей, один боевой маг, двое гномов и Восточный эльф, согласившийся безропотно подчиниться полукровке. Но он не жалел ни о чем. Ни о том, что согласился быть дриером. Ни, тем более, о том, что они согласились когда-то принять его к себе. Хотя, конечно, близость эльфа и гномов многим показалась бы издевательством над давней неприязнью между двумя разными расами. Или насмешкой, потому что никогда не слиплось такого, чтобы Высокие и Подземные мирно уживались вместе. Однако в его звене это чудо все-таки было, так что молодой командир заслуженно гордился тем, что сумел удержать возле себя таких разных существ.

Несведущие люди могли бы решить, что остроухий спятил — выполнять приказы мелкого и недозрелого отпрыска Западных соседей. Его вряд ли поняли бы сородичи в Восточном Лесу. Мало кто понимал даже из Западных. Но Охранители, кем бы они ни были, никогда не отдавали предпочтений какой-то одной расе и делали только то, что было нужно. Невзирая на возраст, пол, цвет волос и размеры ушей. Молодой дриер не раз доказывал, что достоин такого доверия, однажды он спас немолодому эльфу жизнь, так что на самом дезде лер Совенарэ был одним из первых, кто поддержал выбор Старших и охотно принял над собой человека. Вместе с примесью крови Западных эльфов, жестковатой манерой вести звено, некоторой угрюмостью, верностью слову и... двумя сварливыми гномами, которых он

по праву считал мастерами топора.

Волк, невольно улыбаясь воспоминаниям, снова зевает и сворачивается клубком, успокоенно прикрывая глаза и раздумывая над завтрашним маршрутом. Однако долго наслаждаться тишиной ему не дают: где-то неподалеку вдруг звенит невидимая струна, в голове раздается тревожный сигнал, просто кричащий, что кто-то нарушил границу Охранного леса. Затем слышится громкий хлопок от раскрывшегося портала, чей-то испуганный всхлип, тихий шорох маленьких ножек, а потом на него сверху неожиданно сваливается что-то тяжелое. Некрупное, но, безусловно, живое. Тяжело дышащее, почти задыхающееся от быстрого бега, дрожащее и насмерть перепуганное...

Ребенок. Простой человеческий ребенок, которому просто неоткуда тут взяться. Девочка. Маленькая, чумазая и босая. С растрепавшимися волосами цвета расплавленного золота, огромными голубыми глазами, круглым личиком, искаженным диким страхом, и громко колотящимся сердечком, которое он слышит даже так, не подходя вплотную.

— Не ешь меня, пожалуйста, — шепчет она, в ужасе пятясь и прижимая исцарапанные кулачки к груди. — Не надо...

А потом замирает, страхась громадного зверя чуть ли не больше тех, от кого в таком диком страхе бежала. Правда, дрожит и пугается она недолго: словно почувствовав, что он не голоден, вдруг тихонько шмыгает носом и робко признается:

— За мной гонятся плохие люди... помоги мне, пожалуйста...

Невозможно объяснить, что он чувствует, глядя в ее расширенные глаза. Нет слов, чтобы выразить все, что вдруг происходит в его изумленно дрогнувшей, внезапно перевернувшейся душе. Нет такого чувства, чтобы правильно описать его состояние: внезапно вспыхнувшая радость... странное единение... лишенная сомнений преданность... четкое понимание... неистовая вера... преклонение... стремление защитить, закрыть собой, припасть к ногам и блаженно замереть, впитывая новое чувство всем телом и желая, чтобы это никогда не закончилось... одним словом, Эиталле. Все вместе и ничего из названного одновременно. Что-то простое и, вместе с тем, гораздо большее, чем просто любовь. Что-то, от чего поет вдруг освободившаяся душа, ломаются стальные стены, с неслышным звоном рвутся любые цепи. Блаженство, граничащее с болью. Сумасшествие, способное длиться вечно. Сладкое безумие, которое заставляет содрогаться всем телом, и острое наслаждение, от которого невозможно отказаться.

Тот, в ком нет эльфийской крови, никогда не познает природу Эиталле и не сумеет понять, почему именно ОНА. Почему так. И почему именно сейчас. Не способен расслышать грохот чужого колотящегося сердца и не может себе даже представить, почему нашедшие Эиталле так быстро и бесповоротно сходят сума.

Тогда он тоже этого не знал и даже не предполагав что это однажды случится. Не верил. Не ждал и почти не задумывался. Так, бродила когда-то давно на границе сознания одна смутная мысль, но очень недолго, потому что была немедленно отринута, прогнана, забыта — как несущественная и совершенно невозможная. Однако теперь... теперь она стала реальной. Ведь Эиталле не делает различий: юная девушка, старая дева, едва родившийся ребенок... неважно, где и когда это случится, кто и кого вдруг зацепит чарами. Неважно, с кем. Неважно, насколько долго. Эиталле просто приходит и стирает все, что было когда-то значимым.

Все, кроме НЕЕ.

Волк неверяще замирает, рассматривая детское личико расширенными глазами. Он

слышит, как тяжело вырывается дыхание из ее груди. Чувствует ее страх. Видит ее глаза. Понимает, что в этом мире нет ничего важнее, и отчетливо слышит, как неистово колотится ее детское сердце. То самое, которое отныне он будет слышать всегда. Везде. Где бы она ни находилась, что бы ни делала, как бы ни была далеко.

Он словно во сне — растерянный и ошеломленный. Будто в бреду втягивает ноздрями ее легкий запах. Волнуется от странного чувства узнавания. Вздрагивает всем телом, чувствует блаженное тепло, идущее от босых ступней, и неожиданно прозревает.

Понимает, что в этом мире нет ничего важнее, и отчетливо слышит, как неистово колотится ее детское сердце. То самое, которое отныне он будет слышать всегда. Везде. Где бы она ни находилась, что бы ни делала, как бы ни была далеко.

Он словно во сне — растерянный и ошеломленный. Будто в бреду втягивает ноздрями ее легкий запах. Волнуется от странного чувства узнавания. Вздрагивает всем телом, чувствует блаженное тепло, идущее от босых ступней, и неожиданно прозревает. Понимает, что сделает все, лишь бы уберечь ее от беды. На все пойдет, чтобы согреть ее и спасти. Ничего не пожалеет и отдаст все на свете, лишь бы эта малышка и дальше сидела, глядя на него так, как сейчас, упиралась в него своими маленькими ножками и что-то говорила. Неважно — что. Главное — слышать ее голос и чувствовать тепло ее детских пальчиков. Вбирать ее всем существом и сходить с ума от мысли, что она находится так потрясающе близко.

Поняв, что все еще скалится, волк поспешно прячет зубы и, дико боясь ее напугать, робко тянется вперед. Инстинктивно стремится навстречу. Надеется. Ждет. Прижимается теплым боком. Смотрит неотрывно, почти не дыша, не видит больше никого и не сознает ничего, кроме одной-единственной мысли: ОНА. Действительно она. Маленькое чудо, вдруг свалившееся ему на голову. Крохотное солнце, светящее с небес лишь для него одного. Благодатный глоток росы для умирающего в пустыне. Блаженный солнечный лучик, дающий тепло подтаявшим льдам и дарящий бескрайнему северу прежнего одиночества настоящую весну. Она — его жизнь. Его свет. Новая, невеста откуда взявшаяся, но единственно важная теперь цель. Целая вселенная, приковывающая к себе его взгляд; навеки привязывающая его душу прочными стальными цепями, от которых не хочется избавляться.

Он снова дрожит, чувствуя я на себе ее тонкие пальчики. Ощущает исходящую от нее слабую магию. Удивляется тому, что она каким-то чудом нашла его этой ночью. А потом едва не стонет от наслаждения, потому что она вдруг перестает бояться и неуверенно гладит его в ответ. Прикасается — нежно и бережно. Успокаивается. Верит ему. Прижимается всем телом, ища защиты и помощи, и гладит, гладит, гладит, тихонько шепча в мохнатое ухо:

— Помоги мне, волчок, пожалуйста...

А он неожиданно слышит чужие голоса. Вскрикивает на ноги, с тревогой чувствуя постороннее присутствие, ощущает нависшую над НЕЙ угрозу и вдруг пугается, что его маленькое солнце может кто-то отнять. Он боится за нее. Боится потерять только что обретенное счастье. Боится ее поранить и того, что не сможет уберечь. И этот страх сильнее его воли. Сильнее разума или долга. Он сильнее даже внезапно вспыхнувшего гнева и поэтому гонит его прочь. Заставляет осторожно подхватить крохотное человеческое дитя, бережно посадить к себе на спину и, забыв об оставленном звене, мчатся прочь... куда-нибудь... как можно дальше. Там, где ОНА будет в безопасности и где он сможет, наконец, показаться ей человеком.

Он закрывает ее. Спрячет от тех, кто идет сейчас следом. Он уничтожит их, если потребуется. Убьет, разорвет на части, безжалостно замучит и развеет по ветру, если только

они посмеют к ней прикоснуться. Но для начала он увезет ее отсюда. Немедленно. Туда, где спокойно. Туда, где есть побратимы, хорошая защита, где можно оставить ее ненадолго, чтобы вернуться и уже без опаски ввязаться в бой.

Он спешит. Он очень спешит, страшно боясь каждый миг, что ее вдруг заденут. Чувствует на себе ее руки, с внезапно вспыхнувшей радостью сознает, что она не боится его даже таким — мохнатым и страшным, чудовищно огромным, зубастым, когтистым. Значит, не испугается и потом, когда он снова вернется, осторожно возьмет ее на руки, заглянет в эти волшебные глаза и, слыша свою звенящую от необъяснимого счастья душу, с затаенной надеждой скажет:

— Не бойся, мышонок, это всего лишь я. Тот самый. Узнаешь?..

А сейчас он бежит — упруго и ровно. Не слишком быстро, потому что боится ее уронить, но все же недостаточно быстро для того, чтобы преследователи не отстали, а она, испугавшись снова, вдруг создала еще один портал...

Он слишком поздно понимает, куда его забросила маленькая беглянка. Слишком поражен случившимся, чтобы вовремя увернуться. Он на полном ходу проваливается в воронку мощного телепорта и всего за долю секунды оказывается там, где не пожелал бы оказаться больше никогда в жизни... по крайней мере, вместе с ней...

Мастер Викран судорожно вздохнул и крепко зажмурился.

...В ту ночь он думал, что сделал все, дабы уберечь свое солнце от чужих рук. Презрев опасность, бросился вперед. Он убил их всех, не щадя ни себя, ни врагов. Не чувствуя боли, разорвал чужое горло, швырнув на землю еще теплый труп. Затем второй, третий. А потом обернулся... и с горестным криком упал прямо там, где стоял — на тело убитого мага, который в последнем усилии все-таки успел спустить стрелу. В то самое крохотное сердечко, без которого ему не жить...

Он плохо помнил, что случилось потом. Почти не сознавал, что творит, потому что пришедшая из ниоткуда боль играючи швырнула его на землю и заставила корчиться в муках. Она рвала его клещами. Заживо резана застывшее от горя сердце. Мучила, сверлила, ослушана, отдаваясь пронзительным эхом внутри. Она сводила его с ума. Окупала раз за разом в непроглядную черную бездну. Бросала с высоких скал. Топила в бескрайнем море отчаяния. Сжигала его изнутри, испепеляя сердце и душу. Вырывалась наружу сиплым стоном. Она заставляла захлебываться криком. Безжалостно ломала кости. Выдирала глаза. Сушила разум. Она убивала его каждый миг. Но еще больше его убивала мысль о том, что он не справился. Не сумел ЕЕ сберечь. Своими руками уничтожил то единственное, что было дорого. А теперь по его вине ОНА умирала всего в нескольких десятках шагов, не дождавшись от него ни поддержки, ни помощи.

Это его вина, что она так кричит сейчас. Его вина, что она умирает в страшных муках. Его вина за пронзившую ее стрелу. И его вина в том, что он не успел.

Только его.

С трудом поднявшись, почти обезумевший от горя, хрипло воющий зверь из последних сил кидается на слабый голос. В забытии переплывает широкую реку. Со стоном выбирается на берег и, шатаясь от слабости, стремительно теряя кровь из опасной раны в груди, все равно упрямо идет вперед. За ней. К лиловому игольнику, из которого доносится затихающий детский крик.

Он не помнил, как бросился туда, наплевав на раны. Не помнил, как отчаянно боролся, сиюсь дотянуться и закрыть ЕЕ собой. Не видел угрожающе развернувшихся шипов и не

почувствовал, когда многие их сотни с размаху вонзились в его мохнатые бока. Он вообще ничего больше не помнил. А слышал только одно — медленно затихающий стук в своей груди и слабый крик умирающей Эиталле.

Просто чудо, что встревоженные криками и вспышками магии побратимы успели вовремя. Нашли следы недавно творимых порталов. Сразу все поняли, как-то сумели выпутать его из сплошной мешанины листьев, бережно высвобождая каждый из вошедших до упора шипов. Чудо, что он после этого выжил и смог сохранить рассудок. Хотя, конечно, его собственной заслуги в этом не было: жить он больше не хотел. И не хотел этого с такой страстью, что побратимы трижды находили его на грани безумия, перехватывая и останавливая буквально на волосок от гибели.

Он помнил, каким возвращался обратно в Академию. Помню, какими глазами смотрели на него недавние преподаватели. Помнил слова, которыми учитель встретил его на пороге, и до сих пор не мог забыть его лица, когда он увидел, во что превратило непримиримого полуэльфа промятое Эиталле:

— Мальчик мой... ты сжег себя дотла!

И это было правдой: он действительно сгорел. От его души остался только пепел, а от сердца — один лишь крохотный уголек. Почерневший от горя, слабый и совершенно равнодушный ко всему, как трепещущий на ветру огарок, в котором больше никогда не будет настоящего огня. Ничего... от него не осталось ничего, кроме воспоминаний. А вскоре умерли даже они, потому что мудрый учитель нашел способ избавить качающегося на грани безумия ученика от непрекращающихся кошмаров. Смилоствился над его истощенным разумом, помог забыть самое страшное, скрыл искаженное болью лицо Эиталле за печатью забвения, заглушил ее слабый голос, спрятал за плотным занавесом жуткое прошлое. И только одного маг не мог забыть никогда, от одного не пожелал отказаться — ее глаза. Пронзительные голубые глаза, что с тех пор снились ему каждую ночь...

Он выжил, это правда. Кое-как справился с этим. Встал на ноги. Огромной ценой уцелел. Но теперь, утратив самое главное и потеряв большую часть себя, ему было все равно, куда идти. В Занд ли... на плаху... в учителя или наемные убийцы... впрочем, нет, убийцей он, наверное, все же не стал бы. Да и в Занд его больше не пускали: посоветовавшись, звено решило, что убережет своего несчастного дриера любой ценой, и сделаю все, чтобы обратная дорога в Охранные леса оказалась для него закрытой. По крайней мере, до тех пор, пока он не одумается и не перестанет искать лиловый игольник, жаждая мести и вечного покоя. На плаху он тоже был бы рад пойти, да вот беда — учитель рассудил иначе. Так что спустя целый год после собственной смерти боевой маг все-таки нашел место, откуда его хотя бы не гнали.

Со временем он прижился. Привык. Заново научился разговаривать, выдавливая из себя какие-то ненужные слова, чтобы не прослыть безумцем. Обрел что-то новое, слегка расшевелился. Нашел себе занятие и постепенно втянулся в новый ритм жизни.

Он занимался с учениками так много, как только позволяло время и возможности его ослабевшего тела. Никогда не останавливался. Никому не делал поблажек. Учил только тех, кто действительно этого хотел. Сумел заработать определенную репутацию. Заслужил немалое уважение виаров и вампов. Обзавелся собственными учениками. Обрел хоть какой-то смысл взамен безвозвратно утраченного. Но по-настоящему так и не ожил.

А раз в полгода, во время очередной Инициации, неизменно покидал Академию, запираясь в собственной башне, как одинокий ворон в своем неприступном гнезде.

Опустошенный. Подавленный. Молчаливый. Уходил и долгую ночь, когда вокруг царили радость и блаженство, неотрывно следил за тем, как трепещет на ветру его слабая свеча — единственное, что еще напоминало о прошлом. И единственное, что еще держало его на этом свете. Его собственное пламя. Слабый отголосок когда-то бушевавшего пожара. Жалкий огрызок некогда имевшихся чувств. Когда этот свет погаснет, умрет и он. Когда пришедший ветер вернет забытые воспоминания и связанную с ними боль, он тоже быстро исчезнет. Пропадет, как загашенная холодным воздухом свечка. Просто это случится немного позже ушедшей Эиталле. На несколько лет. Или десятилетий. Но непременно случится. Когда-нибудь, когда договор с лером Альварисом подойдет к концу и истечет срок данного им обещания.

— Семь лет, — звучал в эти ночи в его голове тихий голос учителя. — Сумеешь удержаться семь лет, и тогда ты успокоишься. Семь — важное число в жизни мага. Обычно во столько просыпается наш дар, столько мы учимся, столько познаем свою силу. И несколько раз по столько живем, как правило, умирая в годы, кратные семи: в двадцать один, сорок девять, семьдесят, девяносто один, сто сорок, триста пятьдесят... таковы законы нашего мира, Викран. Но тебе, поверь, еще рано познавать их настолько близко...

И бывший Охранитель, поверив мудрому наставнику, терпеливо ждал. Ждал и безразлично жил, безропотно подчиняясь судьбе, ровно до тех пор, пока на него не свалился новый рок — необычная ученица, умеющая разговаривать с игольником и способная заставить ревнивый листовик покорно сносить присутствие других растений.

В первый день он не понял, отчего вдруг взгляд сам собой задержался на ее длинных светлых волосах. Не услышал намека беспокойно екнувшего сердца. Не нашел в ее глазах прежнего света и не узнал ее изменившегося лица.

Семь лет прошло. Семь долгих лет. Она выросла, вытянулась, оформилась, превратившись из маленькой девочки в красивую молодую девушку. Ее золотые волосы выцвели за эти годы, потому что слишком долго не видели солнца. Загорелая прежде кожа резко побледнела. Глаза потеряли прежнюю синеву, немного поблекнув и чуть сменив оттенок, а черты лица утратили детское очарование, став ярче, выразительнее, привлекательнее и... другими. Они стали совсем другими. Настолько, что никто бы не узнал, если бы видел ее семь лет назад. Может, только родная мать и поняла бы ошеломительную правду. Да и то, наверное, не сразу.

А потом появился метаморф, и эта новость надолго затмила собой все остальное. Прочно выбила его из колеи, отвлекла внимание от других деталей, заставила сосредоточиться и позабыть про смутно знакомый аромат ее кожи, неуловимо пробивающийся из-под сильного запаха неотрывно бдящего зверька. Этот маленький мудрец трепетно берег свою хозяйку от всего враждебного. Неустанно следил. Почти не отходил от нее, каждый день старательно помечая своим запахом и именно этим сбивая с толку. Он обманул всех. Даже лера Альвариса. И даже чуткий волчий нос, не умеющий ошибаться.

Викран не знал, что за чудо заставило смертельно опасный и непримиримый игольник отдавать этой девочке свою силу. Он слышал отголоски этой странной магии, но долго не мог поверить. Чувствовал удивление и странную задумчивость учителя, но тогда еще не понимал причины. А потом задумался и сам: ее глаза, странный, тревожащий душу запах, взрослый метаморф, которому просто неоткуда было взяться, необъяснимо покладистый игольник, послушный листовик... слишком много совпадений и знаков, напрямую указывающих на Занд. Слишком много сомнений и просто бездна всевозможных загадок.

Желая разобраться, в чем дело, он отправил к первокурсникам Бриера, заранее предупредив Цербера, куда и с кем определить ничего не подозревающего ученика. Он осторожно расспрашивал словоохотливого подопечного, раз за разом убеждаясь, что метаморф действительно нашел себе хозяйку. Он незримо присутствовал в кабинете директора, когда тот ласково беседовал с необычной ученицей. Пристально наблюдал за поведением Иголочки. Тщательно отслеживал проделки шаловливого листовика. Раз за разом поражался его необъяснимой покладистости и все время сомневался: так ли хорошо он знает Занд? Так ли верно смог его понять?

А потом наткнулся в Волчьем Лесу на необычную волчицу и озадачился еще больше.

Для простого метаморфа она была слишком крупна и подозрительно разумна. Она долгое время хорошо скрывалась. Чересчур легко обманула Керга, после чего очень уж удачно столкнулась с Дакралом, а потом сумела уйти от непримиримых вампов живой и невредимой. Он выследил ее, умело загнал в тщательно продуманную ловушку. Опасаясь, что метаморф может вырваться из-под контроля неопытной хозяйки, которую просто некому было обучать, прижал к реке... а потом напоролся на разъяренную никсу и впервые за много лет почувствовал, что снова боится.

Да, он испугался. Это правда, которую глупо было бы отрицать. Но испугался не за себя. Не за старика Борже. Даже не за мохнатых обормотов, не сумевших распознать в метаморфе новую напасть. Он вдруг испугался за НЕЕ. За то, что вчерашний крыс убьет ее, поглотит, забывшись от ненависти. Испугался того, что начатое слишком рано слияние сведет ее с ума, и только поэтому решил на крайние меры. А потом понял свою ошибку и ужаснулся снова. На этот раз — от того, что едва не убил ее сам.

Он несколько суток провёл в лечебном крыле, по крупицам восстанавливая ауру ученицы. Часами сидел у постели, силясь понять, почему же ее присутствие стало так важно. Ночами напролет тратил собственные силы, чтобы она хоть немного ожила, и с тоской сознавал, что ударил ее слишком сильно. А потом услышал от Лоура неприглядную правду, мгновенно покрылся холодным потом, но тут же подумал об Иголочке и, рискуя как никогда, почти бегом примчался в Оранжевую, протягивая ослабшую ученицу и беззвучно умоляя: помоги...!

Неожиданное требование учителя застало его врасплох: заниматься девушками никогда прежде не доверяли учителям-мужчинам — слишком велика была вероятность последующей Инициации. Так же, как реальна возможность отказа от нее. Очень высок был риск разрушить сложившиеся отношения ненужными сантиментами или, напротив, готовой выплеснуться агрессией, смешанной с обидой и подспудным желанием отомстить. Девчонки, они ведь такие... ранимые. А Инициация, как ни крути, всегда давалась им гораздо тяжелее, чем юношам. Поэтому Альварис прежде не рисковал. Он всегда находил разумные компромиссы. Неустанно приглашал на Балы магов со стороны, не желая рушить отношения среди преподавателей и адептов. И поэтому же Викран никак не ожидал от него такого предательства.

Он просил избавить его от этой отвратительной обязанности. Он без возражений уступил бы ее Леграну или Белламоре. Охотно взялся бы сразу за десяток других учеников, лишь бы не делать того, к чему не лежала душа. И был готов на все, чтобы даже тень от грядущей Инициации не легла на его уставшие плечи.

Однако лер Альварис был непреклонен, непривычно жесток и крайне настойчив. А посулил избавление лишь в одном случае: если новая ученица сама попросит его о смене

учителя. И это был шанс. Действительно хороший шанс избавиться ее от позора, а себя — от мучительной обязанности. В свете того, что директор рассказал о боевых метаморфах (стоило раньше подумать, откуда он узнал, если во все времена из смертных только Иберратусу удалось приручить настоящего дикого!), это было нетрудно. Особенно, когда от него поступил прямой приказ сделать обучение максимально быстрым и жестким, чтобы опасный зверь успел почувствовать на загривке сильную руку нового хозяина и господина.

Викран сделал все, что было велено. Он намеренно отстранялся, когда задыхающаяся от слабости ученица умоляюще смотрела на него с холодного пола. Он упорно отворачивался, стараясь не слышать упреков нектоности проснувшейся совести. Едва не затыкал уши, чтобы не слышать ее хриплого дыхания, и виновато отводил взгляд, стараясь не видеть синяков на ее нежной коже. Неустанно повторяя, что это только ради ее блага, он был настолько жестким, насколько вообще мог себе позволить, и настолько требовательным, какими были в свое время с ним не терпящие возражений учителя-эльфы. Да, он не запрещал ей пользоваться исцеляющими заклятиями. Не ограничивал в лечебных экспериментах. Нагружал ровно столько, сколько она могла вынести, и всегда останавливался у черты, когда она была готова сдаться и попросить пощады...

Но ему не нужно было, чтобы она перестала бороться. Не нужны были ее мольбы и погасший, помертвевший, пустой взор. Он имел достаточно опыта, чтобы распознать тлеющую в глубине ее зрачков, тщательно спрятанную ненависть, и достаточно знаний, чтобы поддерживать эту спасительную для них обоих ненависть в неизменном состоянии.

Он лишь один раз усомнился в том, что поступает правильно — когда впервые провел обычную по интенсивности растяжку. Когда Айра вдруг без предупреждения закричала так, что разбила единственное окно в зале, а потом вдруг забила раненой птицей, исторгла из себя целую волну неконтролируемой силы и измученно повисла, потеряв сознание от боли.

Вот тогда Викран испугался во второй раз — того, что что-то не учел, не подумал, упустил. Что не принял в расчет метаморфа или еще какой-то важный момент. Он в панике подхватил девушку на руки, поражаясь тому, насколько она была невесомой, резким движением сорвал проклятые цепи, бегом выскочил к Оранжеее, уже зная, что в таком состоянии ей может помочь только взрослый игольник...

Хорошо, что под руки вовремя подвернулся Бриер: сдав бесчувственную ученицу ему на руки, маг поспешно кинулся обратно — заниматься внезапно упавшим и забившимся в судорогах метаморфом, с которым тоже творилось нечто странное. Кер разом исхудал, ослаб и буквально задыхался от непонятной боли. Он хрипел, царапая когтями каменный пол, а слегка пришел в себя лишь после того, как почувствовал льющуюся с рук проклятого мучителя благословенную магию и жадно впитал то, в чем так остро тогда ну ждался — чужой Огонь, Землю, Воду и Воздух, смешанные в удивительно правильных пропорциях. Лишь тогда маленький крыс открыл глаза, гневно сверкнул лиловыми радужками и требовательным писком потребовал вернуть его хозяйке.

Викран безропотно подчинился, смутно чувствуя, что здесь что-то не так. Понимая, что Кер безо всякого принуждения совершенно послушен. Что лер Альварис почему-то ошибся и зря велел проявить необоснованную жестокость. Кер не причинил бы вреда хозяйке Никогда. Это сказала ему никса. Это сказали испуганные глаза пострадавшего крыса. Об этом говорил его изможденный вид и облегченный вздох, который вырвался из маленькой груди, стоило ему только коснуться Айры и спешно отдать все то, чем поделился с ним боевой маг.

Метаморф обожал свою хозяйку. Он был предан ей так, как только может любящее и тесно связанное с ней существо. Он отдавал ей все, что имел. Закрывал из последних сил. Оберегал. Заботливо ухаживал. Трепетно прикасался, выражая нежность и неподдельное стремление постоянно быть рядом. Она была для него больше, чем просто хозяйкой, и именно в тот день Викран это, наконец, понял. А потом понял и то, что полноценную трансгрессию они оба осияют без особого труда.

Готовясь к трудному уроку, он обоснованно беспокоился и сомневался. Присматривался к ним по-новому. Изучал. Старательно сравнивал и вспоминал все, что знал о Зонде и его обитателях. Он раз за разом натыкался взглядом на лиловую полосу на ее голове. Неоднократно замечал необычные искры в ее глазах. Постоянно ощущал на себе внимательный взгляд Кера и смутно чувствовал, что все время упускает из виду что-то важное. Что-то, отчего с каждым днем ученичество становится все тяжелее, а ударить Айру, как положено, получается все хуже.

Он вдруг осознал, что стал намеренно придерживать руку, смягчать удары, медлить с решающим броском. Что инстинктивно начал беречь ученицу, стараясь не поранить лишний раз. А потом заметил, что в те моменты, когда это все-таки не у давалось сделать в груди что-то неприятно сжималось и начинало недобро ныть. А еще он так же неожиданно осознал, что не хочет продолжать обучение. Что даже занятия с Кером стали для него утомительными и беспокойными. Он все время искал подвох в умных глазах зверя, но так и не смог увидеть, к собственному стыду, что тот никогда, ни одного дня не был один, потому что Айра тоже не оставила его без помощи.

И это было нелегко.

Все последние дни боевой маг не находил себе места. По непонятной причине он вдруг снова начал видеть сны о прошлом. Правда, смутные, размытые, неизменно забывающиеся к утру, но оттого не менее тяжелые и откровенно выматывающие. Он устал от постоянного ощущения давления в груди, от поселившейся там боли — довольно слабой, но упорной, никогда не прекращающейся и смутно напоминающей о том прошлом, которое ему старательно помогли забыть. Извелся от того, что внутри грызет ощущение совершаемой непоправимой ошибки. От сомнений, размышлений и колебаний. Устал каждый день встречать перед собой неподвижный, отрешенный взгляд измученной нагрузками ученицы, для которой каждое занятие становилось настоящей пыткой. Думать о том, что это по его вине ей так трудно. И еще больше устал видеть ее пристальный взгляд в своих снах — обвиняющий, обрекающий и почти мертвый.

Он с тяжелым сердцем начинал первую для нее трансгрессию. Упорно твердил про себя, что это важно и нужно. Что без этого ее дар снова станет нестабильным, а она, если учитель проявит малодушие и ненужную слабость, вскоре может погибнуть. По его вине. Из-за его колебаний. Только из-за него. И примириться с этой мыслью оказалось неожиданно тяжело: он не хотел, чтобы она умирала. Уже тогда страшился потерять. И уже тогда понимал, что не вынесет видения ее бездыханного тела, разорванного взбунтовавшимися силами стихий.

Настойчиво уговаривая самого себя, он с огромным усилием все-таки сумел отстраниться от стремительно нарастающей пустоты в груди и, наконец, выдавил три промятых слова, активирующих трансформацию. А потом несколько мину т пытался справиться с невесть откуда взявшимся страхом и отчаянным нежеланием продолжать.

Он облегченно вздохнул, когда все закончилось благополучно. Почти с радостью

встретил ее неминуемый бросок уже в новом теле. Заметно расслабился, когда этот удар все-таки прошел мимо, а потом неприятно удивился, поняв, что волчица больше не желает мириться со своим положением.

Он слишком поздно осознал, что она не пытается взять верх, как это происходило бы в стае виаров. Поздно сообразил, что она — не настоящий виар и уже поэтому до последнего мига осознает, что делает. Не поверил своим глазам, когда стало ясно, что Айра полностью сохранила разум при переходе и больше не старается его победить. Нет. Она пыталась его убить. Разорвать. Уничтожить. И была в своем желании настолько тверда, что даже заставила его воспользоваться Призрачной Сетью...

Он неохотно выпустил на свободу это калечащее заклятие. В самый последний миг, когда стало ясно, что она не остановится. Выпустил, совершив очередную сделку со взывшей от стыда совестью, но именно благодаря этому одержал в тот день самую тяжелую свою победу. И получил самое страшное, как выяснилось позже, поражение.

Но лишь в тот момент, когда она задыхалась от ненависти, прижатая к полу Сетью... когда ее клыки на жалкую секунду опоздали сомкнуться на его горле, а чутких ноздрей перевертыша коснулся запах ее крови... человеческой крови, слегка приправленной ароматом взбешенного, позабывшего таиться метаморфа... только тогда Викран дер Соллен внезапно замер и с громко колотящимся сердцем понял, что откуда-то знает этот смутно знакомый запах. Что когда-то давно уже слышал его. Чувствовал. Обонял. Точно так же приходил в ужас, холодел от какой-то страшной мысли и... боялся. Страшно чего-то боялся. Вот только теперь уже не помнил, чего именно.

Это было как дурной сон, невесть откуда накотившее наваждение. Как едва уловимый намек на прошлое, о котором его надолго заставили забыть. Словно сквозь толщу воды, в памяти вдруг проступило размытое, бледное и заплаканное лицо. А на нем глаза — странные, пронзительные, неповторимые голубые глаза.

Точно такие же, как у лежащей перед ним израненной волчицы.

Он помнил, как лихорадочно срывал с нее наложенные путы. Помнил, как в страшном подозрении слушал свое зашедшее в безумном крике сердце. Ее неровное дыхание. Окровавленные бока. Жалобный всхлип невинного, но совершенно убитого метаморфа. Помнил, как в панике мчался к игольнику, молясь про себя, чтобы не опоздать, а потом, оставив ее на попечение Шипика, со всех ног кинулся в лечебное крыло и, отыскав сонного лекаря, потребовал немедленно снять наложенный семь лет назад ментальный блок.

Семь лет... все это случилось ровно семь лет назад... и с ней тоже... с ними обоими! Но таких совпадений не бывает! Никогда! И Занд! И метаморф! Игольник... такого просто не могло быть! Если только мудрое сердце с самого начала не подсказывало правду. Если только оно не чувствовало, что эта девочка значит для него гораздо больше, чем кто-нибудь мог хотя бы предполагать. Семь лет... семь лет тому возле границы Занда... и именно это заставляло мечущееся в сомнениях сознание мага изнемогать в неведении и страшном подозрении.

Однако лер Лоур, слегка ошалев от подобного напора и здорово удивившись, не пошел на поводу у взъерошенного коллеги, на сапогах которого еще не остыла кровь его новой ученицы. Он отказал — мягко, но настойчиво, а затем посоветовал пройти полный осмотр, чтобы убедиться, что Щит все еще надежен и не представляет никакой опасности...

Викран, не дослушав, глухо зарычал и выскочил на улицу, по пути торопливо выискивая любое место, где его никто не потревожит. Вовремя вспомнил о вечно пустующем берегу,

своей мрачной скале и вечно бушующем море, где даже лер Альварис не заметил бы следов колдовства. Немедленно создал портал. Огромным прыжком вскочил на край утеса. Лихорадочно огляделся. Поняв, что оказался в одиночестве, перевел дух, поспешно отыскал и рывком содрал с уснувшей памяти ставший ненужным Щит...

А потом неожиданно вернувшаяся боль с размаху бросила его на землю. Скинула со скалы, швырнув на острые камни. Безжалостно сломала его тело. Скомкала, изувечила душу. Заставила снова исходить безумным криком, корчиться в агонии и бессильно царапать ногтями землю; выть от горя в почерневшие небеса, а потом недвижимо замереть, вспоминая прошлое, настоящее... все, что только было. Сперва — события далеких дней. Затем — последние месяцы, вынуждая неверяще сверять время, проговаривать про себя даты. Что-то сравнивать, высчитывать и в ужасе понимать, что на самом деле все это БЫЛО: погоня, девочка, Эиталле. И что ОНА на самом деле жива. Она выжила, справилась, прошла сквозь Зонд и вдруг вернулась к нему снова. На мгновение испытать от этого понимания настоящую вспышку безумного ликования... но лишь для того, чтобы почти сразу вспомнить последние месяцы и снова застыть, стремительно покрываясь холодным липким потом.

Он заново пережил ее трудное обучение, во время которого был так неоправданно жесток. Свои слова. Поступки. Мысли. Нелепое стечение обстоятельств, заставившее его быть настолько суровым, насколько приказал лер Ачварис. В незнании. В беспамятстве. В сомнениях и непонимании. Заново пережил все дни, во время которых у него еще была возможность хоть что-то изменить и исправить. До того, как ОНА начала его неистово ненавидеть. До того, как его руки оставили на ней красноречивые следы и причинили столько боли. И до того, как он в незнании подверг ее полной трансгрессии, едва не убив вот этими же самыми руками и окончательно уничтожив свой единственный шанс на возрождение. Да. Сегодня. Всего несколько минут назад. Сам. Не ведая того. Не понимая. Не помня о прошлом. НЕ УЗНАВ ЕЕ ЧЕРЕЗ СТОЛЬКО ЛЕТ!!! Но при этом сделав все, что она не испытывала к нему ничего, кроме ненависти и животного страха.

Эта правда обездвижила его надолго. Лишила сил и воли. Буквально изжевала, выплюнула в обратном истерзанное сознание лишь к рассвету. А немного погодя, когда в голове раздался ровный голос учителя сообщающий, что через месяц их обоих ждет Инициация боль нанесла свой последний удар — тот, которого его израненное сердце уже не смогло вынести.

Инициация... Айра... Эиталле...

В этот миг Викран дер Соллен понял все, начиная с того, как и почему случилось, что его Эиталле все-таки выжила. Он понял, откуда она нашла метаморфа. Почему Кер — дикий. Каким образом она попала из Арки напрямую в Академию, но при этом старательно испорченная грызуном Сеть не сработала так, как должна была. Понял, почему не узнал ее сразу, да и потом оставался так долго слеп. Откуда взялась лиловая полоска в ее посветлевших волосах, почему сменился запах, изменилось лицо, почему все так вышло... нелепо и страшно. И, наконец, то, что САМ уничтожил свое будущее. Убил последний шанс, с таким невероятным трудом вырванный у смерти. Предал свою Эиталле. И уже никогда не сумеет стать для нее никем, кроме как мучителем, палачом, безжалостным чудовищем, от которого она не ждала ничего, кроме пыток. Он больше никогда не сможет к ней просто подойти. Не сможет прикоснуться. Не посмеет открыть всей правды. И уж точно никогда не расскажет, чего ему стоило пережить эту страшную ночь. Чего стоило удержаться, чтобы не ринуться сразу? обратно. Чтобы не прокричать на весь мир о том, что на все готов ради одного ее слова: пасть на колени, вымаливая прощение, рухнуть все с той же скалы, пойти на

верную смерть... лишь бы она услышала, поняла, попыталась хоть чуть-чуть смирить свою ярость. Лишь бы только смилостивилась и на один-единственный миг подарила ему надежду.

Да. Хотя бы ее.

Потому что, кроме надежды, у него действительно ничего не осталось.

А еще он внезапно осознал, что грядущая Инициация, которую потребовал от него учитель, не может состояться. Никогда. Не такой ценой. И измученный маг, с трудом поднявшись на ноги, отчетливо понял, что не должен позволить этому случиться, просто обязан отыскать иной путь для того, чтобы ОНА избежала позора. Обязан любой ценой. Чего бы это ни потребовало. Чего бы ни стоило ему самому: свободы, жизни, воли... неважно.

Теперь для него ничего не было важным.

Абсолютно ничего. Кроме того, что нужно успеть с этим точно к сроку...

Едва в глазах Викрана угасли последние отголоски недавней боли, Айра несильно вздрогнула и неверяще вскинула голову, со смешанным чувством рассматривая неподвижно сидящего мужчину, словно в первый раз в жизни. Она больше не выглядела безучастной и безразличной. Ее лицо по-прежнему было невероятно бледным, но на нем больше не виднелись пугающие следы чего-то непостижимого, холодного и равнодушного к земным делам. Она снова стала собой. Опять дышала и мыслила. Чувствовала и могла испытывать боль. Вот только теперь к этой боли примешивалось нечто иное.

— Почему же вы... не сказали?! — потрясенно прошептала она, глядя на склоненную голову мага.

Мастер Викран, не поднимая взгляда, невесело улыбнулся.

— Мне запретили. Да и зачем? Что бы это изменило?

— Почему скрывали? Почему не пришли сразу?!

— Я пришел, — горько прошептал он. — Чтобы сказать тебе об Инициации.

Айра до крови прикусила губу: все верно, так и было. Он действительно пришел в то утро и едва не сломал ей дверь, потому что за множеством слоев наложенной защиты вдруг не почувствовал, как бьется ее сердце. Он боялся — тогда она правильно поняла. Того, что совершил самый ужасный поступок в своей жизни. Что был слишком жесток. И что последний его удар оказался чересчур сильным... боялся настолько, что, не найдя ее возле Иголочки, маг едва с ума не сошел от накатившей волны дикого, какого-то животного ужаса.

Он искал Айру по всему острову, почти не слыша биения ее сердца. В панике рыскал огромным черным зверем, силясь уловить хоть какой-нибудь запах. Не зная о Марсо и Хранилище, обежал все границы, заглянул в каждую щелочку, с мольбой обратился к Шипику и едва не упал на колени перед величественной и не на шутку разгневанной Иголочкой... а потом, едва от девочек поступила осторожная просьба проверить комнату соседки, стремглав ринулся в жилые корпуса и, до последнего страшась, дернулся в надежно запертую дверь...

Айра похолодела.

Вот почему он выглядел тогда таким невменяемым и смотрел так странно. Почему казался совсем другим, неправильным, каким-то... живым? Впервые за все время не смог спрятать истинных чувств и впервые показался ей человеком? Выходит, по этой причине он больше ни разу не притронулся к ней? Поэтому предпочитал отводить к виарам? Из-за этого стал так неоправданно осторожен в поединках, а затем и вовсе их прекратил, устав бороться с самим собой?

Значит, он снял ментальный блок за целый месяц до Бала? И весь этот месяц потратил на то, чтобы найти способ стабилизировать ее дар? Сократил время занятий, сделал их проще и легче, позволил безнаказанно носиться по лесу со стаей, чтобы в это время напряженно размышлять и искать ответы?

«И я ни разу не заметила, — с внезапной горечью поняла Айра. — Не поняла, почему он так смотрит. Не подумала, что это страх светился в его глазах. Не ненависть, не неприязнь... просто страх. За меня и за то, что кто-то из виаров меня вдруг поранит».

Но как же тогда он должен был страшиться предстоящей Инициации? Не зная о готовящемся побеге, настойчиво перечитывая горы книг, ночами не смыкая глаз, изводя

Марсо расспросами, постоянно выискивая, сравнивая, вычерчивая в уме и на бумаге безумно сложные формулы... она видела их, когда приходила в его дом в шкуре Кера. Видела на столе кипы исписанных бумаг, стопки древних фолиантов с непроизносимыми названиями. Видела множество исчерканных черновиков. Сотни исправлений. Десятки почти готовых заклятий. Но не придавала им в то время значения. Не подумала. Не догадалась. И, конечно, даже предположить не могла, что он будет с такой настойчивостью пытаться избавить ее от трудного испытания.

Она неверяще подняла голову и с новым чувством посмотрела на опустошенного мага.

...Как сомневался он, подыскивая слова для той тяжелой ночи. Как колебался и гадал, поймет ли она, будет ли он услышан. Как долго раздумывал, стоит ли оставлять поблизости бодрствующего Кера, но потом все-таки пришел к выводу, что для спокойствия лера Альвариса и лучшего понимания самой Айры грозного крыса придется ненадолго усыпить. Хотя бы на то время, пока он постарается все объяснить и докажет испуганной ученице, что не желает ей зла...

Как трепетал он, когда ждал этого решающего момента. С какой ненавистью смотрел на слащавого эльфа, осмелившегося почти напрямую предложить ей Танец Возрождения. Как ревновал, видя их недолгий вальс. Как убеждал себя, что если она согласится, то всем станет намного проще. Сколько мук перенес, наблюдая за смазливим соперником, отчаянно страшаясь ее согласия, почти мечтая об этом, но и одновременно ощущая себя гнусным подлецом. Как облегченно выдохнул, когда она все-таки отказала. И как долго готовился к тому, чтобы пойти за ней следом, чтобы убедить ее хотя бы выслушать и, наконец, рассказать обо всем. А потом виновато припасть к ее ногам, чтобы прошептать то единственное, что еще мог:

— Прости...

Как ни странно этого не потребовалось. Все его усилия оказались ненужными: Айра нашла выход без его помощи, без колебаний им воспользовалась, рискнув всем, чем могла, и изначально приготовившись к самому неприятному исходу.

С каким ужасом следил он за ее побегом с сиротливо пустующего балкона. Как болел душой, когда видел двойную и даже тройную трансформацию. Как холодел и покрывался липким потом, страшаясь даже представить, что ей пришлось тогда пережить. И как обессиленно упал потом на колени, поняв, что она все-таки прошла. Его упрямая, непримиримая, настойчивая и восхитительно смелая Эиталле. Свободная, словно птица. Величественная, как древняя богиня. Отважная, словно молодая львица, и такая же отчаянная, как ее преданный и очень умный метаморф, подаривший ей так много сил и так много удивительной, совершенно заслуженной любви.

Как гордился Викран, видя ее последний рывок. С каким искренним восхищением следил за уверенными взмахами ее крыльев. Как устало улыбался, понимая, что она со всем справилась сама. И как измученно прижимался лбом к холодным перилам, раз за разом перечитывая короткую записку. Ту самую, для которой она не пожалела времени на прощание.

НЕ СТОИЛО...

Наверное, Айра была права, и надо было рассказать обо всем раньше. Наверное, если бы не запрет Альвариса, это могло бы многое изменить. Быть может, она даже смогла бы когда-нибудь простить его слепоту и одарить его хотя бы равнодушием. Относиться не как к врагу или бесчувственному мерзавцу. Это позволило бы незримо присутствовать в ее жизни,

незаметно помогать, оберегать, защищать. Просто быть рядом. Принять правду такой, какая она есть, смириться с ее выбором, стать ее тенью, незримым хранителем и преданным другом... хотя бы другом, раз уж всего остального он оказался недостоин.

Нетрудно догадаться, как и почему он нашел сбежавшую ученицу на бескрайних просторах Нигерии. Как почувал, как смог отыскать, если ни одного следа она не оставила: сердце... он и через семь лет непрерывного отчаяния постоянно слышал ее сердце. Правда, теперь не так явно, как в первый день, и далеко не сразу научился снова его ощущать. Просто по той причине, что свое живое сердце она отдала Занду, а Викрану потребовалось целых два долгих месяца, чтобы научиться понимать и узнавать звучание Сердца нового. Того самого. Живого и неприступного, как и сам, окруженный игольником, спрятанный в центре Охранных лесов, вечный, непознаваемый, непримиримый к чужакам и никем не покоренный Занд.

Центр этого мира и самая главная его тайна.

Однако Викран, к собственному удивлению, справился даже с этим. Пусть не сразу, но все же нашел его снова. Прислушался, вчитался, ухватился, как за единственную нить. После чего немедленно двинулся следом и долгое время шел по пятам, оставаясь невидимым, незамеченным и неузнанным. Он лишь у болот рискнул приблизиться к беглецам и обозначить свое присутствие. Лишь рядом с грозящей ей опасностью решил вмешаться. Отвлёк на себя крикс, отвел несколько направленных на нее ударов, слегка задержался возле Мертвого Источника и его болотного Хозяина, чтобы вовремя поразить и притопить ядовитую тварь. А потом почувствовал неладное и опрометью кинулся дальше, бросив к лешему и болотного царя, и упырей, и Источник... зато поспел как раз вовремя, чтобы в страхе у видеть неподвижную серую волчицу в окружении голодных тварей. Черным коршуном упасть на землю, перекидываясь прямо на лету в долее привычного волка. С ревом раскидать собравшуюся попировать нежить и в последний миг выхватить умирающую ученицу с чьих-то острых зубов. После чего прижать к себе, горестно застонать и в который раз проклясть себя за промедление.

Он потратил почти все силы, чтобы залечить ее страшные раны. Израсходовал все амулеты, без колебаний отдал свои жизненные резервы. Даже те, что неизменно оставлял про запас. И сожалел лишь о том, что не может отдать большего. Он двое суток не отходил от ее постели, неотрывно карауля и тревожно следя за каждым сделанным вздохом, беспрестанно вслушивался в неровный ритм биения ее сердца. Страдал не меньше чем она. Чувствовал то же, что приходилось выносить ей. Молча переживал. Тревожно мерил шагами тесную комнату. И лишь тогда, когда она, наконец, очнулась, позволил себе немного расслабиться. А потом забылся недолгим, беспокойным сном, который слетал с него каждый раз, когда ей доводилось неловко пошевелиться.

Он долгие дни шел рядом с ней, тихо радуясь уже тому, что получил разрешение помочь. Он старательно соблюдал негласные правила стаи, чтобы не спугнуть и ничем не задеть идущую неподалеку волчицу. Он сделал все, чтобы хоть немного сгладить впечатление от прошлых ошибок. Он рассказал ей многое из того, о чем раньше не обмолвился бы ни единым словом. Он терпеливо давал ей время привыкнуть к таким переменам. Не навязывался с разговорами, ни о чем не просил, отвечал лишь тогда, когда это было действительно нужно, и по-прежнему держался так, чтобы ни разу не коснуться ее против воли.

Для волка это — неестественно. Для привыкшего к повиновению Вожака — неудобно.

Для человека — совершенно немислимо, а для полуэльфа, придавленного тяжелым грузом Эиталле, вовсе непереносимо. Но он старался не замечать ее волнующего запаха. Честно отворачивал морду, когда она оказывалась слишком близко. Он сдержал все порывы своего второго «я», настойчиво требующего обозначить свои чувства, и ни разу не выпустил его из-под контроля. Он справился почти со всем, что принесла с собой эта недолгая дорога. А если и позволял себе что-то лишнее, то лишь после того, как она засыпала и уже не могла видеть его долгих, тоскливых взглядов и непрерывно шевелящихся ноздрей, с наслаждением втягивающих ее неповторимый, невероятно притягательный запах.

Он с пониманием встретил ее настороженность. Позволил определять время и место привалов, а сам потихоньку принаравливался к ее темпу, скорости и шагу. При этом тщательно следил за тем, чтобы ненароком не переступить невидимой границы, которую она раз и навсегда для него определила.

Он честно соблюдал взятые на себя обязательства. Хранил ее всю дорогу. Оберегал. Учил, когда для этого находилось время, и долгими ночами не уставал на нее любоваться, радуясь уже тому, что может делать это незаметно. Но при этом слишком хорошо понимал, что ни о каком доверии не может быть и речи.

Он немало времени размышлял над тем, как избавиться от прежнего ореола непогрешимого, непобедимого и жестокого наставника. Сломал себе всю голову. Почти отчаялся, измучился от ее упорного молчания. Но потом вдруг едва не опоздал помочь с даром... и именно тогда сообразил, наконец, что надо делать.

Конечно, Викран не забыл, как накладывается заклятие Нити Сердца. Конечно, он не мог так нелепо ошибиться. Конечно же, не совершил бы такого глупого ляпа... если бы не хотел, чтобы все получилось именно так. Он намеренно поменял полюса у сложного узора, незаметно перестает пару важных окончаний в формуле. Пока не видел Марсо, потихоньку исправил основное звено, а потом постарался как можно достовернее изобразить досаду и раздражение...

Да. Он действительно сделал себя полностью зависимым от настороженной ученицы. Привязал себя к ней так, как не рискнул бы ни с кем и никогда. Он сознательно пошел на это, искренне надеясь, что его небольшой обман не будет раскрыт и что она хоть немного успокоится. Получив над ним почти неограниченную власть, полностью исключавшую саму возможность предательства, она могла перестать бояться. Могла спокойно уснуть. Спокойно идти. Без страха поворачиваться спиной, не боясь быть связанной или увезенной в Академию насильно. Рядом с ним Айра могла вообще ничего не бояться — он никогда бы не тронул ее даже пальцем... оставалось только найти способ, чтобы она в это тоже поверила.

И он нашел этот способ. Сумел его реализовать. Подарил ей над собой такую власть, что даже Марсо не сразу увидел правду. Зато она, наконец, поверила. Успокоилась. Перестала шарахаться в сторону и подпустила его так близко, как он не мог даже мечтать. Как раз после того, как он позволил ей убедиться, что чары — не обман и не фальшивка. Что они действительно способны его убить, если только она пожелает.

Зачем, казалось бы? Для чего такой риск? А как иначе, если другой возможности могло и не представиться, если ее дар все равно требовал стабилизации, а ничему другому она бы просто не поверила?

Поэтому он рискнул. Стойко вытерпев болезненный удар потревоженного заклятия, упорно стоял на ногах и угрюмо молчал, когда напуганная девушка заметила его плачевный вид: не хотел, чтобы она потребовала от Марсо снять связующую Нить. Не хотел больше

видеть страх в ее чудесных глазах. И не хотел больше причинять ей боль.

Любой ценой. Даже такой неоправданной.

Он с тихой радостью встретил ее первый настоящий вопрос. Осторожно ответил, скрывая собственное ликование. С невероятным облегчением понял, что она все-таки рискнула сделать шаг навстречу, и решительно отмахнулся от не вовремя приставшего Марсо, вознамерившегося испортить едва наметившееся понимание. Теперь, когда Айра боялась меньше, она могла себе позволить свободно дышать. Могла долго спать. Нежиться поутру на солнышке. Зарываться носом в траву, подставляя рассвету нежное волчье брюшко. Она могла, забывшись, фыркнуть на пролетевшего мимо комара... многое теперь могла, и он был безмерно счастлив этому.

Если бы Айра знала, как сильно захлопотало его сердце, когда, замерзая, она в первый раз рискнула заснуть у него под боком. Если бы только могла видеть его вспыхнувшие густой синевой глаза. Если бы только слышала, как неистово кричит его оживающая душа. И если бы понимала, что за каждую такую ночь, полную спокойствия и долгожданного доверия, он отдал бы неизмеримо больше, чем за свою собственную жизнь...

В такие моменты он был готов расцеловать Марсо за его уверенное «спи», готов был восторженно рычать и царапать когтями землю. Готов был на любое безумство, ставшее бы в волчьем теле поистине сумасшедшим. Но вместо этого мгновенно замирал, старательно изображая спокойный сон, и долгие часы незаслуженно блаженствовал, наслаждаясь ее ровным дыханием, случайным тычком в бок и даже сонным ворчанием, вызванным назойливой мошкой.

Но особенно надолго он замирал тогда, когда ее нос оказывался слишком близко от его шеи; незаметно подворачивал плечо, чтобы она не проснулась раньше времени — единственного времени, когда он мог мечтать о том, что эта ночь никогда не закончится.

А потом наступало утро. Потом он с сожалением поднимался, весь день тайком втягивал ее запах и с нетерпением ждал, когда же проклятое солнце снова опустится за горизонт. Когда же, наконец, снова стемнеет. Для того, чтобы снова подставить мохнатый бок уставшей волчице и снова обманывать себя до самого утра.

Безумие... конечно, это было безумием — надеяться на что-то, когда уже ясно, что возврата к прошлому нет. Когда он сделал все, чтобы потерять свой последний шанс на прощение. Но Эиталле и есть настоящее безумие. Могучее, внезапное и бесповоротное. Оно сводит с ума, заставляет бросать все дела, забывать обо всем и идти в никуда, оставив дом, семью, всю прежнюю жизнь. Куда угодно идти, за слабой надеждой и даже без оной. За мыслью, за легким намеком, за неосторожно брошенным словом. Идти по пятам, словно дикий зверь, и терпеливо ждать, когда же настанет время и любимый голос позовет его по имени.

Викран тоже ждал. Ни на что особо не надеясь, но все равно терпеливо ждал. Радовался хотя бы тому, что его больше не гонят прочь и, кажется, уже не боятся. Он сделал все, чтобы она никогда не узнала правды. Он смолчал, когда была возможность рассказать намного больше. Он упорно прятал свою боль, не желая ЕЕ тревожить, и неотрывно следил, чтобы не выдать себя даже жестом.

Он лишь однажды не смог скрыть своих чувств и ненадолго приоткрыл трепещущую от страха душу. Возле игольника. На той самой поляне, где они оба когда-то едва не прикоснулись к смерти. Оглушенная воспоминаниями, Айра не видела, что и громадный волк, следующий за ней по пятам, вдруг недвижимо замер и расширенными глазами

установился на лиловые заросли. Не увидела, как он задрожал, с трудом справляясь с заново проснувшейся памятью. Как вспыхнули ярким светом глаза, сильные лапы внезапно подогнулись, а черный нос измученно уткнулся в землю, до последнего вспоминая каждый удар, каждый вскрик, каждое оброненное слово... в ту проклятую ночь, когда Эиталле едва не убило их обоих.

Он упустил тот момент, когда она, как и семь лет назад, сотворила свой последний портал. Не увидел, когда она успела снова стать человеком. Не слышал слов беспокойно заерзавшего Марсо, не понимал, о чем тот говорил. Не сознавал, что вообще происходит... ровно до того мига, пока не обнаружил ее возле шевелящегося игольника — хрупкую, в длинном платье, с развевающимися волосами, начавшими под темным небом вновь отливать червонным золотом. Протягивающую тонкие руки навстречу кровожадному кустарнику и терпеливо ждущую, когда же зеленые усики обовьются вокруг ее изящных кистей.

Он с криком кинулся следом, не в силах выносить это душераздирающее зрелище. На ходу перекинувшись и едва успев застегнуть ремень, в последний миг выхватил ее из объятий жадного растения, закрыл собой, увел в сторону, прижал, в диком ужасе представляя, что она вдруг утонет там снова. Как тогда. Снова пропадет, стинет, исчезнет, как несбыточный сон. И снова отчаянно закричит, пронзенная насквозь сотнями и тысячами острейших шипов.

Перенести снова ту боль было выше его сил. Он не мог на это смотреть. Он не мог отпустить ее туда. Нет. Больше никогда. И не отпустил бы ни за что на свете... если бы она сама не велела. Если бы не приказала это сделать. И если бы не потребовала от него стать могильным камнем, у которого нет ни боли, ни крика, ни слез.

Наверное, слишком многое тогда горело в его глазах. Вполне вероятно, он не смог удержать на лице бесстрастную маску. Кажется, тщательно сдерживаемые чувства против желания прорвались тогда наружу. Потому что Айра вдруг тоже испугалась. Впервые она испугалась за него. И медленно отходя к недовольно шуршащему игольнику, до последнего держала его взглядом. Мысленно умоляла оставаться на месте. Допоследнего беспокоилась и тихо шептала, откуда-то понимая, что если хоть на мгновение замолчит, он бездумно ринется следом.

Он с трудом удержался от того, чтобы не схватить ее снова, когда присмиревшие заросли из колючек и ядовитых шипов послушно разошлись в стороны. Едва не прижал к себе, зарываясь лицом в ее развевающиеся волосы. Чуть не застонал от облегчения, когда она вдруг позволила это сделать, и не рассказал все, когда этой же ночью она так доверчиво уснула у него на руках. Впервые поверив до конца, согласившись остаться рядом. Впервые — человеком. И впервые — так искренне ему улыбнувшись.

В ту ночь он был готов излить на нее столько ласки, сколько могло вместить его взволнованно колотящееся сердце. Мечтал до утра держать ее на руках, с нежностью всматриваться в ее расслабленное лицо, неистово желать прикоснуться, но каждый раз останавливаясь у последней черты, так и не тронув ее приоткрытых губ. Он был готов всю ночь разрываться между клятвой и близостью Эиталле. Согласен был терпеть эту сладкую муку вечно. Следовать за ней по пятам. И надеяться, что когда-нибудь... пусть через год или век... когда-нибудь она все-таки посмотрит на него снова и снова улыбнется так, как опрометчиво сделала сегодня.

Эта надежда жила в нем долго. Все последние дни она крепла, заставляла блаженно жмуриться, ласково щекотала напряженные до предела нервы и почти готовилась

превратиться в уверенность... пока из леса не вернулся встревоженный Марсо и не гаркнул издали, что Айре грозит смертельная опасность.

Он не сказал, кто пытается взломать границу Занда. Не назвал имени, не стал тревожить разум молодого мага известием о предательстве учителя. Не стал тратить времени на пояснения, а с ходу огорошил известием, что Айра должна немедленно пройти Инициацию. Здесь. Сейчас. В этот самый момент. Для того, чтобы проснувшееся Сердце... а Онс непременно проснется, как только почувствует угрозу... не спалило ее душу, не уничтожило. Потому что на самом деле Его сила была такова, что ею нельзя владеть в здравом уме. Викран уже видел это сам. Помнил, что случилось с ней когда Занд дотронулся до нее даже издали. Когда связь с ним была очень слаба, но Айра все равно едва не погибла. Тогда ее буквально выкачали досуха, из нее прямо на глазах уходила жизнь, ее словно разрывало надвое, иссушая дар, как горячее солнце пустыни сжигает едва пробившийся на поверхность ледяной ключ.

В тот раз он едва успел ее спасти. В тот раз у него под боком была Иголочка, ему помогал Бриер. И тогда у них обоих было немного времени. А теперь Марсо говорил, что возжелавший Сердца маг буквально в паре часов от цели. Что он прошел в Занд не по поверхности земли, а под ней. Что каким-то образом сумел обмануть чутких стражей, избежал внимания Охранителей, коварно пробрался к самому центру мира и теперь готовился нанести последний удар... тот самый удар, от которого Сердце должно проснуться полностью и поглотить приютившую его девушку навечно.

Мастер Викран опустил остановившийся взгляд на спящую Эиталле, слишком хорошо понимая, что это значит, окаменел от мысли, что не успел с Инициацией. А потом буквально помертвел от ужаса, потому что вдруг понял и другое: ее придется проводить немедленно, здесь, сейчас... если, конечно, он не хочет потерять Эиталле во второй раз.

— Нет...

— Да! — рявкнул в ответ призрак и легким движением пальцев направил на встрепенувшегося Кера Сонные Чары, отчего зверек сладко зевнул и уронил голову на грудь хозяйки. — Да! Без Инициации она умрет! И ты знаешь это! Мы должны ее провести!

— Нет...

— Делай! — гаркнул Марсо. — Он уже близко! Я чую его ауру! Слышу его магию! И знаю, что Он не остановится ни перед чем! Я упустил этого мерзавца... надо было раньше подумать... но он обманул меня и всех вас... проклятие! Все-таки обманул! Викран, не стой! Ты ей нужен!

— Я не могу, — помертвевшими губами прошептал маг. — Не могу этого сделать.

— Значит, она умрет! Ты этого хочешь?!!

— Нет!

— Думаешь, в тот раз Сердце проснулось зря?! Думаешь, Он впервые пробует добраться до Занда?! А ты знаешь, что это из-за НЕГО она в прошлый раз чуть не погибла у тебя на уроке?! Знаешь, что тогда именно Он потревожил эти границы, и ей пришлось вернуться сюда ненадолго... разумом... через столько лердов... чтобы принять силу Занда и дать ЕМУ отпор?! Знаешь, каких усилий от нее это потребовало?! Понимаешь теперь, почему ее аура превратилась в решето?! Сколько сил она потратила? Сколько резервов опустошила, чтобы из Холодного моря... прямо в центр материка... а потом обратно?! Занд тогда едва ее коснулся! На несколько секунд! На пару мгновений! И это истощило ее так, что даже Кер и игольники не смогли справиться! А теперь Дерево близко! Теперь оно заберет ее в тот миг,

когда почувствует угрозу! Несли ее дар будет все еще нестабильным...

Викран дер Соллен глухо застонал.

— Мы НЕ УСПЕЕМ по-другому! — жестко сказал Марсо, зависнув перед посеревшим лицом бывшего Охранителя. — ТЫ не успеешь! Понял? Если бы я имел тело, я бы сделал это сам! Но тела у меня нет! И значит, это придется делать ТЕБЕ! Сейчас, пока она спит. Пока спит Кер. Пока спит Перводерево, и пока ОН не подозревает, что то Сердце, за которым ОН пришел, здесь. Совсем рядом. Слабое и пока не способное сопротивляться!

— Нет!!!

— ДЕЛАЙ!

— Нет... нет... нет!!! Марсо, я не могу!!! Это убьет ее!!!

— Ее убьет тот маг, которого мы с тобой прозевали!

— Но я...

Призрак вдруг хищно прищурился и неожиданно прошептал несколько коротких слов древнего заклятия.

— Прости, друг. Это слишком важно, чтобы я позволил тебе колебаться — а потом глубоко вздохнул и выпустил из себя невзрачное облачко золотистой пылицы. Точно такое же, какое недавно выпустил в сонно сопящего метаморфа. — Вот так. До утра ты принадлежишь мне. И сделаешь только то, что я скажу.

Викран дер Соллен глухо застонал, ощущая, как тело внезапно стало совершенно чужим и полностью перестало ему подчиняться. Он дернулся раз, другой, сиюсь подняться и сотворить ответное заклятие. Яростно сверкнул глазами, пытаясь перекинуться. Рыкнул, попытался вскочить... но с ужасом понял, что не может ни того, ни другого. Увидел свою руку, настойчиво тянущуюся к безмятежно уснувшей Эиталле, ее бледное лицо, легкую улыбку, доверчиво приткнувшийся нос, спрятанный на его груди в полной уверенности в собственной безопасности... а потом запрокинул голову кверху и долго, протяжно закричал. Почти завыл диким зверем. Запертый в клетке собственного тела. Беспомощный. Обманутый. Застигнутый врасплох. И готовящийся совершить самый ужасный поступок в своей жизни.

Готовящийся ЕЕ предать.

Она не сопротивляюсь, когда перекошенное страшной мукой лицо оказалось слишком близко. Не почувствовала, как закаменевшие губы тронули ее нежную шею. Не дрогнула, когда с легким шелестом сдвинулось платье. И не услышала, как искаженный, изломанный болью и невыносимым стыдом голос беззвучно прошептал:

— Прости меня, любимая... пожалуйста, прости...

За эту ночь он буквально выгорел изнутри, не в силах выдержать наказания Эиталле. Он омертвел. Уничтожил себя. Развеял сухим прахом и проклял свою потерянную душу, посмевающую нарушить великий Закон. Он предал ее. Посмел прикоснуться без спроса и совершил то, чего поклялся не делать никогда. Инициация... ненавидимая, промятая и многократно проминаемая. Та самая Инициация, которой ОНА так страшилась. От которой бежала, скрывалась и в панике бросалась на верную смерть. Из-за нее Айра так отчаянно рисковала. Из-за нее шагнула в полную неизвестность. Из-за нее сунулась в болото с упырями. Из-за нее же едва не погибла.

Она просила его быть рядом. Доверилась. Приняла. С трудом начала забывать о прошлом и даже... Всевышний... нашла в себе силы простить! Сумела. Как-то услышала его молчаливую мольбу. Что-то почувствовала, поняла! А теперь он своими руками убивал ее.

Снова. Отчаянно сопротивляясь, бессильно крича от невозможности что-либо изменить, мечась внутри предавшего его тела, для которого, как оказалось, не было ничего святого, но все-таки убивал. Медленно. Неумолимо. Верно.

И Эиталле не замедлилось с наказанием.

Для него оно стало хуже, чем смерть. Тяжелее, чем прожитые без НЕЕ годы. Мучительнее пытки. Острее любой боли. И страшнее любого другого возмездия. Эиталле сжигало его изнутри. Высушивало душу. Ослепляло глаза, чтобы они не видели того, что творят его руки. Выламывало пальцы, вырывало ногти, медленно сдирало кожу, посмевающую прикоснуться к НЕЙ. Оно жестоко пронзало его сердце, заставляя его исходить кровавыми слезами. Отрезало от него по крохотному кусочку. Каждый миг. Каждое мгновение. Даже тогда, когда все закончилось, и Айра со вздохом прижалась к предавшему ее мерзавцу.

Он мог только беззвучно выть, подбирая ее рассыпавшиеся по траве волосы. Молча кричать, следя за тем, как ненавистные руки аккуратно возвращают все, как было. Тяжело дышать, буравя бешеным взглядом маячившего неподалеку Марсо, и мечтать о том времени, когда тело снова станет послушным. Чтобы встать, смять в кулаке его драгоценное кольцо и сполна насладиться выражением страха на его прозрачном лице. Который не шел ни в какое сравнение с тем, что довелось сейчас пережить измученно привалившемуся к дереву Охранителю.

А потом Эиталле вернулось, и даже месть потеряла свое значение.

Он не знал, как дожил до утра — убитый и опустошенный. Не помнил, как дотянул до долгожданного рассвета. Не слышал, как запели в листве невидимые птицы, как застрекотали кузнечики, как зашелестели от легкого ветерка лиловые кроны... он умер этой ночью. Он предал свою Эиталле, а затем уничтожил и себя самого. Выгорел до основания и рассыпался, словно пустая, почерневшая от яростного пламени, давно потухшая головешка.

Но даже это не помогло избавиться от накотившего безумия. И не умалило ни на каплю ту боль, что принесла ему проклятая Инициация.

Все остальное время он ждал только смерти. Благословенной, необходимой, как воздух. Он молился о ней, когда встретил поутру недоумевающий взгляд своей Эиталле. Молился всю дорогу, когда Айра волокла его к Перводереву. Молился, когда узнал в пришедшем маге бывшего учителя, и страстно надеялся, что сгорит в Огне его мощного заклятия. Он ждал броска от неожиданно взявшихся на поляне нике. От Кера, от обернувшихся и потерявших человеческий разум магов. Ждал ее от Марсо, когда тот обрел, наконец, свою силу. Ждал от Альвариса, потому, что его последнее заклятие было действительно могучим. Ждал от разгневанных небес, когда учитель осыпался на землю яркими искрами. И от Всевышнего, который просто не мог допустить, чтобы под его благосклонным взглядом жило столь мерзкое, отвратительное и никчемное создание.

Он ждал своей смерти даже сейчас.

Стоя на коленях перед преданной им любовью. Ощущая на себе ее пристальный взгляд. Чувствуя последние удары истерзанного сердца и молясь про себя о том, чтобы эта смерть была достаточно мучительной и страшной. Чтобы оскорбленное Эиталле могло хоть немного утешиться. И чтобы оно, наконец, почувствовало себя отмщенным.

Викран дер Соллен тихо вздохнул, заметив беспокойное шевеление лиан Перводерева, больше похожих на ожившие копья, и покорно подставил для удара беззащитное горло. У него ведь тоже было право на одну — единственную просьбу. А просил он сейчас беззвучно лишь об одном:

— Убей...

И это было лучшее, на что он еще мог надеяться.

Бывший Охранитель наивно думал, что уже готов ко всему. Он не удивился, когда принявшее его просьбу Дерево медленно протянуло вперед зеленые ветви. Спокойно проследил за тем, как они обвивают его руки. Послушно поднялся, ощутив заметный толчок в спину. Ведомый чужой волей, безропотно вошел в заполненное туманом дупло и так же послушно опустился на колени, позволив опутать себя прочными зелеными лианами с ног до головы.

Он с тоской покосился в сторону, где в небольшой выемке краснел какой-то бесформенный комочек. С трудом приметил слабое движение, а потом с внезапной горечью узнал сердце... живое человеческое сердце, когда-то вынутое из детской груди и заботливо сохраненное. Да. Это было именно оно. Ее сердце, некогда пронзенное чужой стрелой. Оно не погибло, не засохло, не умерло. Оно все эти годы хранилось здесь — в тишине, покое и под надежной охраной. Обычное человеческое сердце, вместо которого у Айры теперь было новое, сильное, совсем чужое... настоящее Сердце этого мира, сумевшее каким-то чудом заменить собой прежнее и невероятным образом вернувшее ее к жизни.

Теперь, пока жив этот маленький комочек, она будет жить тоже. Ее не коснутся ни яд, ни проклятие, ни время. Ее не посмеет поранить ни одно смертоносное заклятие. Не тронет ни зверь, ни птица, ни кровожадная никса. Ее не коснутся болезни. Не тронет со временем старость. Она будет молодой и полной сил ровно тысячу лет. пока, наконец, не наступит черед кого-то другого хранить этот бесценный дар, доставшийся ей совершенно случайно.

Она не умрет больше, как он когда-то боялся. Она останется такой же прекрасной, как сейчас. Она сможет все, что только захочет. Ей подчинится любая стихия. Ей станут покорны моря и океаны, вулканы и лавы, грозы и ураганы, солнце и ветер, дожди и лесные твари. Все живое отныне будет чувствовать в ней нечто волшебное. Нечто странное, притягательное и неприкосновенное. Мир непременно узнает ее, как только она почтит его своим присутствием, и сбережет любой ценой свое новое Сердце.

Он знал это и ни о чем не жалел. Как знал и то, что вскоре для его Эиталле найдутся другие учителя и другие наставники. Для нее быстро отыщутся верные защитники. Она никогда не будет знать недостатка в поклонниках. И вряд ли вспомнит про одинокого, никому не нужного полукровка, сумевшего сохранить от нее свое прошлое в тайне.

Когда-нибудь она снова оживет, оправится от нанесенного им удара. Со временем забудет его предательство и станет жить, как будто ничего не случилось. Возможно, даже перестанет проклипать его в веках. И, возможно, когда-нибудь в ее сердце найдется местечко хотя бы для мимолетного сожаления о его бездарно потраченной жизни.

Викран дер Соллен с грустной улыбкой проследит за тем, как одна из лиан на пробу коснулась острым кончиком его груди. Понимающе прикрыл веки, когда она чуть отодвинулась, словно примеряясь, а затем вернулась снова, метя точно в левую половину. Туда, где еще билось его изувеченное сердце и последними толчками выплевывало застывшую, выщеженную по каплям кровь. Она готовилась недолго — всего пару мгновений, за которые у него перед глазами пронеслась вся его бессмысленная жизнь. Затем напряглась, будто рука с зажатым с ней карающим клинком, на краткий миг отвела его назад...

А потом резко вернулась, с размаху вонзившись в незащищенную грудь.

Он ждал безумной боли, едкой горечи, ждал собственного стога и даже заранее стиснул

зубы, чтобы не потревожить отрешенную Эиталле, не до конца очнувшуюся от слияния с Сердцем. Он ждал яркой вспышки в глазах, ждал стремительно подбирающейся темноты. Неимоверного облегчения, свободы, ощущения полета, за которым, наконец, придет благословенный покой. Ждал чего угодно. И смерти. И проклятия. Готовился принять такую судьбу и соглашался, что так будет лучше... но оказался совсем не готов к раздавшемуся за спиной короткому вздоху и полному ужаса вскрику:

— НЕТ! НЕ НАДО!

Рядом с ним неожиданно потемнело, словно кто-то заслонил собой льющийся снаружи свет. Почти одновременно послышался шорох сдвигаемого резким движением мха, тихое шипение, глухое урчание, в котором даже издали можно было признать крайнее неодобрение. Затем стало теплее. Уютнее. Всколыхнулся потревоженный воздух. А потом к нему вдруг прижалось что-то горячее, живое, дрожащее, и срывающимся голосом прошептало:

— ЧТО ВЫ НАДЕЛАЛИ?! УЧИТЕЛЬ!!

Мастер Викран поднял мутнеющий взгляд и с удивлением понял, что почти ничего не видит: перед глазами все расплывалось и дрожало, словно он смотрел через толстое, залитое дождем стекло. А потом сквозь него внезапно проступило лицо... ее бледное, искаженное ужасом лицо, на котором дико горели расширенные от страха глаза, в которых уже истаивали знакомые лиловые искры. Ее мягкие волосы, водопадом хлынувшие на его плечи. Теплые губы, которых он совсем недавно касался. Прерывистое дыхание, в котором все больше слышался горестный плач. И нежные пальцы, непривычно бережно подхватившие его упавшую голову.

Он как во сне ощутил на себе тонкие девичьи руки, обретшие вдруг удивительную силу. Смутно почувствовал, как отпускают его тело прочно обвившиеся лианы. Как его осторожно укладывают на мягкий мох, беспрестанно глядят неподвижное лицо. А потом внутри шелохнулось острое чувство вины и заставило неохотно разомкнуть намертво сжатые губы.

— Прости...

— Учитель! — Айра со стоном прижалась к его груди, где расплывалось безобразное алое пятно. — Не уходите! Пожалуйста, не умирайте!!!

— Так будет лучше...

— НЕТ! Никому не лучше! Я не хочу!!!

Он тихо вздохнул, не чувствуя больше ничего, кроме горечи, виновато подумал о том, что снова причинил ей боль, и неслышно повторил:

— Прости...

А потом, наконец, перестал дышать: его неистовая просьба была в точности исполнена. О большем и мечтать было нельзя.

Наверное.

По крайней мере, мечтать не ему.

Не услышав нового вздоха. Айра отпрянула и в неподдельном ужасе уставилась на его неподвижное тело, в котором больше не осталось жизни. На разорванную рубаху, где сквозь пробитую ткань алела безобразная дыра. На разметавшиеся в беспорядке черные волосы, мертвенно-бледную кожу, ощутившую на себе дыхание приближающейся смерти. Подернутые дымкой и почти погасшие глаза. Неровный трепет ресниц. Слабо шевельнувшиеся губы, на которых на миг проступила последняя, немного виноватая улыбка, застывшая там навеки...

Айра с криком обняла его за шею.

— Мастер Викран!!!..

Но от него не было ответа.

— Учитель... лер... что же вы...? Всевышний, нет!!!

Его голова покачнулась от толчка и безжизненно замерла. Несколько черных прядок упали на бледное лицо, милосердно прикрыли погасшие глаза, темным саваном опустились на сомкнутые губы, которые сумели так долго хранить свою тайну. А она... она так и не успела ему сказать самого главного.

Айра задрожала.

Боже, за что?! Сперва Марсо, теперь учитель! Их больше нет! Обоих! НЕТ! Никого рядом нет! Никого из тех, кто был по-настоящему дорог! Совсем! Но если Марсо еще мог рассчитывать на посмертие, то ОН...

— Мастер Викран... пожалуйста...

Дерево скорбно поникло, заставив заплаканную девушку намертво стиснуть кулаки. Словно бы тоже опечалилось, видя ее неподдельное отчаяние. Затем ласково потянулось навстречу, пытаясь погладить и успокоить, коснулось листьями мокрого лица, а затем сочувственно вздохнуло, молча говоря, что всего лишь исполнило чужое желание.

Он так хотел покоя, так хотел забвения и мира — и теперь у него будет покой. Вечный. Как будет тишина в душе и холодное молчание пустоты.

— Не смей! — вдруг яростно прошептала Айра, прижавшись лицом к неподвижной груди мага. — Не смей его трогать!

Перводерево болезненно содрогнулось, торопливо отдернув зеленые «руки» от умершего мага. По толстой коре пробежала долгая судорога. Листья взволнованно зашевелились. Ветки закачались, будто сполна ощутили ее боль и теперь не знали, как от нее избавиться. Вдоль толстого ствола проступила длинная трещина, но Айра не видела: по-прежнему крепко обнимая бездыханное тело, она тихо плакала и снова, как сегодня утром, боялась.

За него боялась.

И того, что его единственное желание действительно исполнилось.

— Не тронь его! — упрямо прошептала она сквозь зубы, а потом крепко зажмурилась, чувствуя, как стремительно бегут по щекам две мокрые дорожки. — Возьми себе мое сердце! Возьми, но не трогай его! Вон оно у тебя под боком! Бери, если нужно! Все что хочешь, бери! Режь! Убивай! Но ЕГО касаться не вздумай! Ты меня слышишь?!! НЕ СМЕЙ!

Перводерево снова содрогнулось до основания.

— У меня тоже есть право!

Оно болезненно скрипнуло.

— Я тоже пришла сюда живой! — простонала Айра. И хочу, чтобы он жил! Слышишь?! Хочу, чтобы он снова ЖИЛ! Я меняю его жизнь на свою! Ты не можешь мне отказать! А я отказываюсь, ясно?! Отказываюсь брать твое Сердце!!! Мне ничего не нужно, если погибнет он!

Как ты можешь? — неслышно вздохнул заплутавший в листве ветер.

— Могу! Это мое право!

Для чего? — недовольно шевельнулась вдалеке проснувшаяся лава.

— Потому что я прощаю его!!

Зачем? — тоскливо прошептали реки.

— Затем, что он мне нужен!!! — в отчаянии вскрикнула Айра, в ужасе не чувствуя под руками жизни и отчетливо сознавая, что уже опоздала, не успела его удержать, не остановила, когда была такая возможность. Просто не услышала и не поняла. Ни месяц назад. Ни даже этим угрюм, когда он буквально помертвел и утратил всякую волю к жизни. Ради нее утратил. Все отдал, чтобы жила она. А теперь охотно умер, не прося пощады, не ища оправдания и больше даже не болея. Он умер. Это действительно так. И его сердце вырвали из груди, как он того хотел. Теперь оно больше не болит. Не терзает его как раньше. Не мучается и не рвется от осознания ошибки, которую он на самом деле никогда не совершал.

— Верни его! — отчаянно вскрикнула девушка. — Верни или заведи меня! Все заведи... только верни ему жизнь!

Почему? — ласково вздохнула все понимающая земля.

Айра, в последний раз посмотрев на бледное, но безумно красивое лицо, которое все последние дни так упорно преследовало ее во снах, его сомкнутые веки, рассыпавшиеся по плечам короткие волосы. Его сильные руки, в которых было так уютно. Замершую грудь, в которой совсем недавно билось и болело живое сердце... для нее билось. За нее болело! Ради нее так долго молчало! И для нее же отдало даже себя! Его сердце. Любящее Израненное. Несчастное. И очень одинокое.

Почему, они спросили?

Почему так?

Почему он?

Викран дер Соллен?!

Она вздрогнула и вдруг поняла правильный ответ. А затем тихо вздохнула, бесстрашно потянувшись навстречу, снова прильнула, неожиданно успокоившись, и бережно погладила кончиками пальцев гладкую щеку, на которой еще дрожали ее собственные слезы. Те самые слезы, что были пролиты на его иссушенную болью душу. Ради него. Ради того, чтобы он понял. И ради того, чтобы знал, что на самом деле все-таки был услышан. В последний миг. В последний раз. На последнем вздохе умирающего Эиталле.

— Потому, что я люблю его, — неслышно прошептала Айра, прижавшись к магу всем телом. — И потому, что я не хочу его потерять... верни его. Сердце, пожалуйста... умоляю... кроме него, мне никто не нужен. Ни сейчас, ни через тысячу лет. Я просто его люблю... понимаешь? И если его не будет, мне станет незачем жить. Даже с тобой.

Она надолго застыла, с трепетом ожидая ответа. Уже ничего не боясь. Не плача. Но неустанно согревая его своим дыханием. Отдавая собственное тепло. Почти касаясь губами его неподвижных губ. Надеясь. Страдая. Отчаянно веря. И искренне желая, чтобы ее все-таки услышали.

Айра не сразу заметила, как что-то изменилось вокруг. Не сразу поняла, зачем крохотная струйка вездесущего тумана вдруг коснулась груди умершего мага. Какое-то время не обращала внимания на то, как стремительно она втягивается в зияющую рану. На то, что края кожи вдруг дернулись и неуверенно потянулись навстречу друг другу. Как они коснулись, склеились между собой, тесно сомкнулись, не оставив даже крохотного следа. А подняла с удивлением голову лишь тогда, когда совсем рядом громко стукнуло чье-то сердце. Большое и сильное. Могучее. Живое.

На бесконечно долгий миг замерев от невероятной догадки, она быстро обернулась и тихо ахнула. Потому что там, в темноте, в неглубокой нише, где целых семь лет дремало ее

детское сердечко, теперь оно было не одно. Нет. Теперь оно мерно билось в паре с чьим-то другим. Гораздо большим. Сильным. Надежным. Билось в унисон. В одном и том же ритме. На одной ноте. Уверенно, мощно, с каждой секундой все наращивая темп.

Айра судорожно сглотнула, следя за этим чудом широко распахнутыми глазами. Вздрогнула, когда Кер на ее шею торжествующе пискнул, а затем, гордо чмокнув окаменевшую от неожиданности хозяйку, с громким воплем спрыгнул на пол и стремглав куда-то умчался.

Это было невероятно... немыслимо... невозможно! Но перед ней сейчас было два Сердца! ДВА! Ее собственное, давно привыкшее жить отдельно от тела, и ЕГО. Действительно, ЕГО сердце, которое Перводереву вдруг решило поместить рядом. Так близко, что они почти касались друг друга. Так надежно, что теперь ни одному из них было не уйти от второго. Так крепко, как только она пожелала. И так надолго, как только они этого захотят.

Перводереву исполнило ее безумное желание. Действительно исполнило, потому что не могло иначе: у НЕЕ тоже было это право. И теперь оно наконец, оказалось востребовано.

Заслышав позади неясный шорох. Айра ошарашенно обернулась снова и в еще большей оторопи уставилась на внезапно севшего мага: бывший Охранитель и бывший человек с совершенно диким видом смотрел на зарастающую рану в своей груди. Недоуменно прислушивался к себе и с не меньшим изумлением следил за живым, весьма неплохо себя чувствующим сердцем, которому было совсем не положено жить и так ровно биться.

Айра потрясенно замерла.

Дерево ответило ей! Сердце ответило! Исполнило ее неистовое требование! Потому что он здесь. Он живой... снова живой и невредимый! Такой же, как прежде. Надежный и лучащийся невесть откуда взявшейся силой. С невероятно бледным лицом. С восстановленным даром. Растерянной улыбкой. Сине-желтыми глазами перевертыша, на дне которых от волнения вдруг загорелись до боли знакомые сиреневые искры.

— Викран...

Он быстро поднял удивленный взгляд и замер тоже, торопливо обшаривая ее лицо своими странными глазами. Ее невысохшие слезы. Дрожащие от волнения губы. Тонкие пальцы, которые она в панике прижала к груди. И почти белое лицо, на котором вместо тревоги и мимолетного испуга вдруг проступила робкая надежда.

— Викран?

— Я слышу, — тихо сказал Викран дер Соллен, неверяще глядя на живое Сердце Зандокара. Нет, не на него, а на свое будущее. Свою Эиталле. Прекрасную, смущенную, невероятно красивую и до боли знакомую. Которая снова, как и семь лет назад, сидела перед ним на коленях и с волнением смотрела, ничуть не боясь. — Я все слышал. Все, что ты сказала сейчас. Даже то... во что сам еще не верю.

Айра слабо улыбнулась.

— Это — правда.

— Я знаю: Сердце Зандокара не терпит лжи.

— Да. И оно сделало так, чтобы мы больше не теряли друг друга.

Маг странно посмотрел, машинально качнулся навстречу, не отрывая горящего взгляда от своей ученицы. Он так много должен был ей сказать. Так много нужно было открыть. Так много сделать того, что не успел когда-то. Так хотелось прижать ее к груди, взять в ладони ее чудесное лицо, с трепетом всмотреться в ясные глаза и с безумной надеждой спросить:

неужели правда?!!!!..

Но как так может быть? КАК?! И неужели она...?!

От его взгляда Айра неловко потупилась.

В этот же миг в притихшее дупло, легко разбив возникшую неловкость, вдруг на полном ходу влетела запыхавшаяся ласка с лиловой полоской на загривке. Уверенно промчавшись мимо успокоенно свернувшихся лиан, ловко перепрыгнув через ноги хозяйки, она с какой-то непонятной гордостью, торжественно, почти повизгивая от нетерпения, всунула в руки Охранителя крохотный, неоформленный, угольно-черный комок, смутно напоминающий клубок пушистых ниток.

Викран дер Соллен изумленно поднял подарок и едва не вздрогнул от неожиданности, когда «комок» вдруг посмотрел на него в ответ — внимательно и очень пристально. Совершенно разумным, полным откровенной задумчивости взглядом, в котором внезапно проступила тихая радость и молчаливое обожание.

— Метаморф, — тихо уронила Айра. — Занд дарит тебе дикого метаморфа, чтобы его Сердце всегда было под защитой. Как я. Как Кер. Ведь теперь ты тоже — Его свет и Его неотъемлемая частичка. В тебе Его сила, часть Его магии. Его воля. Стремления и желания Его прошлое, будущее, настоящее. Будущее всего Зандокара, которое теперь тоже зависит от тебя.

Маг судорожно вздохнул, по достоинству оценив предложенный дар, и бережно поднял к лицу новорожденную мышку... нет, уже ласку... маленькую, но очень умную. Совершенно черного окраса. С крохотным носом-пуговкой. С ловким пушистым хвостиком, которым она резко дернула и с легкостью вспорхнула на его шею, тесно прижавшись и обвившись бархатной лентой. А потом вдруг повернулась и, ткнувшись мордочкой в незащищённое горло, доверчиво посмотрела на обретенного хозяина крупными, окончательно сформировавшимися, но абсолютно СИНИМИ глазами.

— Ты ей нравишься. — Айра улыбнулась чуть шире и подхватила довольного Кера на руки, а затем прислушалась к его мыслям и добавила: — Дай ей имя. Любое. Она очень хочет услышать твой голос.

Мастер Викран пристально взглянул на урчащего метаморфа, на лицо девушки, ради которой пошел бы на все и которая неожиданно вернула его к жизни. Внимательно осмотрел исходящее сиреневым туманом дупло, ставшее его второй колыбелью. Встретился глазами с внезапно найденной ласочкой и к чему-то присмотревшись, тихо сказал:

Кеари. Ее имя — Кеари. На языке моего Народа это значит «Возрожденная».

— Ей нравится, — перевела Айра довольное урчание Кера и юной ласки, которая тем временем снова начала меняться. Сперва вытянулась в черно-синюю змейку, затем избавилась от шерсти, покрылась мелкой гибкой чешуей, избавилась от ненужных лапок, затем свесилась с шеи удивленно замершего хозяина, юркнула ему под рубаху и быстро закаменела, повиснув неподвижным ожерельем.

— Она слишком мала, — пояснила девушка. — И ей нужно набираться сил. На это потребуется несколько месяцев или даже лет, так что пока она будет спать. Слушать тебя. Пытаться понять. Запоминать. Присматриваться к тому, что творится вокруг, и постоянно учиться. Потом она проснется уже зрелой, как мой Кер, который в свое время спал целых семь лет. Но у Кеари есть возможность сделать это быстрее. Если, конечно, ты поделишься с ней своей силой.

Викран дер Соллен послушно накрыл змейку рукой и слабо улыбнулся, почувствовав

благодарное урчание в ответ.

— Да, так правильно, — кивнула Айра, отпуская радостно пискнувшего метаморфа. — Если тебе будет грозить опасность, она ненадолго проснется, а потом снова заснет, чтобы поскорее вырасти. Но не рискуй зря — для никсы ее сил пока маловато. Хотя в остальном, конечно, она ничем не будет отличаться от моего малыша. Ну разве что полом?

Кер удовлетворенно фыркнул и снова умчатся прочь, ужасно довольный тем, что скоро обретет настоящую подругу. Но напоследок все равно успел вспрыгнуть на плечо мага, одобрительно потереться о его щеку, ласково пощекотать задремавшую змейку и осторожно коснуться носом ее закрытых глаз. Словно пожелал добрых снов и побыстрее набираться сил.

Мастер Викран проводил его долгим взором и снова повернулся к беспокойно замявшейся девушке.

— Айра?

Она неловко потупилась, нервно теребя подол своего платья.

Странно, но теперь, когда он вернулся и стоял так близко, ее недавняя уверенность вдруг куда-то бесследно испарилась. Теперь, когда она знала все. Когда оказалось, что Занд принял его тоже. Когда его сердце билось совсем рядом. Когда перед ним раскрылась делаая бездна лет, которые он вряд ли захочет провести в одиночестве. Прекрасно зная, о чем он может спросить. Предчувствуя его недоверие, сомнения. Ужасно смущаясь, но при этом отчаянно желая все рассказать... это случилось так быстро. Так внезапно. Столько событий, столько чувств... целая буря! И в ней, и в нем. Словно из бушующего пожара довелось шагнуть в прохладный и роскошный дворец. Или падая в пропасть, уже перед самой землей вдруг обнаружить под ногами твердую опору. Могучую. Надежную. Несокрушимую. Такую же крепкую, как сидящий напротив маг.

Всевышний! Оказывается, это так трудно: говорить самое важное глаза в глаза!

— Айра? — снова позвал Викран, осторожно коснувшись пальцами ее щеки и заставив мгновенно вспыхнуть до корней волос. — Айра... почему?

Не поднимая глаза, она тихонько вздохнула.

— Что?

— Почему ты меня вернула?

— Потому что ты прав: Сердце Зандокара не терпит лжи. Потому что Оно слышит не громкую речь, а людские души. Потому что читает не слова, а мысли. И потому, что умеет проявлять самые потаенные наши желания. Твои... мои... Марсо... кого угодно... заставляя при этом говорить только то, что действительно важно. Ведь лер Альварис мог просить по — разному. Он мог потребовать вечной жизни. Бесконечной силы. Того, чтобы я дала ее столько, сколько он МОГ выдержать. А он оказался слишком жаден. Пожелал столько, сколько я могла ему дать. А дать я могу ОЧЕНЬ много. Понимаешь? Так много, что никакая оболочка этого не выдержит. Правда, он просил еще и вечной жизни... но у него было право лишь на одну просьбу. По крайней мере для себя. И только одну ее я исполнила. И это справедливо.

Бывший Охранитель бережно приподнял ее лицо, настойчиво заглядывая в серо-голубые глаза, и прошептал:

— Я спросил не об этом.

Айра, наконец, нашла в себе силы посмотреть прямо и с трепетом встретила его горящий взгляд, в котором все еще метались сомнения, бурлили недавние воспоминания,

сталкивались догадки, былые страхи, непонимание, недоверие... все, о чем он думал многие- многие дни. То, что она успела прочесть в нем недавно. Все, что услышала и внезапно поняла. Что открыло, наконец, для нее простую, незатейливую, но какую-то ослепительную истину, рядом с которой поблекло все остальное — ненужное и совершенно пустое.

Все, кроме него.

Она тихо вздохнула.

— Я люблю тебя. Викран дер Соллен.

И маг сильно вздрогнул: это была сущая правда, он хорошо почувствовал. И гулко заколотившееся Сердце тут же подтвердило: все — правда, до последнего слова. Как бы ни казалось это безумным и диким, как ни невероятно звучало, но она... действительно любит?!

Он судорожно сглотнул.

Но почему?! КАК это могло случиться?! После того, что было! После того, что он ей принес! После стольких мук и переживаний! Она все равно ЛЮБИТ?! ЕГО?! Невозможно Немыслимо!! За что?! Ведь он ничего не сделал, чтобы ее завоевать!

— Я слышала твою боль, — неожиданно призналась Айра. — Видела твои страхи. Помню все твои воспоминания с того дня, как мы впервые встретились. Я очень жалею, что тебе пришлось так много пережить. Жалею о том, что все так вышло и нас разлучили в самом начале. Жалею, что мы не узнали друг друга раньше. И повторяю: Сердце Зандокара не терпит лжи.

Он замер.

— Я прощаю тебя за то, что ты натворил в незнании, — тихо сказала Айра, обхватив руками его ладони. — За все прощаю и благодарна за то, что ты спас мне жизнь. Не твоя вина в том, что все так сложилось. Не твоя вина, что лер Альварис нас использовал. Не твоя вина в том, что я оказалась в Занде. И не твоя вина, что за эти годы я так сильно изменилась.

— Айра, но ведь я...

— Ты спас мне жизнь, — ласково улыбнулась она, прижавшись щекой к его теплой руке. — И семь лет назад, и сегодня. Я знаю только это. А больше ничто не имеет значения. Разве не так?

Маг снова вздрогнул.

— Ты...

— Да, — Айра со вздохом прижалась к его груди и облегченно закрыла глаза. — Я не хочу, чтобы ты умирал. Не хочу тебя снова потерять. Не хочу, чтобы ты страдал. И не хочу, чтобы твое сердце погибло. Не уходи никуда. Пожалуйста. Я люблю тебя любим: волком, коршуном, человеком... не оставляй меня больше, Викран дер Соллен... не бросай... ты слышишь? Не уходи от нас. Пожалуйста. Оказывается, это так больно.

И он наконец, поверил. В то, что все понял правильно. В то, что не заснул. Не умер. И не слышал сейчас полубезумный бред истерзанного сомнениями разума. Наконец, он сумел тихо выдохнуть. Избавился от мучительных колебаний. Наконец, его перестало терзать дикое напряжение, и он позволил себе осторожно обнять ее за плечи. А потом с невыразимым облегчением прижался щекой к светлой макушке, коснулся губами волос, крепко зажмурился, чувствуя, как сладко замирает стремительно оживающее сердце, и неслышно шепнул:

— Не брошу. Никогда тебя не брошу. Айра... маленькое мое солнце... родная... моя

Энталле... Всевышний, как же долго я к тебе шел! И как долго бродил во тьме, не зная о том, что ты действительно существуешь!

Она только тихо вздохнула. А потом с улыбкой прижалась крепче и слабо улыбнулась, откуда-то точно зная, что теперь все будет хорошо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net